

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

На правах рукописи

Жданов Андрей Игоревич

МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В УСЛОВИЯХ АСИММЕТРИИ ФАКТОРОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель

Мухаев Рашид Тазитдинович,
доктор политических наук, профессор

Москва – 2026

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Теоретико-методологические основы анализа устойчивости политических режимов в условиях новых факторов революционной дестабилизации.....	26
1.1 Политический режим – механизм консолидации общества: факторы устойчивости	26
1.2 Революции как кризис развития: основные формы проявления политической нестабильности.....	36
1.3 Платформенные факторы дестабилизации политических режимов	44
Глава 2 Количественный анализ факторов революционной дестабилизации в режимном контексте	58
1.1 Экономические факторы революций и стабильность политических режимов.....	58
2.2 Переменчивость социально-культурных факторов в зависимости от типа политического режима.....	96
2.3 Политические факторы революционной дестабилизации и их асимметрия в разных режимных типах	137
2.4 Цифровые факторы революционной дестабилизации	179
Глава 3 Модели устойчивости политических режимов	192
3.1 Суммаризация факторов революционной дестабилизации в разрезах политических режимов	192
3.2 Модель устойчивости демократического политического режима	198
3.3 Модель устойчивости переходных режимных типов	200
3.4 Модель устойчивости автократий.....	202
Заключение	206

Список литературы	216
Приложение А Список революционных эпизодов с 1950 г., используемых в качестве независимой переменной	241
Приложение Б Факторы революционной дестабилизации и отражение их влияния на революции в количественных исследованиях..	266

Введение

Актуальность темы исследования. В целом, XXI век ознаменовался новым всплеском роста социально-политической нестабильности и повышением частоты возникновения таких специфических форм её проявления, как революции. Хотя в конце XX века большинство западных экспертов были согласны с доктриной Френсиса Фукуямы о «конце истории» [69; 120; 159; 184], которая гласила, что с торжеством либеральной демократии, крушением Восточного Блока и распадом СССР человечество ждёт постепенное затухание всех проявлений внутри- и межгосударственной нестабильности. Несмотря на «пики» и «провалы» исторического развития, все государства рано или поздно придут к утверждению принципов либерализма, космополитизма и гуманизма. В результате укоренения этих ценностей наступит эпоха, когда у людей не будет поводов для выражения гнева, фрустрации или недовольства посредством гражданских конфликтов, войн или революций.

Казалось, что после «бархатных революций» 90-х годов XX века рост глобальной экономики и экспорт демократических ценностей должны были исключить возникновение социально-политической напряжённости, являющейся основным фактором революционной активности, а революционная активность пойдёт на спад по всему миру. Кроме того, аргументом в пользу идеи о постепенном «затухании» революционных всплесков стало распространение консолидированных демократий, число которых с 1985 по 2005 годы удвоилось и которые, согласно мнению большинства экспертов, практически гарантируют отсутствие революционной активности [82, с. 32]. Данная точка зрения постулировалась Джефом Гудвиным, который в 2003 году написал: «[появившаяся во всём мире] избирательная урна стала гробом для революций» [96, с. 67].

Однако существующая политическая реальность XXI века вступила в противоречие с данными концепциями. Социальные противоречия,

глобальная борьба между различными идеологическими и ценностными проектами, режимные трансформации и центробежные тенденции внутри политических систем, как основные драйверы социально-политической турбулентности не только не исчезли, но и значительно обострились, что обуславливает рост частоты возникновения таких форм социальной динамики, как революции, а число устойчивых демократий впервые за долгое время начало снижаться.

Новый виток революционной активности, наблюдаемый в XXI веке, представляет собой множество потенциальных угроз, что обуславливает необходимость изучения, как революций самих по себе, так и специфических моделей устойчивости к ним разных политических режимов.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов.

Во-первых, революционное преобразование политических режимов, государств и целых континентов как тип трансформаций обладает спецификой. В отличие от других форм социальной динамики (таких, как реформы, транзиты и тому подобное), революции, как правило, происходят стремительно, неожиданно и неконтролируемо. Они также часто являются причинами развития ещё более масштабных социальных катаклизмов – гражданских войн, сепаратистских движений, разрушений государств и так далее. Революции представляют собой форму имплементации политических изменений, которая видоизменяется и постоянно подстраивается под социальную среду, что обуславливает столь широкий набор типов революций – социальные, религиозные, национально-освободительные и так далее [142, с. 2].

Во-вторых, именно в двадцатом и двадцать первом веках произошло кратное усиление степени участия общества в разнообразных политических процессах, в том числе революционного типа. Вследствие чего, с одной стороны, количество всплесков революционного насилия значительно возросло, а с другой расширилась их география, которая стала охватывать не только страны Евроатлантического региона, но также весь земной шар:

Африку, Ближний Восток, Азию и Латинскую Америку. Несмотря на заверения многих экспертов, двадцать первый век демонстрирует дальнейший рост революционной динамики. Несмотря на непродолжительный спад революционной активности в девяностых и первой половине двухтысячных годов по всему мир стал фиксироваться рост не только числа революций, но и также их продолжительность. Так, согласно исследованию, Марка Бессенжера в среднем с тысяча девятисотого года по тысяча девятьсот сорок девятый год во всем мире происходило 6,6 революционных эпизодов в год (максимум двадцать один и минимум один), в период с середины двадцатого века по тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый год в среднем происходило 22,5 революций в год (максимум тридцать три и минимум восемь), в свою очередь с тысяча девятьсот восемьдесят пятого года по две тысячи четырнадцатый год в среднем происходило 30,4 революционных эпизода в год (максимум пятьдесят два и минимум пятнадцать) [57, с. 59].

Иными словами, революционная активность в мире продолжает бить все рекорды в форме всё новых и новых революционных волн (или циклов): «цветные революции», которые выглядят как 4 бугра с пиками. Арабскую весну и ее «эхо» — эта волна достигла пика в две тысячи одиннадцатом, за которым последовало небольшое высокое плато, характеризующее высокую революционную активность в разных частях Мир-Системы вне волны; и новую революционную волну, начавшуюся в две тысячи восемнадцатом и продолжающуюся до сих пор [37]. Указанные причины позволили Джеку Голдстоуну заявить, что мы живём в «новую эпоху революций» [107].

В-третьих, отличительной особенностью новой революционной волны является широкое использование цифровых технологий. Так, в двадцатых годах по всему миру фиксируется множество революционных эпизодов, где ключевую роль играла координация до этого аполитичного поколения («зумеров») родившихся в двадцать первом веке в условиях всестороннего распространения социальных сетей. Вследствие этого события в Бангладеш, Непале, Мадагаскаре, Того, Марокко и других странах стали называть

«революциями зумеров». Таким образом, основной спецификой политической нестабильности двадцать первого века стало широкое использование новых информационных технологий и выход на политической сцену первого поколения, которое с самого рождения воспитывалось и проходило социализацию (в том числе политическую) в условиях наступившей цифровой эпохи.

В-четвертых, фиксируется рост числа «нетипичных» революционных событий. Среди них революционные движения без революций (*Revolutionary Movement Without Revolution*), которые начинают затрагивать и демократические политические режимы [57, с. 59-62; 65; 135]. Этот факт ставит под сомнение нарратив о том, что либеральные демократии «застрахованы» от любых форм революционной активности. Все предыдущие интерпретации революционных событий исходили из этой предпосылки. Однако цифровые платформы, как детерминанты революций в XXI века, становятся триггерами центробежных тенденций во всех политических режимах. Следовательно, революционная парадигма прошлого устарела и потеряла способность прогнозировать возникновение ситуации революционной дестабилизации и объяснять структуру механизма реагирования разных типов режима на комбинацию революционных факторов и вызовов [114].

Условно все революционные факторы можно разделить на «традиционные», (экономические, социальные и политические), которые были выделены четырьмя поколениями революционной дестабилизации и «цифровые» - принципиально новые предикторы революций, возникшие в двадцать первом веке с развитием цифровой эпохи. Исследование влияния структуры экономики, общества и политических событий с наступлением двадцать первого века переживает существенный кризис смыслов, так как отсутствие устойчивых моделей влияния каждого фактора на отдельные политические режимы привело к противоречивости и рассогласованности революционных теорий четвёртого поколения. Что касается цифровых

факторов – они на данном этапе развития политической науки малоизучены, ввиду их новизны [16; 131; 136].

Таким образом, актуальность исследования заключается, во-первых, в повышении социально-политической напряжённости и росте числа разнообразных конфликтов, наблюдаемых в двадцать первом веке; во-вторых, возникновении новых революционных волн и эскалации современных революционных конфликтов; в-третьих, в появлении новых «цифровых» революций, ставших возможными благодаря широкому развитию информационных технологий; в-четвёртых, в неспособности имеющихся политологических теорий сформировать робастные модели устойчивости политических режимов к революциям и их новым факторам.

Степень разработанности темы исследования. Изучение особенностей воздействия различных факторов революционной дестабилизации на те или иные политические режимы нашло отражение в работах российских и зарубежных ученых, сформировавших четыре поколения теорий революции.

На протяжении всей истории существования современной политической науки политологи пытались решить эту проблему, стараясь выявить факторы и причины возникновения революций, что отражено в четырех поколениях теорий революций. Однако перед их рассмотрением также необходимо упомянуть так называемое «нулевое» поколение [108] представленное такими теоретиками как Т. Бэйли [53], А. де Токвиль [188], Г. Йиман [207] и Дж. Кларк [75], заложивших основы теории революции. Еще до первого поколения революций выкристаллизовался и вполне оригинальный марксистский подход к теории революции [24; 88; 144; 152; 190]. Таким образом, в XIX веке уже было сформировано поколение теорий революции, предшествовавшее первому поколению [40].

В качестве основного революционного фактора «нулевое» поколение рассматривало классовую борьбу и экономическую трансформацию общества XIX века, переходящего от аграрного производства к индустриальному.

Соответственно, модель устойчивой политической системы подразумевала нивелирование классовых противоречий и интеграцию новых экономических акторов в существующую политическую систему путём, с одной стороны, расширения парламентского участия, а с другой установления социальных гарантий, что было успешно имплементировано в Англии и Германии.

К *первому поколению* современных теорий революций принято относить работы таких теоретиков как П. Сорокин [186], Н. Бердяев [4], Д. Петти [166], К. Бринтон [65] и другие. В рамках данного поколения были предприняты систематические попытки (зачастую достаточно удачные) выявить типичные фазы революционного процесса, а также рассматривались социально-психологические аспекты революций. В качестве движущих сил революций также отмечается крайнее недовольство экономическим или идеологическим положением в государстве [161].

Устойчивый политический режим, в данном случае, должен вовремя детектировать симптомы нарастающего революционного недовольства и обеспечивать ценностное и идеологическое единство общества и элит, сохраняя лояльность государству со стороны всех политических акторов

Подходы первого поколения имеют два основных недостатка, критикуемые современными исследователями. Первый вытекает из парсоновского прочтения социального порядка, согласно которому революции считаются отклонениями от стандартных условий системного равновесия. Второй слабостью теоретиков первого поколения, в частности, К. Бринтона, является его предположение, что все революции или, по крайней мере, все «великие революции» следуют одной и той же последовательности: симптомы, судороги, лихорадка, бред и выздоровление. Данный подход, делая основной упор на заведомую обусловленность хода революционных процессов, игнорирует их причинные конфигурации и альтернативные пути развития [145, с. 49].

Второе поколение теорий революции было ориентировано на поиск причин революций с помощью психологических (когнитивная психология),

функциональных (рассмотрение революций как дисбаланс или нарушение функционирования общества как системы), а также организационных теорий – революции как политические движения против действующих режимов, либо политическая борьба [108]. Теоретиками данного поколения обычно рассматриваются такие социальные учёные как Ч. Джонсон [127], Д. Дэвис [80], Т. Гурр [117], Н. Смелзер [182], С. Хантингтон [123], Ч. Тилли [108] и другие. Теория фрустрации, разработанная в рамках третьего поколения, позволила выявить роль завышенных ожиданий в рамках революционной дестабилизации в странах «третьего мира», возникающих в процессе модернизации [92]. В качестве одного из значимых достижений данного поколения следует выделить типологизацию моделей дестабилизации в режимы «центрального коллапса» и «наступления с периферии» [123]. Тед Гурр переосмыслил этот процесс как «относительную депривацию» – разрыв между тем, что люди ожидали получить, и тем, что они фактически получили [117, с. 52; 112].

Соответственно, согласно второму поколению теоретиков, модель устойчивости к революционной дестабилизации предполагает сдерживание чересчур форсированной модернизации и сохранение баланса между теми потребностями, которые политическая система может удовлетворить, и ожиданиями индивидов.

В то же время, по мнению Чарльза Тилли, наблюдаемая политическая реальность противоречила модернизационной теории революции. Модернизация сама по себе не имеет гарантированной связи с революцией. Революции происходили в промышленно развитых государствах (например, революции 1989 года в Восточной и Центральной Европе), бедных, преимущественно сельских странах (например, Ангола, Афганистан, Китай) и государствах со средним уровнем дохода, например, Куба, Египет [145, с. 50–51]. Род Айя эффектно резюмирует этот недостаток: *«Недовольство не объясняет революции, как кислород не объясняет пожары»* [48, с. 23].

Третье поколение теорий революций представлено работами Ш. Эйзенштадта, Дж. Пейдж, Т. Скокпол и К. Э. Тримбергера [87; 164; 181; 189]. Если в предыдущих поколениях роль элит связывалась с негибкостью правящих режимов как фактора революционной дестабилизации или распадом отдельных сегментов элиты, то в третьем поколении впервые систематически обращается внимание на демографические факторы в модели поведения элит [108]. В этот же период сформулирована концепция «молодёжного бугра» как предиктора революции [109].

Теоретики третьего поколения пытались развивать идеи второго поколения, устраняя его недостатки, ориентируясь на изучение структурных причин революционных событий. Революции происходили, добивались успеха или терпели неудачу в зависимости от реакции буржуазии и крестьянства на коммерциализацию сельского хозяйства [158], роли «середняков» в превращении местных форм волнений в революционные восстания [200] и государственного кризиса, возникающего в результате международных конфликтов и раскола элит [183], а также демографических изменений, которые дестабилизировали социальные порядки, оказывая давление на государственный бюджет, тем самым ослабляя легитимность правительства и порождая новые формы внутриэлитной конкуренции [106]. Теоретики третьего поколения были склонны включать в свои расчеты международные факторы – неравномерное капиталистическое развитие, военные конфликты и модели миграции. В целом, согласно третьему поколению, правильное сочетание международных и внутренних факторов служит непосредственной причиной революции.

Модель устойчивости режимов к революциям, согласно третьему поколению революционных концепций, подразумевает, в первую очередь, сдерживание «молодёжного бугра» и более пристальное внимание к экономическому положению молодёжи в целом и её потребностям, нуждам и занятости, в частности. А также недопущение инспирации и экспорта революций из-за рубежа.

Главным недостатком теорий революции третьего поколения был тот факт, что их сторонники не могли объяснить, как и почему революции происходили в неблагоприятных условиях и почему они не происходили в соответствующих структурных условиях. Как заметил Джон Форан, при объяснении реальных случаев революции политические акторы, случайность, политическая культура, идеология, ценности и убеждения *«проскользнули через черный ход»* структурных теорий [95, с. 12]. Тем самым, «провалом» теорий революций третьего поколения является рассмотрение революций вне контекста, который, в свою очередь, дает целый пул факторов, не относящихся к «структурным», однако при этом влияющим на риски разворачивания революционных процессов. В результате анализ революций, основанный на необходимости объяснить многофакторные революции в Иране, Никарагуа и Афганистане, возникшие, по крайней мере частично, под влиянием религиозных чувств, пробудил интерес к тому, как идеология, политическая культура и тип режима формируют революционные настроения. Этот и другие недостатки позволили не только критикам, но и её создателям констатировать, что доминированию теории революции третьего поколения пришел конец [110, с. 175–176].

Одной из особенностей **четвёртого поколения** революций, с одной стороны, является широкое использование современных методов количественного анализа на накопленной, начиная с 1900 года, выборке казусов революционной активности, а с другой пересмотр структурно-демографической концепции. Учёные четвертого поколения рассматривают революции как конъюнктурную смесь системного кризиса, структурных сдвигов и коллективных действий, которые возникают в результате пересечения международных, экономических, политических и символических факторов [110; 165; 173; 179]. Исследования четвертого поколения обладают перечнем преимуществ по сравнению с предыдущими поколениями. Во-первых, признается, что революции происходят при конвергенции факторов. Во-вторых, многие подходы четвертого поколения подчеркивают

международные особенности революционных изменений: от вопросов зависимого развития до влияния межгосударственных конфликтов [145, с. 53].

Наконец, четвертое поколение существенно расширяет перечень факторов, повышающих риски революционной дестабилизации, и рассматривает революцию как продукт воздействия нескольких типов движущих сил - политических, экономических, социальных, международных и так далее. По мнению теоретиков четвёртого поколения, революция практически всегда является следствием пересечения нескольких обстоятельств, однако подходы четвёртого поколения теорий революций подвергаются критике со стороны политологического сообщества из-за множества недостатков [145, с. 53; 170]. Добавление всё новых и новых факторов в статистические модели, в конце концов привело, к тому, что получаемые выводы у разных исследователей стали противоречить друг другу, в результате чего и возник изучаемый в рамках текущего исследования феномен асимметрии революционных факторов [131; 134].

Вследствие этого робастная модель устойчивости политических режимов к революционной дестабилизации, в рамках четвёртого поколения так и не была разработана, вследствие противоречивости выводов и образовавшейся из-за этого асимметрии факторов революционной дестабилизации, то есть множества казусов, когда одни и те же революционные факторы в разных исследованиях демонстрируют противоположное влияние на вероятность революционной дестабилизации.

Иными словами, из-за нюансов методологии, подходов, изъянов концептуального анализа и принципов построения статистических моделей конечные результаты у разных исследователей начали конфликтовать друг с другом. Чарльз Курцман назвал эту проблему *«многомерным конъюнктурализмом»* [113, с. 117]. В результате выводы, полученные в рамках четвёртого поколения теорий революции, часто зависят от исходных предпосылок той школы, в рамках которой исследователь стремится «запечатлеть» феномен революции или отдельного революционного фактора.

Противоречивость результатов статистических тестов, оценивающих факторы революций в рамках четвёртого поколения отмечается при исследовании влияние ВВП на душу населения на вероятность возникновения революции [45; 103; 131], нефтяного экспорта [57; 74; 128; 129; 180; 202], объёма импорта [26; 68; 103], инфляции [30; 36; 70], неравенства [60], уровня образования [26; 31; 57; 60; 68; 70; 74; 86], выборов [68; 70; 132] и многих других социально-экономических факторов.

Произошедшая в XXI веке цифровая трансформация общества также повлияла на революции и формы их проявления, что нашло отражение в концепции *«цифровой революции»*. Так, прорывы в области информационных технологий не только представляют собой научное-экономические достижения, но и предвещают новый исторический этап, превосходящий промышленную революцию, и приводят к значительным социально-политическим сдвигам [108; 208, с. 14]. В результате чего многие исследователи к «традиционным» революционным факторам начали добавлять цифровые – степень проникновения интернет-технологий, вовлечённость индивидов в использование социальных сетей и иных цифровых площадок, общая цифровизация и возникшее вследствие неё повышение интенсивности коммуникаций и так далее [99; 176; 201]. Однако эти факторы, вследствие их новизны, не были протестированы посредством количественного анализа, из-за чего данные факторы, несмотря на их значимость, не учитываются в моделях устойчивости политических режимов к революциям, разработанных в рамках 4-го поколения.

Что касается отечественной науки, изучение революций и революционных процессов, с одной стороны проводилось под влиянием марксистской школы политического анализа, а с другой – сосредотачивалось на «великих» революциях, в особенности на изучении Октябрьской революции 1917 года. Особенно можно выделить вклад таких исследователей как Соколов В. Ю., [35] Чадайкин Г.Н. [38], Кудинова Н.Т. [23], Асадуллаев И.К. [3], Булдаков В.П. [6] и другие. Более современные

исследования революционных процессов изучали в основном отдельные проявления или «кейсы» революций, сосредоточившись на постсоветском пространстве и анализируя в большинстве случаев экзогенные революционные факторы – Никифоров А.А., [28] Бочанов М.А., [5] Смирнов Д.Н. [34] Значимый вклад в изучение процессов революционной дестабилизации внёс Коротаев А.В., сформировав самобытную научную школу по изучению социально-политической нестабильности [20]. Одним из недостатков данных исследований является, с одной стороны «точечное» изучение отдельных проявлений революционной активности, а не комплексный анализ феномена революций как таковых, а с другой рассмотрение революций в историческом и философском, а не политологическом контексте.

В то же время, отдельными исследователями выдвигалось предположение, что наиболее важным предиктором революционной дестабилизации является тип политического режима и он же может объяснить переменчивость влияния социальных, экономических и других факторов на вероятность революционной дестабилизации. В данном случае, под переменчивостью понимается смена направления влияния того или иного фактора революционной дестабилизации в зависимости от типа режима, в котором возникает революция, – то есть асимметрия влияния различных факторов революции [45, с. 8; 97, с. 721; 105; 117; 128, с. 24-27].

Так, в недемократических государствах существуют специфические способы удержания власти и контроля общественного мнения, соответственно, причины, приводящие к дестабилизации подобных режимов, также обладают своими уникальными особенностями [145, с. 75-76]. То же самое касается демократий – магистральный путь деконсолидации (то есть разрушения вследствие революционных процессов) демократических режимов также обладает специфическими чертами, что отличает его от сценариев революционного краха авторитарных государств [134]. Вследствие чего одни и те же социальные процессы или явления могут совершенно по-

разному влиять на устойчивость демократий и автократий. Тем самым, возможным частичным решением проблемы противоречивости четвёртого поколения теорий революции, является рассмотрение факторов социально-политической дестабилизации в режимном контексте.

Противоречивость статистических выводов четвёртого поколения революционных теорий способствует снижению предсказательной способности современной политической науки в сфере прогнозирования рисков революционной дестабилизации. Необходимость разрешения указанных противоречий, объяснения переменчивости результатов статистических тестов и совершенствования теорий революции (с исследованием «цифровых» революций) для повышения качества научной экспертизы рисков социально-политической дестабилизации обуславливает *научно-теоретическую актуальность исследования.*

Таким образом, анализ научной литературы, посвященной теме исследования свидетельствует о том, что проблема построения устойчивых моделей подверженности разных политических режимов революционной активности является актуальной как с теоретической, так и с практической точки зрения. Одновременно с расширением географии распространения революций увеличилась номенклатура факторов революционной дестабилизации, описываемых в современных политологических исследованиях. Несмотря на значительный научный задел и сформированные концептуальные основания исследований причин возникновения революций существует *научно-исследовательская проблема*, заключающаяся в противоречивости современных политологических концепций, разработанных в рамках четвёртого поколения теорий революции, и недостатке имеющегося на сегодняшний день теоретического и эмпирического знания для построения моделей устойчивости разных политических режимов к возникновению революций в новую цифровую эпоху. Восполнению указанной лакуны в научном знании посвящена данная диссертационная работа.

Соответственно, исследовательский вопрос – как отличаются модели устойчивости политических режимов к революционной дестабилизации?

Объектом исследования является политическая реальность, которая складывается в условиях кризиса политического развития, ставшего следствием действия асимметрии факторов революционной дестабилизации.

Предметом исследования выступают модели устойчивости политических режимов как комбинации институциональных, процедурных и когнитивных факторов, образующих механизм превенции и купирования ситуации революционной дестабилизации и достижения динамического равновесия.

Область исследования соответствует п. 4. «Механизмы и технологии традиционной и цифровой политики: формы и уровни организации» и п. 17. «Политические изменения и развитие. Политические реформы и революции» Паспорта научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Цель исследования разработка моделей устойчивости в разных типах политических режимов, способных обеспечивать целостность общества и его стабильное развитие в условиях действия асимметрии факторов революционной дестабилизации.

Реализация данной цели требует разрешения следующих **задач**:

- а) произвести парадигмальную инвентаризацию политических режимов в контексте их устойчивости к воздействию факторов революционной дестабилизации;
- б) обновить понятийно-категориальный аппарат для релевантного обоснования выборки кейсов революционной дестабилизации в целях проведения количественного исследования;
- с) произвести критический анализ исследований факторов революционной дестабилизации, конкретизировав перечень социальных, экономических, политических и цифровых индикаторов, которые формируют структуру детерминант разворачивания революционных процессов;

d) критически переосмыслить роль факторов революционной дестабилизации, формировавших асимметрию в предыдущих количественных исследованиях;

e) добавить в статистические модели «цифровые» факторы для анализа новых революционных тенденций XXI века;

f) выявить тенденции устойчивости политических режимов к предикторам революционной дестабилизации посредством количественного анализа;

g) обосновать переменчивость и асимметрию направления влияния тех или иных факторов при изменении политического режима;

h) произвести классификацию групп факторов революций по их воздействию на дестабилизацию разных политических режимов и на этой основе выстроить робастные модели устойчивости политических режимов к возникновению революций.

Гипотеза исследования заключается в допущении, что тип политического режима способен выступать механизмом купирования факторов революционной дестабилизации через конструирование эффективной стратегии, определяющей их направление и интенсивность развития. Механизм политического управления, специфика его реагирования на вызовы и общественные запросы, а также пути легитимизации политического господства формируют для каждого политического режима уникальные точки уязвимости. Они обуславливают разнонаправленное влияние одних и тех же факторов революционной дестабилизации на вероятность разворачивания деструктивных процессов в разных типах политических режимов. Тем самым, указанная асимметрия факторов революционной дестабилизации формирует различающиеся модели устойчивости политических режимов.

Методологию и методы исследования образуют совокупность общенаучных методов познания: а) индукция для обобщения результатов количественных исследований; б) системный метод для исследования

специфики политических режимов; в) структурно-функциональный для построения моделей устойчивости политических режимов к революционным факторам; специфических методов политологического анализа: а) функциональный подход для определения значимости влияния того или иного фактора на вероятность революционной дестабилизации в разных политических режимах; б) компаративистский подход - для анализа, сопоставления и классификации факторов революционной дестабилизации в различных моделях устойчивости к ним; специфических методов количественного анализа. В качестве инструментария для разработки моделей устойчивости политических режимов применялись следующие технологии:

а) Язык программирования «Python» и сопутствующие библиотеки сбора, статистической обработки и анализа больших данных.

б) Язык программирования «R» и библиотеки математического моделирования.

Теоретическую основу исследования составляет современная теория революций, разработанная в рамках исследований, как зарубежных (Дж. Голдстоун, М. Бейссинджер и другие), так и отечественных авторов (А.В. Коротаев) [103; 134; 151].

Помимо этого, автор опирается на количественные исследования революционных факторов, произведённые в XXI веке, среди которых можно выделить работы Х. Альбрехта и К. Кехлера [45], М. Бесансон [60], Ч. Батчера и И. Свенсона [68], Р. Чинкотты и Х. Вебера [74], К. Гледича и М. Риверы [104] и других.

Эмпирическую базу исследования составляет база данных революционных событий, сформированная на основе агрегации датасета Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes 1.3 [71], выборки революционных событий, собранной Марком Бессенджером [57] и базы данных Центра изучения стабильности и рисков [31; 115; 167]. Тем самым, сформированные данные о насильственных и ненасильственных революциях представляют собой зависимую переменную при проведении статистического

анализа. Для анализа отобраны данные о революциях и социально-экономических индикаторах (факторов революции), начиная с 1950 г. Полный перечень приведён в приложении А.

Тип режима определяется на основе данных, предоставляемых V-dem [77] и Polity V [168]. Выделение типов режима производится по Голдстоуну на основе двух показателей базы данных Polity - EXREC (*Executive Recruitment*) и PARCOMP (*Competitiveness of Political Participation*). Подробное описание кодировки EXREC и PARCOMP находится в документации к *Polity* [151]. Для операционализации независимых переменных используются различные социальные, экономические и политические индикаторы – полный перечень приведён в приложении А.

Научная новизна исследования заключается в создании моделей устойчивости политических режимов в условиях турбулентности, неопределенности и рискогенности с учетом растущей роли цифровых революционных факторов. Это определяет следующие положения научной новизны:

- а) Создан перечень революционных факторов, конгруэнтный специфичным режимным типам.
- б) Одновременно с этим выявлены революционные факторы, не оказывающие существенного влияния на вероятность революционной дестабилизации в отдельных политических режимах, то есть раскрыта специфика устойчивости политических режимов к революционным детерминантам.
- в) Найдены причины переменчивости и асимметрии факторов революционной дестабилизации с современных количественных исследованиях.
- г) Уточнены и дополнены выводы теоретиков четвёртого поколения революционных теорий путём разрешения противоречивого характера отдельных факторов.

е) Выявлены новые революционные факторы, являющиеся характерными чертами информационного общества XXI века.

ф) Предложена авторская классификация факторов революционной дестабилизации.

г) Обнаружены, теоретически описаны и оформлены в виде математической модели основные факторы, в логике которых политические режимы демонстрируют устойчивость или уязвимость к революциям.

Теоретическая и практическая значимость работы. В теоретическом отношении выводы, полученные в результате сравнительного исследования, дают понимание причин противоречивости четвёртого поколения революционных теорий. Объяснение природы переменчивости направления влияния факторов революционной дестабилизации, в результате, позволит существенно структурировать существующие знания о причинах революций и разрешить часть имеющихся противоречий в четвёртом поколении революционных теорий. Разработанный и апробированный авторский инструментарий может быть использован для дальнейшего изучения процессов революционной дестабилизации, развития теории деконсолидации современных либеральных демократий, а также расширения теоретического фундамента исследований в политических науках. Помимо этого, концептуально-методологические наработки могут быть применены для расширения перечня факторов революционной дестабилизации и построения на их основе новых теорий революций.

В практическом выражении исследование даёт объективно обоснованные, научно подтверждённые точки уязвимости политических режимов и подсвечивает основные угрозы, которые, в первую очередь, должны быть элиминированы для наиболее надёжной амортизации революционной угрозы. Основные выводы и положения работы могут найти применение в выработке эффективных механизмов государственной политики по предотвращению деструктивных тенденций, а также составлении всесторонних аналитических докладов и записок по установлению основных

факторов риска развития центробежных процессов. Тем самым, данная работа помогает не только осуществлять более эффективную политику по обеспечению устойчивости политической системы, но и даёт практическую основу для более качественной экспертизы по выявлению сиюминутных рисков увеличения общественно-политической нестабильности. Помимо этого, данная работа способствует увеличению предсказательной силы современной политической науки и предоставляет более робастные основания для прогнозирования возникновения революционных событий.

Повышение качества научной экспертизы прогнозирования рисков революционной дестабилизации, обеспечиваемое выводами и статистическими моделями, представленными в данной работе, позволяет вовремя детектировать вызовы и риски, стоящие перед современной российской политической системой. Тем самым, выводы и результаты данной работы способствуют выявлению и своевременному предотвращению рисков революционной дестабилизации в России и любой другой стране.

Положения, выносимые на защиту:

а) Современные количественные исследования факторов революционной дестабилизации отличает волатильность и переменчивость выводов относительно направления и силы воздействия одного и того же фактора на вероятность возникновения революций (С. 265-283).

б) Тип политического режима способен, как купировать революционные факторы, так и давать им дополнительный импульс, определяя их направление и интенсивность революционной дестабилизации. Вследствие этого, в разных политических режимах влияние одних и тех же экономических, социальных, политических индикаторов на вероятность революции отличается, что исключает возможность построения робастных предсказательных моделей в рамках четвёртого поколения революционных теорий (С. 35-36; 192-196).

с) Модель устойчивости демократических политических режимов обусловлена, в первую очередь, комбинацией политических и экономических

факторов, где первые - связаны с политической ответственностью элит и общества, выраженные в умеренных показателях коррупции и политической поляризации, а вторые - создают условия для укрепления и расширения среднего класса, как социальной опоры демократии (С. 198-200).

d) Переходные политические режимы (анократии) представляют собой наименее устойчивый режимный тип, поскольку для купирования революционной активности им необходимо наибольшее число благоприятных факторов. В первую очередь, их стабильность обеспечивается недопущением конвергенции политических факторов в революционный слом институтов под влиянием центробежных тенденций. Среди них самыми важными являются революционная диффузия, толерантность к насилию, электоральные кризисы и цифровизации политических коммуникаций в обществе. Стабилизируются анократии благодаря взвешенное монетарной политике и притоку внешних инвестиций (С. 200-202).

e) Модель устойчивости автократий во многом схожа с моделью переходных политических режимов, однако она в большей степени детерминирована комбинацией политических и социальных индикаторов. Несмотря на тот факт, что между этими двумя режимными типами существует схожесть в стратегиях амортизации революционных факторов (в первую очередь это касается революционной диффузии, толерантности к насилию, притока инвестиций), автократии в большей степени зависят от общественно-экономических структур, где главная революционная угроза исходит со стороны форсированной модернизации и перестройки общества, которое, удовлетворив основные «экономические» потребности, переходит к артикуляции политических требований. «Страховкой» от революции в недемократических режимах является государственное регулирование экономики и контроль за добычей полезных ископаемых для недопущения волатильности экономической динамики (С. 202-205).

f) В XXI веке сформировался новый перечень факторов революционной дестабилизации, связанных с развитием информационного

общества. В первую очередь это: уровень распространённости интернета, проникновение социальных сетей в повседневную жизнь индивидов, степень доверия информации, полученной из интернета в обществе, и общий уровень цифровой глобализации. Новые «цифровые» факторы значительно изменяют конфигурации моделей устойчивости политических режимов, создавая новые точки уязвимости и дополнительные очаги напряжённости внутри всех типов политических режимов (С. 48-57; 179-191).

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Результаты и основные положения диссертации обладают подтвержденной степенью достоверности. Используемые им методы научного исследования являются объективными и логичными. Автором корректно использованы исходные данные справочных источников, специальной научной литературы, эмпирических данных.

Основные результаты диссертационного исследования обсуждались в докладах и выступлениях на следующих конференциях: на 59-й Международной научной конференции «Наука и современность» (Москва, ЕНО 20 января 2020 г.); на Апрельских тезисах (г. Пермь, ПГНИУ, 2-3 апреля 2021 г.); на XXXV Плехановских чтениях (Москва, РЭУ им. Г.В. Плеханова 21 марта 2023 г.

Результаты диссертационного исследования используются в практической деятельности Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, в том числе в рамках реализации проекта «Государственная устойчивость и национальная безопасность России в условиях трансформации мирового порядка» (HSE-BR-2025-48), выполняемого в рамках программы фундаментальных исследований Национального Исследовательского Университета «Высшая Школа Экономики».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения диссертации отражены в 17 публикациях, общим объёмом 30 п.л. (авторский объём 13,1 п.л.), из

которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России 7 работ, общим объёмом 11,3 п.л. (авторский объём 5,8 п.л.), опубликованы в международной цитатно-аналитической базе Scopus 5 работ (1 статья в изданиях Q1, 3 статьи в изданиях Q3, 1 статья в издании Q4) общим объёмом 9,6 п.л. (авторский объём 3,1 п.л.).

Структура и объём диссертации обусловлены целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, включающего 213 наименований, 2 приложений. Текст диссертации изложен на 284 страницах, содержит 64 рисунка и 11 таблиц.

Глава 1

Теоретико-методологические основы анализа устойчивости политических режимов в условиях новых факторов революционной дестабилизации

1.1 Политический режим – механизм консолидации общества: факторы устойчивости

Одним из решений проблемы асимметрии (переменчивости) факторов революционной дестабилизации, с которой столкнулись исследователи четвертого поколения теорий революции, является анализ факторов революционной дестабилизации в режимном контексте. Согласно многим исследователям феномена революции, тип политического режима является основополагающим предиктором, влияющим на вероятность возникновения революций [57, с. 16-108; 70, с. 308; 97, с. 721; 130, с. 8]. Отдельные политические ученые постулировали, что тип режима определяет вероятность не только возникновения революции, но и её успех [45, с. 8].

Современная политическая наука подразделяет все политические режимы на демократии, автократии и анократии - переходные политические режимы, однако для достижения целей данного исследования необходима более подробная типологизация [138]. Вследствие чего в данном исследовании типы режима выделяются на основе классификации Джека Голдстоуна, который, используя две шкалы Polity V (EXREC и PARCOMP), выделил пять типов политических режимов [105, с. 196; 168]. EXREC (*Executive Recruitment Concept*) – индикатор Polity V, классифицирующий государства, в зависимости от способа прихода к власти высшего должностного лица, PARCOMP (*The Competitiveness of Participation*) – индикатор Polity V, классифицирующий государства, в зависимости от уровня политической конкуренции:

а) Полная автократия (*Full Autocracy*). Этот тип режима представляет собой систему, которая сочетает в себе отсутствие эффективной конкуренции за пост главного должностного лица с репрессивным подавлением политического участия. В эту категорию входят однопартийные государства, абсолютистские монархии и авторитарные диктатуры.

б) Частичная автократия (*Partial Autocracy*). Этот тип режима представляет собой систему, которая проводит конкурентные выборы на некоторые общенациональные посты, но подавляет, жестко контролирует или вовсе не допускает конкуренцию в борьбе за пост главного должностного лица.

в) Фракционная демократия (*Partial Democracy with factionalism*). Этот тип политического режима аналогичен частичной демократии, но для таких режимов также характерна фракционность – то есть «модель резко поляризованной и бескомпромиссной конкуренции между блоками, преследующими узкие интересы».

г) Частичная демократия (*Partial Democracy*). В этом типе политического режима главное должностное лицо избирается путем конкурентных выборов, а политическая конкуренция эффективно не подавляется, однако либо выборы не являются полностью свободными и справедливыми, либо политическое участие не является полностью открытым и устоявшимся.

е) Полная демократия (*Full Democracy*). Данный политический режим сочетает в себе свободные и справедливые выборы с открытым и хорошо институционализированным политическим участием.

Более подробную стратификация типов режима по Голдстоуну в таблице 1.

Таблица 1 - Схема определения типа режима по Голдстоуну

	Конкурентоспособность политического участия (PARCOMP)					
Способ прихода к власти главного должностного лица (EXREC)	Полностью подавляется	Ограничивается	Не регулируется	Фракционализм	Промежуточный тип	Полная конкурентность
Аскрипция (по праву рождения)	-	-	-	-	-	-
Сочетание аскрипции и назначения	-	-	-	-	-	-
Назначение (через неформальное соревнование среди элиты)	-	-	-	-	-	-
Самоизбрание (через захват власти)	-	-	-	-	--	-
Промежуточный тип между самоизбранием и выборами	-	-	-	-	-	-
Сочетание аскрипций и выборов	-	-	-	-	-	-
Переходные или ограниченные выборы	-	-	-	-	-	-
Конкурентные выборы	-	-	-	-	-	
Условные обозначения: - белая заливка = полная автократия (<i>Full Autocracy</i>) - светло-серая заливка = частичная автократия (<i>Partial Autocracy</i>) - темно-серая заливка = фракционная демократия (<i>Partial Democracy factionalism</i>) - серая заливка = частичная демократия (<i>Partial Democracy</i>) - черная заливка = полная демократия (<i>Full Democracy</i>)						

Источник: [105; 168].

Для дополнительной проверки устойчивости статистических моделей (*Robustness check*) также используется типологизация политических режимов по V-Dem [198]:

а) Закрытая автократия (*Closed Autocracy*) – отсутствуют многопартийные выборы главы исполнительной власти или законодательного органа.

b) Электоральная автократия (*Electoral Autocracy*) - де-юре имеют место многопартийные выборы главы исполнительной власти и законодательного органа, но не удается добиться, чтобы выборы были свободными и справедливыми, или де-факто многопартийными.

c) Электоральная демократия (*Electoral democracy*) – наблюдаются фактически свободные и справедливые многопартийные выборы, но не гарантируются на должном уровне доступ к правосудию, его прозрачность, уважение личных свобод, верховенство закона и принцип разделения властей.

d) Либеральная демократия (*Liberal Democracy*) - Гарантируются фактически свободные и справедливые многопартийные выборы, а также доступ к правосудию, его прозрачность, уважение личных свобод, верховенство закона и принцип разделения властей.

На рубеже XX-XXI веков исследователи, разрабатывавшие свои концепции в парадигме «конца истории» и торжества либеральных демократий по всему миру утверждали, что консолидированные демократии («полные» в терминологии Д. Голдстоуна и «либеральные» согласно V-dem) способны полностью элиминировать революционную угрозу. Согласно данному представлению, во-первых, в консолидированных демократиях происходит регулярная и цивилизованная смена власти, в соответствии с наиболее актуальными запросами широких общественных масс, что делает бессмысленным риск участия в нелегитимных попытках свержения правительства. Во-вторых, консолидированная демократия отличается развитой гражданской культурой, включающей в себя, помимо прочего, склонность к компромиссам и высокую лояльность демократическому устройству у индивидов, что также снижает вероятность их участия в попытках революционного переустройства демократической политической системы. В-третьих, в консолидированной демократии важную роль играют процедуры и следование формальной легитимности [111; 117].

С другой стороны, работы, посвящённые революционной дестабилизации авторитарных режимов, изобилуют воззрениями о том, что

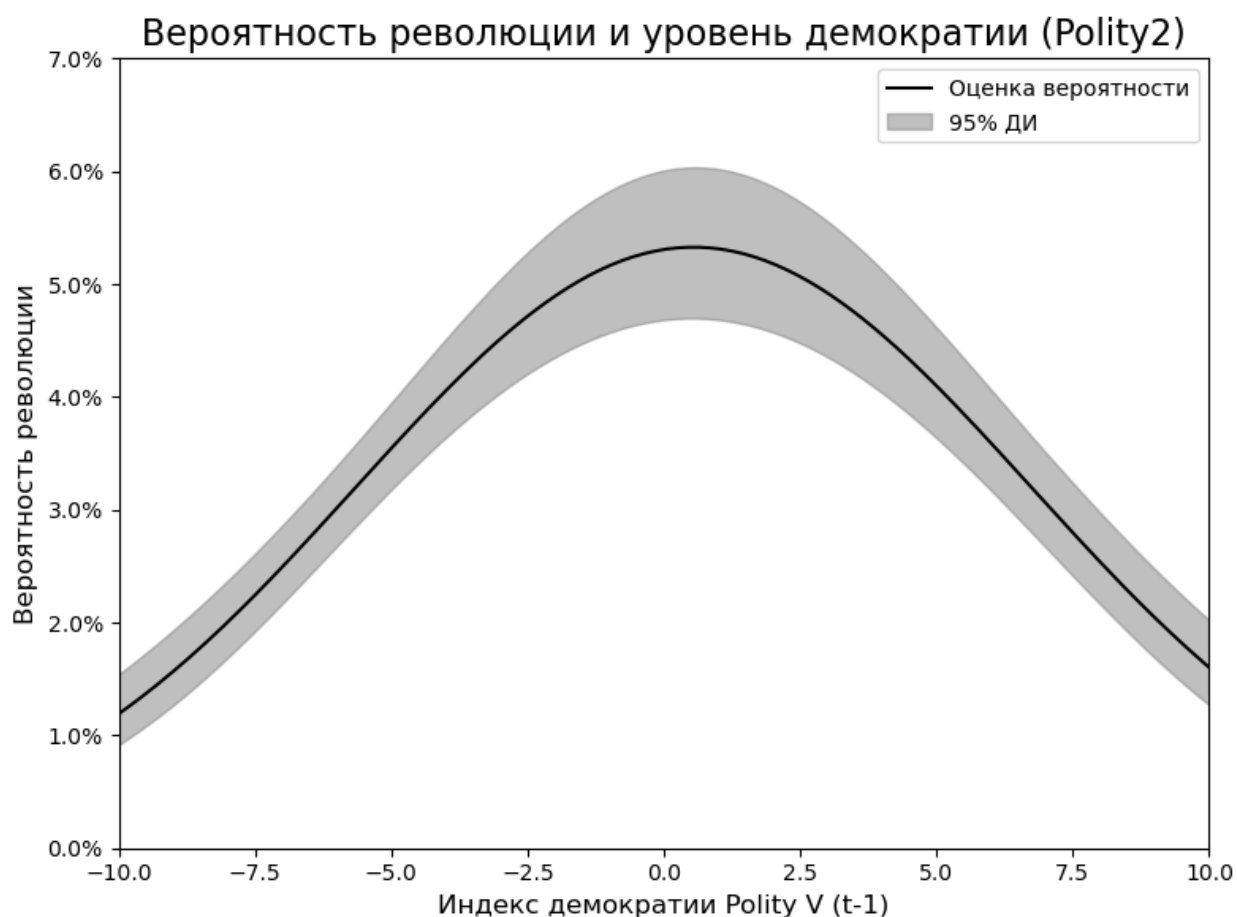
авторитарные режимы, в силу своей специфики являются в большей степени подверженными революционной дестабилизации, чем демократии. В данном случае режимный контекст выступает катализатором недовольства социально-экономическим положением общества. Политическая несправедливость и отчуждение общества от процессов принятия политических решений и назначения должностных лиц обостряют уже имеющиеся общественные противоречия и проблемы такие как бедность, неравенство и эксплуатация. Вследствие чего социальный протест может политизироваться и трансформироваться в революционное восстание [145, с. 76].

Ещё одной уязвимостью автократий является их затруднения с выстраиванием чётких и легитимных механизмов трансфера власти. По причине этого при смене инкумбента или после его смерти образуется временный «вакуум», которым могут воспользоваться амбициозные заговорщики, диссиденты или протестные группы для эскалации политического кризиса и революционного переустройства государства [111, с. 56].

Тем самым, отдельные политические режимы могут как провоцировать, так и амортизировать революции. Данная особенность позволила сформулировать теорию «перевернутой U-образной зависимости» между типом политического режима и вероятностью революционной дестабилизации. Согласно данной концепции, в наименьшей степени дестабилизации подвержены «крайние» политические режимы – консолидированные демократии и закрытые автократии (тоталитарные режимы), в то время как переходные режимы (или анократии), наоборот подвержены наибольшему риску разворачивания революционных процессов. Это связано с тем фактом, что автократии и демократии успешно элиминируют революционную угрозу или посредством репрессий, или путём проведения открытых и регулярных выборов. Анократии, в свою очередь, подчас недостаточно сильны или безжалостны, чтобы подавить инакомыслие и обеспечить лояльность общества силовым путём, но в то же время они

слишком ригидны, чтобы провести ротацию элит или назревшие реформы. Одновременно с этим в анократиях отсутствует соответствующая политическая культура и уважение к верховенству закона, что увеличивает склонность политических акторов к выбору неконституционных стратегий борьбы за власть [138]

Данную зависимость можно проиллюстрировать следующим образом - рисунок 1 (соотношение между уровнем демократии, рассчитанным по Polity V и вероятностью революционной дестабилизации). При движении от автократии к демократии вероятность возникновения революции сначала возрастает, а потом уменьшается.

Источник: составлено автором.

Рисунок 1 - Вероятность революции и уровень демократии

Указанное соотношение и представляет собой «перевернутую U-образную зависимость» или как ещё называют в научной литературе

«криволинейную зависимость» между типом режима и вероятностью революционной дестабилизации [68, с. 320; 110, с. 166; 117; 130, с. 18].

Таким образом, тип режима сам по себе является значимым индикатором, предсказывающим вероятность деконсолидации политической системы и её разрушения в процессе революции. Однако с накоплением эмпирического и теоретического материала и возникновением новых казусов революционной дестабилизации, в том числе и в консолидированных демократиях, концепция «криволинейной зависимости» дополнялась и уточнялась современными политическими исследователями [57, с. 431; 111; 130, с. 12].

Так, наблюдается дифференцированный подход разных политических режимов к амортизации революционной угрозы. Если автократии, сталкиваясь с революциями, в большей степени зависят от поведения элит – их единства, решительности и готовности защищать текущую политическую систему, то демократии, наоборот, в большей степени полагаются на поведение масс и их центростремительное поведение перед лицом политических, экономических и социальных вызовов. В то же время, автократиям, чтобы выжить в большей степени необходимо «подкупать» элиты, выстраивать систему патронажа и демонстрировать единство правящего класса перед лицом общей угрозы, а демократиям, в первую очередь, обеспечить лояльность и сдержанность широких общественных масс [145, с. 56, 80]. Фридрих Фон Хайек утверждал, что демократии для сохранения себя необходимо гарантировать умеренность воли большинства, развивая эту точку зрения, можно утверждать, что автократиям для этой же цели необходима умеренность элит [122, с. 363].

Также, различия в выживании демократий и автократий заключаются в том, что, как писал Руссо, сохранение демократического устройства обеспечивается бдительностью и мужеством граждан, в то время как недемократические системы поддерживаются добродетелью суверена [32, с. 256]. Демократиям для успешного функционирования необходим высокий уровень развития общества, а именно образование, политическая

культура и соответствующие политические навыки, чтобы, с одной стороны индивиды были достаточно компетентными для того, чтобы эффективно участвовать в политических процессах (разбираться в устройстве государства, конфигурации основных политических партий, наиболее острых проблемах и так далее), а с другой достаточно опытными, чтобы это участие носило конструктивный характер и они не подвергались примитивным манипуляциям и не поддерживали центробежные политические силы [111, с. 110]. Данный факт позволил Йозефу Шумпетеру заявить, что демократический политический режим возможен при наличии специфических составных частей, одним из которых является высокие показатели человеческого развития [41, с. 379].

В автократиях же, наоборот, образованное и компетентное население может взбунтоваться против недемократических институтов и потребовать их замены на более инклюзивные и отвечающие их запросам и ожиданиям, к которым относится желание большего политического участия. Автократии должны не столько воспитывать в индивидах «хорошего гражданина», сколько добиться от них подчинения угрозами или убеждением. Соответственно, в автократиях мужество, компетентность и добродетель требуется не от общества, а от правящего класса [1, с. 89].

Помимо этого, как говорилось выше, разные режимы по-разному отвечают на общественное недовольство – одни прибегают к реформам, другие к репрессиям. Соответственно успешная имплементация реформ в одном случае и эффективность репрессии в другом и определяют выживание каждого конкретного типа политического режима [128, с. 26]. Важной уязвимостью демократий, отличающей её от других политических режимов, является тот факт, что демократические системы нередко не способны без ущерба для себя подавить незаконные, но популярные протестные выступления, мало того, подобного рода силовое воздействие может ещё больше ожесточить общество и привести к эскалации протеста. В то время как

автократии, при наличии лояльных элит и правоохранительных органов способны действовать более решительно [117]

В то же время, в авторитарных государствах социально-политические кризисы проходят острее по причине того, что у протестующих больше мотивации и решительности идти по пути эскалации насилия так как на «экономические» требования наслаиваются чувства отчуждённости от политической системы и политической несправедливости [104, с. 1131]. Так, по мнению Джека Голдстоуна, чем дольше политический лидер находится у власти, тем более коррумпированным и оторванным от общества становится его режим, что обостряет чувство несправедливости и увеличивает риски возникновения революций [107, с. 23].

Немаловажным фактором в данном случае является специфика конечных целей разных политических режимов. Так главной целью демократии является защита свободы граждан, в то время как автократии призваны защищать стабильность и безопасность общества [7, с. 365]. Соответственно, первые уязвимы в случае посягательств на свободу граждан, в то время как вторые при неспособности сохранить стабильность. Специфика целей также определяет специфику ожиданий индивидов от того или иного политического режима. Так, если от автократий те ожидают предсказуемость и постоянство, то граждане демократических государств, как правило, характеризуются более высокими запросами и требуют от своих правительств постоянного обеспечения справедливости и равенства возможностей, а в случае неспособности удовлетворить указанные требования склонны к гражданскому неповиновению [170, с. 337].

Политическая практика XXI века и новые тренды информационной эпохи внесли свои коррективы в поведение политических режимов, как механизмов консолидации общества. Центробежные тенденции во всех типах политических режимах получили новый импульс ввиду, во-первых, таргетного воздействия отдельных революционных факторов, демонстрирующих асимметрию, вызванную институциональной, культурной,

политической и социальной спецификой каждого политического режима, во-вторых, значительной трансформации информационных каналов под влиянием распространения интернет технологий, что обусловило трансформацию ожиданий индивидов и повысило уровень их запросов к политическим режимам, в-третьих, упрощения коммуникации и построения политических структур при помощи цифровых технологий, что облегчает революционную активность.

В связи с этим, по всему миру фиксируется рост революционной активности в виде эскалации революционных волн, затрагивающих как развивающиеся государства, так и консолидированные демократии Евроатлантического региона, в том числе Соединённые Штаты Америки [199].

Таким образом, политический режим обладает специфическими институциональными конфигурациями, составными частями, способами поддержания своей легитимности, стратегиями выживания, взаимоотношениями с обществом, сильными и слабыми сторонами и уникальными целями, что обеспечивает не только его значимость как предиктора революции самого по себе, но и определяет роль многих других социальных, экономических и политических факторов при разворачивании процессов революционной дестабилизации [57, с. 157; 110, с. 149-150]. В результате, режимный контекст характеризуется не только прямым воздействием на вероятность возникновения революции, но и опосредованно оказывает воздействие на стабильность политической системы через определение направления и значимости влияния того или иного фактора [103, с. 23-29].

Данный факт позволяет не только выстроить характерный для каждого политического режима магистральный путь деконсолидации и, тем самым, сформировать модели устойчивости политических режимов, но и посредством режимной специфики объяснить волатильность факторов революционной дестабилизации [136]. В результате, при изучении факторов революционной дестабилизации тип режима важен не сколько сам по себе, сколько как

ключевой фактор обуславливающий и объясняющий переменчивость всех других факторов, что позволяет разрешить проблему их асимметрии, наблюдаемой в рамках четвёртого поколения теорий революции.

1.2 Революции как кризис развития: основные формы проявления политической нестабильности

Современная политическая наука определяет устойчивость политических режимов, в первую очередь, как их способность к своевременному предупреждению, детектированию и купированию революционной угрозы. Иными словами, политическая система тогда является стабильной и устойчивой, когда она не находится под угрозой крушения, вследствие внутренних центробежных процессов (изучение крушения государств вследствие экзогенного воздействия – войн, климатических катастроф и тому подобных факторов выходит за рамки данной работы). Соответственно, исследуя модели устойчивости политических режимов необходимо, в первую очередь, концептуализировать понятие революции и революционной дестабилизации.

Революции занимали умы философов и историков на протяжении тысячелетий - с самого зарождения социальных наук. Первые попытки совершить революции, а также осмысление этих попыток производились ещё в Античности, что позволило Джеку Годстоуну вывести максимум: *«Революции почти так же стары как мир»* [107, с. 38]. Практика свержения властей или насильственной замены одной совокупности государственных институтов другой предпринимались на самых начальных этапах писанной истории таких древних государств как Египет, Рим, Афины и так далее. Революцией закончилось царствование египетского фараона Пиопи II, последнего царя Рима Тарквиния Гордого, ими же объясняется чехарда демократических и олигархических режимов в греческих полисах времён Пелопонесской войны.

Тем самым, вся человеческая история, становление, развитие и смерть государств, социально-политические новации и эксперименты рука об руку шли с разного рода революционными событиями. Не удивительно, что анализ революций и поиск их причин революций можно найти среди текстов, составляющих «краеугольный камень» и основу политологического знания.

Так, одними из первых, описали и проанализировали феномен революционной дестабилизации мыслители Античности. Платон рассматривал революции как продукты циклического характера режимных трансформаций – от аристократии к тимократии, которая вырождается в олигархию, свергаемую народом, устанавливающим демократию, деградирующую под влиянием общей дезорганизации в тиранию. Тем самым, согласно Платону, революции – продукт трансформации или «жизненного цикла» элит, движущихся к упадку, утверждающих свою власть сначала на основах чести, затем на военных заслугах, потом на богатстве и наконец на демагогии и грубой силе. На ранних стадиях этого процесса причинами революции является эрозия нравов правящего класса, тогда как на более поздних стадиях главную роль, по-видимому, играют непомерные амбиции масс и честолюбие народных вожаков [29, с. 337–363].

Аристотель, в свою очередь, главной причиной революций указывал несправедливость [2, с. 361]. Согласно его учению (Политика, 1266 b12), несправедливость, выражающаяся в неравном распределении экономических благ, настраивает бедных и богатых друг против друга, что является поводом для разворачивания политических конфликтов в форме переустройства государственных институтов: *«И, помимо нарушения закона, плохо, что многие из богатых становятся бедными; ибо люди, потерявшие состояние наверняка поднимут революции»* [2, с. 199].

В то же время, в современной политической науке признаётся, что философско-исторические попытки осмысления феномена революций хотя и предоставляют важный концептуальный фундамент и понятийный аппарат, в то же время дают слишком мало ответов на вопросы о причинах их

возникновения и возможностях для предсказания революций. Как заметил Джордж Петти, в постулате о том, что выживание государства зависит от справедливости, не больше смысла, чем в речёвках и лозунгах политических агитаторов [166, с. 31]. Соответственно, в рамках данного исследования для оценки феномена и факторов революционной дестабилизации целесообразно сосредоточиться на оценках и определениях революции, совершённых в современную эпоху в политологической, а не философской парадигме.

Первый тип составляют так называемые «Великие» революции, производящие наиболее фундаментальные изменения не только в конкретном государстве, но и во всей Мировой Системе. К Великим революциям принято относить Французскую революцию 1789 г. и Октябрьскую революцию 1917 г. в России, некоторые исследователи также добавляют в этот список Китайскую революцию, растянувшуюся с 1911 по 1949 гг., Английскую революцию XVI в. и Американскую революцию [47; 128, с. 4]. Великая революция состоит из двух аспектов, во-первых, это масштабное преобразование в обществе, во-вторых, широкое и длительное воздействие на другие страны [116].

Таким, образом Великую революцию можно определить как 1) масштабное событие, которое имеет многочисленных последователей в других обществах и которое 2) связано с глубокими социально-политическими преобразованиями, 3) прокладывающими новый путь в развитии многих стран и 4) влияющими на баланс сил и конфигурацию Мировой Системы [111, с. 84-85].

Второй по уровню интенсивности тип составляют «политические» революции, которые представляют собой не абсолютное разрушение, а реконструкцию государства, то есть изменение каких-либо государственных институтов и/или отдельных составляющих политической системы без тотального уничтожения государства [111, с. 189]. Так, политические революции трансформируют государственные структуры, но не социальные структуры. Тед Гурр в качестве хрестоматийного примера политической

революции приводил Славную революцию в Англии, которая утвердила власть парламента, но при этом сохранила монархию [117].

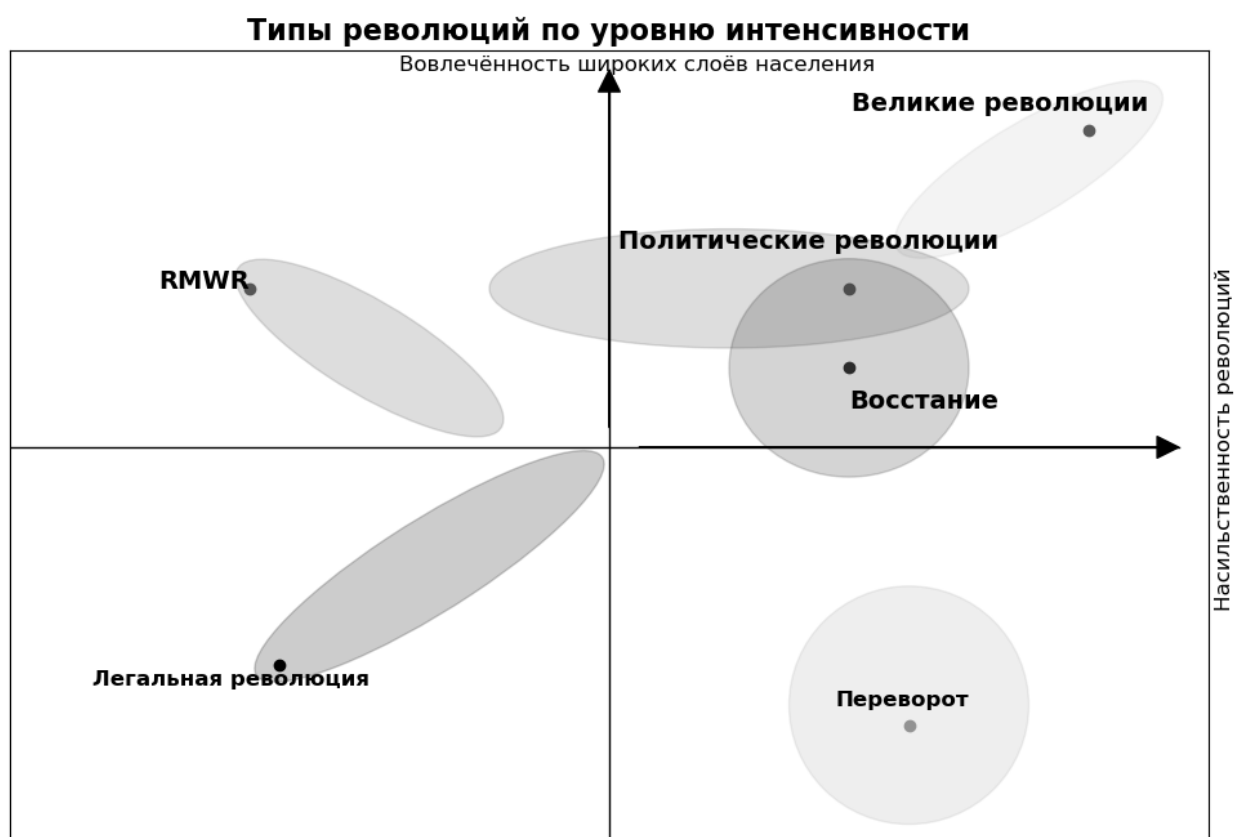
К третьему типу революций относятся ещё менее интенсивные революции, подразумевающие незаконное и, как правило насильственное, свержение инкумбента или правящей элиты без существенных изменений в институциональной архитектуре политической системы. При этом, если это свержение происходило узкой группой заговорщиков, то такую революцию принято считать «переворотом», а если оно сопровождалось массовыми демонстрациями и вовлечением широких общественных масс, то в политической науке её определяют как «восстание».

Ещё менее потрясающими основы политической системы государства можно считать четвёртые по уровню интенсивности так называемые «легальные революции», представляющие собой существенные изменения в политической структуре и/или значительный сдвиг в её основных целях без формального нарушения закона (или с минимальным его нарушением). Отличительной особенностью таких революций является сохранение формальной правовой преемственности между «старой» конфигурацией государственных институтов и практик и «новой», пришедшей ей на смену [166, с. 154]. В качестве примера «легальных» революций в политической практике приводится приход к власти А. Гитлера и последующая за этим трансформация Веймарской республики, а также движение за гражданские права в США в шестидесятые годы прошлого века.

К пятому и наименее интенсивному типу революционных событий относятся «Революционные движения без революции» (*Revolutionary movements without revolutions - RMWR*). Движение называется «революционным» если 1) происходит массовое вовлечение граждан в 2) использование революционных методов 3) для достижения требований, за которыми стоит глубокое недовольство или разочарования политическим режимом, условиями жизни, перспективами и так далее. Главной отличительной особенностью «*RMWR*» является продолжительность в

течение длительного времени. Примерами в современной политической науке указывают «BLM», «Жёлтые жилеты», «Occupy Wall Street» и так далее [10, с. 8; 171].

В общих чертах типологизировать революционные события по степени их интенсивности (под которой подразумевается конфигурация уровня вовлечённости общества и степени применения политического насилия) можно посредством следующего графика – рисунок 2.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2 - Типы революций по степени интенсивности и насильственности

Помимо анализа интенсивности – революции также определяют посредством целей, в данном аспекте политическая наука различает национальные, национально-освободительные, антиколониальные, либерально-демократические, социальные, религиозные, фашистские и другие революции [111].

Необходимо учитывать, что в политической практике редко можно встретить примеры «чистых» типов революций, относящихся строго к тому или иному типу. Чаще всего революции представляют собой

комбинированные движения, которые могут выдвигать одновременно и классовые, и религиозные, и политические, и националистические требования. Во многом из-за этого в современной политической науке признаётся, что на данный момент не существует общепризнанного определения революций [106, с. 55]. В связи с этим, отдельные политические учёные предлагают собственные определения революций.

Так, Баррингтон Мур утверждал, что революция – это борьба против несправедливости [155].

Согласно концепции Тимура Курана – революции – это сопровождающиеся значимыми политическими переменами каскадообразное обрушение фальсификации предпочтений индивидов, возникшей в результате длительного подавления их «истинных» мнений репрессивным обществом и/или государством [142].

Тед Гурр представлял революцию как фундаментальное социальное изменение, осуществляемое через насилие [117].

Чарльз Тилли, в свою очередь, дал следующее определение: революция – это особый случай коллективного действия, в рамках которого (все) соперники сражаются за верховную политическую власть над населением и в котором претендентам удастся, по крайней мере в некоторой степени, вытеснить обладателей власти из политической системы. Иными словами, революция по Тилли есть не что иное как смещение одной группы носителей власти другой [57, с. 151].

Чалмерс Джонсон презюмировал, что основными чертами революции являются насилие и перемены: «Совершить революцию означает прибегнуть к насилию в целях изменения системы; точнее, это означает целенаправленную реализацию стратегии насилия с целью повлиять на изменение в социальной структуре» [127, с. 57].

Джефф Гудвин постулировал: «Революции - это все случаи, когда государство или политический режим свергаются и тем самым

трансформируются народным движением нерегулярным, неконституционным и/или насильственным образом» [112, с. 9]

Дефиниция революции Джека Голдстоуна звучит следующим образом: «Революция - это насильственное свержение правительства посредством массовых коллективных действий (вооружённых, гражданских или и тех, и других) во имя социальной справедливости с целью создания новых политических институтов» [107, с. 4].

Марк Бессенджер понимал революции как массовую осаду правительства его собственным населением с целью смены режима и осуществления существенных политических или социальных изменений [57, с. 3, 26].

В научных словарях, посвящённых политологическим терминам, мы можем найти следующее определение революции: «Революция – это внезапное, радикальное изменения в политической, социальной и экономической структуре общества». [67, с. 542]. Энциклопедия политической науки сообщает, что революции - это быстрые изменения в институтах власти, осуществляемые неинституциональными средствами и обычно при поддержке народных групп, сформированных для участия в демонстрациях, очаговых восстаниях, партизанских войнах, гражданских войнах, массовых забастовках или других действиях [143, с. 1477]

Таким образом, мы можем заключить, что современная политическая наука для понятия «революция» сформировала широкий перечень дефиниций, многие из которых разительно отличаются друг от друга. Так, существует множество «альтернативных» концепций, каждая из которых по-своему рассматривает феномен революционной дестабилизации: с точки зрения борьбы за власть, как масштабные социальные изменения в структуре общества, через призму культурных сдвигов и так далее. Вследствие чего в современной политической науке признаётся отсутствие «общепризнанного» определения революции, по причине того, что политическим исследователям

чрезвычайно сложно достичь консенсуса и выработать единую дефиницию революции [111, с. 55; 51, с. 2312; 4, с. 7].

Именно поэтому для структурирования исследования революций и их факторов и чёткой операционализацией выборки революционных событий в рамках данного исследования предлагается авторское определение революции на базе критериев революционной дестабилизации, сформулированных такими теоретиками четвёртого поколения революционных теорий как Джек Голдстоун, Марк Бессенджер, Джордж Лоусон и Андрей Коротаев [57; 110, с. 142; 111, с. 50-51; 136; 145, с. 5].

Итак, революция – это 1) массовые коллективные действия, 2) включающие в себя неинституционализированные политические практики, 3) которые направлены против существующего политического лидера, правящего класса или политического и режима, 4) совершаемые с целью захвата власти или привнесения значительных изменений в политические, общественные или экономические институты и 5) сопровождающиеся значительными изменениями в культуре и символических отношениях.

Необходимо отметить, что данное определение не подразумевает однозначного успеха «массовых коллективных действий» и, вследствие этого, включает в себя неудавшиеся революции, что соотносится с целями данного исследования, так как успех революции, когда она уже началась, подчас зависит от множества случайных факторов и акторных действий, а возникновение процессов революционной дестабилизации в большей степени является производной от структурных социально-экономических и политических причин. Соответственно, даже если революция не удалась из-за ошибок её лидеров или успешных действий элит по купированию революционной активности, её изучение всё равно представляет научный интерес в контексте исследований причин, которые создали условия для возможности разворачивания революционных процессов.

Таким образом, на базе указанного определения в рамках данного исследования формируется выборка революционных событий, которая далее

используется в качестве зависимой переменной при построении статистических моделей. Под авторское определение революций подпадают базы данных революционных событий, собранных NAVCO [67], Марком Бессенджером [57] и Центром изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ [197]. Полный перечень революционных событий, попавших в выборку, находится в приложении.

1.3 Платформенные факторы дестабилизации политических режимов

В современной политической науке существует консенсус, что революция является продуктом конвергенции множества социальных, экономических, политических, культурных и иных факторов. Данные факторы подразделяют на структурные и акторные. К акторным факторам относят конкретные действия и/или качества участников политического процесса – элит, контр-элит, диссидентских кругов, революционных ячеек и так далее. В качестве примера акторных факторов, приводящих к революции, можно привести эрозию элит, неспособность эффективно удовлетворять запросы общества и их общее разложение. Как утверждал Гаэтано Моска: *«Правящие классы неизбежно приходят в упадок, когда перестают находить сферу применения способностям, благодаря которым они поднялись к власти, когда они больше не могут оказывать социальные услуги <...> или когда их таланты и оказываемые ими социальные услуги утрачивают важность для социального окружения, в котором они живут»* [157, с. 65-66]. Связанные с элитой акторные факторы революций также включают в себя её чрезмерный консерватизм и неспособность провести своевременные реформы, которые могли бы снизить общественную напряжённость, эрозию её легитимности в глазах индивидов и неспособность к эффективному управлению государством [117].

Также к акторным факторам относят результативность самих революционных объединений: формулирование актуальных и резонирующих с массовыми запросами идеологий [83], способность популяризировать свои идеи и выстроить вокруг них широкую коалицию [56, с. 176], воспитание яркого и эффективного политического лидера [166, с. 75, 162] и так далее.

Другой тип предикторов революционной дестабилизации составляют так называемые «структурные» факторы, представляющие собой глобальные экономические, социальные, политические и даже географические черты государства, сложно поддающиеся изменениям и корректировке и слабо зависящие от волевых решений политических акторов. Как правило с таким факторам относят макроэкономические показатели и статистические характеристики – ВВП на душу населения, урбанизация, уровень образования и так далее. Адепты структурных факторов считают, что революции являются продуктом не чьих-либо успешных/провальных действий или решений (элиты, диссидентов, революционных организаций и так далее), а производной от объективно-сложившихся обстоятельств. Как сформулировал эту позицию Уэнделл Филлипс: «Революций не делают, революции происходят» [181, с. 49; 22, с. 402].

Споры о первопричине тех или иных типов факторов велись на протяжении всего существования современных социальных наук. С философской точки зрения это представляет собой споры о том, что является сутью политологии и социологии – это «науки об обществе» или «науки о человеческой деятельности» [111, с. 201]. В американской послевоенной социологии данная проблема разрабатывалась под названием «проблемы микро/макро связей». Адепты «микросоциологии» такие как Питер Блау утверждали, что социальные процессы происходят «снизу вверх» - от отдельных коммуникаций индивидов в широким социальным структурам [63]. Ему оппонировал Нил Смелзнер, постулировавший, что структурная среда обосновывает социальные действия индивидов [182].

Указанные противоречия пытался примирить Энтони Гидденс, разработавший «теорию структуризации», согласно которой существует дуализм «структур» и деятельности индивидов [101].

В современной политической науке признаются достоинства обоих подходов, в понимании причин революционной дестабилизации. Тем самым, утверждается, что революция является собой конвергенцию структурных и акторных факторов [57, с. 37; 45, с. 5]. Отличительной особенностью каждого типа факторов, является тот факт, что степень их влияния отличается в зависимости от этапа революционного процесса. Так, структурные факторы, по большей части обуславливают возникновение и разворачивание процессов революционной дестабилизации, а акторные факторы определяют будут ли эти процессы завершены в форме успешной революции [111, с. 208]. Помимо этого, в отдельных случаях акторные факторы могут выступать поводами или «триггерами» революционных событий, как, например, самосожжение Мохаммеда Буазизи, послужившее началом революции в Тунисе [57, с. 126-134]

Иными словами, серьёзные экономические или социальные противоречия – бедность, неравенство, несправедливость и фрустрация могут повысить общественно-политическую напряжённость и спровоцировать массовые антиправительственные выступления, а организованные действия политических лидеров, ошибки элит и общая «роль личности в истории» способны трансформировать эти массовые движения в форму успешной революции. Как сформулировал Марк Бессенджер: *«Революция - это не вопрос выстраивания набора условий и сидения сложа руки, наблюдая за результатом. Результаты обусловлены и ограничены структурными факторами, но также они возникают из способов, которыми субъекты используют преимущества структурных условий, с которыми они сталкиваются»* [57, с. 38].

Учитывая тот факт, что данное исследование сосредоточено на феномене устойчивости политических режимов к революционной

дестабилизации конечный итог периода революционной нестабильности играет гораздо менее значимую роль, чем сам факт разворачивания революционных процессов. Соответственно, в рамках текущей работы будут рассматриваться исключительно структурные факторы и их переменчивость (или асимметрия) в зависимости от типа политического режима. Отдельно необходимо упомянуть, что акторные факторы, в отличие от структурных чрезвычайно сложно подвержены операционализации и приведению к числовым значениям. Вследствие этого их статистическая обработка также представляет собой серьёзное затруднение.

Как говорилось выше, сути революционной дестабилизации в современных политологических исследованиях неразрывно связано с поиском причин разворачивания революционных процессов. Данные поиски нашли своё отражение в четырёх поколениях революционных теорий. Сосредоточившись на изучении отдельных характеристик и атрибутах революций (таких как рост неравенства, бедности, безработицы, инфляции, неэффективности и так далее) представители четвёртого поколения революционных теорий, с одной стороны, способствовали приращению научного значения в смысле расширения перечня факторов революционной дестабилизации, рассматриваемого современной политической наукой, а с другой, создали множество противоречий, когда одни и те же факторы в разных исследованиях демонстрируют противоположное воздействие на вероятность революционной дестабилизации.

Однако противоречивость выводов не является единственным изъяном четвёртого поколения революционных теорий – в XXI веке политические режимы начали подвергаться влиянию цифровизации общественных отношений и всё большему проникновению в жизнь индивидов интернета, социальных сетей и сопутствующих технологических новшеств, что значительно видоизменило как сферу политических взаимоотношений в целом, так и паттерны развития таких типов политических кризисов как

революции, в частности. В результате чего в политической практике начали наблюдаться платформенные факторы революционной дестабилизации.

Иными словами, наступление информационного общества и развитие новых технологий, с одной стороны, привели к существенным переменам в экономике, культуре, повседневной жизни индивидов, а с другой ознаменовались появлением качественно новых социально-политических вызовов, с которыми сталкиваются политические режимы.

Развитие интернета и информационных технологий в целом, значительно модифицировало не только ход революционных процессов, приведя к так называемые «твиттерным революциям», примером которых являются события «Арабской весны», но и обусловило появление принципиально новых революционных факторов. Эти «цифровые» факторы, охватывающие практически каждый аспект современного общества, представляют собой множество дополнительных детерминант социально-политической дестабилизации. Так, согласно Т. Гуру основной причиной революционных процессов является: *«Знакомство людей, находящихся на уровне более низких жизненных стандартов, с преимуществами более высокого уровня жизни и вследствие воздействия подобного демонстрационного эффекта приходят к желанию или требованию благ более высокого уровня»* [117]. Развитие социальных сетей значительно раздвинули возможности попадания под влияние подобного рода «ловушки демонстрационного эффекта» - множество исследований убедительно доказывают, что погружённость в контент социальных сетей, наполненный часто фальшивыми образами богатой, успешной и беззаботной жизни вызывают у пользователей чувство фрустрации, депрессии и тревожности, что, как говорилось выше, может иметь не только индивидуально-психологические, но и общественно-политические последствия [100; 78].

Постиндустриальное общество трансформирует общественные запросы, мечты и ожидания, интенсифицируя требования индивидов от политической системы, что подвергает её дополнительному давлению и риску

деконсолидации, вследствие революционных процессов. Различные аспекты «диджитализации» общества и составляют «новые» цифровые факторы революций.

Тем самым, *первым цифровым фактором*, обуславливающим возникновение новых точек уязвимости политических режимов, является формирование у пользователей социальных сетей завышенных ожиданий относительно «приемлемых» экономических и социальных жизненных стандартов. Данный аспект обуславливает возникновение множества новых общественно-политических вызовов таких как, с одной стороны, массовая иммиграция жителей развивающихся стран в страны Евроатлантического региона (в первую очередь США и ЕС), а с другой возникновение революций в развивающихся странах, которые не способны обеспечить диджитализированной молодёжи тот уровень жизни, который был разрекламирован при помощи социальных сетей. Волна подобного рода цифровых революций наблюдалась в 2025 году.

Влияние усиления дивергенции политических запросов под влиянием интернет-среды трансформирует разные политические режимы. В теоретической литературе отмечается, что демократии в условиях повышенных запросов к политической системе склонны подвергаться центробежному воздействию правых и левых популистов. Так, мы можем наблюдать в странах Евроатлантического региона новую волну популистских партий, движений и лидеров, которые начинают «поглощать» электорат умеренных политических акторов. В качестве примера можно привести рост влияния «евроскептиков» в Европейском Союзе, MAGA-движение внутри Республиканской партии и прогрессивистское крыло Демократической партии США. Что касается недемократических режимов – они как правило прибегают к стимулированию эмиграции в развитые страны для снижения социальной напряжённости

Одновременно с этим, например, искусственный интеллект и сопутствующие цифровые технологии, хотя и широко используются разными

политическими системами для расширения сферы государственного контроля, в то же время философия прогресса говорит о том, что любое новое изобретение представляют собой «обоюдоострый меч». Как появление массовой печати расширило возможности для политической социализации и утвердило воспитательную функцию государства, точно также оно же открыло возможности для антигосударственной агитации и подрывной деятельности. И учебник истории, унифицирующий сознание школьников и задающий социально-политический стандарт, и революционная листовка, призывающая к свержению властей, стали возможны исключительно благодаря печатному станку.

Именно поэтому большинство социальных учёных склоняются к тому, что новые технологии могут и будут использованы революционным объединением и станут основным драйвером цифровых революций XXI века. Создаваемые цифровыми технологиями новации в методах и технологиях революционной борьбы продолжают своё развитие и будут приобретать новые формы. В качестве потенциальных примеров приводятся агитационные боты, информационные кампании по провоцированию паники, координация уличных протестов через социальные сети, хакерские атаки и методы социальной инженерии при помощи интернета (похожие методы используют интернет-мошенники и диверсанты) и так далее [111, с. 1053].

Помимо изменения в поведении политических акторов, цифровизация общества влияет непосредственно на индивидов путём формирования новых поведенческих паттернов. Так, одним из основных последствий цифровизации общества является рост политической поляризации. Согласно множеству политологических исследований, возникновений и развитие социальных сетей значительно усилило идеологическую и аффективную поляризацию общества, в первую очередь, посредством создания социальных «эхо-камер» [210].

Во-первых, социальные сети позволяют людям коммуницировать и обмениваться информацией исключительно с теми, кто разделяет их мнения и убеждения. Тем самым, индивиды группируясь вокруг тех или иных

политических лидеров и/или идеологически окрашенных источников информации, попросту перестают черпать знания о политической действительности из альтернативных каналов. Тем самым, сама структура интернета связывает разных пользователей по политическим основаниям, поощряя различного рода когнитивные аффекты такие как безусловная преданность групповой точки зрения и такое же безусловное неприятие принадлежащих к «враждебной» группе [93].

Во-вторых, социальная и политическая поляризации характерна для пользователей социальных сетей не только по причине общей тенденции подобных объединений к гомофилии, которую можно понимать, как принцип большего взаимодействия между схожими людьми с одинаковыми идеологическими симпатиями, но и из-за усиления подобной тенденции главным образом посредством работы алгоритмов социальных сетей. По мере накопления данных о поиске и потреблении информации конкретным пользователем, способность алгоритмов персонализировать поиск становится более точной. Таким образом, хотя поисковые системы обычно облегчают потребление информации, они также могут все больше формировать таргетную подборку информации, с которой сталкиваются пользователи. Поскольку вводимые пользователями данные (например, поисковые запросы, клики и тому подобное) отражают их существующие политические предпочтения, использование поисковых систем может, в конечном итоге, привести к сегрегации пользователей по их собственным идеологическим и политическим взглядам. Рекомендательные алгоритмы в социальных сетях также могут образовывать «фильтрующие пузыри» вокруг пользователей, ограничивая их взаимодействие и усиливая поляризацию [126].

В-третьих, благодаря нейросетям и возможностям по генерации практически любого видеоконтента – социальные сети могут выступать инструментом по распространению дезинформации, которую крайне сложно отследить и нивелировать так как даже если та или иная фотография или видеоролик, впоследствии будет изобличён как «фейковый» - миллионы

людей уже будут подвержены деструктивному влиянию. Особенно остро эта проблема проявляется на фоне совершенствования генеративного искусственного интеллекта (таких как Sora, Nano Banana или Gemini), чьи видеопродукты уже практически не отличимы от настоящих.

В-четвёртых, данные тенденции из интернет среды начинают проникать во все средства массовой информации, включая телевидение и прессу. По причине того, что с распространением интернета и скорости передачи информации, традиционные СМИ лишились монополии на донесение новостей. Соответственно, чтобы выжить в новой цифровой среде им пришлось включаться в жесточайшую конкуренцию за внимание читателя, путём ярких заголовков, тенденциозных репортажей и отхода от стандартов объективной и беспристрастной журналистики фактов в духе «моральной сенсационности». В результате «эхо-камеры» в интернете и поляризация СМИ, отдельных лидеров мнений и политических лидеров превратились в самоподдерживающуюся систему: интернет-пузыри отталкивают политических акторов всё дальше от центра, а политические акторы вынуждены формировать и расширять «эхо-камеры» [171].

Таким образом, социальные сети и общая диджитализация политической социализации и политических коммуникаций многими социальным учёными воспринимаются с подозрением в связи с расширением поляризации политической среды по нескольким причинам: 1) образование «эхо-камер» и «пузырей»: рекомендательные алгоритмы, как правило, показывают пользователям контент, похожий на то, что им уже интересно, создавая изолированные группы и ограничивая доступ к альтернативным точкам зрения; 2) возникновение дезинформации и облегчение её распространения 3) поощрение вражды и политической нетерпимости; 4) расширение аффетивной поляризации в виде иррационального и некритичного отстаивания групповых политических взглядов.

Вызванная распространением цифровых технологий политической поляризация, в свою очередь, является одним из основных предикторов

социально-политической дестабилизации, в том числе революционного толка. В качестве основных примеров проявления подобных тенденций в политической практике можно привести две группы революций – события Арабской весны, которые ещё называют «твиттерными революциями» и произошедшая в 2025 году волна «революций зумеров».

В результате чего, вторым фактором революционной дестабилизации, обусловленным развитием информационных технологий, является рост политической поляризации, которая вызвана особенностью политических и социальных коммуникаций в интернет-среде. При этом в большей степени политическая поляризация разрушает демократии, практически не затрагивая анократии и автократии, что позволяет допустить асимметрию данного фактора, которую необходимо проверить в рамках количественного анализа.

Что касается форм защиты политических режимов, отмечается, что цифровое образование в совокупности с соответствующим государственным регулированием может играть важную роль в обеспечении амортизации деструктивных тенденций, способствуя критическому мышлению и скептицизму в отношении всех технологических удобств, выходящих за рамки чисто романтизированного взгляда, предлагаемого средствами массовой информации. Это включает в себя развитие навыков критического чтения, рефлексивного мышления, конструктивного диалога и так далее.

Помимо политической поляризации ещё одним массовым последствием цифровизации общества является общественная и политическая фрустрация. Как следует из классических политологических концепций, одним из основных источников революционной агрессии является фрустрация и относительная депривация. Под депривацией в данном случае понимается расхождением между «надо» и «есть» коллективного ценностного восприятия. Однако в социально-политической сфере данное восприятие может носить искажённый характер, в случае если оценки индивидов подвержены тем или иным формам манипуляций, что крайне распространено в социальных сетях [139].

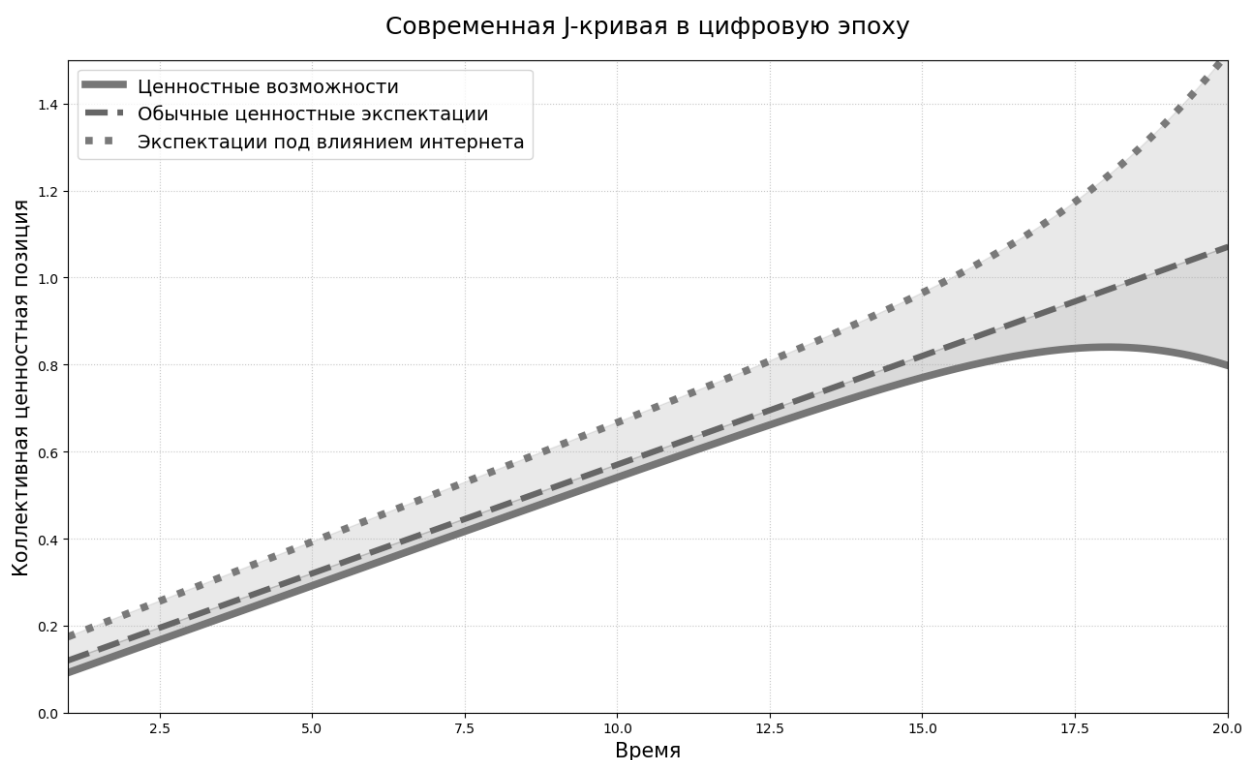
Так, формируемые социальными сетями ценностные экспектации (то есть желательные события, объекты или условия), как правило носят или крайне завышенный, или искажённый характер. В результате чего возникает ценностная позиция, на базе которой индивиды выстраивают запросы и ожидания к политической системе, которые та не в состоянии удовлетворить, что приводит к разворачиванию центробежных процессов.

Согласно современным политико-психологическим исследованиям, увеличение времени, проведённом в интернете, напрямую коррелирует с уровнем фрустрации индивидов [153]. Причиной подобного рода взаимосвязи является синдром упущенной выгоды, которому часто подвержены пользователи социальных сетей и интернет-зависимые индивиды. Так, в социальных сетях (и в интернете в целом), как правило, пользователям показывается идеализированная картина социального, экономического и политического успеха. Завышенные стандарты индивидуального и коллективного успеха, тем самым, фрустрируют индивидов, которые начинают испытывать недовольство своими политическими режимами (при чём это касается абсолютно всех типов политических режимов), которые не соответствуют их новым ожиданиям и запросам. Данные тенденции влекут за собой множество социально-политических последствий таких как массовая миграция из Африки и Ближнего Востока в Европу, разочарование современной западной молодёжи в либеральной демократии и возникновение новых революционных волн по всему миру.

Одной из основных концепций, объясняющих причины революционной активности в обществе, является теория «J-кривой» Дэвиса, которая показывала, как разрыв между ценностными экспектациями и снижением ценностных возможностей приводит к революциям [117].

Тем самым, мы можем отметить, что под влиянием интернета и задаваемых им социальных, политических и экономических эталонов, моды, трендов и образов линия экспектаций искусственно перемещается ещё выше, что создаёт избыточную социально-политическую напряжённость [121].

Визуализацию данной зависимости представлена на рисунке 3. Как мы можем наблюдать «разрыв» между ценностными ожиданиями и возможностями в цифровую эпоху ещё более значителен, чем без фактора интернет-среды, что и обуславливает наблюдаемый в текущей политической реальности всплеск революционной активности, которому становятся подвержены все типы политических режимов.

Источник: составлено автором.

Рисунок 3 – J-кривая в цифровую эпоху

В результате, третьим платформенным предиктором революции является усиление фрустрации и гнева в отношении политических режимов, вызванными расхождением между возможностями и ожиданиями индивидов. Данный фактор представляет собой производную от двух предыдущих – образы «успешной» жизни, формируемые в интернете, подстёгивают ожидания, а эхо-камеры и алгоритмы социальных сетей позволяют найти виновных в лице политических режимов. Примечательно, что данным тенденциям подвержены абсолютно все режимные типы, которые начинают трансформироваться в духе большего контроля за цифровой средой.

Таким образом, все описанные выше последствия диджитализации общества представляют собой значимые факторы социально-политической дестабилизации, в том числе революционного типа. Ставшее возможным в информационную эпоху XXI века облегчение координации, обмена информацией, публикации новостей, выстраивания коммуникационных сетей, создания и распространения контента на широкую аудиторию, с одной стороны, значительно обогатило ноосферу и дало дополнительный импульс развитию цифровых технологий, а с другой, расширило возможности для инспирации революционной активности. Помимо этого, параллельно наблюдается углубление центробежных тенденций, вследствие поляризации и фрустрации, которые обуславливаются бурным развитием социальных сетей, что даёт дополнительные возможности для разворачивания революционной активности.

Все эти описанные факторы и тенденции практически не представлены в современных революционных теориях четвёртого поколения. В результате, учитывая устаревание теории революций к текущему моменту в контексте вышесказанного, глубокий теоретический и количественный анализ новых революционных факторов может быть востребован, как никогда.

Как итог, все сильнее утверждается мнение, что четвертое поколение уже исчерпало свой теоретический потенциал, в то время как необходимость отразить возникающие революционные вызовы обуславливает поиск новых объяснений растущей революционной активности. Это позволяет отдельным политическим учёным заявить о необходимости формирования следующего – пятого поколения революционных теорий [138].

Помимо этого, сами политические режимы переживают значительную трансформацию, вызванную широким развитием информационных технологий и их имплементацией, как в повседневную, так и в политическую жизнь индивидов. Под влияние новых вызовов, интернет-поляризации, фрустрации, дальнейшего «искривления» J-кривой экспектаций и возможностей и многих других перемен, произошедших в XXI веке, старые

модели устойчивости политических режимов демонстрируют кризис смыслов и не способны обеспечить стабильность перед лицом новых революционных угроз, что обуславливает необходимость их пересмотра в рамках данного исследования.

Резюмируем, что на данный момент, исследователи четвёртого поколения теорий революций предпринимали попытки инкорпорировать ситуативную логику своих концепций в общий фрейм теории факторов революционной дестабилизации, что привело, в конечном итоге, не к упорядочиванию, а к усложнению и созданию множества новых противоречий, а также недостаточному вниманию к новым революционным факторам, возникшим в цифровую эпоху. Разрешение возникших противоречий составляет основную цель данного исследования и представлено в следующей главе.

Глава 2

Количественный анализ факторов революционной дестабилизации в режимном контексте

1.1 Экономические факторы революций и стабильность политических режимов

Прежде чем производить математический анализ революционных факторов в режимном контексте, необходимо описать дизайн количественного исследования. Статистический анализ, проводимый в рамках данного исследования, базируется на следующем дизайне: в качестве основного количественного метода используется логистическая регрессия для редких событий (*Rare Events Logistic Regression*), где зависимая переменная - начало революционного эпизода в стране (на панельных данных), а независимые переменные – изучаемые факторы революционной дестабилизации [94]. Так, единицей анализа является страна-год, а массив количественных наблюдений представляет собой панельные данные по всем странам в XX-XXI веках (начиная с 1950 года). Указанный подход позволяет выполнять статистические расчеты по таким зависимым переменным, как революционные выступления, которые происходят крайне редко, из-за чего суммарная выборка на панельных данных существенно смещается, так как в большинстве наблюдений революционных ситуаций не наблюдается [140]. Так, зависимая переменная (где 1 – возникновение революционного события в стране в указанный год, а 0 – отсутствие революций) по большей части состоит из «нулей» так как на протяжении долгого периода в государстве могут отсутствовать любые формы революционной активности, что обосновывает выбор логистической регрессии для редких событий в качестве основного инструмента статистического анализа.

Для детектирования влияния политического режима используются бинарные показатели разных режимных типов, в качестве переменных взаимодействия с теми или иными факторами революционной дестабилизации. Как было описано в предыдущей главе автор следует классификации Джека Голдстоуна и V-dem, разделяющих все политические режимы на демократии, автократии и анократии.

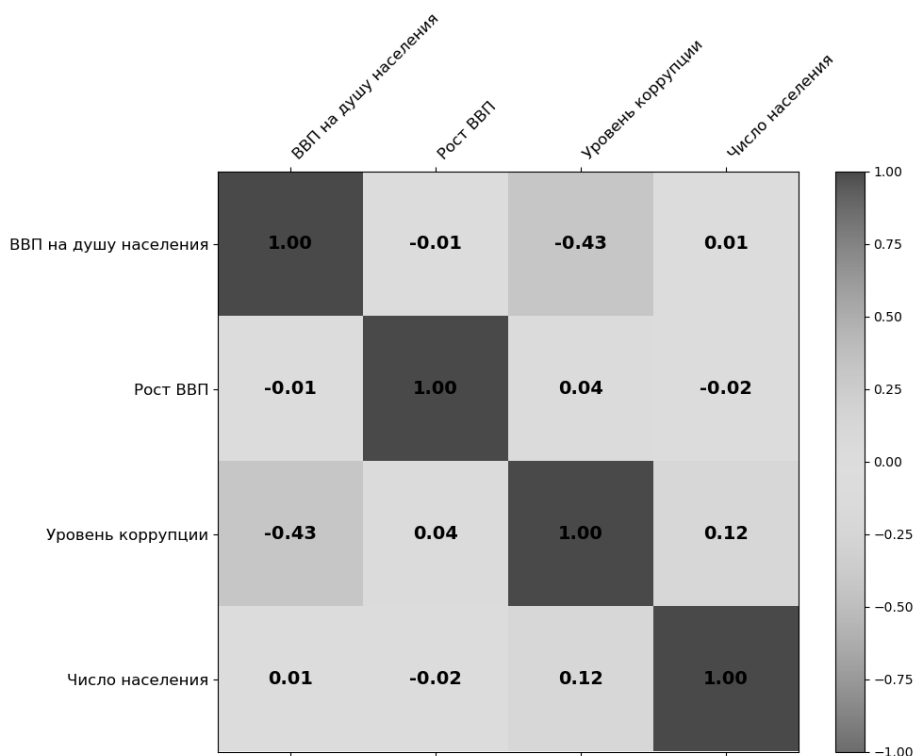
В целях исключения мультиколлинеарности при построении регрессионных моделей «крайние» типы режима - полная демократия и полная автократия используются в качестве базовых переменных и исключаются из модели. Иными словами, сначала выстраивается модель с типами режима в качестве переменных взаимодействия, где базовая переменная - полная автократия, а потом результаты дополнительно перепроверяются, где базовая переменная - полная демократия. Данная дополнительная валидация необходима для получения более надёжных результатов.

Выборка революционных событий (страна-год) основана на базе данных Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes 1.3 [71], которая идентифицирует 622 революционных выступления/«кампании», происходивших с тысяча девятисотого по две тысячи девятнадцатый год. Она описывает революционные выступления по целям, продолжительности, успеху или неудачи и, что важно, по методам - вооруженным и невооруженным. Именно последняя классификация - было ли революционное выступление/«кампания» вооруженной или нет - будет взята в качестве основы для создания двух зависимых переменных. Так, первой зависимой переменной будет наличие вооруженного революционного выступления за определенный год в конкретной стране, когда «1» - произошло вооруженное революционное выступление, а «0» - или отсутствие любого события, или невооруженное выступление. Вторая зависимая переменная - наличие невооруженного революционного выступления, которое получено тем же образом, однако «1» свидетельствует о невооруженном характере события. Соответственно, третья зависимая переменная «революционный эпизод»

обозначается как «1», если в стране была насильственная или ненасильственная революция.

Дополнительная валидация проводилась при помощи базы данных революционных событий, собранной Центром Изучения Стабильности и рисков НИУ ВШЭ [115; 167; 197] и революционной базе данных Марка Бессенджера [56]. Временной период выборки революционных событий с тысяча девятьсот пятидесятого по две тысячи двадцать второй год.

Помимо этого, для получения более надёжных результатов авторы добавляют контрольные переменные: натуральный логарифм ВВП на душу населения (*GDP per capita*), уровень коррупции (*Regime Corruption*), рассчитанные по V-dem [198], натуральный логарифм численности населения согласно данным Организации Объединённых Наций [195] и рост экономики, выраженный в динамике изменения ВВП за год в процентах на основе данных Всемирного Банка [204]. Данные индикаторы не только являются основными предикторами революционной дестабилизации, но и наименее скоррелированы друг с другом - рисунок 4, что делает их наиболее подходящими в качестве использования как контрольных переменных (обоснование значимости каждой контрольной переменной в рамках влияния на вероятность возникновения революции в блоках, посвящённых каждой этой переменной в настоящей главе). Также добавляются фиксированные эффекты на страну и на год для более надёжных выводов, которые были бы устойчивы к всплескам революционной активности в какой-либо специфический временной промежуток или на какой-либо территории.

Источник: составлено автором.

Рисунок 4 - Корреляционная матрица контрольных переменных

Как говорилось выше, в качестве независимых переменных регрессионной модели будут использоваться различные факторы революционной дестабилизации, демонстрирующую асимметрию (или переменчивость) в количественных исследованиях. Наиболее важной является группа факторов, относящихся к экономическому развитию государства [167].

Уровень экономического развития и его динамика являются одним из наиболее часто рассматриваемых факторов разворачивания революционных процессов. Данный факт связан с тем, что экономическая модернизация «порождает нации» и способствует их политическому самоопределению, которое, вступая в конфликт с архаичными институтами, приводит к революциям. Помимо этого, экономический рост создает структурные условия, которые повышают осуществимость массовых выступлений (особенно это касается ненасильственных акций революционного протеста) путем создания обширных и экономически интегрированных социальных объединений. Также экономическое развитие повышает активность диссидентов и предоставляет им дополнительный ресурс для разворачивания

протестной активности, включающий в себя использование дополнительных каналов коммуникации (и упрощения доступа к ним), расширение массы индивидов, «сочувствующих» их деятельности, которые, удовлетворив на фоне общего благосостояния базовые потребности, формируют новые запросы, касающиеся уже необходимости самовыражения, демократических свобод и так далее. Освободившиеся у населения финансовые и иные активы (в том числе времени), в свою очередь, могут быть направлены на поддержку политической деятельности альтернативных политических лидеров [68; 85; 135; 185]. Так, согласно матрице теории институциональных переговоров Найта, бóльшие ресурсы означают бóльшую склонность политических акторов бороться за свои политические требования [85].

Помимо этого, экономическими показателями объясняется вызываемая макроэкономическими шоками и иными факторами депривация, которая также, по мнению ряда авторов, способствует разворачиванию революций [128, с. 3; 180, с. 83]. С другой стороны, Дж. Дэвис [80] утверждал, что революции начинаются после длительного периода быстрого экономического и социального развития, с последующим периодом резкого спада, что нашло отражение в теории J-кривой, о которой говорилось выше. В современных количественных исследованиях факторов революционной дестабилизации экономическое развитие также занимает ведущую роль и операционализируется прежде всего через ВВП на душу населения и темпы экономического роста. Соответственно, первым показателем, который подвергнется анализу, является уровень ВВП на душу населения.

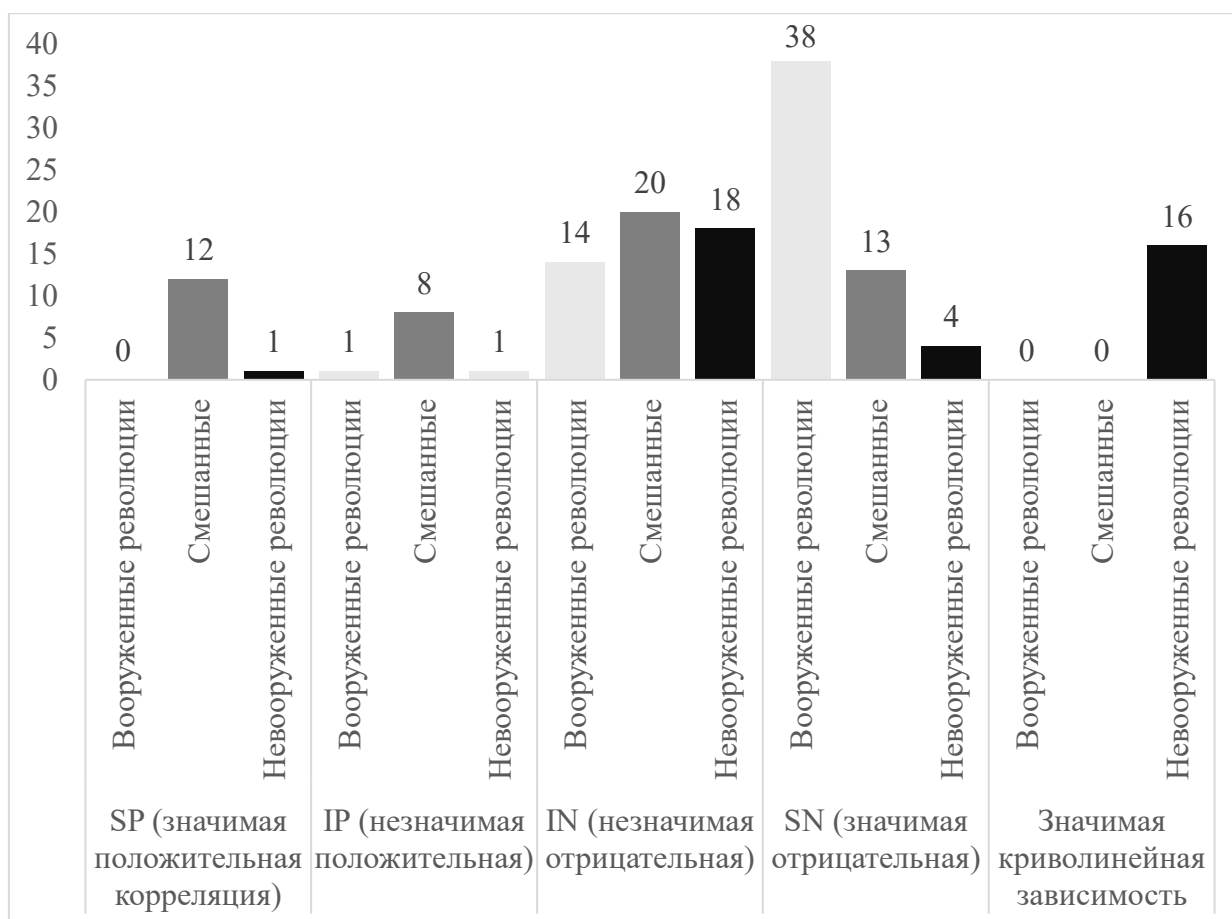
ВВП на душу населения рассматривался в множестве количественных исследованиях факторов революционной дестабилизации [26; 30; 33; 36; 45; 57; 60; 74; 85; 97; 103; 104; 128; 129; 132; 180; 203] – приложение Б и рисунок 5.

Для систематизации результатов количественных исследований подсчитано совокупное число статистических моделей (в первую очередь это различные типы регрессионного анализа), где рассматриваемый показатель

(независимая переменная) принимает одно из четырех значений: положительно значимый (*SP - significantly positive*, если коэффициент независимой переменной больше нуля, а *p-value* меньше 0,05), положительно незначимый (*IP - insignificantly positive*, если коэффициент показателя больше нуля, а *p-value* больше 0,05), отрицательно незначимый (*IN - insignificantly negative*, если коэффициент показателя меньше нуля, а *p-value* больше 0,05), отрицательно значимый (*SN - significantly negative*, если коэффициент показателя меньше нуля, а *p-value* меньше 0,05)

Агрегация результатов этих исследований представлена на рисунке 5. Имеющиеся количественные исследования, как мы можем убедиться, хотя и демонстрируют заметный «перекос» в сторону отрицательной зависимости между ВВП на душу населения и вероятностью революционной дестабилизации, тем не менее, в то же время показывает значительную асимметрию [17]. Многие исследователи пришли к выводу о незначимой или даже положительной зависимостью между ВВП и риском возникновения революций.

Зависимая переменная обозначена автором как «смешанные» в случае, если соответствующая совокупность революционных событий включает в себя заметное число как вооруженных, так и невооруженных революционных выступлений. Это относится прежде всего к тем случаям, когда в качестве зависимой переменной используется вся совокупность революционных событий, без их подразделения на вооруженные и невооруженные.

Источник: составлено автором.

Рисунок 5 - Количество моделей с рассмотрением фактора ВВП на душу населения в зависимости от типа зависимой переменной

Как говорилось выше, возможным решением проблемы переменчивости результатов количественных исследований является рассмотрение революционных факторов в режимном контексте.

Построенная для этих целей регрессионная модель с типом режима в качестве переменных взаимодействия с ВВП на душу населения демонстрирует следующие результаты – рисунок 6. Как мы можем заключить, в автократиях и анократиях повышение благосостояния населения увеличивает риски революционной дестабилизации, в то время как в демократиях, наоборот, повышение подушевого ВВП снижает вероятность разворачивания деструктивных политических процессов. Данная закономерность объясняется через теорию J-кривой Дэвиса – в недемократических режимах экономический рост повышает запросы и ожидания населения, а также возможности сформировавшегося среднего

класса для реализации своих политических амбиций, возникших на базе расширение экономических ресурсов. Указанные изменения в обществе вступают в противодействие с костными авторитарными институтами, что повышает вероятность разворачивания протестов, уличных столкновений, забастовок и тому подобных акций, способных перерасти в полноценную революцию.

Демократии же, в свою очередь, укрепляются, если благосостояние населения растёт и разрушаются, когда демократические институты неспособны обеспечить должный уровень экономического потребления. В таких случаях индивиды начинают поиск альтернативных моделей политического устройства или харизматичных лидеров, способных заменить потерявшую эффективность демократическую систему посредством её революционного переустройства. Данный процесс является частью магистрального пути деконсолидации либеральных демократий [27; 136].

В качестве примера можно привести городские гражданские протесты в Гонг-Конге, где именно образованные горожане и зажиточный средний класс экономически развитого Гонг-Конга был костяком выступлений против законов об экстрадиции, предложенного по настоянию Пекина в 2019 г. Так, экономическое развитие Гонг-Конга стало препятствием на пути ужесточения законодательства, что вылилось в квази-революционные выступления. В демократиях, наоборот, в периоды экономического процветания масштабные выступления и широкие протесты практически не возникают, однако с наступлением экономических кризисов и/или снижением реальных доходов населения начинают наращивать популярность радикальные протестные движения. Наиболее наглядно это видно на примере США, где современная молодёжь, обладая наименьшей долей общего богатства, разочаровывается в демократии и ищет альтернативные формы выражения политического участия, что выражается в разных формах – от протестов BLM до штурма Капитолия 6 января 2021 года [13].

Rare Event Logistic Regression Model

Зависимая переменная - революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-1.846 (8.989)	-4.622 (7.587)	0.103 (6.294)	-4.609 (8.134)	0.377 (6.954)	5.715 (5.671)	-9.893 (9.773)	-0.562 (9.618)	4.486 (7.439)	-14.800 (9.073)	2.788 (9.011)	4.281 (6.976)
ln(ВВП на душу населения)	-2.568*** (0.820)	0.571 (0.693)	0.720 (0.633)	-0.544** (0.241)	0.183 (0.246)	-0.076 (0.179)	-2.680*** (0.796)	-0.448 (0.783)	-1.009* (0.538)	-0.333 (0.280)	-0.476 (0.301)	-0.216 (0.220)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.053*** (0.009)	-0.040*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.053*** (0.009)	-0.040*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.056*** (0.011)	-0.054*** (0.012)	-0.063*** (0.009)	-0.056*** (0.011)	-0.054*** (0.012)	-0.063*** (0.009)
Уровень коррупции	-1.335** (0.519)	-1.334*** (0.477)	-1.649*** (0.380)	-1.335** (0.519)	-1.334*** (0.477)	-1.649*** (0.380)	-0.582 (0.572)	-0.696 (0.570)	-0.829* (0.434)	-0.582 (0.572)	-0.696 (0.570)	-0.829* (0.434)
ln(Население)	0.222 (0.509)	-0.301 (0.423)	-0.468 (0.352)	0.222 (0.509)	-0.301 (0.423)	-0.468 (0.352)	0.917 (0.564)	-0.529 (0.543)	0.917 (0.429)	-0.529 (0.564)	-0.529 (0.543)	-0.379 (0.429)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	-2.763 (2.210)	4.998** (2.145)	5.613*** (1.973)									
Электоральная автократия (V-dem)	-2.796 (2.202)	5.135** (2.145)	5.532*** (1.974)	-0.033 (0.247)	0.137 (0.314)	-0.080 (0.208)						
Электоральная демократия (V-dem)	-2.354 (2.214)	4.135* (2.155)	5.229*** (1.980)	0.409 (0.442)	-0.864** (0.432)	-0.383 (0.328)						
Либеральная демократия (V-dem)				2.763 (2.210)	-4.998** (2.145)	-5.613*** (1.973)						
ln(ВВП на душу населения) X Закрытая автократия (V-dem)	2.025** (0.815)	-0.388 (0.696)	-0.796 (0.634)									
ln(ВВП на душу населения) X Электоральная автократия (V-dem)	2.416*** (0.805)	-0.717 (0.685)	-0.741 (0.627)	0.391** (0.194)	-0.329 (0.201)	0.055 (0.147)						
ln(ВВП на душу населения) X Электоральная демократия (V-dem)	1.507* (0.800)	-0.791 (0.676)	-1.194* (0.621)	-0.518* (0.276)	-0.403* (0.238)	-0.398*** (0.189)						
ln(ВВП на душу населения) X Либеральная демократия (V-dem)				-2.025** (0.815)	0.388 (0.696)	0.796 (0.634)						
Полная автократия (Polity)							-4.907** (1.988)	3.349 (2.193)	-0.205 (1.404)			
Частичная автократия (Polity)							-5.065** (2.006)	3.611 (2.219)	-0.127 (1.425)	-0.158 (0.408)	0.262 (0.435)	0.078 (0.316)
Фракциональная демократия (Polity)							-4.710** (1.992)	3.393 (2.189)	0.027 (1.410)	0.197 (0.375)	0.044 (0.416)	0.232 (0.300)
Частичная демократия (Polity)							-4.282** (1.984)	2.481 (2.212)	-0.232 (1.415)	0.625 (0.386)	-0.868* (0.455)	-0.027 (0.319)
Полная демократия (Polity)							4.907** (1.988)	-3.349 (2.193)	0.205 (1.404)			
ln(ВВП на душу населения) X Полная автократия (Polity)							2.347*** (0.781)	-0.028 (0.733)	0.793 (0.507)			
ln(ВВП на душу населения) X Частичная автократия (Polity)							2.135*** (0.813)	0.073 (0.758)	0.855 (0.529)	-0.212 (0.316)	0.101 (0.283)	0.061 (0.221)
ln(ВВП на душу населения) X Фракциональная демократия (Polity)							2.283*** (0.769)	-0.595 (0.701)	0.388 (0.491)	-0.064 (0.262)	-0.567** (0.268)	-0.405** (0.201)
ln(ВВП на душу населения) X Частичная демократия (Polity)							1.765** (0.762)	-0.284 (0.714)	0.311 (0.489)	-0.582** (0.255)	-0.255 (0.253)	-0.482** (0.191)
ln(ВВП на душу населения) X Полная демократия (Polity)							-2.347*** (0.781)	0.028 (0.733)	-0.793 (0.507)			
Кол-во наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-750.410	-996.133	-1,542.410	-750.410	-996.133	-1,542.410	-608.318	-760.370	-1,212.807	-608.318	-760.370	-1,212.807
Akaike Inf. Crit.	1,978.820	2,470.265	3,562.821	1,978.820	2,470.265	3,562.821	1,672.636	1,976.740	2,881.613	1,672.636	1,976.740	2,881.613

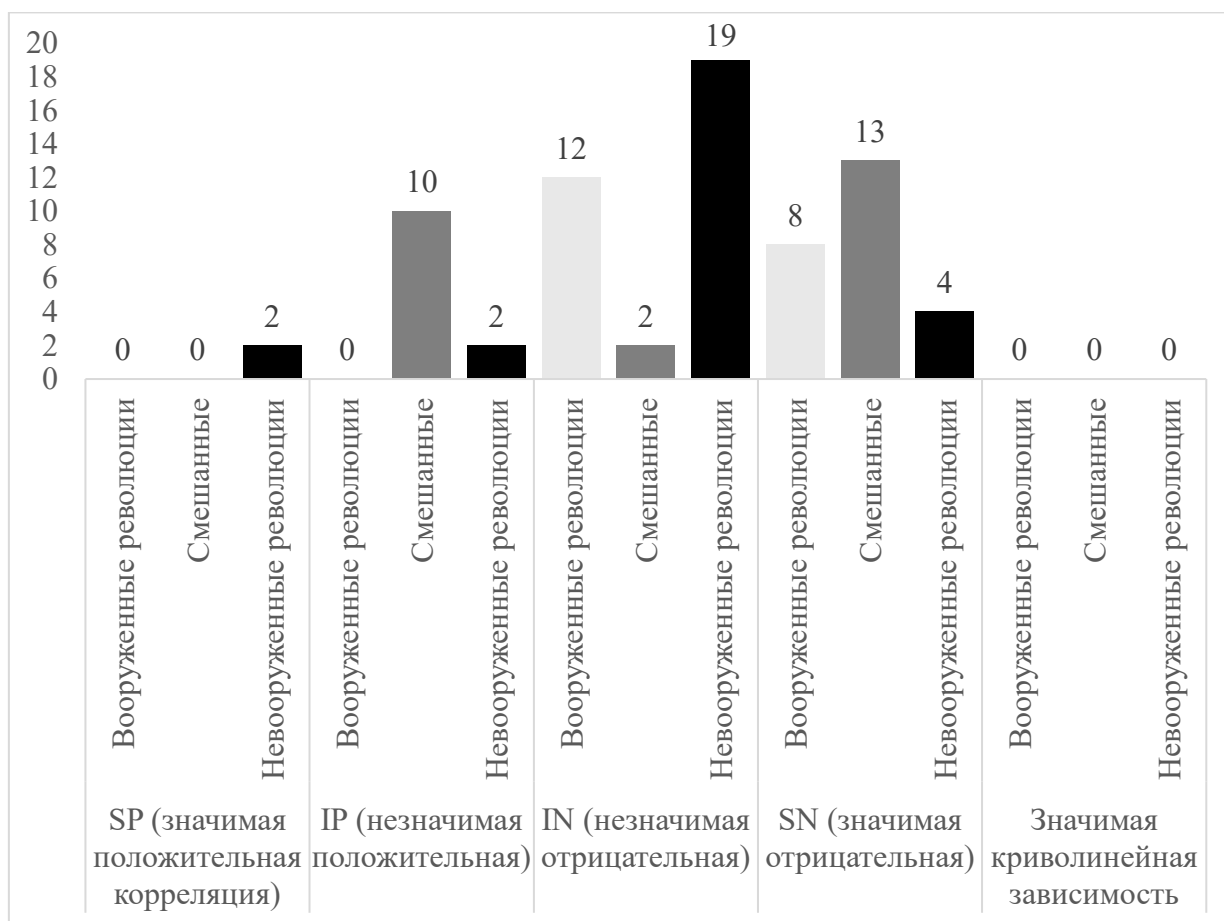
* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.

Рисунок 6 - Фактор благосостояния государства (рассчитанный как ВВП на душу населения) в режимном контексте

Влияние фактора темпов экономического роста на риски революционной дестабилизации [26; 33; 57; 70; 104; 128; 129; 137; 180] несколько отличается – агрегация результатов количественных исследований этого фактора расположена в приложении Б, а также ниже на рисунке 7. Так в большинстве количественных исследований наблюдается перевес в сторону статистической незначимости данного фактора. Хотя и тут мы можем наблюдать асимметрию – значительная часть исследователей постулирует негативное влияние данного фактора на вероятность революционной дестабилизации, в то время как в двух моделях он показал положительно значимое влияние.

Источник: составлено автором.

Рисунок 7 - Количество моделей с рассмотрением фактора экономического роста в зависимости от типа зависимой переменной

Что касается влияния этого фактора на разворачивание революционных процессов в разных политических режимах, результаты статистического анализа позволяют прояснить противоречивость, возникшую в прошлых

исследованиях - рисунок 8. Как и в случае с ВВП на душу населения, его значительный прирост за год разрушает авторитарные и переходные режимы и укрепляет либеральные демократии. Указанная разнонаправленность данного фактора в разных политических режимах объясняется тем фактом, что в случае масштабного экономического роста у индивидов в авторитарных государствах возникают повышенные запросы к государственной системе, выражающиеся уже не столько в удовлетворении экономических потребностей, сколько в ожидании расширения гражданских свобод, а приобретённые экономические блага позволяют скопить ресурсы для реализации этих запросов в рамках эскалации политической борьбы, которая, в свою очередь, может принять форму революции. Что касается демократий, то устойчивый и высокий экономический рост, наоборот, является существенным амортизатором протестной активности так как позволяет индивидам наслаждаться плодами их демократического волеизъявления, что повышает рейтинги одобрения правящего класса (а также политический системы в целом) и значительно снижает вероятность его революционного свержения.

Одним из основных экономических факторов революционной дестабилизации является доля нефти в экспорте государства (иногда рассматривается доля всех сырьевых доходов). Добавление данного предиктора базируется на концепции «ресурсного проклятия». Так, согласно концепции, М. Росса, высокие нефтяные доходы, во-первых, способствуют установлению своеобразного «социального контракта» между элитами и гражданским обществом, где первые обеспечивают сравнительно высокий уровень жизни, а вторые отказываются от политической борьбы. Во-вторых, сырьевой экспорт обеспечивает дополнительные ресурсы для укрепления репрессивного аппарата и поддержания его лояльности.

Зависимая переменная - революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-13.826* (7.344)	-4.035 (6.451)	0.739 (5.262)	-11.351 (7.370)	-0.630 (6.535)	3.550 (5.331)	-26.471*** (8.440)	-3.589 (8.263)	-4.563 (6.454)	-26.113*** (8.463)	-0.824 (8.393)	-3.157 (6.531)
ln(ВВП на душу населения)	-0.441** (0.208)	-0.044 (0.212)	-0.114 (0.160)	-0.441** (0.208)	-0.044 (0.212)	-0.114 (0.160)	-0.526** (0.247)	-0.604** (0.271)	-0.400** (0.195)	-0.526** (0.247)	-0.604** (0.271)	-0.400** (0.195)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.169** (0.069)	0.002 (0.061)	-0.055 (0.054)	-0.049*** (0.012)	-0.023 (0.015)	-0.048*** (0.011)	-0.179*** (0.066)	-0.043 (0.067)	-0.133** (0.054)	-0.067*** (0.015)	-0.043** (0.017)	-0.062*** (0.013)
Уровень коррупции	-1.297** (0.516)	-1.390*** (0.470)	-1.619*** (0.376)	-1.297** (0.516)	-1.390*** (0.470)	-1.619*** (0.376)	-0.351 (0.566)	-0.627 (0.556)	-0.655 (0.427)	-0.351 (0.566)	-0.627 (0.556)	-0.655 (0.427)
ln(Население)	0.631 (0.461)	-0.227 (0.395)	-0.339 (0.330)	0.631 (0.461)	-0.227 (0.395)	-0.339 (0.330)	1.628*** (0.526)	-0.309 (0.505)	0.078 (0.401)	1.628*** (0.526)	-0.309 (0.505)	0.078 (0.401)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.475*** (0.773)	3.404*** (0.506)	2.811*** (0.434)									
Электоральная автократия (V-dem)	2.771*** (0.765)	3.170*** (0.483)	2.822*** (0.422)	0.295 (0.188)	-0.235 (0.198)	0.010 (0.148)						
Электоральная демократия (V-dem)	1.933*** (0.741)	1.988*** (0.446)	1.752*** (0.398)	-0.542* (0.290)	-1.416*** (0.254)	-1.059*** (0.205)						
Либеральная демократия (V-dem)				-2.475*** (0.773)	-3.404*** (0.506)	-2.811*** (0.434)						
Рост ВВП X Закрытая автократия (V-dem)	0.119* (0.070)	-0.025 (0.062)	0.007 (0.055)									
Рост ВВП X Электоральная автократия (V-dem)	0.111 (0.070)	-0.052 (0.062)	-0.009 (0.055)	-0.008 (0.016)	-0.027 (0.020)	-0.016 (0.015)						
Рост ВВП X Электоральная демократия (V-dem)	0.131* (0.073)	-0.055 (0.063)	0.008 (0.056)	0.012 (0.029)	-0.030 (0.025)	0.001 (0.021)						
Рост ВВП X Либеральная демократия (V-dem)				-0.119* (0.070)	0.025 (0.062)	-0.007 (0.055)						
Полная автократия (Polity)							0.358 (0.586)	2.765*** (0.557)	1.406*** (0.434)			
Частичная автократия (Polity)							-0.015 (0.632)	3.229*** (0.580)	1.587*** (0.458)	-0.372 (0.296)	0.464* (0.268)	0.180 (0.212)
Фракционная демократия (Polity)							0.496 (0.595)	2.117*** (0.550)	1.173*** (0.434)	0.139 (0.261)	-0.648** (0.277)	-0.233 (0.207)
Частичная демократия (Polity)							0.256 (0.585)	1.687*** (0.531)	0.808* (0.425)	-0.102 (0.296)	-1.078*** (0.286)	-0.598*** (0.222)
Полная демократия (Polity)										-0.358 (0.586)	-2.765*** (0.557)	-1.406*** (0.434)
Рост ВВП X Полная автократия (Polity)							0.112* (0.067)	-0.0001 (0.069)	0.072 (0.055)			
Рост ВВП X Частичная автократия (Polity)							0.132* (0.072)	-0.024 (0.075)	0.068 (0.059)	0.020 (0.033)	-0.024 (0.038)	-0.004 (0.028)
Рост ВВП X Фракционная демократия (Polity)							0.144** (0.070)	-0.005 (0.072)	0.088 (0.057)	0.032 (0.028)	-0.005 (0.031)	0.016 (0.023)
Рост ВВП X Частичная демократия (Polity)							0.151** (0.072)	-0.035 (0.071)	0.071 (0.058)	0.039 (0.033)	-0.035 (0.030)	-0.001 (0.025)
Рост ВВП X Полная демократия (Polity)										-0.112* (0.067)	0.0001 (0.069)	-0.072 (0.055)
Кол-во наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-755.980	-997.128	-1,545.960	-755.980	-997.128	-1,545.960	-610.517	-762.622	-1,216.228	-610.517	-762.622	-1,216.228
Akaike Inf. Crit.	1,989.960	2,472.256	3,569.920	1,989.960	2,472.256	3,569.920	1,677.035	1,981.243	2,888.456	1,677.035	1,981.243	2,888.456

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

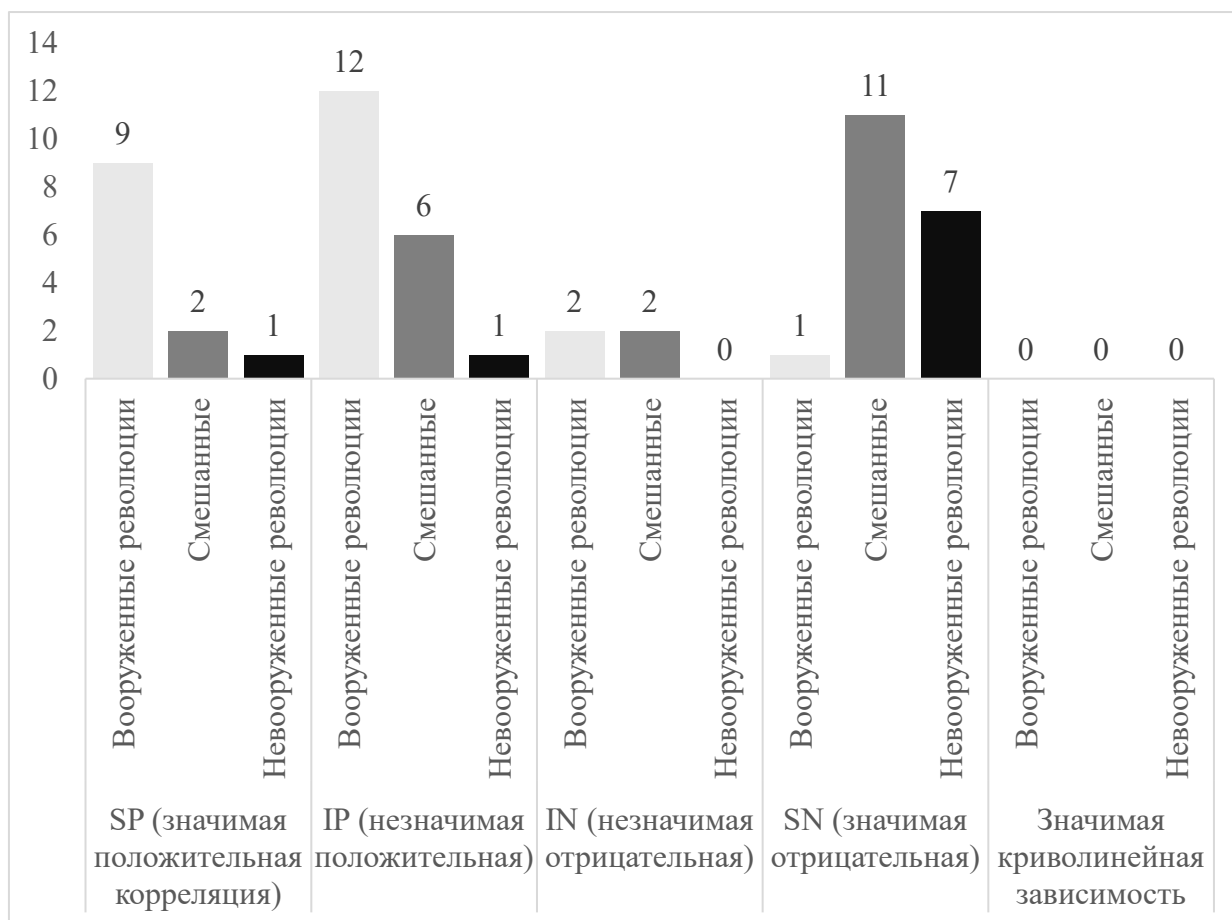
Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.

Рисунок 8 - Фактор экономического роста (изменение ВВП на душу в процентах) в режимном контексте

В-третьих, на фоне роста экономики за счет нефтяных доходов государство становится не заинтересовано в развитии мелкого и среднего бизнеса и тех социально-культурных изменениях, которые несет за собой формирование устойчивого среднего класса, склонного оказывать давление в сторону революционных демократических преобразований в большей степени, чем другие социальные страны [56, с. 267; 174; 183].

Проанализировав имеющиеся на данный момент количественные исследования [56; 74; 128; 129; 180; 204], изучающие влияние доли нефти в общем экспорте на социально-политическую стабильность, можно детектировать о значительной переменчивости данного фактора в различных исследованиях – рисунок 9.

Источник: составлено автором.

Рисунок 9 - Количество моделей с рассмотрением фактора нефтяного/сырьевого экспорта в зависимости от типа зависимой переменной

Так, почти одинаковое число моделей даёт этому фактору как положительно значимую, так и отрицательно значимую взаимосвязь с вероятностью революционной дестабилизации. При этом мы также можем

наблюдать значительный перевес в сторону положительно незначимого влияния [131].

Данная существенная переменчивость объясняется при добавлении в модель режимного контекста. Нефтяной экспорт операционализировался на основе показателя «Нефтяная рента» (*Oil rents percent of GDP*), предоставляемого Всемирным Банком [204]. Так, отрицательно значимая зависимость между нефтяным экспортом и революциями возникает в автократиях и переходных режимах, а положительно значимая в демократиях рисунок 10. Данная асимметрия объясняется тем, как по-разному сверхдоходы от продажи ресурсов, не требующие широких инноваций в человеческих капитал или высокотехнологичного производства, влияют на политические режимы. А именно, в автократиях высокие доходы о продажи нефти способны компенсировать провалы в случае неэффективного управления и/или экономических трудностей, вызванных слабой способностью подобных режимов обеспечивать развитие экономики [43]. В результате население, даже в случае существенных провалов авторитарного правительства, может долгое время не ощущать на себе последствий этих провалов и даже наслаждаться существенным увеличением уровня потребления. Помимо этого, при условии масштабных экономических кризисов, нефтяные доходы позволяют консолидировать элиты, путём распределения частей этих доходов и поддерживать правоохранительные органы, армию и тайную полицию, что, в совокупности, сводит риски революции к минимуму.

В качестве основного примера можно привести Монархии Залива, где существенные ограничения прав и свобод граждан и концентрация власти в руках монархов (Саудовская Аравия, например, является абсолютной монархией) компенсируются распределением доходов от продажи нефти в том числе в интересах граждан этих государств.

Зависимая переменная — революция											
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая
Константа	-22.837** (9.220)	-8.550 (7.935)	-5.578 (6.679)	-19.926** (9.170)	-4.971 (7.987)	-2.351 (6.714)	-32.876*** (10.393)	-5.727 (9.376)	-5.258 (7.750)	-32.045*** (10.368)	-2.612 (9.443)
Нефтяной экспорт	0.460** (0.199)	0.122 (0.196)	0.129 (0.202)	0.012 (0.016)	0.046** (0.021)	0.024 (0.015)	0.029 (0.074)	0.141** (0.069)	0.055 (0.068)	0.009 (0.018)	0.065*** (0.021)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.048*** (0.010)	-0.048*** (0.011)	-0.055*** (0.008)	-0.048*** (0.010)	-0.048*** (0.011)	-0.055*** (0.008)	-0.045*** (0.013)	-0.066*** (0.014)	-0.057*** (0.011)	-0.045*** (0.013)	-0.066*** (0.014)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.071 (0.269)	-0.355 (0.263)	-0.125 (0.208)	-0.071 (0.269)	-0.355 (0.263)	-0.125 (0.208)	-0.218 (0.314)	-0.870*** (0.318)	-0.555** (0.248)	-0.218 (0.314)	-0.870*** (0.318)
Уровень коррупции	-1.340** (0.634)	-1.719*** (0.537)	-1.920*** (0.448)	-1.340** (0.634)	-1.719*** (0.537)	-1.920*** (0.448)	-0.425 (0.672)	-0.575 (0.602)	-0.730 (0.490)	-0.425 (0.672)	-0.575 (0.602)
Логарифм населения	1.174** (0.561)	0.133 (0.477)	0.077 (0.406)	1.174** (0.561)	0.133 (0.477)	0.077 (0.406)	2.014*** (0.632)	-0.016 (0.564)	0.148 (0.470)	2.014*** (0.632)	-0.016 (0.564)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.912*** (0.840)	3.579*** (0.518)	3.227*** (0.476)								
Электоральная автократия (V-dem)	3.316*** (0.829)	3.248*** (0.491)	3.234*** (0.460)	0.405 (0.248)	-0.331 (0.228)	0.007 (0.183)					
Электоральная демократия (V-dem)	2.555*** (0.800)	2.055*** (0.453)	2.135*** (0.432)	-0.356 (0.328)	-1.524*** (0.280)	-1.092*** (0.234)					
Либеральная демократия (V-dem)				-2.912*** (0.840)	-3.579*** (0.518)	-3.227*** (0.476)					
Нефтяной экспорт × Закрытая автократия (V-dem)	-0.448** (0.199)	-0.077 (0.196)	-0.105 (0.202)								
Нефтяной экспорт × Электоральная автократия (V-dem)	-0.447** (0.199)	-0.071 (0.196)	-0.104 (0.201)	0.002 (0.015)	0.006 (0.019)	0.001 (0.013)					
Нефтяной экспорт × Электоральная демократия (V-dem)	-0.456** (0.195)	-0.127 (0.191)	-0.134 (0.198)	-0.008 (0.045)	-0.050 (0.052)	-0.029 (0.040)					
Нефтяной экспорт × Либеральная демократия (V-dem)				0.448** (0.199)	0.077 (0.196)	0.105 (0.202)					
Полная автократия (Polity)							0.831 (0.791)	3.116*** (0.650)	2.374*** (0.586)		
Частичная автократия (Polity)							0.153 (0.835)	3.361*** (0.673)	2.299*** (0.607)	-0.678* (0.360)	0.245 (0.290)
Фракционная демократия (Polity)							0.970 (0.793)	2.248*** (0.634)	1.962*** (0.578)	-0.867*** (0.314)	-0.412* (0.292)
Частичная демократия (Polity)							0.804 (0.779)	2.129*** (0.620)	1.696*** (0.568)	-0.987*** (0.321)	-0.678*** (0.297)
Полная демократия (Polity)										-0.831 (0.791)	-3.116*** (0.650)
Нефтяной экспорт × Полная автократия (Polity)							-0.020 (0.074)	-0.076 (0.069)	-0.028 (0.068)		
Нефтяной экспорт × Частичная автократия (Polity)							-0.002 (0.077)	-0.103 (0.072)	-0.025 (0.070)	0.018 (0.028)	-0.027 (0.034)
Нефтяной экспорт × Фракционная демократия (Polity)							0.002 (0.075)	-0.047 (0.068)	0.022 (0.068)	0.029 (0.020)	0.030 (0.028)
Нефтяной экспорт × Частичная демократия (Polity)							0.045 (0.078)	-0.257*** (0.097)	-0.076 (0.079)	0.065 (0.049)	-0.180** (0.072)
Нефтяной экспорт × Полная демократия (Polity)										0.020 (0.074)	0.028 (0.069)
Количество наблюдений	7,062	7,062	7,062	7,062	7,062	7,062	5,980	5,980	5,980	5,980	5,980
Логарифм правдоподобия	-567.754	-880.816	-1,257.665	-567.754	-880.816	-1,257.665	-457.716	-694.860	-1,007.285	-457.716	-694.860
Информационный критерий Акаике	1,593.509	2,219.631	2,973.329	1,593.509	2,219.631	2,973.329	1,353.431	1,827.720	2,452.570	1,353.431	1,827.720

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01
Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 10 - Фактор нефтяного экспорта в режимном контексте

Во многом, наличие у правящего класса источника неисчерпаемых доходов от продажи нефти и направление этих доходов в том числе на общественно-значимые проекты (инфраструктура, привлечение инвестиций, развитие наукоёмких технологий) позволили государствам Персидского залива элиминировать революционную угрозу во время Арабской Весны. Так, несмотря на наличие антиправительственных выступлений в 2011 г. в Бахрейне и Омане, эти протесты были быстро и эффективно подавлены и не переросли в полноценную революцию [19, с. 178].

В демократиях же, наоборот, высокие сырьевые доходы создают большие конгломераты из монополий, которые за счёт продажи ресурсов аккумулируют огромные богатства, увеличивая неравенство и подвергая опасности средний класс – основной «хребет» демократии. Тем самым, затрудняется формирование независимых социальных групп и альтернативных нефтяным монополиям «центров силы». Помимо этого, государства, получающие большие доходы от продажи сырья меньше зависят от налогов населения, что снижает требования граждан к политическим представителям и их заинтересованность в том, на что расходуются государственные средства, вследствие чего редуцируется гражданская культура и интерес к участию в политике, как её главные компонент. Также богатство от продажи нефти не способствует стремлению государства к социальному прогрессу - повышению человеческого капитала, улучшению образования, развитию городов как промышленных центров диверсифицированной экономики, основанной на сложных технологических цепочках и так далее [174]. В совокупности все эти последствия нефтяного экспорта разрушают демократию и приводят к ослаблению демократических институтов, критически зависимых от уровня социально-политической культуры индивидов, что повышает риски их разрушения в рамках революционных процессов. Данные факты нашли своё отражение в концепции «нефтяного проклятия».

Одним из центральных экономических индикаторов, рассматриваемых в качестве предиктора революций является инфляция. Так, классические теории утверждают, что повышение инфляции снижает прибыли производителей товаров и услуг, а также препятствует их дальнейшему производству, нанося ущерб экономическому росту. Соответственно, инфляция наносит ущерб благосостоянию общества, что повышает недовольство индивидов и усиливает их склонность к участию в революционных акциях [150].

В то же время многими исследователями отдельно выделяется продуктовая инфляция, как наиболее значимый предиктор разворачивания революционных процессов так как продуктовая инфляция – гораздо более чувствительный макроэкономический показатель, усугубляющий многие общественные невзгоды, такие как бедность, протестные настроения, фрустрация, экономические шоки и тому подобное [46; 50; 57; 58]. Многими исследователями признаётся, что влияние продуктовой инфляции на риски разворачивания революционных процессов является более «однозначным» и находит подтверждение в концепции «продуктовых бунтов» [130, с. 1433]. Так, именно повышение цен на продукты стало триггером «Арабской весны» [111].

Важным аспектом повышения вероятности разворачивания революционных процессов под влиянием инфляции (и её «подвида» - продуктовой инфляции) является тот факт, что она, как правило, бьёт по наименее защищённым слоям населения – беднейшим социальным группам и среднему классу [200, с. 241]. Это связано с тем, что покупательная способность индивидов сокращается, и они могут позволить себе всё меньше и меньше товаров, теряя, тем самым, быллой социальный статус. Наиболее болезненно данное понижение уровня потребления бьёт по самым бедным, чьё положение и до инфляционного давления было невысоко. Помимо этого, в любом процессе, изменяющем предложение денег, подразумевается перераспределение – вновь созданные деньги вливаются в экономику в

определенных сферах (как правило, это крупные банки или корпорации, отвечающие за жизненно важные для государства производства) и медленно распространяются на отдельных лиц, повышая при этом общий уровень цен. Происходит перераспределение благ от последних получателей новых денег к первым получателям. Тем самым, инфляция позволяет правительству и первым получателям государственных расходов (административной и бизнес-элите) получать прибыль за счет опоздавших получателей вновь созданных денег, к которым относятся беднейшие слои и средний класс. Инфляционные издержки также предполагают размывание сбережений индивидов, которые оказываются под угрозой из-за снижения покупательной способности. Обладатели сбережений, а также лица с фиксированными доходами (обычно это пенсионеры, студенты или безработные) страдают от инфляции в первую очередь [52, с. 498-504]. Именно этим уязвимые группы и становятся «топливом» для революционных движений.

В то же время в современной политической науке также наблюдается переменчивость влияния этого фактора на вероятность разворачивания центробежных тенденций. Количественные и теоретические исследования по-разному оценивают данный фактор. Так, Кейнсианцы продвигает идею о том, что умеренная инфляция способна стимулировать развитие экономики. Рост цен позволяет компаниям получать больше прибыли и вкладывать её в расширение производства и повышение заработных плат сотрудников. В результате цены растут в абсолютных, а не относительных показателях. Способствуя развитию экономики, небольшие темпы инфляции могут не только не повышать риски революционной дестабилизации, но даже и снижать их [131].

Прояснить данный пробел в политологическом знании поможет рассмотрение фактора продуктовой инфляции в режимном контексте - рисунок 11. В регрессионной модели продуктовая инфляция логарифмирована и рассчитана на основе данных Всемирного Банка - *Food price inflation* [204].

	Зависимая переменная — революция								
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-23.587** (9.807)	-1.649 (7.946)	-2.244 (6.770)	-20.972** (9.895)	1.219 (8.035)	0.225 (6.846)	-35.159*** (11.649)	-2.070 (10.195)	-10.536 (8.655)
ln(Продуктовая инфляция)	0.385 (0.245)	-0.020 (0.165)	0.024 (0.158)	0.190 (0.120)	0.092 (0.103)	0.168* (0.087)	0.129 (0.243)	-0.417** (0.189)	-0.316* (0.174)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.054*** (0.011)	-0.046*** (0.011)	-0.059*** (0.009)	-0.054*** (0.011)	-0.046*** (0.011)	-0.059*** (0.009)	-0.059*** (0.014)	-0.062*** (0.015)	-0.066*** (0.012)
Логарифм ВВП на душу населения	0.072 (0.288)	-0.355 (0.264)	-0.134 (0.214)	0.072 (0.288)	-0.355 (0.264)	-0.134 (0.214)	-0.056 (0.330)	-0.796** (0.334)	-0.056 (0.330)
Уровень коррупции	-1.566** (0.672)	-1.253** (0.566)	-1.702*** (0.473)	-1.566** (0.672)	-1.253** (0.566)	-1.702*** (0.473)	-0.358 (0.712)	0.128 (0.668)	-0.286 (0.533)
Логарифм населения	1.226** (0.607)	-0.306 (0.482)	-0.124 (0.416)	1.226** (0.607)	-0.306 (0.482)	-0.124 (0.416)	2.004*** (0.713)	-0.194 (0.625)	0.448 (0.528)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.615** (1.030)	2.869*** (0.611)	2.468*** (0.570)						
Электоральная автократия (V-dem)	3.483*** (0.978)	3.023*** (0.552)	2.936*** (0.523)	0.867** (0.415)	0.154 (0.349)	0.468 (0.294)			
Электоральная демократия (V-dem)	3.349*** (0.951)	1.839*** (0.502)	2.162*** (0.489)	0.734 (0.489)	-1.030*** (0.394)	-0.307 (0.337)			
Либеральная демократия (V-dem)				-2.615** (1.030)	-2.869*** (0.611)	-2.468*** (0.570)			
Продуктовая инфляция × Закрытая автократия (V-dem)	-0.194 (0.269)	0.112 (0.191)	0.144 (0.177)						
Продуктовая инфляция × Электоральная автократия (V-dem)	-0.359 (0.252)	-0.026 (0.178)	-0.021 (0.166)	-0.164 (0.137)	-0.138 (0.122)	-0.164 (0.101)			
Продуктовая инфляция × Электоральная демократия (V-dem)	-0.683*** (0.262)	0.013 (0.179)	-0.129 (0.169)	-0.488*** (0.162)	-0.099 (0.127)	-0.272** (0.109)			
Продуктовая инфляция × Либеральная демократия (V-dem)				0.194 (0.269)	-0.112 (0.191)	-0.144 (0.177)			
Полная автократия (Polity)							1.255 (1.007)	1.439** (0.697)	0.614 (0.632)
Частичная автократия (Polity)							1.524 (1.080)	1.386* (0.755)	0.884 (0.674)
Фракционная демократия (Polity)							2.530*** (0.977)	0.659 (0.664)	0.839 (0.607)
Частичная демократия (Polity)							2.078** (0.976)	0.791 (0.639)	0.513 (0.589)
Полная демократия (Polity)									-1.255 (1.007)
Продуктовая инфляция × Полная автократия (Polity)							0.031 (0.271)	0.576*** (0.218)	0.491** (0.197)
Продуктовая инфляция × Частичная автократия (Polity)							-0.221 (0.286)	0.644*** (0.233)	0.359* (0.204)
Продуктовая инфляция × Фракционная демократия (Polity)							-0.291 (0.260)	0.573*** (0.214)	0.320* (0.190)
Продуктовая инфляция × Частичная демократия (Polity)							-0.196 (0.261)	0.378* (0.211)	0.286 (0.188)
Продуктовая инфляция × Полная демократия (Polity)									-0.226 (0.170)
									-0.031 (0.271)
									-0.576*** (0.218)
									-0.491** (0.197)
Количество наблюдений	6,842	6,842	6,842	6,842	6,842	6,842	5,218	5,218	5,218
Log Likelihood	-533.450	-871.010	-1,229.145	-533.450	-871.010	-1,229.145	-419.327	-627.498	-924.960
Аканке Akaike Inf. Crit.	1,510.900	2,186.020	2,902.290	1,510.900	2,186.020	2,902.290	1,262.654	1,678.997	2,273.921

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.

Рисунок 11 - Фактор продуктовой инфляции в режимном контексте

Как мы видим, в наибольшей степени воздействию продуктовой инфляции подвержены автократии и анократии, более близкие к автократиям, в то время как в демократиях (полный или частичных) данный индикатор или никак не влияет на процессы дестабилизации или даже укрепляет указанные политические режимы. Подобная зависимость детерминирована тем фактом, что макроэкономические шоки (такие как резкий рост цен на продукты) в политических системах, где проводятся регулярные и открытые выборы, приводят к резкой активизации оппозиции, отставке правительства и досрочным выборам, что позволяет обществу как «выпустить пар», так и легально сменить политических менеджеров на более эффективных. Подобная способность демократий элиминировать социальные протесты, аккумулировав их энергию вокруг избирательных участков и устоявшихся процедур ротации политических лидеров, снижает риски революционной дестабилизации.

В автократиях же, наоборот, недовольство, вызванное снижением доступности продуктов первой необходимости накапливается, вследствие чего инкубент и вся политическая система всё больше ассоциируются с бедностью, дефицитом и неравенством. Будучи неспособной вовремя отмежеваться от теряющей популярность политического лидера, авторитарная система становится мишенью для критики и протестной активности. Вследствие этого социальные и экономические претензии постепенно трансформируются в политические, что делает крайне вероятной дальнейшее возникновение революции.

Ещё одним предиктором революционной дестабилизации, рассматриваемым не только политическими учёными, но и историками, является рост государственного долга. Причины этого заключаются в том, что стремительный рост государственных расходов и их превалирование над доходами, во-первых, уже сами по себе сопряжены с существенными трудностями, постигшими общество – это могут быть войны, экономические кризисы, отток капитала, коррупция, неэффективное управление, природные,

техногенные катастрофы и возросшие общественные требования к правительству. Тем самым, рост госдолга может быть своего рода «прокси» переменной, показывающей, что государство уже подвергается деструктивным процессам и уязвимо к революционной активности [57, с. 393-394]. Во-вторых, рост государственного долга значим по своим последствиям так как правительству для компенсации возросших расходов приходится прибегать к иностранным займам (подчас с чрезмерными процентами), установлению разорительных процентных ставок, принудительным займам у населения, повышению налогов, эмиссии денег, объявлению дефолта и даже национализации отдельных промышленных отраслей. Всё это в совокупности не добавляет популярности правящему классу и также подвергает его риску свержению посредством революции [166, с. 41; 203, с. 10].

В то же время государственный долг, как предиктор революционной дестабилизации остаётся малоизученным в современной политической науке с точки зрения количественной оценки его влияния, что обосновывает необходимость его изучения как самого по себе, так и в контексте политических режимов – рисунок 12 [131]. Уровень государственного долга в модели операционализирован как доля государственного долга в процентах от ВВП на основе данных Международного валютного фонда - *Central Government Debt as a Percentage of GDP* [125], проекта CLIO-INFRA - *Total Gross Central Government Debt as a Percentage of GDP* [76] и Кармен Рейнхарт - *Debt-to-GDP Ratios* [172].

Как мы можем заключить, высокие показатели государственного долга укрепляют автократии и негативно сказываются на стабильности демократий. Указанная зависимость объясняется тем, что автократы способны использовать заёмные средства не столько для стабилизации макроэкономической ситуации в государстве и улучшения положения индивидов на фоне экономических трудностей, сколько для обеспечения лояльности элит и репрессивного аппарата.

Логистическая регрессия для редких событий

Зависимая переменная — революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-22.689** (9.414)	-7.895 (8.097)	-7.910 (6.843)	-19.641** (9.282)	-4.329 (8.078)	-4.784 (6.812)	-27.175*** (10.063)	-5.317 (9.184)	-7.651 (7.563)	-25.674** (10.031)	-2.158 (9.281)	-5.554 (7.618)
Госдолг	0.017** (0.007)	0.005 (0.005)	0.009* (0.005)	0.005** (0.002)	0.004 (0.002)	0.002 (0.002)	0.010** (0.004)	0.002 (0.004)	0.005 (0.003)	0.006*** (0.002)	-0.0001 (0.002)	0.003* (0.001)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.048*** (0.012)	-0.058*** (0.012)	-0.059*** (0.010)	-0.048*** (0.012)	-0.058*** (0.012)	-0.059*** (0.010)	-0.043*** (0.015)	-0.069*** (0.015)	-0.061*** (0.012)	-0.043*** (0.015)	-0.069*** (0.015)	-0.061*** (0.012)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.114 (0.289)	-0.041 (0.261)	0.057 (0.215)	-0.114 (0.289)	-0.041 (0.261)	0.057 (0.215)	-0.133 (0.317)	-0.612** (0.310)	-0.316 (0.247)	-0.133 (0.317)	-0.612** (0.310)	-0.316 (0.247)
Уровень коррупции	-1.453** (0.676)	-1.114* (0.573)	-1.608*** (0.476)	-1.453** (0.676)	-1.114* (0.573)	-1.608*** (0.476)	-0.103 (0.717)	-0.335 (0.655)	-0.573 (0.524)	-0.103 (0.717)	-0.335 (0.655)	-0.573 (0.524)
Логарифм населения	1.121* (0.577)	0.034 (0.494)	0.171 (0.421)	1.121* (0.577)	0.034 (0.494)	0.171 (0.421)	1.566** (0.621)	-0.205 (0.562)	0.198 (0.468)	1.566** (0.621)	-0.205 (0.562)	0.198 (0.468)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	3.048*** (0.967)	3.566*** (0.615)	3.126*** (0.566)									
Электоральная автократия (V-dem)	4.043*** (0.944)	3.256*** (0.571)	3.378*** (0.537)	0.995*** (0.292)	-0.311 (0.268)	0.252 (0.214)						
Электоральная демократия (V-dem)	3.036*** (0.911)	2.168*** (0.534)	2.329*** (0.510)	-0.012 (0.367)	-1.398*** (0.319)	-0.797*** (0.261)						
Либеральная демократия (V-dem)				-3.048*** (0.967)	-3.566*** (0.615)	-3.126*** (0.566)						
Госдолг × Закрытая автократия (V-dem)	-0.012* (0.007)	-0.004 (0.006)	-0.007 (0.005)									
Госдолг × Электоральная автократия (V-dem)	-0.018** (0.007)	-0.004 (0.005)	-0.009* (0.005)	-0.005*** (0.002)	0.0004 (0.002)	-0.002 (0.002)						
Госдолг × Электоральная демократия (V-dem)	-0.017** (0.007)	-0.004 (0.005)	-0.009* (0.005)	-0.005** (0.002)	0.0003 (0.002)	-0.002 (0.002)						
Госдолг × Либеральная демократия (V-dem)				0.012* (0.007)	0.004 (0.006)	0.007 (0.005)						
Полная автократия (Polity)							1.501* (0.891)	3.159*** (0.711)	2.097*** (0.590)			
Частичная автократия (Polity)							1.588* (0.935)	3.494*** (0.736)	2.490*** (0.618)	0.086 (0.377)	0.335 (0.310)	0.392 (0.264)
Фракционная демократия (Polity)							2.144** (0.892)	2.441*** (0.703)	2.021*** (0.588)	0.642** (0.324)	-0.718** (0.304)	-0.077 (0.244)
Частичная демократия (Polity)							2.036** (0.879)	2.288*** (0.685)	1.837*** (0.577)	0.535 (0.361)	-0.871*** (0.328)	-0.261 (0.267)
Полная демократия (Polity)										-1.501* (0.891)	-3.159*** (0.711)	-2.097*** (0.590)
Госдолг × Полная автократия (Polity)							-0.004 (0.004)	-0.002 (0.004)	-0.002 (0.003)			
Госдолг × Частичная автократия (Polity)							-0.010** (0.004)	-0.002 (0.004)	-0.005 (0.004)	-0.006** (0.002)	0.0004 (0.002)	-0.003* (0.002)
Госдолг × Фракционная демократия (Polity)							-0.010** (0.004)	-0.001 (0.004)	-0.005 (0.003)	-0.006*** (0.002)	0.001 (0.002)	-0.003* (0.002)
Госдолг × Частичная демократия (Polity)							-0.012*** (0.005)	-0.003 (0.004)	-0.006* (0.004)	-0.008*** (0.003)	-0.001 (0.002)	-0.004** (0.002)
Госдолг × Полная демократия (Polity)										0.004 (0.004)	0.002 (0.004)	0.002 (0.003)
Количество наблюдений	7.317	7.317	7.317	7.317	7.317	7.317	6.065	6.065	6.065	6.065	6.065	6.065
Log Likelihood	-554.427	-866.972	-1,241.735	-554.427	-866.972	-1,241.735	-465.014	-681.659	-1,000.813	-465.014	-681.659	-1,000.813
Akaike Inf. Crit.	1,570.854	2,195.944	2,945.471	1,570.854	2,195.944	2,945.471	1,372.029	1,805.318	2,443.626	1,372.029	1,805.318	2,443.626

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 12 - Фактор государственного долга в режимном контексте

Соответственно, поток внешних средств помогает сохранять стабильность авторитарной системы даже на фоне сопровождающегося ухудшения благосостояния общества за счёт перенаправления этих средств исключительно на стабильность самого политического режима, а не на обеспечение общественного блага.

Коренным образом отличается ситуация в демократических режимах, которые не способны к силовому подавлению недовольства. Тем самым, рост государственного долга приводит к долгосрочным макроэкономическим проблемам, которые не всегда могут быть разрешены при смене политического руководства на следующих выборах. Вследствие чего экономические трудности приобретают «хронический характер», что вызывает разочарование в демократической системе как таковой и может привести к разрастанию центробежных тенденций, выливающихся в революционные акции [136]. При этом влияние государственного долга на демократии является достаточно слабо выраженным (многие модели показали отсутствие его статистически значимого воздействия на революции), что также подтверждает тезис о том, что в случае, если экономический шок был краткосрочным демократический системы способны его элиминировать посредством смены политических лидеров.

Тесно связанным с государственным долгом является фактор закредитованности населения или, как его называют в политической науке «долги домохозяйств». Данный предиктор также рассматривался не только политическими учёными, но и историками. Так, среди причин эрозии республиканских институтов Древнего Рима среди прочего назывался рост числа как должников, так и размеров частных долгов [11; 79]. Долги индивидов толкают их на участие в революционных акциях в связи с тем, что должникам нечего терять и им выгоден коллапс государства, позволяющий не только аннулировать их долги, но и значительно улучшить своё материальное положение за счёт экспроприации собственности своих кредиторов. Одновременно с этим высокая закредитованность приводит к обнищанию

населения, его психологической депривации, пауперизации и росту неравенства, что также являет собой благодатную почву для разворачивания революционных процессов [203, с. 133-135, 176].

В количественных работах, проводимых политическими учёными, фактор закредитованности также практически не представлен, что обосновывает его статистическую проверку в рамках текущего исследования – рисунок 13. Закредитованность индивидов операционализировалась через данные, предоставляемые Международным валютным Фондом - *Household debt, loans and debt securities, percent of GDP* [124] и «BIS Data Portal project» - *Credit to the non-financial sector* [61].

Как следует из регрессионной модели, долги домохозяйств не оказывают значимого влияния на вероятность революции в полных автократиях и полных демократиях, однако в анократиях их воздействие гораздо более явное. Так, в частичных автократиях закредитованность население снижает вероятность революций, а в частичных демократиях, наоборот, увеличивает риски социально-политической дестабилизации. Это связано с тем фактом, что в авторитарных режимах наличие долгов снижает склонность индивидов к участию в политических акциях. Будучи обременёнными долгами, они больше заботятся об обеспечении личного благополучия, чем о масштабных политических переменах.

Помимо этого, риски участия в протестных акциях для них гораздо выше так как в случае тюремного заключения они теряют не только свободу, но и ставят под угрозу экономическое благополучие своих семей, которые будут вынуждены в одиночку выплачивать их кредиты. Частичные демократии, в свою очередь, отличаются меньшей склонностью к масштабным репрессиям в случае разворачивания социальных протестов. Соответственно, для индивидов участие в этих протестах, с одной стороны, отличается меньшим риском маргинализации, а с другой открывает возможности к списанию долгов в случае успешной революции. В данном случае «игра стоит свеч», что повышает риски революционной дестабилизации.

Логистическая регрессия для редких событий

	Зависимая переменная — революция								
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-44.410 (30.231)	-80.935*** (26.293)	-74.731*** (24.169)	-45.244 (30.377)	-79.255*** (26.408)	-73.527*** (24.269)	-17.214 (34.980)	-38.117 (29.957)	-34.997 (27.216)
Долги домохозяйств	-0.043** (0.019)	0.003 (0.013)	-0.005 (0.012)	-0.015 (0.033)	-0.009 (0.019)	-0.014 (0.019)	-0.028 (0.020)	-0.001 (0.015)	-0.006 (0.014)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.084*** (0.029)	-0.053* (0.028)	-0.079*** (0.026)	-0.084*** (0.029)	-0.053* (0.028)	-0.079*** (0.026)	-0.076** (0.037)	-0.047 (0.034)	-0.073** (0.032)
Логарифм ВВП на душу населения	1.968*** (0.702)	0.084 (0.517)	0.726 (0.494)	1.968*** (0.702)	0.084 (0.517)	0.726 (0.494)	2.533** (1.237)	-1.203 (0.856)	0.048 (0.819)
Уровень коррупции	-0.719 (1.901)	1.886 (1.449)	1.892 (1.369)	-0.719 (1.901)	1.886 (1.449)	1.892 (1.369)	1.833 (2.337)	3.172** (1.593)	3.487** (1.521)
Логарифм населения	2.752 (1.776)	4.400*** (1.539)	4.122*** (1.417)	2.752 (1.776)	4.400*** (1.539)	4.122*** (1.417)	0.887 (2.046)	2.078 (1.756)	1.968 (1.595)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	-0.835 (1.609)	1.679* (1.009)	1.205 (0.984)						
Электоральная автократия (V-dem)	1.217 (1.164)	1.913** (0.961)	1.993** (0.911)	2.052 (1.598)	0.234 (0.959)	0.788 (0.925)			
Электоральная демократия (V-dem)	-0.608 (0.982)	0.082 (0.862)	0.158 (0.830)	0.227 (1.569)	-1.597* (0.905)	-1.047 (0.893)			
Либеральная демократия (V-dem)				0.835 (1.609)	-1.679* (1.009)	-1.205 (0.984)			
Долги домохозяйств × Закрытая автократия (V-dem)	0.028 (0.032)	-0.012 (0.019)	-0.009 (0.018)						
Долги домохозяйств × Электоральная автократия (V-dem)	0.029 (0.027)	-0.012 (0.023)	-0.003 (0.021)	0.0003 (0.032)	-0.0003 (0.022)	0.007 (0.021)			
Долги домохозяйств × Электоральная демократия (V-dem)	0.041* (0.022)	0.029 (0.018)	0.028 (0.018)	0.013 (0.033)	0.041** (0.021)	0.037* (0.020)			
Долги домохозяйств × Либеральная демократия (V-dem)				-0.028 (0.032)	0.012 (0.019)	0.009 (0.018)			
Полная автократия (Polity)							2.018 (1.616)	-0.940 (1.014)	-0.851 (1.027)
Частичная автократия (Polity)							4.857** (2.468)	-1.776 (1.589)	-0.392 (1.428)
Фракционная демократия (Polity)							1.300 (1.446)	-1.291 (1.071)	-1.497 (1.096)
Частичная демократия (Polity)							-0.898 (1.403)	-1.669 (1.029)	-2.248** (1.079)
Полная демократия (Polity)								-2.916** (1.363)	-0.730 (0.926)
Долги домохозяйств × Полная автократия (Polity)							-0.041 (0.035)	0.019 (0.023)	-0.007 (0.022)
Долги домохозяйств × Частичная автократия (Polity)							-0.109* (0.063)	0.098* (0.057)	0.013 (0.047)
Долги домохозяйств × Фракционная демократия (Polity)							0.005 (0.029)	0.025 (0.020)	0.026 (0.019)
Долги домохозяйств × Частичная демократия (Polity)							0.009 (0.032)	0.050** (0.022)	0.034 (0.035)
Долги домохозяйств × Полная демократия (Polity)								0.041 (0.035)	-0.019 (0.023)
Количество наблюдений	2,505	2,505	2,505	2,505	2,505	2,505	2,013	2,013	2,013
Log Likelihood	-120.487	-266.633	-312.297	-120.487	-266.633	-312.297	-107.145	-214.339	-253.297
Akaike Inf. Crit.	552.974	845.267	936.593	552.974	845.267	936.593	516.290	730.678	808.593

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.

Рисунок 13 - Фактор долгов домохозяйств в режимном контексте

Рассматривая факторы, связанные с долговым бременем государства и общества необходимо упомянуть ключевые ставки Центрального Банка в качестве фактора революционной дестабилизации. Данный индикатор может быть хорошей прокси-переменной макроэкономического состояния государства и выступать своего рода «барометром» как общего благосостояния индивидов, так и эффективности государственного управления политических элит. Высокие процентные ставки означают разгул инфляции и/или наличие серьёзного экономического кризиса, что повышает риски революционной дестабилизации. Также высокая ключевая ставка может говорить о пониженной эффективности государственной системы, которая исчерпала все остальные рычаги регулирования экономической ситуации

Современная политическая наука практически не рассматривает ключевую ставку, установленную Центральным Банком в качестве фактора революций, что видится серьёзным упущением так как данный макроэкономический показатель может выступать не только в качестве индикатора социально-экономической, но и как прокси-показатель политической стабильности. Именно поэтому его также необходимо рассмотреть в режимном контексте. Набор данных по ключевым ставкам, устанавливаемым Центральным Банком, по годам и странам сформирован на базе датасета Международного Валютного Фонда - *Interest Rates* [124].

Как мы можем видеть из результатов логистической регрессии для редких событий - рисунок 14, высокая ключевая ставка укрепляет частичные демократии. Данная зависимость связана с тем фактом, что в демократиях Центральный Банк, как правило отделён от избранных политических менеджеров и проводит независимую политику, вследствие чего разражёнными общественным массам затруднительно возложить ответственность за его действия на политические элиты или демократическую систему в целом. Помимо этого, высокая процентная ставка позволяет им сберегать больше денежных средств, что редуцирует риски революционной дестабилизации.

В авторитарных режимах, в свою очередь, высокая ключевая ставка более всего бьёт по благосостоянию среднего класса – сокращаются возможности по покупке нового жилья, автомобилей, строительству недвижимости, развитию малого и среднего бизнеса и так далее. С ростом ключевой ставки происходит в целом замедление экономической деятельности, что сокращает возможности для обогащения (а значит и роста доли в обществе) для городского среднего класса, который, как указывалось выше, является главной движущей силой революций в авторитарных государствах. Тем самым повышение ключевой ставки сокращает «социальную базу» революций в недемократических обществах, одновременно являясь прокси-переменной экономических трудностей, которые могут спровоцировать революцию. Тем самым наложение «противоположных» тенденций объясняет отсутствие статистической значимости данного индикатора в автократиях.

Что касается демократий, то в данных обществах высокая ключевая ставка хотя и тормозит экономическое развитие в то же время является реакцией независимого Центрального Банка на разрешение кризисных тенденций. Соответственно высокая ключевая ставка, с одной стороны, также способствует эрозии среднего класса, наличие которого критично для выживания демократии, а с другой помогает экономике «излечиться» от инфляции, что элиминирует революционную угрозу. Именно поэтому данный индикатор показывает незначимое влияние на вероятность революции в демократиях.

Важным макроэкономическим показателем, влияющим на революционную активность, является наличие в данный момент мирового экономического кризиса или, как его называются в политической науке «шока» [166, с. 40-41].

Логистическая регрессия для редких событий

Зависимая переменная — революция

	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-113.817*** (27.778)	1.774 (16.725)	-12.849 (15.823)	-111.981*** (27.603)	4.626 (16.721)	-10.434 (15.795)	-126.699*** (33.814)	-1.471 (20.900)	-25.911 (19.514)	-126.385*** (33.808)	0.198 (21.085)	-25.415 (19.684)
Ключевая ставка ЦБ	0.051 (0.078)	-0.003 (0.066)	-0.022 (0.065)	0.043 (0.049)	-0.021 (0.047)	-0.011 (0.039)	0.089 (0.099)	-0.077 (0.088)	-0.096 (0.083)	0.047** (0.020)	0.004 (0.017)	0.018 (0.015)
Рост ВВП на душу населения (%)	0.038 (0.027)	-0.037 (0.024)	-0.010 (0.020)	0.038 (0.027)	-0.037 (0.024)	-0.010 (0.020)	0.035 (0.037)	-0.064** (0.030)	-0.036 (0.027)	0.035 (0.037)	-0.064** (0.030)	-0.036 (0.027)
Логарифм ВВП на душу населения	2.690*** (1.020)	-0.665 (0.569)	-0.174 (0.551)	2.690*** (1.020)	-0.665 (0.569)	-0.174 (0.551)	4.387** (1.704)	-0.723 (0.953)	0.120 (0.929)	4.387** (1.704)	-0.723 (0.953)	0.120 (0.929)
Уровень коррупции	-0.983 (1.908)	-1.741 (1.137)	-1.948* (1.084)	-0.983 (1.908)	-1.741 (1.137)	-1.948* (1.084)	2.120 (2.647)	0.715 (1.634)	1.105 (1.567)	2.120 (2.647)	0.715 (1.634)	1.105 (1.567)
Логарифм населения	6.901*** (1.683)	-0.297 (1.004)	0.677 (0.951)	6.901*** (1.683)	-0.297 (1.004)	0.677 (0.951)	7.994*** (2.088)	-0.068 (1.255)	1.549 (1.178)	7.994*** (2.088)	-0.068 (1.255)	1.549 (1.178)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	1.836 (1.474)	2.852*** (1.101)	2.416** (1.040)									
Электоральная автократия (V-dem)	2.683** (1.341)	2.133** (0.966)	2.345** (0.942)	0.847 (0.729)	-0.720 (0.613)	-0.071 (0.526)						
Электоральная демократия (V-dem)	1.953 (1.255)	1.322 (0.868)	1.542* (0.862)	0.117 (0.791)	-1.530** (0.658)	-0.874 (0.561)						
Либеральная демократия (V-dem)				-1.836 (1.474)	-2.852*** (1.101)	-2.416** (1.040)						
Ключевая ставка ЦБ × Закрытая автократия (V-dem)	-0.008 (0.090)	-0.018 (0.078)	0.011 (0.073)									
Ключевая ставка ЦБ × Электоральная автократия (V-dem)	-0.027 (0.077)	-0.0004 (0.066)	0.024 (0.065)	-0.018 (0.049)	0.018 (0.048)	0.012 (0.040)						
Ключевая ставка ЦБ × Электоральная демократия (V-dem)	-0.075 (0.077)	0.005 (0.065)	0.015 (0.064)	-0.067 (0.052)	0.023 (0.048)	0.003 (0.040)						
Ключевая ставка ЦБ × Либеральная демократия (V-dem)				0.008 (0.090)	0.018 (0.078)	-0.011 (0.073)						
Полная автократия (Polity)							0.314 (1.803)	1.669 (1.146)	0.497 (1.129)			
Частичная автократия (Polity)							-2.891 (1.997)	1.899 (1.208)	-0.071 (1.190)	-3.205*** (1.161)	0.230 (0.638)	-0.568 (0.617)
Фракционная демократия (Polity)							0.792 (1.753)	0.404 (1.052)	0.077 (1.065)	-1.265** (0.478)	-0.420 (0.631)	-0.420 (0.566)
Частичная демократия (Polity)							0.671 (1.686)	1.121 (1.090)	0.457 (1.069)	-0.548 (0.728)	-0.039 (0.631)	-0.039 (0.550)
Полная демократия (Polity)										-0.314 (1.803)	-1.669 (1.146)	-0.497 (1.129)
Ключевая ставка ЦБ × Полная автократия (Polity)							-0.043 (0.099)	0.081 (0.088)	0.113 (0.084)			
Ключевая ставка ЦБ × Частичная автократия (Polity)							-0.023 (0.100)	0.071 (0.089)	0.107 (0.085)	0.020 (0.027)	-0.010 (0.024)	-0.006 (0.023)
Ключевая ставка ЦБ × Фракционная демократия (Polity)							-0.097 (0.099)	0.083 (0.087)	0.090 (0.083)	-0.055* (0.029)	0.002 (0.024)	-0.023 (0.022)
Ключевая ставка ЦБ × Частичная демократия (Polity)							-0.105 (0.097)	0.008 (0.092)	0.054 (0.084)	-0.062** (0.026)	-0.073* (0.038)	-0.060** (0.025)
Ключевая ставка ЦБ × Полная демократия (Polity)										0.043 (0.099)	-0.081 (0.088)	-0.113 (0.084)
Количество наблюдений	2,149	2,149	2,149	2,149	2,149	2,149	1,750	1,750	1,750	1,750	1,750	1,750
Log Likelihood	-146.147	-333.796	-406.950	-146.147	-333.796	-406.950	-126.303	-249.526	-313.482	-126.303	-249.526	-313.482
Akaike Inf. Crit.	608.294	983.592	1,129.901	608.294	983.592	1,129.901	560.607	807.052	934.963	560.607	807.052	934.963

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 14 - Фактор ключевой ставки в режимном контексте

Экономические шоки играют важную роль в процессе революционной дестабилизации, с одной стороны, способствуя каскадообразному нивелированию фальсификации предпочтений, свойственной авторитарным обществам, а с другой побуждая элиты к проведению политических реформ [12; 42; 66; 144; 151]. Тем самым экономический кризис может спровоцировать революции, являясь не столько их причиной, сколько катализатором остальных факторов. Вследствие этого его рассмотрение в режимном контексте приобретает дополнительный интерес для моделирования устойчивости политических режимов к экономическим «шокам».

Операционализация наличия мирового экономического кризиса по годам проводилась на основе индекса BCDI (*Composite Regional and World Crises Indices*), предоставляемого Кармен Рейнхарт [172]. Итоговый результат построения статистической модели - рисунок 15.

Как мы можем заключить, в наибольшей степени деконсолидации под влиянием экономических шоков подвержены автократии и частичные автократии, в то время как демократии (в том числе и частичные) характеризуются значительной политической устойчивостью к экономическим кризисам. Как говорилось выше, экономический шок представляет собой не столько фактор революции сам по себе, сколько катализатор для других революционных факторов. По причине того, что авторитарные режимы, как правило, уже обременены коррупцией, неэффективностью, неравенством и так далее, шок в экономике обостряет эти противоречия и подогревает общество, подталкивая его к участию в революционных движениях.

Демократии демонстрируют устойчивость к экономическим кризисам, что связано с тем фактом, что экономические кризисы являются продуктом цикличности глобальной и национальной экономики и слабо зависят от действий конкретных политических менеджеров.

Зависимая переменная — революция											
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая
Константа	0.009 (8.760)	1.134 (9.184)	5.771 (7.362)	2.033 (8.838)	5.824 (9.344)	9.433 (7.479)	-11.237 (8.417)	-3.224 (9.556)	-1.419 (7.141)	-11.239 (8.430)	-0.846 (9.741)
Индекс BCDI	0.013 (0.059)	0.173*** (0.059)	0.125*** (0.047)	0.035 (0.058)	0.165*** (0.058)	0.125*** (0.046)	-0.101 (0.064)	0.206** (0.091)	0.046 (0.054)	-0.084 (0.064)	0.252*** (0.090)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.054*** (0.009)	-0.045*** (0.011)	-0.058*** (0.008)	-0.054*** (0.009)	-0.045*** (0.011)	-0.058*** (0.008)	-0.061*** (0.012)	-0.057*** (0.013)	-0.063*** (0.010)	-0.061*** (0.012)	-0.057*** (0.013)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.428* (0.244)	-0.010 (0.277)	-0.094 (0.200)	-0.428* (0.244)	-0.010 (0.277)	-0.094 (0.200)	-0.511* (0.277)	-0.574* (0.325)	-0.332 (0.230)	-0.511* (0.277)	-0.574* (0.325)
Уровень коррупции	-1.458** (0.576)	-2.217*** (0.609)	-2.190*** (0.464)	-1.458** (0.576)	-2.217*** (0.609)	-2.190*** (0.464)	-0.646 (0.614)	-1.237* (0.657)	-1.083** (0.494)	-0.646 (0.614)	-1.237* (0.657)
Логарифм населения	-0.230 (0.603)	-0.770 (0.628)	-0.827 (0.508)	-0.230 (0.603)	-0.770 (0.628)	-0.827 (0.508)	0.824 (0.643)	-0.597 (0.712)	-0.215 (0.551)	0.824 (0.643)	-0.597 (0.712)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.025** (0.970)	4.690*** (0.831)	3.661*** (0.725)								
Электоральная автократия (V-dem)	2.328** (0.940)	4.395*** (0.778)	3.614*** (0.690)	0.304 (0.396)	-0.295 (0.421)	-0.047 (0.322)					
Электоральная демократия (V-dem)	1.884** (0.927)	2.952*** (0.752)	2.701*** (0.678)	-0.140 (0.514)	-1.738*** (0.509)	-0.960** (0.406)					
Либеральная демократия (V-dem)				-2.025** (0.970)	-4.690*** (0.831)	-3.661*** (0.725)					
Индекс BCDI × Закрытая автократия (V-dem)	0.022 (0.016)	-0.009 (0.014)	0.0005 (0.013)								
Индекс BCDI × Электоральная автократия (V-dem)	0.023 (0.015)	-0.011 (0.012)	0.001 (0.011)	0.001 (0.009)	-0.002 (0.010)	0.001 (0.008)					
Индекс BCDI × Электоральная демократия (V-dem)	0.002 (0.016)	-0.021 (0.014)	-0.017 (0.013)	-0.020* (0.012)	-0.013 (0.012)	-0.017* (0.010)					
Индекс BCDI × Либеральная демократия (V-dem)				-0.022 (0.016)	0.009 (0.014)	-0.0005 (0.013)					
Полная автократия (Polity)							-0.002 (0.769)	2.378*** (0.922)	1.048 (0.699)		
Частичная автократия (Polity)							0.198 (0.839)	3.625*** (0.935)	1.871*** (0.723)	0.200 (0.553)	1.246** (0.546)
Фракционная демократия (Polity)							0.091 (0.805)	3.001*** (0.898)	1.534** (0.695)	0.093 (0.510)	0.623 (0.522)
Частичная демократия (Polity)							-0.088 (0.758)	2.210** (0.862)	0.945 (0.670)	-0.086 (0.494)	-0.168 (0.524)
Полная демократия (Polity)									0.002 (0.769)	-2.378*** (0.922)	-1.048 (0.699)
Индекс BCDI × Полная автократия (Polity)							0.017 (0.015)	0.046*** (0.017)	0.034** (0.014)		
Индекс BCDI × Частичная автократия (Polity)							0.007 (0.017)	0.023 (0.018)	0.018 (0.015)	-0.010 (0.014)	-0.023* (0.013)
Индекс BCDI × Фракционная демократия (Polity)							0.018 (0.016)	0.015 (0.017)	0.017 (0.014)	0.001 (0.012)	-0.030** (0.012)
Индекс BCDI × Частичная демократия (Polity)							0.015 (0.016)	0.018 (0.016)	0.017 (0.014)	-0.002 (0.011)	-0.028** (0.012)
Индекс BCDI × Полная демократия (Polity)									-0.017 (0.015)	-0.046*** (0.017)	-0.034** (0.014)
Количество наблюдений	6,783	6,783	6,783	6,783	6,783	6,783	6,064	6,064	6,064	6,064	6,064
Log Likelihood	-625.380	-629.589	-1,092.035	-625.380	-629.589	-1,092.035	-526.265	-535.854	-934.702	-526.265	-535.854
Akaike Inf. Crit.	1,696.760	1,705.178	2,630.069	1,696.760	1,705.178	2,630.069	1,482.530	1,501.707	2,299.405	1,482.530	1,501.707

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$
Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 15 - Фактор экономического кризиса в режимном контексте

Вследствие чего в массовом сознании ответственность за временные неурядицы не возлагается на политическую систему, что снижает риски её революционного свержения. Помимо этого, демократии характеризуются малым набором уже имеющихся факторов революций, из-за чего экономические кризисы не способны запустить «цепную реакцию» революционной дестабилизации. Помимо этого, демократическая система позволяет обществу возложить вину за экономические трудности на конкретных политических лидеров и/или политическую партию и «наказать» их на грядущих выборах, что позволяет «выпустить пар» и сместить фокус недовольства с демократической системы как таковой.

Также кризисы в демократиях открывают дорогу новым политическим проектам и политическим лидерам, которые получают возможность предложить обществу новые проекты и программы по выходу из кризисных ситуаций, фокусируя энергию и энтузиазм широких масс на альтернативных революциям формах разрешения экономического и политического напряжения. Хрестоматийным примером является Великая Депрессия в США, когда, несмотря на масштабный и затяжной экономический кризис либеральная демократия не только устояла, но и смогла перестроиться под новые реалии в рамках объявленного Ф. Рузвельтом «Нового Курса».

Помимо «шоковых» факторов необходимо затронуть ещё и благотворные – такие как объём инвестиций в экономику. Так, исследование взаимосвязи иностранных инвестиций и революционной активности находили отражения в исследованиях многих политических учёных [57, с. 392]. Отток инвестиций может быть серьёзным сигналом о назревании в государстве серьёзных социальных, экономических или политических проблем. Конъюнктура рынка может в данном случае служить надёжным предиктором революции в том числе и как «самосбывающееся» пророчество. Чувствуя наступление революции, индивиды могут начать выводить капитал из национальной экономики, что ухудшает экономическую ситуацию и приводит к разворачиванию революционных процессов.

Логистическая регрессия для редких событий

	Зависимая переменная — революция								
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-14.570 (10.855)	5.056 (9.106)	5.730 (7.750)	-13.232 (10.830)	8.145 (9.122)	8.579 (7.724)	-28.535** (12.680)	18.087 (11.470)	8.251 (9.440)
Инвестиции	-0.037 (0.067)	0.011 (0.049)	-0.006 (0.049)	-0.007 (0.013)	0.023* (0.014)	0.008 (0.010)	0.043 (0.052)	0.013 (0.051)	-0.017 (0.050)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.053*** (0.012)	-0.057*** (0.013)	-0.061*** (0.010)	-0.053*** (0.012)	-0.057*** (0.013)	-0.061*** (0.010)	-0.035** (0.015)	-0.072*** (0.016)	-0.058*** (0.015)
Логарифм ВВП на душу населения	0.043 (0.364)	-0.419 (0.323)	-0.212 (0.273)	0.043 (0.364)	-0.419 (0.323)	-0.212 (0.273)	0.100 (0.450)	-1.205*** (0.438)	-0.652* (0.345)
Уровень коррупции	-1.461* (0.781)	-0.594 (0.589)	-1.001* (0.515)	-1.461* (0.781)	-0.594 (0.589)	-1.001* (0.515)	-0.583 (0.839)	-0.157 (0.678)	-0.192 (0.580)
Логарифм населения	0.777 (0.659)	-0.901* (0.541)	-0.678 (0.466)	0.777 (0.659)	-0.901* (0.541)	-0.678 (0.466)	1.663** (0.767)	-1.604** (0.689)	-0.698 (0.571)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	1.338 (1.804)	3.089** (1.373)	2.849** (1.340)						
Электоральная автократия (V-dem)	2.433 (1.799)	3.655*** (1.355)	3.613*** (1.335)	1.095** (0.466)	0.566 (0.488)	0.764** (0.372)			
Электоральная демократия (V-dem)	0.999 (1.823)	2.833** (1.359)	2.474* (1.341)	-0.339 (0.680)	-0.256 (0.587)	-0.375 (0.493)			
Либеральная демократия (V-dem)				-1.338 (1.804)	-3.089** (1.373)	-2.849** (1.340)			
Инвестиции × Закрытая автократия (V-dem)	0.029 (0.068)	0.012 (0.050)	0.014 (0.049)						
Инвестиции × Электоральная автократия (V-dem)	0.001 (0.068)	-0.024 (0.050)	-0.019 (0.049)	-0.029 (0.018)	-0.036* (0.018)	-0.033** (0.015)			
Инвестиции × Электоральная демократия (V-dem)	0.034 (0.069)	-0.038 (0.051)	-0.015 (0.050)	0.005 (0.025)	-0.050** (0.022)	-0.029 (0.019)			
Инвестиции × Либеральная демократия (V-dem)				-0.029 (0.068)	-0.012 (0.050)	-0.014 (0.049)			
Полная автократия (Polity)							1.939 (1.543)	2.501* (1.400)	1.665 (1.320)
Частичная автократия (Polity)							3.059* (1.669)	3.015** (1.458)	1.950 (1.369)
Фракционная демократия (Polity)							1.836 (1.565)	1.650 (1.417)	0.960 (1.336)
Частичная демократия (Polity)							3.021* (1.569)	1.863 (1.421)	1.667 (1.339)
Полная демократия (Polity)								1.082 (0.691)	-0.638 (0.615)
Инвестиции × Полная автократия (Polity)							-1.939 (1.543)	-2.501* (1.400)	-1.665 (1.320)
Инвестиции × Частичная автократия (Polity)							-0.056 (0.053)	-0.001 (0.051)	0.012 (0.051)
Инвестиции × Фракционная демократия (Polity)							-0.148** (0.063)	-0.010 (0.054)	-0.002 (0.054)
Инвестиции × Частичная демократия (Polity)							-0.092** (0.039)	-0.009 (0.024)	-0.014 (0.022)
Инвестиции × Полная демократия (Polity)							-0.038 (0.056)	0.0001 (0.054)	0.026 (0.053)
Инвестиции × Частичная демократия (Polity)							0.018 (0.024)	0.001 (0.023)	0.014 (0.019)
Инвестиции × Полная демократия (Polity)							-0.100* (0.056)	-0.045* (0.054)	-0.033 (0.053)
Инвестиции × Частичная демократия (Polity)							-0.029 (0.027)	-0.045* (0.023)	-0.040** (0.020)
Инвестиции × Полная демократия (Polity)							0.056 (0.053)	0.001 (0.051)	-0.012 (0.051)
Количество наблюдений	6.106	6.106	6.106	6.106	6.106	6.106	4.927	4.927	4.927
Log Likelihood	-424.642	-794.250	-1.065.409	-424.642	-794.250	-1.065.409	-337.786	-611.799	-833.445
Akaike Inf. Crit.	1,267.284	2,006.499	2,548.818	1,267.284	2,006.499	2,548.818	1,071.571	1,619.598	2,062.889

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.

Рисунок 16 - Фактор уровня инвестиций в режимном контексте

Недостаточная представленность данного фактора в современных количественных исследованиях революций также обуславливает его изучение в рамках текущей работы - рисунок 16. Уровень инвестиций операционализируется через долю инвестиций в ВВП (*Total investment, Percent of GDP*) на основе данных Всемирного Банка [204].

Как вытекает из результатов статистического анализа масштабные инвестиции в экономику не способны защитить от революции автократии или демократии (их влияние в этих режимах является статистически не значимым), однако амортизируют революции в переходных режимах. Авторитарные режимы, получая масштабные инвестиции, склонны перераспределять полученные доходы исключительно внутри элит, вследствие чего положение общества остаётся неизменным, в результате риски революционной дестабилизации не возрастают, но и не уменьшаются. То же самое касается оттока капитала – в случае ухода каких-либо игроков с рынка – их имущество национализируется и перераспределяется между элитами. В результате общество не всегда может в достаточной степени ощутить последствия этого ухода.

Анократии, в данном случае, являются наименее стабильными режимами, которые не способны как быстро национализировать активы ушедших финансовых акторов и эффективно наладить возобновление производства с новым менеджментом, так и обеспечить прозрачные правила рыночной конкуренции, обеспечивающие быстрое возникновение аналогов ушедшим товарам и услугам. Соответственно анократии в большей степени зависят от таких колебаний как объём инвестиций в национальную экономику.

Следующим фактором, тесно связанным с объёмом инвестиций, является уровень экономических свобод и гарантий частной собственности. Идеалы борьбы за свободу и как политический миф, и как риторический приём часто являлись главным нарративом революционных выступлений. Таков был, например, пафос Американской революции, выступающий против ущемления экономических прав колонистов.

	Зависимая переменная — революция											
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-1.558 (10.028)	-8.203 (8.554)	1.097 (7.401)	-8.329 (7.492)	-4.295 (6.764)	4.166 (5.454)	-18.136* (9.841)	6.039 (9.666)	6.646 (7.968)	-20.683** (8.504)	-0.872 (8.419)	1.595 (6.607)
Экономические свободы	-11.736* (6.699)	0.924 (5.558)	-0.260 (5.273)	-1.703** (0.730)	0.120 (0.697)	-0.870 (0.538)	-5.015 (4.679)	-10.594** (4.732)	-8.061* (4.348)	-1.958** (0.811)	0.051 (0.764)	-0.881 (0.590)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.052*** (0.008)	-0.041*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.052*** (0.008)	-0.041*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.055*** (0.011)	-0.053*** (0.012)	-0.060*** (0.009)	-0.055*** (0.011)	-0.053*** (0.012)	-0.060*** (0.009)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.463** (0.209)	-0.009 (0.214)	-0.117 (0.160)	-0.463** (0.209)	-0.009 (0.214)	-0.117 (0.160)	-0.486* (0.250)	-0.623** (0.272)	-0.411** (0.197)	-0.486* (0.250)	-0.623** (0.272)	-0.411** (0.197)
Уровень коррупции	-1.219** (0.515)	-1.382*** (0.480)	-1.509*** (0.379)	-1.219** (0.515)	-1.382*** (0.480)	-1.509*** (0.379)	-0.397 (0.577)	-0.665 (0.576)	-0.665 (0.436)	-0.397 (0.577)	-0.665 (0.576)	-0.665 (0.436)
Логарифм населения	0.472 (0.467)	0.002 (0.408)	-0.361 (0.337)	0.472 (0.467)	0.002 (0.408)	-0.361 (0.337)	1.336** (0.526)	-0.314 (0.505)	-0.198 (0.404)	1.336** (0.526)	-0.314 (0.505)	-0.198 (0.404)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	-6.771 (5.819)	3.909 (4.977)	3.070 (4.733)									
Электоральная автократия (V-dem)	-6.869 (5.810)	3.606 (4.988)	2.761 (4.738)	-0.097 (0.384)	-0.302 (0.484)	-0.309 (0.325)						
Электоральная демократия (V-dem)	-6.997 (5.853)	0.952 (5.105)	0.914 (4.816)	-0.226 (1.432)	-2.956** (1.280)	-2.156** (1.035)						
Либеральная демократия (V-dem)				6.771 (5.819)	-3.909 (4.977)	-3.070 (4.733)						
Экономические свободы × Закрытая автократия (V-dem)	10.033 (6.677)	-0.804 (5.580)	-0.609 (5.288)									
Экономические свободы × Электоральная автократия (V-dem)	11.007* (6.664)	-0.784 (5.597)	0.015 (5.298)	0.974 (0.701)	0.020 (0.785)	0.625 (0.557)						
Экономические свободы × Электоральная демократия (V-dem)	10.138 (6.719)	1.062 (5.736)	1.087 (5.394)	0.105 (1.880)	1.866 (1.642)	1.696 (1.334)						
Экономические свободы × Либеральная демократия (V-dem)				-10.033 (6.677)	0.804 (5.580)	0.609 (5.288)						
Полная автократия (Polity)							-2.547 (4.109)	-6.911 (4.225)	-5.051 (3.886)			
Частичная автократия (Polity)							-2.934 (4.148)	-6.324 (4.262)	-5.016 (3.909)	-0.387 (0.709)	0.587 (0.703)	0.035 (0.539)
Фракционная демократия (Polity)							-3.084 (4.139)	-6.700 (4.264)	-5.144 (3.905)	-0.538 (0.677)	0.211 (0.747)	-0.093 (0.538)
Частичная демократия (Polity)							-1.729 (4.152)	-7.808* (4.322)	-4.809 (3.924)	0.818 (0.756)	-0.897 (1.019)	0.242 (0.649)
Полная демократия (Polity)										2.547 (4.109)	6.911 (4.225)	5.051 (3.886)
Экономические свободы × Полная автократия (Polity)							3.057 (4.697)	10.645** (4.764)	7.180 (4.367)			
Экономические свободы × Частичная автократия (Polity)							3.350 (4.794)	10.363** (4.822)	7.499* (4.413)	0.293 (1.230)	-0.282 (1.110)	0.319 (0.884)
Экономические свободы × Фракционная демократия (Polity)							4.497 (4.727)	9.376* (4.784)	7.108 (4.381)	1.440 (1.065)	-1.269 (1.078)	-0.071 (0.808)
Экономические свободы × Частичная демократия (Polity)							2.332 (4.721)	10.252** (4.841)	6.172 (4.392)	-0.725 (1.102)	-0.393 (1.343)	-1.007 (0.897)
Экономические свободы × Полная демократия (Polity)										-3.057 (4.697)	-10.645** (4.764)	-7.180 (4.367)
Количество наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-754.546	-997.168	-1,545.044	-754.546	-997.168	-1,545.044	-609.143	-763.437	-1,215.232	-609.143	-763.437	-1,215.232
Akaike Inf. Crit.	1,989.093	2,474.337	3,570.088	1,989.093	2,474.337	3,570.088	1,676.286	1,984.875	2,888.464	1,676.286	1,984.875	2,888.464

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$
Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 17 - Фактор экономических свобод в режимном контексте

Согласно многим политическим философам – свобода означает не более чем свободное предпринимательство и гарантию частной собственности [47, с. 301]. Соответственно, ущемление этих свобод даёт дорогу революциям.

Указанный предиктор слабо изучен в качественных исследованиях, представленных в современной политической науке, что обосновывает его включение в перечень факторов, исследуемых в данном исследовании – рисунок 17. Операционализация уровня экономических свобод производилась при помощи индекса прав собственности (*Property rights*) V-Dem [77].

Как следует из итогов статистической модели, расширение экономических свобод негативно влияет на стабильность автократий а также анократий и положительным образом воздействует на демократии. Данная зависимость связана с тем фактом, что, расширяя права собственности, автократии возвращают средний класс – обеспеченных горожан, которые, удовлетворив основные социальные и экономические потребности, постепенно начнут выдвигать требования по расширению своего политического представительства. Широкий класс независимых собственников, как говорилось выше, будет крайне сложно управлять привычными авторитарными механизмами, что создаёт угрозу для всей политической системы и подвергает её риску революционной дестабилизации. В демократиях, наоборот, средний класс является опорой политического режима. Как заявлял ещё Аристотель, демократия – это правления средних [2].

Немаловажным индикатором в контексте изучения экономических свобод является доля государства в экономике. Данный фактор рассматривался при изучении кейсов революционной дестабилизации России, Китая, Франции [181, с. 306]. Согласно имеющимся исследованиям, «этатистские» государства, характеризующиеся высокой степенью огосударствления экономики, представляют собой классический пример «авторитарной хрупкости».

Зависимая переменная — революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-10.540 (8.052)	-8.639 (6.794)	-1.477 (5.534)	-9.461 (7.953)	-4.918 (6.764)	1.332 (5.495)	-21.178** (8.975)	-5.146 (8.665)	-2.966 (6.828)	-21.399** (8.921)	-1.941 (8.696)	-1.679 (6.807)
Доля государства в экономике	1.739** (0.732)	-0.421 (0.450)	-0.146 (0.377)	-0.059 (0.117)	-0.100 (0.121)	-0.055 (0.090)	0.927* (0.531)	-0.229 (0.491)	0.278 (0.369)	0.029 (0.145)	-0.356** (0.148)	-0.226** (0.110)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.053*** (0.009)	-0.041*** (0.010)	-0.057*** (0.007)	-0.053*** (0.009)	-0.041*** (0.010)	-0.057*** (0.007)	-0.055*** (0.011)	-0.054*** (0.012)	-0.062*** (0.009)	-0.055*** (0.011)	-0.054*** (0.012)	-0.062*** (0.009)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.391* (0.211)	-0.036 (0.215)	-0.071 (0.161)	-0.391* (0.211)	-0.036 (0.215)	-0.071 (0.161)	-0.568** (0.247)	-0.614** (0.273)	-0.462** (0.196)	-0.568** (0.247)	-0.614** (0.273)	-0.462** (0.196)
Уровень коррупции	-1.300** (0.526)	-1.505*** (0.489)	-1.614*** (0.385)	-1.300** (0.526)	-1.505*** (0.489)	-1.614*** (0.385)	-0.423 (0.577)	-0.930 (0.587)	-0.843* (0.442)	-0.423 (0.577)	-0.930 (0.587)	-0.843* (0.442)
Логарифм населения	0.514 (0.498)	0.047 (0.412)	-0.194 (0.341)	0.514 (0.498)	0.047 (0.412)	-0.194 (0.341)	1.325** (0.555)	-0.223 (0.526)	-0.008 (0.420)	1.325** (0.555)	-0.223 (0.526)	-0.008 (0.420)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	1.079 (0.991)	3.722*** (0.734)	2.809*** (0.612)									
Электоральная автократия (V-dem)	1.313 (0.989)	3.466*** (0.726)	2.762*** (0.608)	0.234 (0.192)	-0.256 (0.195)	-0.046 (0.148)						
Электоральная демократия (V-dem)	1.001 (0.980)	1.739** (0.741)	1.690*** (0.618)	-0.078 (0.338)	-1.983*** (0.335)	-1.119*** (0.256)						
Либеральная демократия (V-dem)				-1.079 (0.991)	-3.722*** (0.734)	-2.809*** (0.612)						
Доля государства в экономике × Закрытая автократия (V-dem)	-1.798** (0.733)	0.321 (0.457)	0.091 (0.380)									
Доля государства в экономике × Электоральная автократия (V-dem)	-2.190*** (0.737)	0.437 (0.456)	-0.068 (0.381)	-0.392** (0.162)	0.116 (0.152)	-0.159 (0.117)						
Доля государства в экономике × Электоральная демократия (V-dem)	-1.408* (0.744)	-0.108 (0.481)	-0.052 (0.396)	0.391 (0.272)	-0.429* (0.248)	-0.143 (0.192)						
Доля государства в экономике × Либеральная демократия (V-dem)				1.798** (0.733)	-0.321 (0.457)	-0.091 (0.380)						
Полная автократия (Polity)							-0.221 (0.673)	3.205*** (0.814)	1.287** (0.549)			
Частичная автократия (Polity)							-0.584 (0.714)	3.539*** (0.829)	1.372** (0.567)	-0.362 (0.302)	0.333 (0.254)	0.085 (0.206)
Фракционная демократия (Polity)							0.037 (0.684)	2.701*** (0.840)	1.129** (0.562)	0.258 (0.258)	-0.504* (0.283)	-0.159 (0.207)
Частичная демократия (Polity)							-0.318 (0.702)	1.947** (0.856)	0.508 (0.579)	-0.097 (0.332)	-1.258*** (0.342)	-0.779*** (0.260)
Полная демократия (Polity)									0.221 (0.673)	-3.205*** (0.814)	-1.287** (0.549)	
Доля государства в экономике × Полная автократия (Polity)							-0.898* (0.540)	-0.127 (0.502)	-0.503 (0.375)			
Доля государства в экономике × Частичная автократия (Polity)							-1.354** (0.583)	0.112 (0.521)	-0.585 (0.397)	-0.456* (0.267)	0.239 (0.231)	-0.082 (0.180)
Доля государства в экономике × Фракционная демократия (Polity)							-0.829 (0.550)	0.497 (0.503)	-0.125 (0.377)	0.070 (0.228)	0.624*** (0.236)	0.379** (0.175)
Доля государства в экономике × Частичная демократия (Polity)							-1.079* (0.555)	0.137 (0.530)	-0.441 (0.394)	-0.180 (0.266)	0.264 (0.263)	0.062 (0.203)
Доля государства в экономике × Полная демократия (Polity)										0.898* (0.540)	0.127 (0.502)	0.503 (0.375)
Количество наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-749.268	-994.786	-1,544.502	-749.268	-994.786	-1,544.502	-609.930	-759.207	-1,213.204	-609.930	-759.207	-1,213.204
Akaike Inf. Crit.	1,978.536	2,469.572	3,569.005	1,978.536	2,469.572	3,569.005	1,677.861	1,976.415	2,884.408	1,677.861	1,976.415	2,884.408

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.

Рисунок 18 - Доля государства в экономике в режимном контексте

С одной стороны, они способны контролировать социально-политические процессы и детектировать разворачивание кризисных тенденций, с другой - в случае если кризис всё-таки наступил и управление было нарушено такие режимы способны одномоментно обрушиться вплоть до скатывания в тотальную анархию, вследствие отсутствия класса независимых собственников, способных стабилизировать политическую систему и не допустить хаоса.

Данный фактор слабо представлен в количественных работах, посвящённых революциям, что обосновывает его включение в текущее исследование – рисунок 18. Операционализация проводилась при помощи индекса «государственное участия в экономике» (*State ownership of economy*) V-Dem [198].

По итогу построения статистической модели мы можем заключить, что в автократиях и анократиях повышенная доля государства в экономике способствует укреплению политической системы, а демократии, наоборот, разрушает. Это связано с тем фактом, что огосударствление экономики помогает недемократическим режимам не допускать появления альтернативных центров силы, как со стороны большого бизнеса, так на базе независимого среднего класса и мелких собственников, так как в случае их возникновения они могут бросить вызов автократу и, обладая ресурсами, добиться его свержения посредством революции. Одновременно с этим огосударствление экономики даёт недемократическим режимам больше политических рычагов и механизмов воздействия на общество, касающихся как инструментов «вознаграждения» конкретных политических акторов за лояльность в форме материальных стимулов, так и возможностей для исключения неугодных из процессов распределения экономических благ.

Что касается демократий, что в их случае огосударствление экономики приводит к сращиванию государственной бюрократии и собственности, что приводит к неэффективности, росту неравенства, раздражения и даже «аннексии государства» со стороны подобных бюрократических структур.

А по причине того, что в демократической система бюрократия не может защитить эту собственность при помощи репрессий, что делает её положение уязвимой к атакам в форме революционных акций.

Таким образом, мы можем убедиться, что экономические факторы демонстрируют существенную асимметрию. Направление и значимость предикторов революций, связанных со сферой экономических взаимоотношений, существенно отличаются в зависимости от типа политического режима.

Так, демократии демонстрируют устойчивость к политической дестабилизации при высоких показателях благосостояния (выраженного в ВВП на душу населения), экономического роста, уровня экономических свобод и защиты частной собственности, низкой степени огосударствления экономики, её зависимости от экспорта сырья и уровня государственного долга. Также демократии устойчивы к колебаниям ключевой ставки, продуктовой инфляции, экономическим кризисам, уровню закредитованности населения, и оттоку инвестиций.

Анократии, в свою очередь, способны защититься от революционной дестабилизации при умеренных уровнях благосостояния населения, экономического роста, продуктовой инфляции, закредитованности домохозяйств, развитости частного сектора экономики, ключевой ставки ЦБ, высоких показателях добычи и продажи нефти и сырья, готовности внешних кредиторов обеспечивать государственные займы и притока иностранного капитала в виде инвестиций. В то же время разные типы анократий по-разному подвержены влиянию экономических кризисов. Те переходные режимы, которые ближе к автократиям, разрушаются под их воздействием, а более склонные к демократической системе демонстрируют устойчивость к их влиянию на политическую стабильность.

Что касается автократий, то модель их устойчивости практически такая же, как и у анократий. Они также амортизируют революции при отсутствии как экономических шоков, так и резкого повышения благосостояния

населения и экономических скачков, высокой продуктовой инфляции, ключевой ставки ЦБ и широкого доли частного сектора в экономике. Благотворное влияние на их стабильность оказывают нефтяные доходы, готовность внешних кредиторов финансировать их проекты и развитый государственный сектор. Отсутствием влияния на их стабильность характеризуются объёмы частных долгов домохозяйств и иностранных инвестиций.

Резюмируя, можно заключить, что стабильные демократии характеризуются богатством индивидов и высокими темпами экономического развития, которые, в совокупности, укрепляют средний класс. Только при наличии развитого и процветающего среднего класса у индивидов не возникает желания «обменять» демократические институты на проекты быстрого и эффективного преодоления социально-экономических неурядиц, предлагаемые харизматичными лидерами и политиками популистами, обещающими радикальные решения назревших общественным проблем вне демократической системы.

В автократиях и анократиях, наоборот, необходим умеренный рост экономики, так как резкое повышение благосостояния индивидов и формирование независимого от государства среднего класса интенсифицирует выдвижение запросов на расширение политического представительства. Тем самым, элиминировать революционную угрозу можно только в случае, если благосостояние общества целиком зависит от государства, и оно же является главным гарантом их обогащения.

2.2 Переменчивость социально-культурных факторов в зависимости от типа политического режима

Среди последствий экономического развития выделяют социальную модернизацию (включающую в себя и демографическую модернизацию -

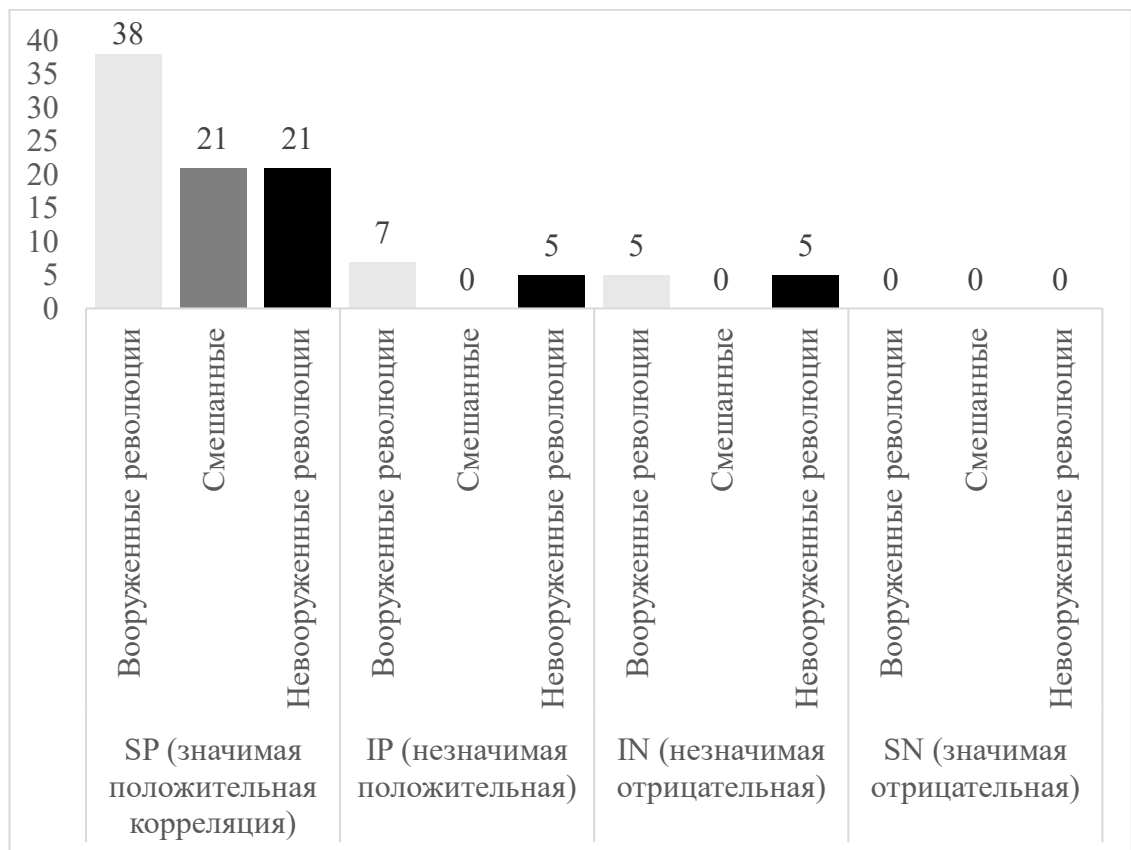
демографический переход), изменение конфигурации общественных взаимоотношений, появление новых социальных страт с новыми запросами, ожиданиями и представлениями о должном политическом порядке. В случае если политический режим или бюрократический аппарат не успевает за новыми тенденциями, наблюдается возрастание революционной активности [110, с. 149–150; 116; 175; 180, с. 72–73]. Соответственно социально-демографические индикаторы являются важными предикторами начала революционных выступлений, и их влияние анализируется в заметном числе количественных кросс-национальных исследований.

В то же время, в современной политической науке признаётся, что многие социально-демографические и культурные индикаторы также демонстрируют существенную асимметрию в разных количественных работах. Так, одни и те же социально-демографические факторы могут оказывать разнонаправленное влияние на вероятность революционных восстаний, что также обосновывает проверку их воздействия в режимном контексте [21, с. 130].

Одним из самых часто рассматриваемых социально-демографических предикторов революционной дестабилизации является численность населения. В соответствующей научной литературе численность населения рассматривается как важнейшая переменная, определяющая вероятность разного рода внутригосударственной напряженности, выливающейся и в вооруженные, и в мирные протесты, так как более многочисленное население с большей вероятностью; будет содержать какую-то группу; готовую к вооруженному или невооруженному восстанию [60; 68; 74; 103; 128; 135; 177]. Страны с небольшим населением, наоборот, характеризуются меньшим риском внутригосударственных конфликтов по сравнению с более населенными государствами [197].

Агрегация имеющихся количественных оценок влияния численности населения на вероятность революционной дестабилизации показывает практически однозначную положительно значимую взаимосвязь между

численностью населения и всеми типами революций – приложение Б и рисунок 19. При том, что ни одна регрессионная модель не показала отрицательно значимой зависимости, часть моделей демонстрируют незначимое влияние. Отметим, что результаты проведенных предыдущими исследователями количественных кросс-национальных исследований факторов революционной дестабилизации позволяют утверждать, что численность населения относится к достаточно небольшому числу факторов, оказывающих однозначное влияние на риски как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации. В странах с более высокой численностью населения более высока вероятность начала как вооруженных, так и невооруженных революционных выступлений.

Источник: составлено автором.

Рисунок 19 - Количество моделей с рассмотрением фактора численности населения в зависимости от типа зависимой переменной

Данный факт позволил включить численность населения в качестве контрольной переменной во все статистические модели, проводимые в рамках данного исследования, однако наличие выводов о незначимом влиянии

численности населения на вероятность революции в отдельных количественных исследованиях обосновывают необходимость дополнительной проверки воздействия данного фактора на революции в режимном контексте – рисунок 20.

Как следует из результатов указанной проверки, повышение численности населения негативно воздействует на стабильность автократий и анократий и укрепляет демократии. Данное различие можно объяснить через теорию «медианного избирателя» Дункана Блэка. Согласно данной концепции, в случае если избиратели и кандидаты распределены по одномерному идеологическому спектру и предпочтения избирателей имеют один пик, то любой метод голосования, совместный с правилом большинства выберет кандидата, которого предпочитает медианный избиратель [62]. Иными словами, чем больше людей участвует в голосовании, тем более его результаты стремятся к нормальному распределению (то есть победе центристов), вследствие чего, побеждает наиболее умеренный кандидат, а правые и левые радикалы, способные совершить революции – отсекаются.

В авторитарных и переходных режимах высокая численность населения автоматически означает высокие расходы на правоохранительные органы, тайную полицию и армию для поддержания контроля над обществом. Соответственно, чем больше население, тем сложнее поддерживать управление привычными авторитарными механизмами, что ослабляет политическую систему и делает её уязвимой к революционной дестабилизации. В то же время, как говорилось выше, чем больше население, тем больше в нём разношёрстных групп интересов, выдвигающих специфические требования, ожидания и запросы к политической системе, которые она не всегда способна оценить и удовлетворить (в демократической системе данная проблема элиминируется разнообразием политических партий и возможностей иных форм политического представительства).

Логистическая регрессия для редких событий

	Зависимая переменная — революция											
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	4.003 (10.005)	-5.620 (7.860)	-3.819 (6.928)	-15.681** (7.583)	-3.253 (6.627)	1.083 (5.431)	-10.608 (11.583)	-5.677 (9.559)	-2.146 (7.841)	-29.663*** (8.741)	-1.185 (8.532)	-3.728 (6.639)
Логарифм населения	-0.505 (0.650)	-0.122 (0.479)	-0.069 (0.426)	0.900* (0.474)	-0.065 (0.401)	-0.187 (0.336)	0.650 (0.725)	-0.196 (0.582)	-0.075 (0.485)	1.874*** (0.545)	-0.299 (0.515)	0.115 (0.409)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.052*** (0.008)	-0.040*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.052*** (0.008)	-0.040*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.055*** (0.011)	-0.054*** (0.012)	-0.061*** (0.009)	-0.055*** (0.011)	-0.054*** (0.012)	-0.061*** (0.009)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.387* (0.210)	-0.014 (0.213)	-0.092 (0.161)	-0.387* (0.210)	-0.014 (0.213)	-0.092 (0.161)	-0.464* (0.250)	-0.608** (0.274)	-0.379* (0.198)	-0.464* (0.250)	-0.608** (0.274)	-0.379* (0.198)
Уровень коррупции	-1.320** (0.518)	-1.358*** (0.474)	-1.572*** (0.378)	-1.320** (0.518)	-1.358*** (0.474)	-1.572*** (0.378)	-0.544 (0.573)	-0.621 (0.558)	-0.704 (0.429)	-0.544 (0.573)	-0.621 (0.558)	-0.704 (0.429)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	-19.684*** (6.930)	2.368 (4.458)	4.901 (4.551)									
Электоральная автократия (V-dem)	-15.804** (6.740)	4.127 (4.344)	7.862* (4.476)	3.880* (1.987)	1.759 (1.846)	2.960** (1.504)						
Электоральная демократия (V-dem)	-17.305** (6.787)	2.179 (4.175)	5.748 (4.370)	2.378 (2.492)	-0.188 (2.022)	0.847 (1.742)						
Либеральная демократия (V-dem)				19.684*** (6.930)	-2.368 (4.458)	-4.901 (4.551)						
Логарифм населения × Закрытая автократия (V-dem)	1.404*** (0.464)	0.057 (0.270)	-0.118 (0.273)									
Логарифм населения × Электоральная автократия (V-dem)	1.185*** (0.453)	-0.068 (0.262)	-0.300 (0.267)	-0.220* (0.121)	-0.124 (0.112)	-0.181** (0.091)						
Логарифм населения × Электоральная демократия (V-dem)	1.226*** (0.456)	-0.022 (0.252)	-0.234 (0.261)	-0.179 (0.152)	-0.079 (0.123)	-0.116 (0.106)						
Логарифм населения × Либеральная демократия (V-dem)				-1.404*** (0.464)	0.057 (0.270)	0.118 (0.273)						
Полная автократия (Polity)							-19.055** (8.062)	4.492 (5.198)	-1.582 (4.438)			
Частичная автократия (Polity)							-11.522 (8.525)	1.216 (5.567)	-0.848 (4.760)	7.534** (3.706)	-3.276 (2.956)	0.734 (2.469)
Фракционная демократия (Polity)							-17.120** (8.050)	3.203 (5.116)	-0.688 (4.410)	1.935 (2.733)	-1.289 (2.542)	0.894 (2.050)
Частичная демократия (Polity)							-16.257** (7.989)	3.865 (5.049)	0.047 (4.350)	2.799 (2.735)	-0.627 (2.345)	1.629 (1.962)
Полная демократия (Polity)										19.055** (8.062)	-4.492 (5.198)	1.582 (4.438)
Логарифм населения × Полная автократия (Polity)							1.224** (0.507)	-0.103 (0.313)	0.190 (0.269)			
Логарифм населения × Частичная автократия (Polity)							0.739 (0.535)	0.120 (0.335)	0.155 (0.289)	-0.485** (0.230)	0.223 (0.179)	-0.034 (0.151)
Логарифм населения × Фракционная демократия (Polity)							1.116** (0.504)	-0.066 (0.305)	0.124 (0.266)	-0.107 (0.163)	0.037 (0.151)	-0.066 (0.122)
Логарифм населения × Частичная демократия (Polity)							1.054** (0.502)	-0.136 (0.303)	0.057 (0.263)	-0.169 (0.164)	-0.033 (0.140)	-0.133 (0.117)
Логарифм населения × Полная демократия (Polity)										-1.224** (0.507)	0.103 (0.313)	-0.190 (0.269)
Количество наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-755.551	-997.200	-1,544.254	-755.551	-997.200	-1,544.254	-609.126	-761.981	-1,216.574	-609.126	-761.981	-1,216.574
Akaike Inf. Crit.	1,989.101	2,472.401	3,566.508	1,989.101	2,472.401	3,566.508	1,674.253	1,979.961	2,889.149	1,674.253	1,979.961	2,889.149

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

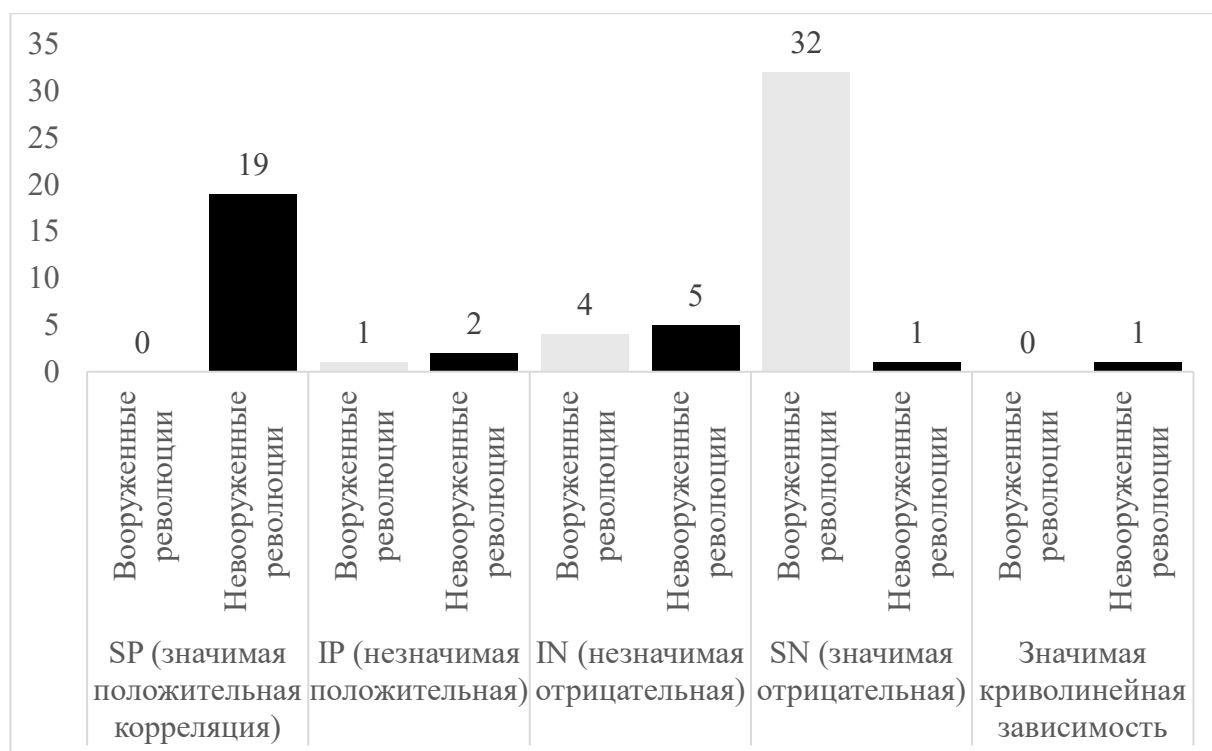
Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 20 - Численность населения в режимном контексте

Подобного рода полигамия интересов «перегружает» государство и подвергает его риску возникновения революции. Помимо численности населения, наиболее часто рассматриваемым социально-демографическим индикатором в исследованиях, посвященных революциям, является урбанизация.

Урбанизация облегчает координацию усилий для разворачивания политических протестов, поскольку высокая концентрация населения облегчает коммуникацию между лидерами протестов и недовольными социальными группами. Поскольку политические кампании и революции тем успешнее, чем больше индивидов принимает в них участие, подобные события должны чаще возникать там, где выше доля городского населения. В результате перемещение населения из сельских районов в городские центры облегчает коллективные действия (такие как забастовки, акции протеста, выступления и тому подобное), позволяя различным социальным группам преодолевать прежние барьеры на пути к эффективной политической координации. Более того, урбанизация - это процесс, свидетельствующий о более широких модернизационных тенденциях, которые подталкивают средний класс к более либеральным предпочтениям, способствуя его участию в акциях революционного протеста против авторитарных и гибридных режимов [70; 104]. Урбанизация также способствует построению прочных связей между индивидами, накоплению «социального капитала» и формированию структур гражданского общества, что также является необходимым условием разворачивания массовых выступлений и политических действий в целом [37; 68; 135].

Урбанизация рассматривалась в семи количественных исследованиях факторов революционной дестабилизации [26; 33; 57; 68; 70; 103; 104]. Сводка результатов этих исследований представлена в приложении Б, а также на рисунке 21.

Источник: составлено автором.

Рисунок 21 - Количество моделей с рассмотрением фактора урбанизации в зависимости от типа зависимой переменной

Как можно убедиться, в современной политической науке существует консенсус, согласно которому на вероятность вооруженных революционных восстаний высокий уровень урбанизации оказывает однозначно отрицательное влияние: чем выше её уровень, тем меньше там риски начала вооруженного революционного выступления. А вот применительно к невооруженным восстаниям прослеживается значимая положительная корреляция, то есть с ростом доли городского населения вероятность невооруженных революционных выступлений значимо растёт.

В то же время некоторые статистические модели показали незначимую зависимость между урбанизацией и революциями. Помимо этого, урбанизация практически не рассматривала в режимном контексте, что аргументирует необходимость проведения подобной проверки в рамках текущего исследования – рисунок 22. Операционализация урбанизации производилась на основе данных ООН [194; 195].

Rare Event Logistic Regression Model

Зависимая переменная - революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-2.893 (8.512)	-4.897 (7.918)	4.745 (6.324)	-3.101 (7.768)	-4.087 (7.451)	6.091 (5.861)	-18.561** (9.464)	-6.661 (9.568)	0.210 (7.484)	-20.703** (9.037)	-6.150 (9.124)	-0.746 (7.088)
Урбанизация	-0.031 (0.041)	-0.039 (0.031)	-0.017 (0.028)	-0.017 (0.018)	-0.002 (0.017)	0.007 (0.013)	-0.004 (0.031)	-0.023 (0.032)	-0.013 (0.027)	0.036* (0.020)	0.007 (0.019)	0.024 (0.015)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.051*** (0.009)	-0.038*** (0.010)	-0.053*** (0.008)	-0.051*** (0.009)	-0.038*** (0.010)	-0.053*** (0.008)	-0.059*** (0.012)	-0.066*** (0.014)	-0.065*** (0.010)	-0.059*** (0.012)	-0.066*** (0.014)	-0.065*** (0.010)
ln(ВВП на душу населения)	-0.399* (0.235)	-0.073 (0.242)	-0.176 (0.186)	-0.399* (0.235)	-0.073 (0.242)	-0.176 (0.186)	-0.641** (0.264)	-0.729** (0.312)	-0.611*** (0.220)	-0.641** (0.264)	-0.729** (0.312)	-0.611*** (0.220)
Уровень коррупции	-1.237** (0.544)	-1.717*** (0.522)	-1.790*** (0.410)	-1.237** (0.544)	-1.717*** (0.522)	-1.790*** (0.410)	-0.459 (0.600)	-1.233* (0.631)	-1.025** (0.476)	-0.459 (0.600)	-1.233* (0.631)	-1.025** (0.476)
ln(Население)	0.139 (0.486)	-0.087 (0.450)	-0.502 (0.364)	0.139 (0.486)	-0.087 (0.450)	-0.502 (0.364)	1.290** (0.563)	0.057 (0.551)	-0.041 (0.438)	1.290** (0.563)	0.057 (0.551)	-0.041 (0.438)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	-0.208 (2.606)	0.810 (1.859)	1.346 (1.818)									
Электоральная автократия (V-dem)	-0.558 (2.610)	0.307 (1.872)	0.888 (1.826)	-0.350 (0.363)	-0.503 (0.459)	-0.458 (0.312)						
Электоральная демократия (V-dem)	0.966 (2.629)	0.422 (1.860)	1.699 (1.831)	1.174* (0.613)	-0.388 (0.554)	0.354 (0.441)						
Либеральная демократия (V-dem)				0.208 (2.606)	-0.810 (1.859)	-1.346 (1.818)						
Урбанизация X Закрытая автократия (V-dem)	0.043 (0.038)	0.037 (0.027)	0.024 (0.025)									
Урбанизация X Электоральная автократия (V-dem)	0.059 (0.038)	0.038 (0.027)	0.033 (0.026)	0.016* (0.009)	0.001 (0.010)	0.008 (0.007)						
Урбанизация X Электоральная демократия (V-dem)	0.010 (0.038)	0.017 (0.027)	-0.002 (0.025)	-0.033*** (0.012)	-0.020* (0.011)	-0.027*** (0.009)						
Урбанизация X Либеральная демократия (V-dem)				-0.043 (0.038)	-0.037 (0.027)	-0.024 (0.025)						
Полная автократия (Polity)							-2.142 (2.019)	0.511 (2.072)	-0.956 (1.779)			
Частичная автократия (Polity)							-2.802 (2.084)	1.279 (2.127)	-1.026 (1.820)	-0.660 (0.597)	0.767 (0.616)	-0.070 (0.456)
Фракциональная демократия (Polity)							-1.744 (2.045)	0.272 (2.107)	-0.848 (1.803)	0.398 (0.497)	-0.240 (0.613)	0.108 (0.426)
Частичная демократия (Polity)							-1.406 (2.039)	1.042 (2.096)	-0.300 (1.799)	0.736 (0.523)	0.531 (0.587)	0.656 (0.425)
Полная демократия (Polity)										2.142 (2.019)	-0.511 (2.072)	0.956 (1.779)
Урбанизация X Полная автократия (Polity)							0.040 (0.028)	0.030 (0.029)	0.037 (0.025)			
Урбанизация X Частичная автократия (Polity)							0.041 (0.030)	0.019 (0.031)	0.038 (0.026)	0.001 (0.014)	-0.011 (0.013)	0.001 (0.010)
Урбанизация X Фракциональная демократия (Polity)							0.031 (0.028)	0.017 (0.029)	0.026 (0.025)	-0.009 (0.011)	-0.013 (0.013)	-0.011 (0.009)
Урбанизация X Частичная демократия (Polity)							0.017 (0.028)	-0.002 (0.030)	0.009 (0.025)	-0.022* (0.011)	-0.031*** (0.012)	-0.028*** (0.009)
Урбанизация X Полная демократия (Polity)										-0.040 (0.028)	-0.030 (0.029)	-0.037 (0.025)
Кол-во наблюдений	8,841	8,841	8,841	8,841	8,841	8,841	7,233	7,233	7,233	7,233	7,233	7,233
Log Likelihood	-661.385	-800.692	-1,293.447	-661.385	-800.692	-1,293.447	-544.028	-600.451	-1,011.276	-544.028	-600.451	-1,011.276
Akaike Inf. Crit.	1,798.770	2,077.385	3,062.894	1,798.770	2,077.385	3,062.894	1,542.056	1,654.902	2,476.551	1,542.056	1,654.902	2,476.551

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 22 - Урбанизация в режимном контексте

Как мы можем видеть из результатов регрессионной модели, урбанизация практически не оказывает значимого влияния на революционную дестабилизацию всех политических режимов за исключением частичных/электоральных демократий, которые относятся к анократиям. Так, в этих режимах, повышение урбанизации редуцирует риски революций. Данная зависимость обуславливается спецификой частичных демократий, которые уже начинают отчасти отвечать интересам городского среднего класса, несмотря на тот факт, что ещё не являются «полными демократиями». Соответственно, расширение городского среднего класса, в интересах которого постепенный эволюционный пусть внедрения социальных и политических реформ, а не радикальные революционные преобразования, снижает вероятность наступления революций в этих политических режимах.

Что касается демократия и автократий, то отсутствие статистически значимого влияния урбанизации объясняется тем, что демократии, как правило, уже состоят из горожан и отличаются высокими показателями урбанизации, соответственно, незначительные колебания этого индикатора в одну или другую сторону не способны существенно поменять общественно-политический ландшафт, а тоталитарные режимы наиболее сильны в столице (и в городах в целом), где население находится под большим контролем, чем в сельской или труднодоступной местности, соответственно рост доли горожан также не приводит к существенным изменениям устойчивости политического режима.

Немаловажным структурно-демографическим фактором, оказывающим непосредственное влияние на разворачивание революционных процессов, является социально-экономическое неравенство. Согласно Дж. Голдстоуну, в государствах, где экономический рост настолько неравномерен, что беднейшие слои (и даже средний класс) отстают по уровню благосостояния все дальше от быстро богатящей элиты или где экономический рост, зависящий от иностранных инвестиций, обеспечивает стабильную ренту только иностранцам (и небольшой группе политических элит,

обеспечивающих соответствующий порядок), эксплуатирующим местные ресурсы, подобная система будет восприниматься как несправедливая, вызывая народное недовольство и отчуждая общество и элиты друг от друга, что является предпосылкой для революции [107, с. 22]. Данная точка зрения находила поддержку у многих других политических социологов, обосновывающих, что существование значительного неравенства или неравномерного распределения богатств, вызывает чувство общей обиды на богатое меньшинство или правящий класс и подталкивает людей к радикальным формам выражения политического участия в том числе в форме революций [70, с. 303].

Значительное неравенство делает уязвимым для революций даже настолько защищенные режимы, как консолидированные демократии, внося заметный вклад в их деконсолидацию [135; 191; 192; 193]. Экономическое неравенство, конвертируемое во влияние политическое, приводит к феномену, который в политической науке называется «аннексией демократии финансовыми рынками», то есть к эрозии демократических институтов под влиянием лоббистской деятельности больших корпораций, вследствие чего они уже не способны служить амортизатором общественного недовольства, каналом коммуникации между обществом и элитами и инструментом разрешения назревших социально-политических проблем, что приводит к разочарованию широких слоев населения в демократии, поиску альтернативных политических систем и желанию их установления революционным путём [145, с. 228-230; 180, с. 73; 187, с. 161]. Данному процессу, в частности, оказались подвержены современные Соединенные Штаты Америки [134].

Несмотря на широкое освещение в теоретических исследованиях, посвященных революциям, фактор неравенства слабо отражен в эмпирических кросс-национальных тестированиях. Так, количественный анализ взаимосвязи неравенства и революций был найден нами только в исследовании Марии Безансон «Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars,

Revolutions, and Genocides» [60]. Как следует из данного исследования, значительная часть эмпирических тестов показывает статистически значимую положительную зависимость между неравенством и возникновением вооруженных революций, в то же время немалая часть тестов показывает незначимый результат или отрицательную зависимость [21].

Данная асимметрия в купе с недостатком количественных оценок обосновывает исследование фактора неравенства в рамках текущей работы – рисунок 23. Количественное измерение неравенства основано на индексе неравенства (*Egalitarian component index*) V-Dem [77]. Как свидетельствуют результаты регрессионного анализа, неравенство увеличивает риски революционной дестабилизации в демократиях (полных и частичных) и уменьшает в авторитарных режимах и анократиях, тяготеющих к автократиям. Данное различие объясняется способами поддержания власти в указанных политических системах.

Так, стабильность автократий в большей степени зависит от лояльности правящего класса. Соответственно, поощряя обогащение элит и награждая их за лояльность повышением статуса, доступа к благам и общей несоразмерностью их ресурсов по сравнению с остальным населением, автократы укрепляют свою власть и уменьшают шансы своего свержения посредством революции. Демократии же наоборот, критически зависят от лояльности больших общественных групп. Если же они чувствуют, что «проигрывают» от демократии и она не способна обеспечить им равный доступ к ресурсам и экономическим благам, повышаются риски революционного свержения демократической политической системы существенно возрастают [27; 134].

Помимо этого, как говорилось выше, средний класс является «становым хребтом» демократии, тем самым, его размывание повышает риски возникновения революций, так как происходит пауперизация населения, которому «нечего терять кроме своих цепей».

Логистическая регрессия для редких событий

Зависимая переменная — революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-16.744** (7.531)	-5.259 (6.799)	0.051 (5.457)	-14.125* (7.652)	-1.462 (6.989)	3.181 (5.601)	-24.497*** (8.547)	2.735 (8.614)	0.082 (6.664)	-24.082*** (8.672)	7.096 (8.897)	2.466 (6.849)
Неравенство	5.196 (3.640)	4.153* (2.295)	3.830* (2.173)	1.911** (0.876)	0.718 (0.884)	1.200* (0.668)	0.989 (3.133)	7.303*** (2.802)	4.077 (2.514)	1.069 (0.936)	0.445 (1.010)	0.950 (0.728)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.052*** (0.008)	-0.041*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.052*** (0.008)	-0.041*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.055*** (0.011)	-0.056*** (0.012)	-0.062*** (0.009)	-0.055*** (0.011)	-0.056*** (0.012)	-0.062*** (0.009)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.298 (0.214)	0.047 (0.216)	-0.005 (0.164)	-0.298 (0.214)	0.047 (0.216)	-0.005 (0.164)	-0.476* (0.255)	-0.509* (0.278)	-0.287 (0.200)	-0.476* (0.255)	-0.509* (0.278)	-0.287 (0.200)
Уровень коррупции	-1.543*** (0.529)	-1.541*** (0.494)	-1.824*** (0.390)	-1.543*** (0.529)	-1.541*** (0.494)	-1.824*** (0.390)	-0.676 (0.606)	-1.010* (0.585)	-1.049** (0.453)	-0.676 (0.606)	-1.010* (0.585)	-1.049** (0.453)
Логарифм населения	0.722 (0.471)	-0.206 (0.415)	-0.368 (0.341)	0.722 (0.471)	-0.206 (0.415)	-0.368 (0.341)	1.467*** (0.534)	-0.806 (0.529)	-0.295 (0.417)	1.467*** (0.534)	-0.806 (0.529)	-0.295 (0.417)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.619** (1.129)	3.797*** (0.684)	3.130*** (0.613)									
Электоральная автократия (V-dem)	3.517*** (1.075)	3.230*** (0.621)	3.024*** (0.563)	0.898 (0.608)	-0.567 (0.520)	-0.106 (0.431)						
Электоральная демократия (V-dem)	2.368** (1.019)	2.148*** (0.561)	1.913*** (0.536)	-0.251 (0.696)	-1.649*** (0.546)	-1.217*** (0.467)						
Либеральная демократия (V-dem)				-2.619** (1.129)	-3.797*** (0.684)	-3.130*** (0.613)						
Неравенство × Закрытая автократия (V-dem)	-3.286 (3.608)	-3.435 (2.215)	-2.630 (2.142)									
Неравенство × Электоральная автократия (V-dem)	-4.131 (3.575)	-2.982 (2.189)	-2.464 (2.117)	-0.846 (0.844)	0.453 (0.767)	0.166 (0.616)						
Неравенство × Электоральная демократия (V-dem)	-3.484 (3.564)	-3.082 (2.201)	-2.193 (2.132)	-0.199 (1.128)	0.353 (0.912)	0.437 (0.764)						
Неравенство × Либеральная демократия (V-dem)				3.286 (3.608)	3.435 (2.215)	2.630 (2.142)						
Полная автократия (Polity)							0.415 (0.969)	4.361*** (0.868)	2.384*** (0.717)			
Частичная автократия (Polity)							-1.168 (1.259)	5.173*** (0.980)	2.519*** (0.836)	-1.583 (0.980)	0.812 (0.683)	0.134 (0.591)
Фракционная демократия (Polity)							1.659* (1.000)	2.757*** (0.880)	1.828** (0.739)	1.244 (0.758)	-1.604** (0.650)	-0.556 (0.531)
Частичная демократия (Polity)							-0.149 (0.932)	2.147*** (0.775)	0.822 (0.672)	-0.564 (0.753)	-2.213*** (0.586)	-1.562*** (0.495)
Полная демократия (Polity)										-0.415 (0.969)	-4.361*** (0.868)	-2.384*** (0.717)
Неравенство × Полная автократия (Polity)							0.080 (3.127)	-6.858** (2.850)	-3.127 (2.515)			
Неравенство × Частичная автократия (Polity)							1.947 (3.324)	-7.425** (2.911)	-3.070 (2.585)	1.867 (1.399)	-0.567 (1.034)	0.057 (0.880)
Неравенство × Фракционная демократия (Polity)							-1.544 (3.155)	-5.273* (2.868)	-2.549 (2.533)	-1.625 (1.129)	1.585 (0.986)	0.578 (0.796)
Неравенство × Частичная демократия (Polity)							1.146 (3.121)	-4.970* (2.799)	1.066 (2.488)	1.888** (1.141)	1.730** (0.951)	1.730** (0.776)
Неравенство × Полная демократия (Polity)										-0.080 (3.127)	6.858** (2.850)	3.127 (2.515)
Количество наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-754.803	-996.574	-1,543.399	-754.803	-996.574	-1,543.399	-608.974	-759.140	-1,212.724	-608.974	-759.140	-1,212.724
Akaike Inf. Crit.	1,989.606	2,473.148	3,566.797	1,989.606	2,473.148	3,566.797	1,675.947	1,976.281	2,883.448	1,675.947	1,976.281	2,883.448

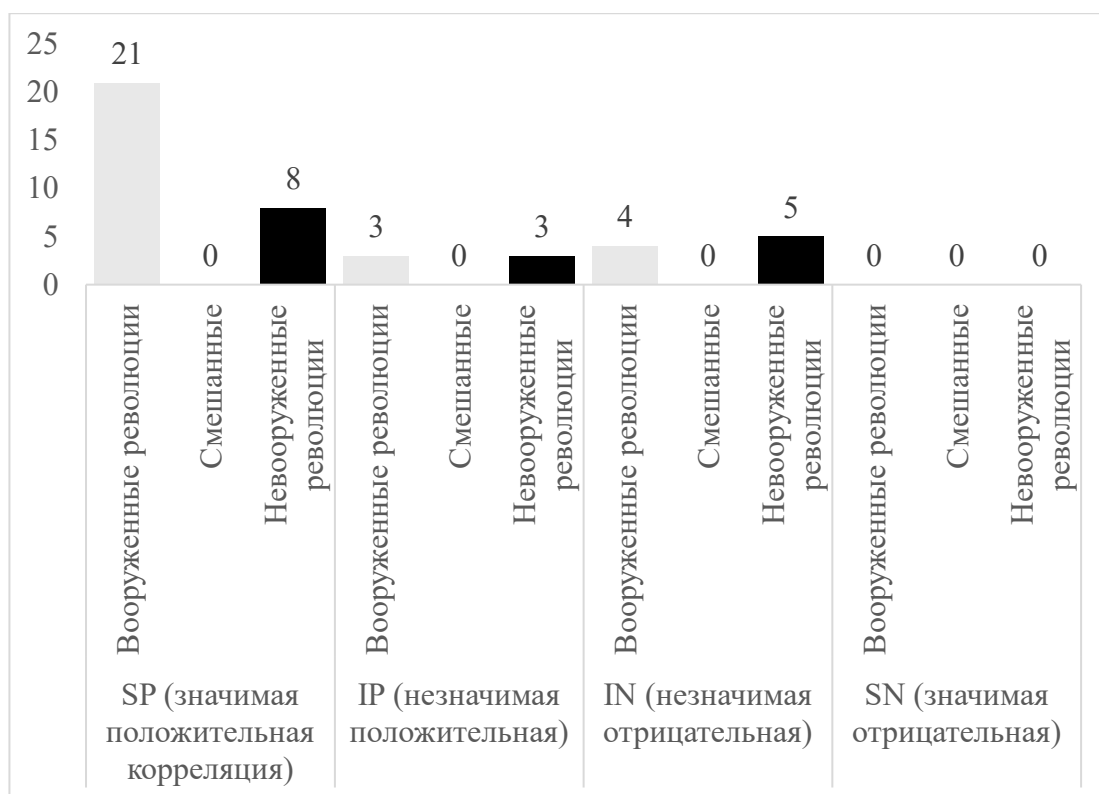
* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$
Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 23 - Неравенство в режимном контексте

Вследствие чего индивиды, фрустрированные падением доходов и более не заинтересованные в сохранении «status quo» могут найти привлекательным участие в революционных акциях, как возможности улучшить свои социальные позиции за счёт замещения освободившихся после свержения старого строя административных позиций или перераспределения собственности.

Немаловажным фактором развертывания революционной активности, связанным с неравенством, является дискриминация каких-либо социальных страт. При том что неравенство присуще всем человеческим сообществам, в них всегда находятся честолюбивые индивиды, стремящиеся улучшить свое положение за счет достижений в военной, образовательной, экономической или какой-то иной сфере. Поэтому большинство обществ допускают определенную вертикальную мобильность, позволяющую интегрировать в элиту талантливых выходцев из низших слоев. В ситуации же институционализированной дискриминации каких-то социальных групп (например, простолюдинов в сословных обществах или этнических меньшинств в расовых олигархиях) происходит делигитимация режима (ввиду его очевидной несправедливости) в глазах представителей таких групп и превращение их во врагов существующего политического порядка [107, с. 21-22].

Фактор направленной дискриминации, который в эмпирических работах принято обозначать термином «исключение» (*Exclusion*), рассматривался в четырёх количественных исследованиях революционной дестабилизации [30; 68; 70; 202]. Сводные результаты этих исследований отражены на рисунке двадцать четыре. Как видно из рисунка, согласно эмпирическим тестам, проводимая государством политика дискриминации значительно повышает вероятность начала революционных выступлений, особенно вооруженных.

Источник: составлено автором.

Рисунок 24 - Количество моделей с рассмотрением фактора дискриминации в зависимости от типа зависимой переменной

В то же время некоторые модели показали отсутствие значимой связи между дискриминацией и революциями, что, в совокупности с недостатком эмпирического знания о том, как разные режимы подвергаются рискам революций из-за дискриминации, обосновывает включение этого фактора в перечень индикаторов, изучаемых в рамках текущего исследования, что показано на рисунке 25. Числовая идентификация дискриминация в данном исследовании базируется на индексе доступа социальных групп к общественным благам (*Access to public services distributed by social group*) V-Dem [77].

Как следует из результатов количественного анализа, дискриминация каких-либо социальных групп укрепляет авторитарные режимы (и тяготеющие к ним анократии) и дестабилизирует демократии (и близкие к ним анократии).

Логистическая регрессия для редких событий

Зависимая переменная — революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-16.898** (7.789)	-5.499 (6.835)	-2.543 (5.613)	-15.347** (7.582)	-2.423 (6.739)	1.115 (5.467)	-25.955*** (8.775)	3.277 (8.913)	-1.230 (6.965)	-25.621*** (8.608)	4.149 (8.791)	-0.308 (6.819)
Дискриминация	0.451 (0.641)	0.171 (0.454)	-0.343 (0.476)	0.340* (0.190)	0.178 (0.194)	0.276* (0.149)	0.175 (0.559)	1.423*** (0.512)	0.697 (0.462)	0.450** (0.214)	0.270 (0.244)	0.399** (0.173)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.053*** (0.008)	-0.040*** (0.009)	-0.054*** (0.007)	-0.053*** (0.008)	-0.040*** (0.009)	-0.054*** (0.007)	-0.053*** (0.011)	-0.055*** (0.012)	-0.059*** (0.009)	-0.053*** (0.011)	-0.055*** (0.012)	-0.059*** (0.009)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.368* (0.217)	0.053 (0.223)	-0.024 (0.168)	-0.368* (0.217)	0.053 (0.223)	-0.024 (0.168)	-0.499* (0.258)	-0.389 (0.297)	-0.229 (0.208)	-0.499* (0.258)	-0.389 (0.297)	-0.229 (0.208)
Уровень коррупции	-1.380*** (0.514)	-1.447*** (0.474)	-1.643*** (0.378)	-1.380*** (0.514)	-1.447*** (0.474)	-1.643*** (0.378)	-0.490 (0.572)	-0.997* (0.564)	-0.862** (0.431)	-0.490 (0.572)	-0.997* (0.564)	-0.862** (0.431)
Логарифм населения	0.861* (0.472)	-0.126 (0.406)	-0.206 (0.337)	0.861* (0.472)	-0.126 (0.406)	-0.206 (0.337)	1.556*** (0.534)	-0.629 (0.528)	-0.118 (0.418)	1.556*** (0.534)	-0.629 (0.528)	-0.118 (0.418)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	1.551 (1.338)	3.076*** (1.024)	3.658*** (1.103)									
Электоральная автократия (V-dem)	2.070 (1.330)	2.816*** (1.025)	3.759*** (1.106)	0.519** (0.218)	-0.261 (0.198)	0.101 (0.158)						
Электоральная демократия (V-dem)	1.122 (1.332)	1.674 (1.022)	2.726** (1.101)	-0.429 (0.311)	-1.402*** (0.258)	-0.932*** (0.211)						
Либеральная демократия (V-dem)				-1.551 (1.338)	-3.076*** (1.024)	-3.658*** (1.103)						
Дискриминация × Закрытая автократия (V-dem)	-0.112 (0.640)	0.007 (0.452)	0.620 (0.481)									
Дискриминация × Электоральная автократия (V-dem)	-0.461 (0.634)	-0.112 (0.446)	0.365 (0.474)	-0.350** (0.167)	-0.119 (0.161)	-0.255** (0.125)						
Дискриминация × Электоральная демократия (V-dem)	-0.753 (0.642)	0.010 (0.455)	0.435 (0.485)	-0.641*** (0.234)	0.004 (0.191)	-0.185 (0.159)						
Дискриминация × Либеральная демократия (V-dem)				0.112 (0.640)	-0.007 (0.452)	-0.620 (0.481)						
Полная автократия (Polity)							0.334 (0.997)	0.871 (0.960)	0.922 (0.867)			
Частичная автократия (Polity)							0.072 (1.024)	1.290 (0.984)	1.133 (0.882)	-0.262 (0.306)	0.419 (0.255)	0.211 (0.206)
Фракционная демократия (Polity)							0.909 (1.004)	0.077 (0.984)	0.754 (0.875)	0.575** (0.270)	-0.794*** (0.270)	-0.168 (0.205)
Частичная демократия (Polity)							0.620 (1.003)	-0.392 (0.988)	0.367 (0.880)	0.286 (0.290)	-1.264*** (0.279)	-0.555*** (0.215)
Полная демократия (Polity)										-0.334 (0.997)	-0.871 (0.960)	-0.922 (0.867)
Дискриминация × Полная автократия (Polity)							0.274 (0.553)	-1.153** (0.514)	-0.298 (0.458)			
Дискриминация × Частичная автократия (Polity)							0.327 (0.596)	-1.288** (0.528)	-0.499 (0.473)	0.052 (0.271)	-0.135 (0.223)	-0.201 (0.180)
Дискриминация × Фракционная демократия (Polity)							-0.356 (0.571)	-0.618 (0.520)	-0.276 (0.467)	-0.631*** (0.228)	0.535** (0.221)	0.021 (0.163)
Дискриминация × Частичная демократия (Polity)							0.025 (0.551)	-0.829 (0.509)	-0.183 (0.456)	-0.250 (0.210)	0.325* (0.196)	0.115 (0.151)
Дискриминация × Полная демократия (Polity)										-0.274 (0.553)	1.153** (0.514)	0.298 (0.458)
Количество наблюдений	8,876	8,876	8,876	8,876	8,876	8,876	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-752.877	-997.298	-1,543.452	-752.877	-997.298	-1,543.452	-608.147	-757.312	-1,213.311	-608.147	-757.312	-1,213.311
Akaike Inf. Crit.	1,985.754	2,474.595	3,566.905	1,985.754	2,474.595	3,566.905	1,674.294	1,972.624	2,884.623	1,674.294	1,972.624	2,884.623

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 25 - Дискриминация в режимном контексте

Указанная асимметрия исчерпывающе объясняется тактикой выживания авторитарных режимов. Для повышения своей сплочённости автократам выгодно маргинализировать какую-либо группу для создания на её основе образа «врага», в борьбе с которым общество (или нация) должны объединиться вокруг государства и/или персоны политического лидера. Данная политика укладывается в парадигму Карла Шмитта и его концепцию «друг-враг». По утверждению К. Шмитта для формирования политической идентичности жизненно важно осознание кого-либо в качестве «чужака» или «врага», так как одним из компонентов близости является отдаление, и тождество с определенной группой людей или идеей не будет по-настоящему полным без эффективного отрицания другой группы. Как писал Шмитт: *«Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации и диссоциации»* [39, с. 298-303].

Демократии же, отличаясь свободой слова, собраний и ассоциаций не способны долго время дискриминировать какую-либо социальную группу, а в случае, если такое происходит, подобное отчуждение вызывает жесточайшее противодействие «исключённой» религиозной, расовой, этнической или любой другой страты, что повышает риски разворачивания протестов, акций гражданского неповиновения и других центробежных тенденций, которые могут вылиться в революцию. Примечательно, что в демократиях такие протесты носят преимущественно ненасильственный характер, например, движение за гражданские права 1960-ых в США, что подтверждается количественными оценками на рисунке 25. дискриминация в демократиях снижает риски вооружённых революций и повышает вероятность мирных революционных акций.

Социальная модернизация и, как следствие, повышение образованности населения, согласно современной политической социологии, с большей вероятностью склоняет индивидов к участию в ненасильственных революционных кампаниях, особенно тех, у кого есть доступ к информации о

наиболее эффективных средствах политической борьбы [68; 70; 86]. Так, образование способствует большей частоте использования альтернативных средств массовой информации, что увеличивает скорость распространения новостей и призывов к политическим действиям, необходимых для массового в них участия. Этот фактор приобрел дополнительную актуальность в современную эпоху, характеризующуюся ускорением технического прогресса и связанного с ним массового внедрения в повседневную жизнь социальных сетей, стимулирующих политическое самовыражение индивидов, создания независимых социально-политических инициатив, предоставляющих политическую «трибуну» множеству групп интересов, которые могут доносить свою точку зрения напрямую, минуя цензуры и барьеры традиционных СМИ [44]. Кроме того, образование повышает коммуникативные навыки и умение работать в команде, а также облегчает понимание происходящих политических процессов, снижая когнитивные затраты на принятие решений и помогая обходить различные барьеры на пути к гражданскому участию. Иными словами, знания и навыки, получаемые в процессе образования, помогают лучше распознавать изъяны государственной политики и более эффективно продвигать альтернативную точку зрения, что создаёт необходимую индивидуальную и ресурсную базу для участия в социально-политических выступлениях [86].

Помимо этого, образованные индивиды характеризуются большими амбициями и социально-политическим запросами – их мечтыкратно превосходят ожидания «среднего» гражданина. Будучи уверенными в своей исключительной роли, амбициозные интеллектуалы могут использовать общественные проблемы или трудности, испытываемые отдельными социальными группами для захвата власти в форме революции. Тем самым, революция для них является способом «карьерного роста» и быстрого занятия политических и административных должностей, которые могут быть недоступны как по объективным причинам (в случае отсутствия социальных лифтов, предоставляемых демократической политической системой), так и

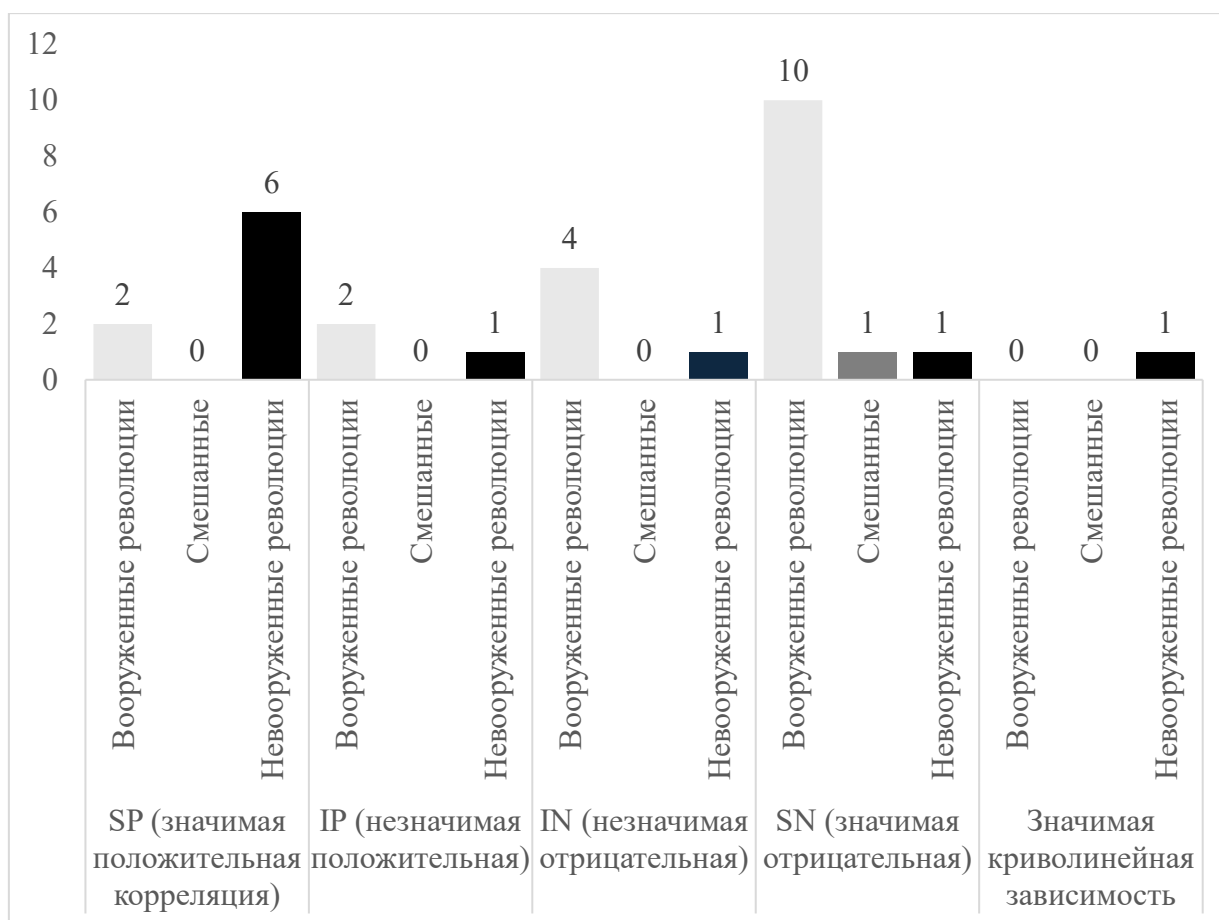
требовать от амбициозных индивидов долгого и упорного восхождения по социальной лестнице [203, с. 289].

Данная максима наша своё отражение в концепции «перепроизводства элит» - увеличении числа претендентов на ограниченное количество политических должностей. При этом если число претендентов на элитарные должности растёт, вследствие повышения уровня образования, а количество таких позиций не соответствует возросшим ожиданиям (вследствие объективной ненужности избыточного числа управленческих должностей или отсутствия ротации инкумбентов в недемократических режимах) – это создаёт социальную базу для революции. Перепроизводство элит основных акторов к политическому эгоизму может создать ситуацию, в которой все субъекты политического процесса заботятся в первую очередь о собственной выгоде и не думают о возможных издержках, тем самым превращая политику в игру с нулевой суммой, что вносит дополнительный дестабилизирующий элемент в политическую систему. Тем самым, революцию можно рассматривать как форму ожесточённой конкуренции элит и контр-элит за властные позиции [135; 147; 191].

Уровень охвата населения формальным образованием рассматривался в девяти количественных исследованиях факторов революционной дестабилизации [26; 30; 36; 57; 60; 68; 70; 64; 86]. Агрегация результатов этих исследований представлена на рисунке 26.

В целом и применительно к уровню охвата населения современным формальным образованием главным результатом проведенных количественных кросс-национальных исследований социально-демографических факторов революционной дестабилизации можно считать выявление того обстоятельства, что распространение современного образования оказывает существенно разное влияние на риски вооруженной революционной дестабилизации и на вероятность начала невооруженных восстаний.

На вероятность вооруженных революционных восстаний высокий уровень образованности населения оказывает однозначно отрицательное влияние: чем выше уровень охвата населения современным формальным образованием в данной стране, тем меньше там риски начала вооруженного революционного выступления [21]. В то же время даже в имеющейся выборке количественных исследованиях присутствуют кейсы, которые выбиваются из общей тенденции.

Источник: составлено автором.

Рисунок 26 -Количество моделей с рассмотрением фактора дискриминации в зависимости от типа зависимой переменной

Для разрешения проблемы переменчивости фактора образования целесообразно рассмотреть его в режимном контексте - рисунок 27.

Операционализация уровня образования проводится с помощью среднего числа лет обучения индивидов старше 15 лет (*Education 15+*) V-Dem [198].

Логистическая регрессия для редких событий

Зависимая переменная — революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-3.674 (10.432)	7.568 (8.496)	8.760 (6.904)	-4.276 (9.554)	9.226 (8.048)	12.058* (6.540)	-23.970** (11.440)	4.567 (11.352)	4.499 (8.638)	-25.963** (10.955)	9.952 (10.683)	4.871 (8.178)
Образование (среднее число лет обучения)	-0.688** (0.278)	0.517** (0.212)	0.225 (0.185)	-0.145 (0.148)	0.754*** (0.167)	0.269** (0.117)	-0.520** (0.237)	0.866*** (0.316)	0.002 (0.201)	-0.051 (0.160)	0.595*** (0.194)	0.194 (0.129)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.055*** (0.010)	-0.027** (0.011)	-0.050*** (0.008)	-0.055*** (0.010)	-0.027** (0.011)	-0.050*** (0.008)	-0.058*** (0.013)	-0.040*** (0.013)	-0.060*** (0.010)	-0.058*** (0.013)	-0.040*** (0.013)	-0.060*** (0.010)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.376 (0.256)	-0.789*** (0.269)	-0.417** (0.198)	-0.376 (0.256)	-0.789*** (0.269)	-0.417** (0.198)	-0.121 (0.300)	-1.004*** (0.346)	-0.326 (0.240)	-0.121 (0.300)	-1.004*** (0.346)	-0.326 (0.240)
Уровень коррупции	-1.938*** (0.609)	-1.091** (0.544)	-1.681*** (0.438)	-1.938*** (0.609)	-1.091** (0.544)	-1.681*** (0.438)	-0.985 (0.658)	-0.098 (0.622)	-0.720 (0.487)	-0.985 (0.658)	-0.098 (0.622)	-0.720 (0.487)
Логарифм населения	0.197 (0.599)	-0.886* (0.495)	-0.882** (0.408)	0.197 (0.599)	-0.886* (0.495)	-0.882** (0.408)	1.595** (0.683)	-0.993 (0.654)	-0.432 (0.506)	1.595** (0.683)	-0.993 (0.654)	-0.432 (0.506)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	-0.603 (2.180)	1.657 (1.743)	3.297** (1.681)									
Электоральная автократия (V-dem)	-0.160 (2.175)	2.153 (1.736)	3.726** (1.681)	0.443 (0.360)	0.496 (0.407)	0.428 (0.289)						
Электоральная демократия (V-dem)	0.940 (2.191)	1.122 (1.751)	3.633** (1.697)	1.542** (0.612)	-0.535 (0.565)	0.336 (0.429)						
Либеральная демократия (V-dem)				0.603 (2.180)	-1.657 (1.743)	-3.297** (1.681)						
Образование × Закрытая автократия (V-dem)	0.542** (0.250)	0.237 (0.182)	0.044 (0.171)									
Образование × Электоральная автократия (V-dem)	0.494** (0.247)	0.051 (0.174)	-0.076 (0.167)	-0.048 (0.077)	-0.186*** (0.072)	-0.120** (0.057)						
Образование × Электоральная демократия (V-dem)	0.104 (0.245)	0.071 (0.173)	-0.198 (0.167)	-0.439*** (0.109)	-0.166** (0.085)	-0.242*** (0.068)						
Образование × Либеральная демократия (V-dem)				-0.542** (0.250)	-0.237 (0.182)	-0.044 (0.171)						
Полная автократия (Polity)							-1.993 (1.432)	5.385** (2.469)	0.372 (1.412)			
Частичная автократия (Polity)							-1.606 (1.510)	5.836** (2.508)	0.757 (1.456)	0.387 (0.569)	0.451 (0.532)	0.384 (0.414)
Фракционная демократия (Polity)							-0.637 (1.468)	5.850** (2.503)	1.325 (1.432)	1.357*** (0.520)	0.465 (0.574)	0.952** (0.411)
Частичная демократия (Polity)							-0.560 (1.425)	5.085** (2.480)	1.003 (1.418)	1.433*** (0.515)	-0.300 (0.573)	0.630 (0.403)
Полная демократия (Polity)										1.993 (1.432)	-5.385** (2.469)	-0.372 (1.412)
Образование × Полная автократия (Polity)							0.469** (0.189)	-0.271 (0.263)	0.192 (0.164)			
Образование × Частичная автократия (Polity)							0.275 (0.209)	-0.245 (0.273)	0.158 (0.175)	-0.193* (0.112)	0.026 (0.095)	-0.035 (0.077)
Образование × Фракционная демократия (Polity)							0.194 (0.191)	-0.456* (0.266)	-0.032 (0.164)	-0.275*** (0.098)	-0.184** (0.094)	-0.224*** (0.072)
Образование × Частичная демократия (Polity)							0.084 (0.180)	-0.377 (0.259)	-0.035 (0.159)	-0.384*** (0.094)	-0.105 (0.084)	-0.227*** (0.065)
Образование × Полная демократия (Polity)										-0.469** (0.189)	0.271 (0.263)	-0.192 (0.164)
Количество наблюдений	7,080	7,080	7,080	7,080	7,080	7,080	6,011	6,011	6,011	6,011	6,011	6,011
Log Likelihood	-578.470	-823.968	-1,252.608	-578.470	-823.968	-1,252.608	-483.951	-659.633	-1,023.284	-483.951	-659.633	-1,023.284
Akaike Inf. Crit.	1,554.939	2,045.936	2,903.216	1,554.939	2,045.936	2,903.216	1,353.902	1,705.267	2,432.568	1,353.902	1,705.267	2,432.568

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 27 - Образование в режимном контексте

Результаты статистического анализа полностью укладываются в парадигму современных модернизационных теорий. Так, повышение образования разрушает автократии и укрепляет демократии и анократии.

Объяснение этого феномена состоит в том, что, как говорилось выше, индивиды с получением образования повышают и свои запросы и ожидания от политической системы, в том числе касающиеся личных прав и свобод. Чем более образованными становятся граждане авторитарных режимов, тем более они отдаляются от идеалов, целей и практик автократий.

Расширение данного «разрыва» между политической системой и обществом создаёт опасный дисбаланс, который может вылиться в революцию. В демократиях же, наоборот, образованные граждане склонны поддерживать либеральные ценности и демократические идеи. Соответственно, при снижении уровня образованности, индивиды склонны всё меньше поддерживать либеральные демократии и, при наличии должных оснований, способны заменить её на альтернативные модели устройства при помощи революций.

Дополнительную кросс-валидацию данных выводов можно произвести, построив модели с операционализацией фактора образования через уровень неравенства при доступе к образованию (*Educational inequality*) V-Dem - рисунок 28 [195] и охват высшим образованием (*Tertiary education*) на основе данных Всемирного Банка [204] и Барро и Ли [55] - рисунок 29.

Результаты данных дополнительных регрессионных моделей полностью подтверждают выводы предыдущей. Чем выше уровень неравенства и охвата высшим образованием при получении образования, тем стабильнее автократии и уязвимее демократии. При этом влияние высшего образования на революции является гораздо более явным. Причина этого заключается в том, что получение высшего образования в большей степени обостряет как амбиций индивидов, так и их приверженность либеральным ценностям.

Логистическая регрессия для редких событий

	Зависимая переменная — революция											
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-5.354 (13.295)	24.434* (13.140)	18.265* (10.560)	4.105 (13.775)	25.403* (13.350)	21.052** (10.726)	-33.672** (14.804)	28.384* (15.089)	4.525 (11.740)	-31.804** (14.872)	33.416** (15.313)	7.826 (11.875)
Неравенство в образовании	0.247*** (0.088)	-0.194** (0.082)	-0.071 (0.077)	0.006 (0.017)	-0.036** (0.017)	-0.017 (0.013)	0.032 (0.036)	0.018 (0.040)	0.017 (0.035)	0.004 (0.018)	-0.033* (0.019)	-0.019 (0.014)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.046*** (0.010)	-0.036*** (0.012)	-0.048*** (0.009)	-0.046*** (0.010)	-0.036*** (0.012)	-0.048*** (0.009)	-0.057*** (0.013)	-0.049*** (0.014)	-0.057*** (0.010)	-0.057*** (0.013)	-0.049*** (0.014)	-0.057*** (0.010)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.364 (0.289)	-0.325 (0.312)	-0.219 (0.228)	-0.364 (0.289)	-0.325 (0.312)	-0.219 (0.228)	-0.213 (0.312)	-0.824** (0.358)	-0.235 (0.250)	-0.213 (0.312)	-0.824** (0.358)	-0.235 (0.250)
Уровень коррупции	-1.903*** (0.672)	-1.544** (0.686)	-2.072*** (0.533)	-1.903*** (0.672)	-1.544** (0.686)	-2.072*** (0.533)	-1.034 (0.715)	-1.189 (0.747)	-1.263** (0.566)	-1.034 (0.715)	-1.189 (0.747)	-1.263** (0.566)
Логарифм населения	-0.350 (0.815)	-1.599** (0.785)	-1.303** (0.636)	-0.350 (0.815)	-1.599** (0.785)	-1.303** (0.636)	1.831** (0.867)	-2.115** (0.890)	-0.510 (0.695)	1.831** (0.867)	-2.115** (0.890)	-0.510 (0.695)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	9.459*** (2.658)	0.969 (1.664)	2.786* (1.660)									
Электоральная автократия (V-dem)	9.081*** (2.651)	-0.377 (1.681)	1.907 (1.656)	-0.378 (0.519)	-1.346*** (0.522)	-0.879** (0.409)						
Электоральная демократия (V-dem)	6.657** (2.605)	-1.565 (1.643)	0.054 (1.625)	-2.801*** (0.668)	-2.534*** (0.601)	-2.732*** (0.483)						
Либеральная демократия (V-dem)				-9.459*** (2.658)	-0.969 (1.664)	-2.786* (1.660)						
Неравенство в образовании × Закрытая автократия (V-dem)	-0.241*** (0.086)	0.158* (0.081)	0.054 (0.076)									
Неравенство в образовании × Электоральная автократия (V-dem)	-0.229*** (0.086)	0.178** (0.081)	0.070 (0.076)	0.012 (0.009)	0.020** (0.010)	0.016** (0.007)						
Неравенство в образовании × Электоральная демократия (V-dem)	-0.195** (0.086)	0.173** (0.081)	0.087 (0.076)	0.045*** (0.013)	0.015 (0.013)	0.032*** (0.010)						
Неравенство в образовании × Либеральная демократия (V-dem)				0.241*** (0.086)	-0.158* (0.081)	-0.054 (0.076)						
Полная автократия (Polity)							1.868 (1.138)	5.032*** (1.319)	3.301*** (1.050)			
Частичная автократия (Polity)							0.169 (1.302)	6.640*** (1.427)	3.530*** (1.137)	-1.699** (0.757)	1.609** (0.669)	0.228 (0.536)
Фракционная демократия (Polity)							0.318 (1.184)	3.923*** (1.334)	2.112** (1.072)	-1.550** (0.623)	-1.108* (0.631)	-1.189** (0.488)
Частичная демократия (Polity)							-0.088 (1.127)	3.537*** (1.277)	1.394 (1.031)	-1.956*** (0.630)	-1.495** (0.592)	-1.907*** (0.476)
Полная демократия (Polity)										-1.868 (1.138)	-5.032*** (1.319)	-3.301*** (1.050)
Неравенство в образовании × Полная автократия (Polity)							-0.029 (0.030)	-0.052 (0.034)	-0.036 (0.031)			
Неравенство в образовании × Частичная автократия (Polity)							-0.002 (0.032)	-0.076** (0.036)	-0.036 (0.032)	0.027** (0.013)	-0.024* (0.014)	0.0001 (0.010)
Неравенство в образовании × Фракционная демократия (Polity)							0.006 (0.031)	-0.036 (0.035)	-0.013 (0.032)	0.034*** (0.012)	0.016 (0.013)	0.023** (0.009)
Неравенство в образовании × Частичная демократия (Polity)							0.004 (0.030)	-0.042 (0.035)	-0.010 (0.031)	0.032*** (0.011)	0.010 (0.012)	0.026*** (0.009)
Неравенство в образовании × Полная демократия (Polity)										0.029 (0.030)	0.052 (0.034)	0.036 (0.031)
Количество наблюдений	5,447	5,447	5,447	5,447	5,447	5,447	5,045	5,045	5,045	5,045	5,045	5,045
Log Likelihood	-488.909	-538.438	-903.465	-488.909	-538.438	-903.465	-419.044	-479.150	-797.665	-419.044	-479.150	-797.665
Akaike Inf. Crit.	1,345.817	1,444.876	2,174.929	1,345.817	1,444.876	2,174.929	1,202.087	1,322.301	1,959.330	1,202.087	1,322.301	1,959.330

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.

Рисунок 28 - Неравенство при получении образования в режимном контексте

Логистическая регрессия для редких событий

Зависимая переменная — революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-2.847 (8.943)	-5.749 (7.056)	2.754 (5.906)	-1.107 (8.823)	-3.595 (7.053)	4.807 (5.906)	-13.024 (10.162)	-5.851 (8.870)	0.377 (7.179)	-13.855 (10.051)	-3.018 (8.944)	1.316 (7.181)
Высшее образование (%)	-0.072 (0.046)	-0.024 (0.023)	-0.017 (0.023)	0.081* (0.046)	0.095** (0.046)	0.098*** (0.037)	-0.077 (0.055)	0.005 (0.033)	-0.011 (0.029)	0.147*** (0.050)	0.012 (0.051)	0.090** (0.040)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.056*** (0.010)	-0.047*** (0.010)	-0.060*** (0.008)	-0.056*** (0.010)	-0.047*** (0.010)	-0.060*** (0.008)	-0.057*** (0.012)	-0.057*** (0.013)	-0.062*** (0.010)	-0.057*** (0.012)	-0.057*** (0.013)	-0.062*** (0.010)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.567** (0.232)	0.059 (0.233)	-0.158 (0.175)	-0.567** (0.232)	0.059 (0.233)	-0.158 (0.175)	-0.854*** (0.276)	-0.495 (0.308)	-0.547** (0.219)	-0.854*** (0.276)	-0.495 (0.308)	-0.547** (0.219)
Уровень коррупции	-1.538*** (0.584)	-1.102** (0.512)	-1.651*** (0.414)	-1.538*** (0.584)	-1.102** (0.512)	-1.651*** (0.414)	-0.487 (0.629)	-0.446 (0.603)	-0.788* (0.466)	-0.487 (0.629)	-0.446 (0.603)	-0.788* (0.466)
Логарифм населения	-0.008 (0.552)	-0.056 (0.428)	-0.423 (0.366)	-0.008 (0.552)	-0.056 (0.428)	-0.423 (0.366)	0.876 (0.623)	-0.183 (0.537)	-0.203 (0.440)	0.876 (0.623)	-0.183 (0.537)	-0.203 (0.440)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	1.740* (0.957)	2.154*** (0.621)	2.053*** (0.570)									
Электоральная автократия (V-dem)	2.096** (0.944)	2.171*** (0.581)	2.226*** (0.549)	0.356 (0.256)	0.017 (0.266)	0.173 (0.202)						
Электоральная демократия (V-dem)	2.367** (0.960)	1.236** (0.572)	1.851*** (0.549)	0.627 (0.398)	-0.918** (0.359)	-0.202 (0.286)						
Либеральная демократия (V-dem)				-1.740* (0.957)	-2.154*** (0.621)	-2.053*** (0.570)						
Высшее образование × Закрытая автократия (V-dem)	0.154*** (0.058)	0.118** (0.047)	0.115*** (0.040)									
Высшее образование × Электоральная автократия (V-dem)	0.124** (0.049)	0.047 (0.032)	0.053* (0.029)	-0.030 (0.037)	-0.072* (0.037)	-0.062** (0.030)						
Высшее образование × Электоральная демократия (V-dem)	-0.065 (0.058)	0.019 (0.032)	-0.034 (0.030)	-0.219*** (0.056)	-0.099** (0.042)	-0.149*** (0.035)						
Высшее образование × Либеральная демократия (V-dem)				-0.154*** (0.058)	-0.118** (0.047)	-0.115*** (0.040)						
Полная автократия (Polity)							-0.831 (0.741)	2.833*** (0.767)	0.939 (0.593)			
Частичная автократия (Polity)							-1.140 (0.814)	3.050*** (0.788)	1.162* (0.624)	-0.309 (0.409)	0.217 (0.370)	0.223 (0.291)
Фракционная демократия (Polity)							-0.376 (0.766)	2.439*** (0.758)	1.030* (0.596)	0.455 (0.346)	-0.394 (0.370)	0.091 (0.277)
Частичная демократия (Polity)							-0.585 (0.735)	1.819** (0.735)	0.737 (0.580)	0.245 (0.356)	-1.014*** (0.392)	-0.201 (0.287)
Полная демократия (Polity)										0.831 (0.741)	-2.833*** (0.767)	-0.939 (0.593)
Высшее образование × Полная автократия (Polity)							0.224*** (0.066)	0.007 (0.053)	0.101** (0.044)			
Высшее образование × Частичная автократия (Polity)							0.135* (0.072)	0.043 (0.054)	0.071 (0.047)	-0.090 (0.057)	0.036 (0.054)	-0.030 (0.044)
Высшее образование × Фракционная демократия (Polity)							0.123** (0.060)	-0.029 (0.036)	0.022 (0.033)	-0.101** (0.045)	-0.035 (0.045)	-0.079** (0.035)
Высшее образование × Частичная демократия (Polity)							0.099* (0.056)	-0.019 (0.036)	0.005 (0.032)	-0.125*** (0.043)	-0.026 (0.043)	-0.096*** (0.034)
Высшее образование × Полная демократия (Polity)										-0.224*** (0.066)	-0.007 (0.053)	-0.101** (0.044)
Количество наблюдений	7,530	7,530	7,530	7,530	7,530	7,530	6,342	6,342	6,342	6,342	6,342	6,342
Log Likelihood	-599.385	-873.206	-1,300.691	-599.385	-873.206	-1,300.691	-498.063	-672.465	-1,040.845	-498.063	-672.465	-1,040.845
Akaike Inf. Crit.	1,614.769	2,162.412	3,017.383	1,614.769	2,162.412	3,017.383	1,398.125	1,746.931	2,483.689	1,398.125	1,746.931	2,483.689

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$
Стандартные ошибки в скобках

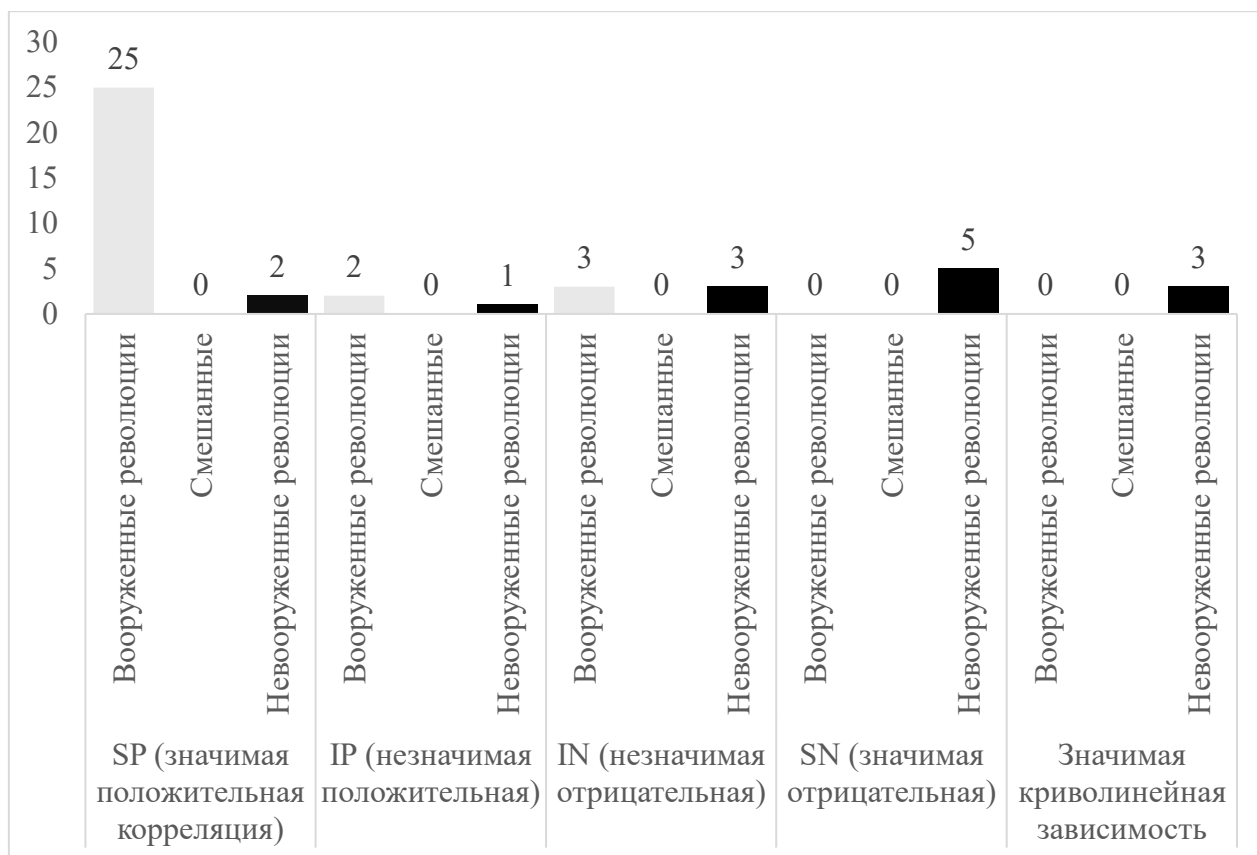
Источник: составлено автором.

Рисунок 29 - Охват высшим образованием (в процентах) в режимном контексте

В дополнение к численности населения многими исследователями в качестве предиктора революционной дестабилизации рассматривается так называемый «молодежный бугор», то есть доля молодежи - людей в возрасте от 15 до 24 (в некоторых исследованиях до 29) лет - в общей численности взрослого населения [70; 85; 106; 177]. Помимо этого, молодежь может выступать в качестве инициатора массовых революционных протестов, поскольку многие протестные революционные движения начинались как студенческие волнения. В качестве примера можно привести протесты в США и Франции в 1960-х, некоторые революции на пост-советском пространстве и отдельные революционные события «Арабской весны».

Иными словами, сторонники концепции «молодежного бугра» как фактора разворачивания революционных процессов постулируют, что государствам со значительной долей молодежи в общем числе населения (то есть государства, находящиеся на начальных фазах демографического перехода) свойственен повышенный риск политического насилия и возникновения внутренних революционных конфликтов. В то же время ожидается, что общества, переживающие устойчивое снижение рождаемости и завершившие демографический переход, менее подвержены возникновению революционных процессов [21; 74; 158]. В целом, чем более «молодым» является население, тем менее оно консервативно, более благоприятно относится к переменам и преисполнено большей готовности к самым радикальным формам политического протеста.

Молодежный бугор/медианный возраст рассматривался в восьми количественных исследованиях факторов революционной дестабилизации – рисунок 30 [21; 25; 28; 31; 52; 65; 69; 177]. В целом описанные выше результаты подтверждают постулат о переменчивости факторов революционной дестабилизации - один и тот же индикатор может оказывать существенно разное влияние на риски революционной дестабилизации, то есть демонстрировать асимметрию.

Источник: составлено автором.

Рисунок 30 - Количество моделей с рассмотрением фактора молодёжного бугра в зависимости от типа зависимой переменной

Как видим, результаты исследования влияния повышенной доли молодежи на вероятность невооруженных революционных восстаний не дают ничего похожего на столь определенные результаты, как мы могли это видеть применительно к вооруженным революциям, что допускает поиск причин данной переменчивости во влиянии типа политического режима – рисунок 31 [21]. Количественные показатели «молодёжного бугра», то есть доли молодежи от 15 до 25 лет были получены благодаря данным ООН [194].

Из результатов статистического анализа следует, что «молодёжный бугор», представленный в виде доли индивидов в возрасте от 15 до 25 лет среди всего населения, оказывает дестабилизирующее воздействие на автократии и анократии и укрепляет демократические политические режимы.

Логистическая регрессия для редких событий

Зависимая переменная — революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Константа	-19.148** (7.781)	-8.643 (7.018)	-2.066 (5.590)	-12.722 (8.106)	-7.000 (7.546)	-0.900 (5.976)	-29.770*** (8.797)	-3.507 (9.023)	-5.001 (6.829)	-29.630*** (9.194)	-7.485 (9.708)	-8.179 (7.372)
Доля молодёжи 15–25 лет	21.817 (14.832)	-8.307 (10.374)	-10.974 (9.688)	-1.726 (7.318)	1.565 (5.889)	-0.525 (5.082)	3.217 (13.356)	-33.441** (15.162)	-23.287** (11.321)	-0.426 (7.960)	13.049* (6.699)	6.213 (5.813)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.053*** (0.009)	-0.040*** (0.010)	-0.055*** (0.007)	-0.053*** (0.009)	-0.040*** (0.010)	-0.055*** (0.007)	-0.054*** (0.011)	-0.052*** (0.013)	-0.061*** (0.010)	-0.054*** (0.011)	-0.052*** (0.013)	-0.061*** (0.010)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.462** (0.209)	0.055 (0.216)	-0.087 (0.161)	-0.462** (0.209)	0.055 (0.216)	-0.087 (0.161)	-0.674*** (0.250)	-0.315 (0.281)	-0.342* (0.199)	-0.674*** (0.250)	-0.315 (0.281)	-0.342* (0.199)
Уровень коррупции	-1.236** (0.520)	-1.308*** (0.476)	-1.551*** (0.378)	-1.236** (0.520)	-1.308*** (0.476)	-1.551*** (0.378)	-0.250 (0.576)	-0.693 (0.571)	-0.600 (0.435)	-0.250 (0.576)	-0.693 (0.571)	-0.600 (0.435)
Логарифм населения	0.734 (0.504)	0.150 (0.453)	-0.055 (0.368)	0.734 (0.504)	0.150 (0.453)	-0.055 (0.368)	1.868*** (0.570)	-0.021 (0.583)	0.345 (0.453)	1.868*** (0.570)	-0.021 (0.583)	0.345 (0.453)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	6.426** (2.875)	1.642 (1.815)	1.166 (1.658)									
Электоральная автократия (V-dem)	8.401*** (2.761)	0.562 (1.684)	1.450 (1.561)	1.976 (1.667)	-1.080 (1.334)	0.284 (1.140)						
Электоральная демократия (V-dem)	5.660** (2.748)	1.826 (1.578)	1.399 (1.520)	-0.765 (1.948)	0.184 (1.343)	0.233 (1.197)						
Либеральная демократия (V-dem)				-6.426** (2.875)	-1.642 (1.815)	-1.166 (1.658)						
Доля молодёжи × Закрытая автократия (V-dem)	-23.544 (16.226)	9.871 (11.314)	10.449 (10.489)									
Доля молодёжи × Электоральная автократия (V-dem)	-32.467** (15.640)	14.061 (10.720)	8.854 (10.041)	-8.924 (8.814)	4.190 (6.968)	-1.595 (5.995)						
Доля молодёжи × Электоральная демократия (V-dem)	-22.324 (16.054)	0.897 (10.537)	3.587 (10.092)	1.220 (10.292)	-8.974 (7.132)	-6.862 (6.373)						
Доля молодёжи × Либеральная демократия (V-dem)				23.544 (16.226)	-9.871 (11.314)	-10.449 (10.489)						
Полная автократия (Polity)							0.140 (2.581)	-3.978* (2.351)	-3.178* (1.915)			
Частичная автократия (Polity)							3.914 (3.168)	2.233 (2.749)	2.703 (2.273)	3.774 (2.662)	6.212*** (2.095)	5.881*** (1.847)
Фракционная демократия (Polity)							6.227** (2.603)	-5.577** (2.487)	-2.119 (1.994)	6.087*** (2.271)	-1.598 (1.931)	1.058 (1.575)
Частичная демократия (Polity)							1.713 (2.575)	-3.161 (2.224)	-2.147 (1.815)	1.573 (2.141)	0.817 (1.698)	1.031 (1.464)
Полная демократия (Polity)										-0.140 (2.581)	3.978* (2.351)	3.178* (1.915)
Доля молодёжи × Полная автократия (Polity)							-3.643 (14.912)	46.490*** (15.849)	29.500** (12.127)			
Доля молодёжи × Частичная автократия (Polity)							-25.255 (17.698)	16.826 (17.373)	0.044 (13.617)	-21.612 (13.902)	-29.664*** (10.809)	-29.455*** (9.567)
Доля молодёжи × Фракционная демократия (Polity)							-34.546** (15.627)	50.796*** (16.552)	22.931* (12.552)	-30.903*** (11.924)	4.307 (9.949)	-6.568 (8.207)
Доля молодёжи × Частичная демократия (Polity)							-11.919 (15.095)	35.764** (15.398)	20.965* (11.778)	-8.276 (11.225)	-10.726 (8.929)	-8.535 (7.697)
Доля молодёжи × Полная демократия (Polity)										3.643 (14.912)	-46.490*** (15.849)	-29.500** (12.127)
Количество наблюдений	8.772	8.772	8.772	8.772	8.772	8.772	7.159	7.159	7.159	7.159	7.159	7.159
Log Likelihood	-745.975	-982.997	-1,525.985	-745.975	-982.997	-1,525.985	-598.629	-742.899	-1,191.686	-598.629	-742.899	-1,191.686
Akaike Inf. Crit.	1,967.950	2,441.994	3,527.970	1,967.950	2,441.994	3,527.970	1,651.259	1,939.798	2,837.372	1,651.259	1,939.798	2,837.372

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 31 - Молодёжный бугор в режимном контексте

Переменчивость этого фактора в зависимости от политического режима объясняется стратегиями взаимодействия этих режимов и молодёжи. В авторитарных режимах молодёжная политика, как правило, сводится к множеству запретов и ограничений всего выходящего за рамки выверенной идеологической линии государства. Молодёжь помещается в официозные рамки государственных объединений и движений, которые вызывают отторжение и неприятие у молодого поколения. В результате, чем активнее государство старается поставить молодёжь под контроль, тем большее противодействие это вызывает, что увеличивает общественное напряжение и создаёт риски революционной дестабилизации.

Параллельно «официальным» структурам в недемократических режимах формируется оппозиционная государству альтернативная молодёжная культура, которая ищет новые смыслы и заимствует практики обществ с более развитой молодёжной культурой, перенимает созданные в таких обществах субкультуры и создаёт свои. Эта параллельная среда вступает в жёсткий конфликт с «официальным курсом» развития молодёжи, что создаёт почву для разворачивания революционных процессов, сначала в форме контркультуры, а затем в виде политических требований.

Анократии, в свою очередь раздражают молодёжь не посредством идеологического давления, а из-за невозможности предоставить молодёжи значительные политические и экономические перспективы. Переходные режимы отличаются нестабильной экономической ситуацией, из-за чего представители молодого поколения не всегда способны достичь желаемых социальных и экономических высот, а из-за несовершенства демократических механизмов, политические амбиции молодёжи также становятся нереализованными. Это вызывает фрустрацию и разочарование в политической системе, что увеличивает риски её разрушения вследствие революции.

Демократические системы, отличающиеся полной свободой индивидов, и способны обеспечить молодёжи как возможности приобщиться к любым

субкультурам и потреблению любых культурных продуктов, в том числе не отличающихся высокой моралью, так и пути реализации экономических запросов или политических амбиций. Множество независимых молодёжных политических объединений, подчас несколько радикализованных в своих требованиях и проектах, помогают амортизировать естественное стремление молодых людей к резким переменам и выразить эти стремления в наиболее безопасных для общества формах – при помощи гедонизма или в рамках деятельности легальных политических структур.

Иными словами, демократии позволяют молодёжи «выпустить пар» и реализовать естественные для молодых юношей и девушек стремления к бунту и переменам в наиболее безопасных для себя формах. Именно поэтому молодёжные протесты в демократических странах хотя и могут выглядеть ярко и вызывающе редко трансформируются в по-настоящему революционные движения. Большинство молодёжи в демократических странах ограничивают бунт своего поколения в форме гедонизма или неполитического девиантного поведения, к которому можно отнести создание независимых коммун, вступление в субкультуры, прожектёрство и так далее. Несмотря на склонность молодёжи к участию в подобного рода практиках, большинство с достижением зрелого возраста возвращается к «традиционным» формам жизнедеятельности после непродолжительного молодёжного «бунта».

Данные факты укладываются в концепцию психоаналитического понимания политического участия, согласно которому одним из стимулов участия в политике и трансформации этого участия в радикальные формы являются подавленные желания и нереализованное либидо. Как утверждал Зигмунд Фрейд, либидо и наслаждения являются основой всех политических организаций [98; 153].

Таким образом, демократии позволяют молодёжи реализовать как подавленные желания и тягу к удовольствиям, так и стремление «заявить о себе» в форме легальных уличных протестов, вследствие чего революционная

угроза со стороны молодёжи успешно элиминируется. Недемократические режимы, в свою очередь, видят угрозу даже в таком «непродолжительном неповиновении» и часто ограничивают молодёжь в её естественных желаниях, что создаёт трение между молодым поколением и политическим режимом, которое может вылиться в революционное противостояние

Ещё одним социальным фактором революционной дестабилизации является безработица. Её влияние на вероятность возникновения революции проявляется себя сразу в нескольких компонентах. Во-первых, в условиях безработицы индивиды обладают свободным временем для участия в политических движениях, забастовках, протестах и тому подобных событиях. Во-вторых, в случае массовой безработицы индивиды склонны возлагать вину за снижение своего социального статуса на неэффективность политической системы и её неспособность разрешить возникшие экономические трудности. В-третьих, безработица вызывает фрустрацию и ожесточение в обществе, что является хорошим топливом для революции. В-четвёртых, обнищание, вызванное безработицей, может подтолкнуть индивидов к желанию улучшить своё материальное положение за счёт революционного грабежа [135].

Особенно опасными являются безработная молодёжь и интеллигенция, создающая упоминаемый выше феномен «перепроизводства элит». Если безработная молодёжь участвует в революционных акциях из-за безысходности и неспособности повысить свой социальный статус в условиях кризиса традиционных социальных лифтов, то не нашедшую себе возможностей для самореализации интеллигенцию движет желание отомстить политической системе и воплотить свои амбиции за счёт революционного захвата власти. Неспроста, на острие революционных протестов подчас находились студенты и интеллектуалы [57, с. 293; 111, с. 675-676; 117; 145, с. 210; 203, с. 24].

Логистическая регрессия для редких событий

Зависимая переменная — революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-11.812*** (2.066)	-8.320*** (1.050)	-8.427*** (0.953)	-9.201*** (1.744)	-7.286*** (0.991)	-7.180*** (0.887)	-26.329* (14.987)	10.230 (12.789)	6.405 (11.503)	-23.660 (14.583)	11.622 (12.705)	7.287 (11.405)
Безработица	0.069 (0.105)	0.015 (0.048)	0.008 (0.047)	-0.007 (0.058)	0.066** (0.027)	0.047* (0.026)	0.101 (0.078)	-0.010 (0.059)	0.021 (0.055)	0.071 (0.059)	0.089* (0.047)	0.087** (0.042)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.080*** (0.020)	-0.040*** (0.015)	-0.054*** (0.013)	-0.080*** (0.020)	-0.040*** (0.015)	-0.054*** (0.013)	-0.056** (0.022)	-0.042** (0.020)	-0.065*** (0.017)	-0.056** (0.022)	-0.042** (0.020)	-0.065*** (0.017)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.372** (0.160)	0.090 (0.108)	-0.054 (0.092)	-0.372** (0.160)	0.090 (0.108)	-0.054 (0.092)	2.031*** (0.652)	-0.166 (0.465)	0.463 (0.420)	2.031*** (0.652)	-0.166 (0.465)	0.463 (0.420)
Уровень коррупции	0.493 (0.717)	0.994** (0.436)	0.815** (0.382)	0.493 (0.717)	0.994** (0.436)	0.815** (0.382)	1.632 (1.027)	0.020 (0.747)	0.560 (0.685)	1.632 (1.027)	0.020 (0.747)	0.560 (0.685)
Логарифм населения	0.357*** (0.090)	0.208*** (0.052)	0.253*** (0.047)	0.357*** (0.090)	0.208*** (0.052)	0.253*** (0.047)	1.662* (0.887)	-0.806 (0.749)	-0.504 (0.670)	1.662* (0.887)	-0.806 (0.749)	-0.504 (0.670)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.611* (1.480)	1.034* (0.599)	1.248** (0.563)									
Электоральная автократия (V-dem)	2.806* (1.466)	1.243** (0.593)	1.508*** (0.555)	0.194 (0.535)	0.209 (0.361)	0.260 (0.309)						
Электоральная демократия (V-dem)	1.583 (1.535)	1.345** (0.571)	1.263** (0.547)	-1.028 (0.796)	0.312 (0.376)	0.016 (0.341)						
Либеральная демократия (V-dem)				-2.611* (1.480)	-1.034* (0.599)	-1.248** (0.563)						
Безработица × Закрытая автократия (V-dem)	-0.076 (0.120)	0.051 (0.055)	0.039 (0.053)									
Безработица × Электоральная автократия (V-dem)	-0.020 (0.108)	0.027 (0.052)	0.035 (0.050)	0.055 (0.062)	-0.024 (0.033)	-0.004 (0.030)						
Безработица × Электоральная демократия (V-dem)	-0.077 (0.126)	-0.011 (0.053)	-0.006 (0.052)	-0.002 (0.090)	-0.062* (0.035)	-0.045 (0.034)						
Безработица × Либеральная демократия (V-dem)				0.076 (0.120)	-0.051 (0.055)	-0.039 (0.053)						
Полная автократия (Polity)							2.669* (1.474)	1.392 (0.943)	0.881 (0.884)			
Частичная автократия (Polity)							4.432*** (1.569)	1.952* (1.013)	1.721* (0.944)	1.762** (0.757)	0.559 (0.642)	0.840 (0.557)
Фракционная демократия (Polity)							3.963*** (1.482)	0.895 (0.907)	1.069 (0.863)	1.293** (0.636)	-0.497 (0.519)	0.187 (0.451)
Частичная демократия (Polity)							3.048** (1.485)	0.839 (0.905)	0.722 (0.862)	0.379 (0.676)	-0.553 (0.531)	-0.159 (0.470)
Полная демократия (Polity)										-2.669* (1.474)	-1.392 (0.943)	-0.881 (0.884)
Безработица × Полная автократия (Polity)							-0.030 (0.097)	0.099 (0.077)	0.066 (0.071)			
Безработица × Частичная автократия (Polity)							-0.224* (0.120)	0.032 (0.084)	-0.030 (0.079)	-0.194** (0.089)	-0.067 (0.064)	-0.096* (0.058)
Безработица × Фракционная демократия (Polity)							-0.098 (0.092)	0.066 (0.071)	0.012 (0.066)	-0.068 (0.072)	-0.033 (0.056)	-0.053 (0.051)
Безработица × Частичная демократия (Polity)							-0.028 (0.089)	0.018 (0.068)	-0.004 (0.063)	0.002 (0.073)	-0.081 (0.056)	-0.070 (0.051)
Безработица × Полная демократия (Polity)										0.030 (0.097)	-0.099 (0.077)	-0.066 (0.071)
Количество наблюдений	4,181	4,181	4,181	4,181	4,181	4,181	3,487	3,487	3,487	3,487	3,487	3,487
Log Likelihood	-245.014	-653.905	-781.500	-245.014	-653.905	-781.500	-195.735	-459.509	-561.125	-195.735	-459.509	-561.125
Akaike Inf. Crit.	514.029	1,331.810	1,587.000	514.029	1,331.810	1,587.000	839.469	1,367.017	1,570.249	839.469	1,367.017	1,570.249

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$
Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 32 - Безработица в режимном контексте

В то же время в современной политической науке фиксируется недостаток эмпирических исследований фактора безработицы и его влияния на революционную дестабилизацию, что обосновывает его проверку как самого по себе, так и в режимном контексте - рисунок 32 [135]. Данные по безработице представлены Всемирным Банком [204].

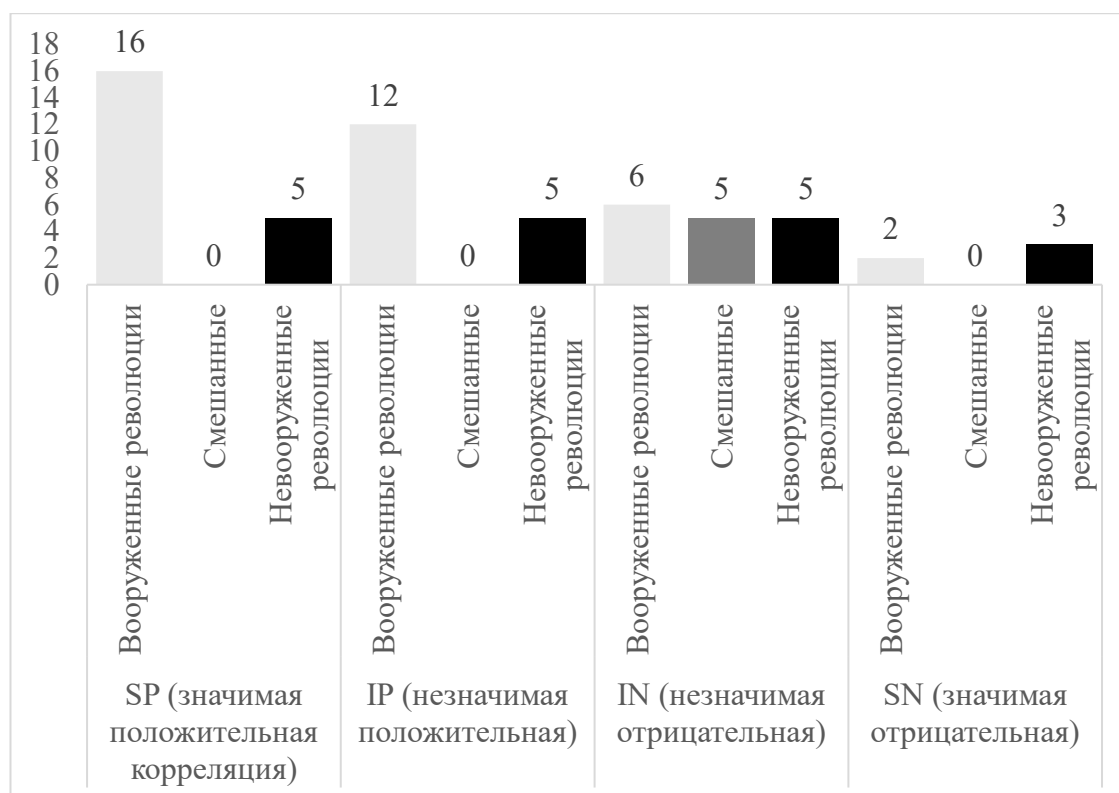
Как мы можем заключить из результатов статистического анализа безработица отнюдь не является таким существенным фактором революционной дестабилизации, каким она кажется в теоретической литературе. Несмотря на тот факт, что «в целом» безработица увеличивает риски революционной дестабилизации, однако на уровне политических режимов её воздействие практически не ощущается. Так, демократии и автократии не испытывают никакого значимого эффекта под влиянием безработицы, а стабильность анократий даже несколько повышается.

Подобные результаты можно объяснить через систему мотиваций индивидов. В переходных режимах экономические трудности не настолько существенны, чтобы рисковать потерять то малое, что уже есть у индивидов в хаосе революций. Так, они становятся более обеспокоены обеспечением базовых потребностей в условиях безработицы, чем политическими потрясениями. Демократии, в свою очередь способны амортизировать фрустрацию безработных, дав им реализовать своё недовольство на выборах, а тоталитарные режимы легко могут справиться с обнищавшим и безработным населением, как говорилось выше, наибольшую угрозу для них составляет образованные и состоятельный средний класс.

Во многих исследованиях отмечается, что революциям больше подвержены государства, отличающиеся разнообразным этническим, лингвистическим и/или религиозным составом. В случае ослабления государственной власти социокультурная гетерогенность или фракционализация (*fractionalisation*) может стать триггером ожесточенных политических конфликтов между представителями разных этнолингвистических или религиозных групп. Данный тренд обычно

объясняют, с одной стороны, природой человека, который, согласно социобиологической концепции «этнического кумовства», склонен устанавливать долгосрочные связи (в том числе объединяться для участия в коллективных действиях) с «родственными» индивидами, а с другой - тонкостями взаимоотношений между государством и разнообразными меньшинствами, ошибки при выстраивании которых могут вызвать к жизни конфессиональные, этнические и сепаратистские выступления, в том числе революционного характера [91; 180, с. 82; 202, с. 318].

Фракционализация как фактор революционной дестабилизации рассматривалась в шести количественных исследованиях [30; 74; 97; 129; 180; 202]. Результаты этих исследований представлены на рисунке 33.

Источник: составлено автором.

Рисунок 33 - Количество моделей с рассмотрением фактора фракционализации в зависимости от типа зависимой переменной

В целом следует констатировать, что в современной политической науке нет четкого ответа на вопрос, в какой мере фракционализация общества является робастным фактором революционной дестабилизации.

Логистическая регрессия для редких событий

	Зависимая переменная — революция								
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-12.093 (7.601)	-3.574 (6.880)	1.534 (5.431)	-7.932 (7.624)	0.290 (7.026)	5.039 (5.539)	-21.496** (8.768)	-7.925 (8.643)	-6.382 (6.568)
Фракционализация	4.821 (3.661)	-0.410 (4.667)	2.791 (2.699)	0.564 (2.481)	-2.394 (4.448)	0.516 (2.350)	-7.630 (5.935)	1.615 (5.471)	2.029 (3.869)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.058*** (0.009)	-0.041*** (0.010)	-0.059*** (0.008)	-0.058*** (0.009)	-0.041*** (0.010)	-0.059*** (0.008)	-0.062*** (0.011)	-0.053*** (0.012)	-0.063*** (0.009)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.426* (0.225)	-0.120 (0.233)	-0.130 (0.171)	-0.426* (0.225)	-0.120 (0.233)	-0.130 (0.171)	-0.430 (0.264)	-0.588** (0.292)	-0.344* (0.206)
Уровень коррупции	-1.239** (0.533)	-1.314*** (0.486)	-1.550*** (0.388)	-1.239** (0.533)	-1.314*** (0.486)	-1.550*** (0.388)	-0.282 (0.580)	-0.481 (0.574)	-0.586 (0.437)
Логарифм населения	0.383 (0.506)	-0.185 (0.445)	-0.460 (0.362)	0.383 (0.506)	-0.185 (0.445)	-0.460 (0.362)	1.436** (0.571)	-0.047 (0.572)	0.101 (0.440)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	4.162*** (1.360)	3.864*** (0.699)	3.506*** (0.620)						
Электоральная автократия (V-dem)	4.209*** (1.354)	3.204*** (0.644)	3.263*** (0.587)	0.047 (0.452)	-0.660 (0.404)	-0.243 (0.319)			
Электоральная демократия (V-dem)	1.996 (1.288)	2.816*** (0.616)	2.330*** (0.580)	-2.166*** (0.693)	-1.049** (0.503)	-1.175*** (0.426)			
Либеральная демократия (V-dem)				-4.162*** (1.360)	-3.864*** (0.699)	-3.506*** (0.620)			
Фракционализация × Закрытая автократия (V-dem)	-4.258 (2.705)	-1.984 (1.412)	-2.275* (1.325)						
Фракционализация × Электоральная автократия (V-dem)	-3.794 (2.688)	-1.413 (1.360)	-1.916 (1.289)	0.463 (0.713)	0.571 (0.715)	0.358 (0.530)			
Фракционализация × Электоральная демократия (V-dem)	-1.206 (2.651)	-3.045** (1.380)	-2.066 (1.326)	3.052*** (1.144)	-1.061 (0.885)	0.209 (0.730)			
Фракционализация × Либеральная демократия (V-dem)				4.258 (2.705)	1.984 (1.412)	2.275* (1.325)			
Полная автократия (Polity)							-2.507 (1.797)	3.173*** (0.881)	1.537* (0.794)
Частичная автократия (Polity)							-3.027 (1.895)	3.689*** (0.934)	1.992** (0.838)
Фракционная демократия (Polity)							-3.315* (1.867)	2.616*** (0.954)	0.870 (0.854)
Частичная демократия (Polity)							-3.912** (1.859)	1.961** (0.882)	0.482 (0.807)
Полная демократия (Polity)								2.507 (1.797)	-3.173*** (0.881)
Фракционализация × Полная автократия (Polity)							8.826* (4.775)	-2.199 (2.265)	-0.149 (1.998)
Фракционализация × Частичная автократия (Polity)							9.061* (4.880)	-2.404 (2.320)	-0.634 (2.040)
Фракционализация × Фракционная демократия (Polity)							10.509** (4.863)	-2.455 (2.383)	0.769 (2.085)
Фракционализация × Частичная демократия (Polity)							11.109** (4.851)	-2.282 (2.291)	0.638 (2.023)
Фракционализация × Полная демократия (Polity)								2.282** (0.991)	-0.084 (0.851)
Количество наблюдений	7,887	7,887	7,887	7,887	7,887	7,887	6,798	6,798	6,798
Log Likelihood	-710.653	-903.850	-1,432.612	-710.653	-903.850	-1,432.612	-584.489	-714.273	-1,155.994
Akaike Inf. Crit.	1,861.307	2,247.700	3,305.225	1,861.307	2,247.700	3,305.225	1,602.979	1,862.546	2,745.987

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 34 - Фракционализация в режимном контексте

При том что существенная доля эмпирических моделей демонстрирует значимую положительную связь между фракционализацией и революционными выступлениями (в особенности вооружёнными), почти в половине случаев эта связь оказывается статистически незначимой (или вовсе отрицательно значимой).

Именно поэтому необходимо разрешить возникшую асимметрию фактора фракционализации посредством исследования его влияния в режимном контексте – рисунок 34.

Как вытекает из итогов количественного исследования, фракционализация увеличивает вероятность вооружённых революций в автократиях и анократиях и способствует возникновению революций как таковых в демократиях. При этом, риски вооружённых революций, вследствие фракционализации, в демократиях снижаются, а в автократиях и анократиях с ростом фракционализации шансы революций как таковых падают.

Указанная зависимость иллюстрирует характер взаимоотношений групп интересов и государства в этих политических режимах. Политика авторитарного государства порой сводится к максимальной унификации всех социальных групп, именно поэтому в случае гетерогенного состава населения, государству сложнее контролировать разные группы интересов, которые могут создавать параллельные структуры гражданского общества на базе языковой, этнической или религиозной общности. И, наоборот, чем однороднее национально-этнический, религиозный или языковой состав общества, тем легче его контролировать при помощи национализма и тому подобных идеологических конструкций. Неспроста насильственное падение режима Николае Чаушеску началось с волнений в Тимишоаре - на территории компактного проживания венгров [27]. Помимо этого, националистические движения на окраинах во многом поспособствовали распаду СССР.

Одновременно с этим, хотя риски вооружённой революционной борьбы национальных меньшинств возрастают, «в целом» шансы на разворачивание революции падают так как для её возникновения необходима широкая

протестная коалиция, выстроить которую чрезвычайно сложно в гетерогенном обществе.

В демократиях наличие множества групп с противоположными интересами может привести к ожесточению политической борьбы и её превращению в «игру с нулевой суммой», а так как стабильность демократии базируется на компромиссе, подобные тенденции способствуют её разрушению. Иными словами, когда политические расколы накладываются на языковые, религиозные, этнические противоречия – демократические институты подвергаются эрозии [27; 135; 8]. Соответственно, в случае однородного населения у индивидов, даже если они принадлежат к разным политическим силам, больше «пересекающихся групп», что, согласно концепции Арендта Лейпхарта укрепляет демократически режимы [147]. В то же время наличие у меньшинств возможностей легального представительства снижает их радикализацию и, соответственно, вероятность участия в вооружённое революционной борьбе.

Ещё одним немаловажным социально-демографическим фактором является плотность населения. В случае, если большая часть населения сосредоточена на одной территории или в одном городе, например столице – это значительно облегчает координацию политических протестов, облегчает коммуникации между индивидами и позволяет большими группами протестующих точечно воздействовать на органы государственности власти, что облегчает возникновение и успех революций. И, наоборот, в случае если население рассредоточено на большой территории – государству легче подавить локальные протесты и не дать им разрастись до общенационального революционного движения [57, с. 119].

Данный фактор также слабо представлен в количественных исследованиях, заменяющих его изучением влияния урбанизации на революционную дестабилизацию. Данный пробел заполнен в текущей работе – рисунок 35. Источником данных о плотности населения в государствах стала служба государственной статистики США [196].

Логистическая регрессия для редких событий

	Зависимая переменная — революция											
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-11.520*** (1.219)	-10.322*** (0.743)	-10.058*** (0.626)	-9.013*** (0.795)	-8.783*** (0.638)	-8.214*** (0.511)	-29.112*** (8.813)	-8.329 (8.890)	-6.772 (6.822)	-28.718*** (8.778)	-4.172 (8.930)	-4.692 (6.852)
Плотность населения	0.002 (0.004)	0.002 (0.002)	0.001 (0.001)	0.00004 (0.001)	0.001 (0.001)	0.0004 (0.001)	-0.003 (0.004)	0.014* (0.008)	0.003 (0.005)	-0.002 (0.003)	-0.002 (0.003)	-0.002 (0.002)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.066*** (0.008)	-0.038*** (0.008)	-0.058*** (0.006)	-0.066*** (0.008)	-0.038*** (0.008)	-0.058*** (0.006)	-0.057*** (0.011)	-0.051*** (0.012)	-0.060*** (0.009)	-0.057*** (0.011)	-0.051*** (0.012)	-0.060*** (0.009)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.428*** (0.080)	0.193*** (0.067)	-0.080 (0.052)	-0.428*** (0.080)	0.193*** (0.067)	-0.080 (0.052)	-0.358 (0.258)	-0.569** (0.286)	-0.290 (0.206)	-0.358 (0.258)	-0.569** (0.286)	-0.290 (0.206)
Уровень коррупции	0.237 (0.326)	0.469 (0.300)	0.318 (0.226)	0.237 (0.326)	0.469 (0.300)	0.318 (0.226)	-0.325 (0.584)	-0.657 (0.565)	-0.705 (0.434)	-0.325 (0.584)	-0.657 (0.565)	-0.705 (0.434)
Логарифм населения	0.380*** (0.046)	0.296*** (0.036)	0.345*** (0.030)	0.380*** (0.046)	0.296*** (0.036)	0.345*** (0.030)	1.777*** (0.546)	-0.104 (0.537)	0.169 (0.421)	1.777*** (0.546)	-0.104 (0.537)	0.169 (0.421)
Фиксированные эффекты на страну и год	нет	нет	нет	нет	нет	нет	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.506*** (0.969)	1.539*** (0.442)	1.844*** (0.400)									
Электоральная автократия (V-dem)	2.728*** (0.965)	1.825*** (0.442)	2.047*** (0.398)	0.222 (0.199)	0.285 (0.197)	0.203 (0.143)						
Электоральная демократия (V-dem)	1.852* (0.971)	1.756*** (0.424)	1.666*** (0.392)	-0.655** (0.297)	0.217 (0.225)	-0.177 (0.180)						
Либеральная демократия (V-dem)				-2.506*** (0.969)	-1.539*** (0.442)	-1.844*** (0.400)						
Плотность населения × Закрытая автократия (V-dem)	-0.002 (0.004)	-0.001 (0.002)	-0.001 (0.002)									
Плотность населения × Электоральная автократия (V-dem)	-0.004 (0.004)	0.001 (0.002)	-0.001 (0.002)	-0.002 (0.002)	0.001 (0.001)	0.0003 (0.001)						
Плотность населения × Электоральная демократия (V-dem)	-0.002 (0.004)	-0.001 (0.002)	-0.001 (0.002)	0.0001 (0.002)	-0.0003 (0.001)	-0.0001 (0.001)						
Плотность населения × Либеральная демократия (V-dem)				0.002 (0.004)	0.001 (0.002)	0.001 (0.002)						
Полная автократия (Polity)							0.394 (0.691)	4.157*** (0.935)	2.079*** (0.579)			
Частичная автократия (Polity)							0.224 (0.756)	4.418*** (0.958)	2.151*** (0.606)	-0.170 (0.393)	0.261 (0.323)	0.072 (0.266)
Фракционная демократия (Polity)							0.600 (0.706)	3.441*** (0.928)	1.945*** (0.583)	0.205 (0.313)	-0.716** (0.334)	-0.134 (0.249)
Частичная демократия (Polity)							0.708 (0.685)	2.978*** (0.930)	1.613*** (0.574)	0.314 (0.345)	-1.179*** (0.339)	-0.466* (0.258)
Полная демократия (Polity)										-0.394 (0.691)	-4.157*** (0.935)	-2.079*** (0.579)
Плотность населения × Полная автократия (Polity)							0.001 (0.004)	-0.016** (0.008)	-0.005 (0.004)			
Плотность населения × Частичная автократия (Polity)							-0.002 (0.006)	-0.014* (0.008)	-0.004 (0.005)	-0.003 (0.004)	0.002 (0.003)	0.001 (0.002)
Плотность населения × Фракционная демократия (Polity)							0.001 (0.004)	-0.016** (0.008)	-0.006 (0.004)	-0.001 (0.002)	-0.00000 (0.002)	-0.001 (0.001)
Плотность населения × Частичная демократия (Polity)							-0.002 (0.004)	-0.016** (0.008)	-0.006 (0.004)	-0.004 (0.002)	0.0003 (0.002)	-0.001 (0.002)
Плотность населения × Полная демократия (Polity)										-0.001 (0.004)	0.016** (0.008)	0.005 (0.004)
Количество наблюдений	8,701	8,701	8,701	8,701	8,701	8,701	7,183	7,183	7,183	7,183	7,183	7,183
Log Likelihood	-845.996	-1,143.788	-1,684.213	-845.996	-1,143.788	-1,684.213	-608.362	-749.231	-1,202.442	-608.362	-749.231	-1,202.442
Akaike Inf. Crit.	1,715.992	2,311.576	3,392.426	1,715.992	2,311.576	3,392.426	1,672.723	1,954.463	2,860.883	1,672.723	1,954.463	2,860.883

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 35 - Плотность населения в режимном контексте

Регрессионный анализ показывает, что высокая плотность населения подвергает революционной дестабилизации демократии и амортизирует протестную активность в автократиях и анократиях. Указанная зависимость объясняется тем фактом, что недемократическим режимам легче контролировать граждан, если они сосредоточены на одной территории. В данном случае упрощается слежка и контроль за ними, а также точечное воздействие на любых потенциально опасных революционных лидеров.

В демократиях же, в условиях отсутствия репрессий со стороны государства ничего не мешает индивидам использовать плотные коммуникационные сети для разворачивания протестной активности, которая может перерасти в революцию. Существенным социальным фактором революционной дестабилизации является прирост населения. Так большие темпы роста населения существенным образом меняют демографическую пирамиду, что преобразует общество и не может не вылиться в политические последствия. Серьёзные демографические сдвиги могут обостриться имеющиеся социальные конфликты, создать новые группы интересов и изменить их конфигурацию, а также способствовать выдвижению политической системе новых запросов и ожиданий [111, с. 268].

Данный фактор также слабо представлен в количественных исследованиях, что обосновывает его рассмотрение в режимном контексте - рисунок 36 [21]. Операционализация прироста населения производилась при помощи Службы государственной статистики США [196].

Как следует из результатов проведённого количественного анализа, прирост населения дестабилизируют автократии и анократии и укрепляет демократии. Объяснить это можно, с одной стороны тревогой родителей за будущее детей в тоталитарных и нестабильных анократических системах, а с другой трудностями, с которыми сталкиваются молодые родители при рождении детей в недемократических политических режимах, характеризующиеся бедностью, низким качеством жизни и общей недоступностью первоклассных условий для рождения и воспитания детей.

Логистическая регрессия для редких событий

Зависимая переменная — революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-8.916*** (1.256)	-8.679*** (0.764)	-8.034*** (0.656)	-7.062*** (1.000)	-7.586*** (0.684)	-6.709*** (0.576)	-8.500*** (1.386)	-9.133*** (0.893)	-8.310*** (1.171)	-7.718*** (1.171)	-8.673*** (0.845)	-7.723*** (0.704)
Темп роста населения	-1.500** (0.696)	-0.277 (0.388)	-0.322 (0.369)	-0.002 (0.032)	-0.028 (0.029)	-0.016 (0.026)	-1.216* (0.701)	-0.965** (0.416)	-0.896** (0.392)	0.013 (0.039)	-0.023 (0.041)	-0.004 (0.036)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.067*** (0.010)	-0.027*** (0.009)	-0.050*** (0.007)	-0.067*** (0.010)	-0.027*** (0.009)	-0.050*** (0.007)	-0.080*** (0.013)	-0.033*** (0.012)	-0.060*** (0.010)	-0.080*** (0.013)	-0.033*** (0.012)	-0.060*** (0.010)
Логарифм ВВП на душу населения	-0.280*** (0.095)	0.133* (0.072)	-0.025 (0.059)	-0.280*** (0.095)	0.133* (0.072)	-0.025 (0.059)	-0.368*** (0.124)	0.027 (0.091)	-0.116 (0.075)	-0.368*** (0.124)	0.027 (0.091)	-0.116 (0.075)
Уровень коррупции	0.914** (0.465)	0.389 (0.339)	0.583** (0.279)	0.914** (0.465)	0.389 (0.339)	0.583** (0.279)	1.376*** (0.520)	0.781** (0.371)	0.994*** (0.309)	1.376*** (0.520)	0.781** (0.371)	0.994*** (0.309)
Логарифм населения	0.227*** (0.059)	0.247*** (0.040)	0.246*** (0.034)	0.227*** (0.059)	0.247*** (0.040)	0.246*** (0.034)	0.232*** (0.069)	0.300*** (0.049)	0.284*** (0.041)	0.232*** (0.069)	0.300*** (0.049)	0.284*** (0.041)
Фиксированные эффекты на страну и год	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
Закрытая автократия (V-dem)	1.854** (0.846)	1.092*** (0.409)	1.325*** (0.368)									
Электоральная автократия (V-dem)	1.669* (0.852)	1.593*** (0.409)	1.533*** (0.371)	-0.185 (0.224)	0.501** (0.202)	0.207 (0.162)						
Электоральная демократия (V-dem)	-0.160 (0.948)	1.370*** (0.385)	1.042*** (0.361)	-2.013*** (0.549)	0.277 (0.242)	-0.284 (0.214)						
Либеральная демократия (V-dem)				-1.854** (0.846)	-1.092*** (0.409)	-1.325*** (0.368)						
Темп роста населения × Закрытая автократия (V-dem)	1.498** (0.696)	0.248 (0.389)	0.306 (0.370)									
Темп роста населения × Электоральная автократия (V-dem)	1.522** (0.697)	0.227 (0.390)	0.300 (0.371)	0.023 (0.057)	-0.021 (0.050)	-0.006 (0.046)						
Темп роста населения × Электоральная демократия (V-dem)	2.015*** (0.726)	0.144 (0.402)	0.305 (0.381)	0.517** (0.206)	-0.104 (0.108)	-0.001 (0.097)						
Темп роста населения × Либеральная демократия (V-dem)				-1.498** (0.696)	-0.248 (0.389)	-0.306 (0.370)						
Полная автократия (Polity)							0.783 (0.861)	0.460 (0.436)	0.587 (0.398)			
Частичная автократия (Polity)							0.527 (0.943)	1.515*** (0.533)	1.117** (0.479)	-0.256 (0.431)	1.055*** (0.389)	0.531 (0.326)
Фракционная демократия (Polity)							0.629 (0.903)	1.069** (0.454)	0.944** (0.417)	-0.153 (0.424)	0.609* (0.313)	0.358 (0.266)
Частичная демократия (Polity)							0.347 (0.871)	0.969** (0.402)	0.805** (0.378)	-0.436 (0.433)	0.509** (0.258)	0.218 (0.231)
Полная демократия (Polity)										-0.783 (0.861)	-0.460 (0.436)	-0.587 (0.398)
Темп роста населения × Полная автократия (Polity)							1.229* (0.701)	0.942** (0.417)	0.892** (0.393)			
Темп роста населения × Частичная автократия (Polity)							1.402** (0.710)	0.779* (0.440)	0.876** (0.407)	0.173 (0.120)	-0.164 (0.150)	-0.016 (0.118)
Темп роста населения × Фракционная демократия (Polity)							1.415** (0.716)	0.920** (0.436)	0.934** (0.406)	0.186 (0.154)	-0.022 (0.137)	0.042 (0.112)
Темп роста населения × Частичная демократия (Polity)							1.504** (0.719)	0.705 (0.429)	0.849** (0.402)	0.275* (0.157)	-0.237** (0.115)	-0.043 (0.097)
Темп роста населения × Полная демократия (Polity)										-1.229* (0.701)	-0.942** (0.417)	-0.892** (0.393)
Количество наблюдений	6,177	6,177	6,177	6,177	6,177	6,177	4,863	4,863	4,863	4,863	4,863	4,863
Log Likelihood	-560.407	-973.605	-1,310.044	-560.407	-973.605	-1,310.044	-439.576	-717.244	-985.064	-439.576	-717.244	-985.064
Akaike Inf. Crit.	1,144.814	1,971.211	2,644.088	1,144.814	1,971.211	2,644.088	907.151	1,462.488	1,998.129	907.151	1,462.488	1,998.129

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 36 - Прирост населения в режимном контексте

Тем самым, появление детей в автократиях и анократиях обостряет текущие социальные расколы и проблемы и способствует выдвижению множества новых требований к политической системе, с которыми та не всегда способна совладать, что делает её уязвимой для революций.

В демократиях же рождение детей, как правило, снижает интерес к политическим вопросам так как их воспитание занимает большую часть времени, вследствие чего политические вопросы отходят на второй план, вследствие чего риски революционной дестабилизации редуцируются.

Завершающим социально-демографическим фактором является уровень фертильности женщин. Данный фактор дополняет рассмотренные выше демографические факторы – долю молодёжи и прирост населения. Его концептуальное влияние в научной литературе на процессы революционной дестабилизации является практически идентичным – чем больше детей, тем больше запросов и ожиданий к политической системе и, соответственно, тем больше нагрузка и давление, которая она испытывает.

Данный фактор в современной политической науке практически не рассматривался так как он является своего рода прокси-переменной доли молодёжи и прироста населения, однако в качестве кросс-валидации он может быть проверен наравне с остальными - рисунок 37. Уровень фертильности (среднего кол-ва детей на 1 женщину) предоставлен службой государственной статистики США [196].

Как мы можем заключить из результатов регрессионного анализа, увеличение числа детей в семьях снижает вероятность революционной дестабилизации в анократиях и не оказывает значимого влияния на демократии и авторитарные режимы. Объяснение этого феномена кроется в особенностях восприятия риска при наличии множества детей. Так, в анократиях индивиды могут рассудить, что революция может ухудшить их положение, а открываемые ей перспективы не стоят риска теми небольшими послаблениями, которые у них уже есть в анократиях.

Логистическая регрессия для редких событий

	Зависимая переменная — революция											
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-12.640*** (2.234)	-6.243*** (1.452)	-7.042*** (1.394)	-10.565*** (1.312)	-5.023*** (0.870)	-6.614*** (0.731)	-12.486*** (1.954)	-5.309** (2.064)	-5.880*** (1.973)	-11.384*** (1.535)	-6.670*** (1.047)	-7.902*** (0.886)
Коэффициент рождаемости	0.809 (0.836)	-0.577 (0.716)	-0.627 (0.731)	0.440*** (0.110)	-0.332*** (0.093)	0.025 (0.066)	0.858* (0.448)	-1.558 (1.154)	-1.642 (1.155)	0.449*** (0.129)	-0.198** (0.091)	0.057 (0.073)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.069*** (0.009)	-0.030*** (0.009)	-0.052*** (0.007)	-0.069*** (0.009)	-0.030*** (0.009)	-0.052*** (0.007)	-0.076*** (0.013)	-0.038*** (0.011)	-0.059*** (0.009)	-0.076*** (0.013)	-0.038*** (0.011)	-0.059*** (0.009)
Логарифм ВВП на душу населения	0.052 (0.126)	-0.157* (0.095)	-0.068 (0.078)	0.052 (0.126)	-0.157* (0.095)	-0.068 (0.078)	0.026 (0.162)	-0.282** (0.124)	-0.154 (0.101)	0.026 (0.162)	-0.282** (0.124)	-0.154 (0.101)
Уровень коррупции	0.642 (0.456)	0.479 (0.349)	0.547* (0.282)	0.642 (0.456)	0.479 (0.349)	0.547* (0.282)	1.458*** (0.513)	0.798** (0.375)	1.067*** (0.310)	1.458*** (0.513)	0.798** (0.375)	1.067*** (0.310)
Логарифм населения	0.286*** (0.063)	0.195*** (0.040)	0.237*** (0.035)	0.286*** (0.063)	0.195*** (0.040)	0.237*** (0.035)	0.281*** (0.074)	0.254*** (0.049)	0.277*** (0.042)	0.281*** (0.074)	0.254*** (0.049)	0.277*** (0.042)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.075 (1.963)	1.220 (1.248)	0.428 (1.239)									
Электоральная автократия (V-dem)	3.472* (1.931)	1.154 (1.239)	1.027 (1.232)	1.397** (0.687)	-0.066 (0.424)	0.599* (0.361)						
Электоральная демократия (V-dem)	1.199 (1.978)	0.953 (1.237)	0.408 (1.232)	-0.876 (0.858)	-0.268 (0.456)	-0.020 (0.392)						
Либеральная демократия (V-dem)				-2.075 (1.963)	-1.220 (1.248)	-0.428 (1.239)						
Коэффициент рождаемости × Закрытая автократия (V-dem)	-0.369 (0.837)	0.245 (0.720)	0.652 (0.732)									
Коэффициент рождаемости × Электоральная автократия (V-dem)	-0.621 (0.836)	0.347 (0.718)	0.558 (0.731)	-0.252** (0.119)	0.102 (0.102)	-0.094 (0.073)						
Коэффициент рождаемости × Электоральная демократия (V-dem)	-0.278 (0.841)	0.284 (0.722)	0.586 (0.734)	0.091 (0.159)	0.039 (0.131)	-0.066 (0.096)						
Коэффициент рождаемости × Либеральная демократия (V-dem)				0.369 (0.837)	-0.245 (0.720)	-0.652 (0.732)						
Полная автократия (Polity)							1.102 (1.536)	-1.361 (1.830)	-2.022 (1.804)			
Частичная автократия (Polity)							1.561 (1.681)	-0.469 (1.875)	-1.224 (1.839)	0.459 (1.179)	0.891 (0.657)	0.798 (0.586)
Фракционная демократия (Polity)							2.929** (1.475)	-0.612 (1.837)	-0.915 (1.805)	1.827** (0.904)	0.749 (0.554)	1.107** (0.480)
Частичная демократия (Polity)							1.865 (1.427)	-0.497 (1.815)	-1.320 (1.786)	0.763 (0.843)	0.863* (0.493)	0.702* (0.421)
Полная демократия (Polity)										-1.102 (1.536)	1.361 (1.830)	2.022 (1.804)
Коэффициент рождаемости × Полная автократия (Polity)							-0.409 (0.454)	1.360 (1.156)	1.698 (1.156)			
Коэффициент рождаемости × Частичная автократия (Polity)							-0.430 (0.474)	1.304 (1.160)	1.633 (1.159)	-0.021 (0.209)	-0.056 (0.144)	-0.065 (0.118)
Коэффициент рождаемости × Фракционная демократия (Polity)							-0.693 (0.461)	1.265 (1.160)	1.526 (1.158)	-0.284 (0.181)	-0.095 (0.143)	-0.173 (0.113)
Коэффициент рождаемости × Частичная демократия (Polity)							-0.462 (0.449)	1.099 (1.159)	1.568 (1.156)	-0.053 (0.151)	-0.261* (0.136)	-0.131 (0.094)
Коэффициент рождаемости × Полная демократия (Polity)										0.409 (0.454)	-1.360 (1.156)	-1.698 (1.156)
Количество наблюдений	6,165	6,165	6,165	6,165	6,165	6,165	4,854	4,854	4,854	4,854	4,854	4,854
Log Likelihood	-550.240	-951.624	-1,297.354	-550.240	-951.624	-1,297.354	-431.787	-704.417	-977.456	-431.787	-704.417	-977.456
Akaike Inf. Crit.	1,124.480	1,927.249	2,618.708	1,124.480	1,927.249	2,618.708	891.575	1,436.833	1,982.913	891.575	1,436.833	1,982.913

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 37 - Фертильность в режимном контексте

Помимо этого, наличие множества детей делает индивидов более осторожными и консервативными, а также заставляет тщательно взвешивать риски участия в политических протестах, которые могут поставить под угрозу выживание и социальный статус их потомства.

Таким образом социально-демографические факторы революционной дестабилизации также демонстрируют асимметрию в зависимости от типа политического режима. Демократические политические системы стабилизируются при высокой численности населения, его приросте и образованности, отсутствии дискриминации каких-либо социальных групп и их фракционализации, низком среднем возрасте, умеренной плотности населения, развитом среднем классе, устойчивы к колебаниям доли городского населения, безработицы и уровню прироста населения.

Воздействие тех же факторов на недемократические режимы, как правило, носить противоположный характер. Переходные типы режима подвергаются революционной дестабилизации в условиях высокой численности и прироста населения, его разобщённости и скученности проживания, урбанизации, наличии независимого среднего класса, создании образа «врага» у какой-либо социальной группы (в большей степени это относится к частичным демократиям – частичные авторитории, наоборот, укрепляются при наличии обонанного «врага» в общественном мнении), высокой доле молодёжи, низких охватах общества формальным образованием и низкой безработицы, повышенных темпах прироста населения.

Что касается автократий, то модель их устойчивости во многом схожа с той, то у анократий. Авторитарные режимы также разрушаются при высокой численности населения, его приросте и «молодости», низком неравенстве, высокой образованности индивидов, плотности их расселения; стабилизируются в случае дискриминации «врагов» и фракционализации общества и устойчивы к урбанизации и безработице.

В целом можно заключить, что модель устойчивости демократий базируется на высоких индикаторах социального прогресса, а автократии и

анократии, наоборот, укрепляются в условиях умеренных показателей социального развития и человеческого капитала, что обусловлено тем фактом, что повышение этих показателей приводит к конфликту индивидов и сформированных в подобных режимах политических структур.

2.3 Политические факторы революционной дестабилизации и их асимметрия в разных режимных типах

Наибольшие споры относительно степени и направления влияния на риски революционной дестабилизации в современной политической науке вызывает группа факторов, связанных с типом режима, эффективностью политической системы, выбором стратегии политической борьбы, институциональным дизайном и характере складывания государства, векторами государственной политики, политической историей государства и так далее. В частности, многие исследователи утверждают, что к революциям приводят разочарование населения в способности политических лидеров достигать экономических и политических целей [80; 117], несоответствие реального управления мечтам и ожиданиям индивидов и структурные сдвиги в политической системе [180, с. 7-8], стратегические ошибки политических акторов и изъяны государственной политики [202, с. 335] и тому подобное. Для более плодотворной систематизации и классификации подобных факторов они объединяются в пул «политические факторы» и рассматриваются в совокупности [136]. К политическим факторам в рамках данного исследования относятся также некоторые географические, влияющие на политические процессы в государстве.

Первым таким фактором является размер государства. Политические системы, вынужденные контролировать большие территории – распыляют свои ресурсы, им требуется больше затрат на деятельность армии, тайной полиции, пограничных служб и других правоохранительных органов.

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная - революция											
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	359.615 (498.105)	-136.813 (292.355)	-154.048 (268.842)	354.456 (498.074)	-136.940 (292.326)	-153.111 (268.814)	196.970 (645.127)	-653.617 (590.195)	-313.870 (444.579)	191.110 (645.066)	-653.445 (589.986)	-315.107 (444.448)
ln(Площадь территории)	-33.885 (44.985)	11.844 (26.388)	13.910 (24.273)	-33.070 (44.982)	12.191 (26.386)	14.099 (24.271)	-20.106 (58.252)	58.414 (53.316)	27.893 (40.165)	-19.499 (58.246)	58.671 (53.300)	28.162 (40.154)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.053*** (0.008)	-0.039*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.053*** (0.008)	-0.039*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.055*** (0.011)	-0.052*** (0.012)	-0.060*** (0.009)	-0.055*** (0.011)	-0.052*** (0.012)	-0.060*** (0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.425** (0.207)	-0.052 (0.215)	-0.109 (0.160)	-0.425** (0.207)	-0.052 (0.215)	-0.109 (0.160)	-0.554** (0.247)	-0.629** (0.273)	-0.428** (0.195)	-0.554** (0.247)	-0.629** (0.273)	-0.428** (0.195)
Уровень коррупции	-1.307** (0.517)	-1.316*** (0.473)	-1.578*** (0.376)	-1.307** (0.517)	-1.316*** (0.473)	-1.578*** (0.376)	-0.337 (0.575)	-0.648 (0.561)	-0.662 (0.429)	-0.337 (0.575)	-0.648 (0.561)	-0.662 (0.429)
ln(Население)	0.681 (0.466)	-0.156 (0.397)	-0.315 (0.329)	0.681 (0.466)	-0.156 (0.397)	-0.315 (0.329)	1.556*** (0.533)	-0.165 (0.511)	0.067 (0.402)	1.556*** (0.533)	-0.165 (0.511)	0.067 (0.402)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	-5.159* (2.717)	-0.127 (1.978)	0.937 (1.972)									
Электоральная автократия (V-dem)	-4.983* (2.621)	0.668 (1.936)	1.717 (1.937)	0.176 (1.098)	0.795 (0.951)	0.780 (0.780)						
Электоральная демократия (V-dem)	-6.384** (2.534)	0.791 (1.764)	1.326 (1.820)	-1.225 (1.484)	0.918 (1.003)	0.390 (0.904)						
Либеральная демократия (V-dem)				5.159* (2.717)	0.127 (1.978)	-0.937 (1.972)						
ln(Площадь территории) X Закрытая автократия (V-dem)	0.815** (0.317)	0.348* (0.201)	0.189 (0.197)									
ln(Площадь территории) X Электоральная автократия (V-dem)	0.824*** (0.310)	0.241 (0.199)	0.112 (0.195)	0.009 (0.104)	-0.107 (0.091)	-0.077 (0.074)						
ln(Площадь территории) X Электоральная демократия (V-dem)	0.883*** (0.303)	0.109 (0.181)	0.048 (0.182)	0.068 (0.142)	-0.239** (0.097)	-0.140 (0.086)						
ln(Площадь территории) X Либеральная демократия (V-dem)				-0.815** (0.317)	-0.348* (0.201)	-0.189 (0.197)						
Полная автократия (Polity)							-5.860 (4.284)	0.172 (2.589)	-1.237 (2.398)			
Частичная автократия (Polity)							-6.437 (4.458)	1.364 (2.641)	-0.433 (2.481)		1.192 (1.531)	0.804 (1.217)
Фракционная демократия (Polity)							-7.346* (4.302)	1.024 (2.475)	-1.256 (2.351)		0.852 (1.718)	-0.019 (1.337)
Частичная демократия (Polity)							-8.223* (4.264)	1.648 (2.327)	-1.122 (2.260)		1.475 (1.646)	0.115 (1.168)
Полная демократия (Polity)										5.860 (4.284)	-0.172 (2.589)	1.237 (2.398)
ln(Площадь территории) X Полная автократия (Polity)							0.607 (0.432)	0.257 (0.254)	0.269 (0.234)			
ln(Площадь территории) X Частичная автократия (Polity)							0.631 (0.447)	0.177 (0.259)	0.207 (0.242)	0.023 (0.163)	-0.080 (0.146)	-0.061 (0.117)
ln(Площадь территории) X Фракционная демократия (Polity)							0.766* (0.432)	0.108 (0.239)	0.252 (0.227)	0.159 (0.164)	-0.149 (0.166)	-0.017 (0.127)
ln(Площадь территории) X Частичная демократия (Polity)							0.827* (0.428)	0.001 (0.230)	0.201 (0.221)	0.220 (0.154)	-0.256* (0.138)	-0.067 (0.111)
ln(Площадь территории) X Полная демократия (Polity)										-0.607 (0.432)	-0.257 (0.254)	-0.269 (0.234)
Кол-во наблюдений	8,874	8,874	8,874	8,874	8,874	8,874	7,261	7,261	7,261	7,261	7,261	7,261
Log Likelihood	-756.373	-989.729	-1,540.227	-756.373	-989.729	-1,540.227	-610.211	-758.024	-1,213.700	-610.211	-758.024	-1,213.700
Akaike Inf. Crit.	1,990.747	2,457.457	3,558.453	1,990.747	2,457.457	3,558.453	1,676.422	1,972.049	2,883.400	1,676.422	1,972.049	2,883.400

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 38 - Размер территории в режимном контексте

Большая территория и протяжённая граница также облегчают операции революционных ячеек по контрабанде оружия и ресурсов, а также сокрытию своего существования [57, с. 374].

В то же время размер территории государствах слабо представлен в количественных исследованиях, что обосновывает его проверку в режимном контексте - рисунок 38 [136]. Операционализация производилась на основе ООН [194].

Как мы можем убедиться из результатов количественных оценок – большие размеры территории подвергаются риску революций автократии и анократии и стабилизируют демократии. Объяснить это можно спецификой поддержания контроля в этих политических режимах.

Автократиям и переходным режимам приходится тратить множество ресурсов на поддержание порядка в отдалённых провинциях, которые, в противном случае могут стать источником мятежей и революций. Помимо этого, большие размеры государства свидетельствуют о его полиэтническом составе, который, как говорилось выше способствует их деконсолидации.

Демократии же основаны на самоорганизации населения, соответственно, большие территории дают больше пространства для зарождения новых политических лидеров и движений в провинциях, которые оздоравливают политическую систему и, тем самым, стабилизируют её. В результате данного количественного анализа развенчивается популярный миф о том, что большие государства не могут быть демократиями.

Далее необходимо изучить не только размер территории, но её географические особенности. Так, в современной политической науке существуют концепции, утверждающие, что гористая местность (*Rough terrain*) увеличивает риск революционной дестабилизации так как наличие таких районов облегчает ведение партизанских войн и в целом сложнее поддаются контролю, чем леса и равнины [57, с. 41-42; 136].

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная - революция																	
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-8.133 (7.077)	-2.479 (6.332)	2.512 (5.065)	-5.732 (6.977)	0.208 (6.335)	5.099 (5.072)	-23.882*** (8.013)	-4.994 (7.918)	-4.327 (6.136)	-24.061*** (7.950)	-3.412 (7.967)	-3.839 (6.145)						
Доля гористой местности (%)	0.125 (1.086)	-0.654 (1.339)	0.172 (0.769)	0.316 (0.722)	-0.239 (1.293)	0.365 (0.682)	-0.163 (1.276)	-0.998 (1.499)	-0.380 (1.047)	0.443 (1.026)	-0.079 (1.430)	0.510 (0.955)						
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.058*** (0.009)	-0.043*** (0.010)	-0.058*** (0.007)	-0.058*** (0.009)	-0.043*** (0.010)	-0.058*** (0.007)	-0.060*** (0.011)	-0.055*** (0.012)	-0.064*** (0.009)	-0.060*** (0.011)	-0.055*** (0.012)	-0.064*** (0.009)						
ln(ВВП на душу населения)	-0.437** (0.210)	-0.042 (0.214)	-0.111 (0.160)	-0.437** (0.210)	-0.042 (0.214)	-0.111 (0.160)	-0.545** (0.247)	-0.668** (0.274)	-0.450** (0.195)	-0.545** (0.247)	-0.668** (0.274)	-0.450** (0.195)						
Уровень коррупции	-1.439*** (0.524)	-1.386*** (0.477)	-1.682*** (0.379)	-1.439*** (0.524)	-1.386*** (0.477)	-1.682*** (0.379)	-0.413 (0.569)	-0.664 (0.565)	-0.696 (0.430)	-0.413 (0.569)	-0.664 (0.565)	-0.696 (0.430)						
ln(Население)	0.226 (0.467)	-0.232 (0.403)	-0.487 (0.335)	0.226 (0.467)	-0.232 (0.403)	-0.487 (0.335)	1.433*** (0.527)	-0.140 (0.513)	0.046 (0.405)	1.433*** (0.527)	-0.140 (0.513)	0.046 (0.405)						
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да						
Закрытая автократия (V-dem)	2.401* (1.403)	2.687*** (0.732)	2.587*** (0.702)															
Электоральная автократия (V-dem)	2.590* (1.401)	2.728*** (0.721)	2.665*** (0.697)	0.190 (0.271)	0.041 (0.275)	0.078 (0.208)												
Электоральная демократия (V-dem)	3.200** (1.370)	1.261* (0.679)	1.873*** (0.674)	0.799* (0.434)	-1.426*** (0.330)	-0.714*** (0.276)												
Либеральная демократия (V-dem)				-2.401* (1.403)	-2.687*** (0.732)	-2.587*** (0.702)												
Доля гористой местности X Закрытая автократия (V-dem)	0.191 (0.842)	0.415 (0.392)	0.192 (0.389)															
Доля гористой местности X Электоральная автократия (V-dem)	0.272 (0.841)	0.177 (0.395)	0.118 (0.388)	0.081 (0.156)	-0.238* (0.143)	-0.075 (0.112)												
Доля гористой местности X Электоральная демократия (V-dem)	-1.052 (0.820)	0.383 (0.385)	-0.067 (0.387)	-1.243*** (0.347)	-0.032 (0.150)	-0.259* (0.153)												
Доля гористой местности X Либеральная демократия (V-dem)				-0.191 (0.842)	-0.415 (0.392)	-0.192 (0.389)												
Полная автократия (Polity)							-0.180 (0.980)	1.583** (0.806)	0.488 (0.680)									
Частичная автократия (Polity)							-0.460 (1.040)	2.057** (0.844)	0.722 (0.712)	-0.280 (0.419)	0.474 (0.355)	0.234 (0.287)						
Фракционнаяльная демократия (Polity)							0.054 (1.007)	0.634 (0.828)	0.144 (0.697)	0.234 (0.374)	-0.948** (0.387)	-0.344 (0.291)						
Частичная демократия (Polity)							0.037 (0.980)	-0.303 (0.810)	-0.424 (0.685)	0.216 (0.379)	-1.886*** (0.380)	-0.912*** (0.287)						
Полная демократия (Polity)										0.180 (0.980)	-1.583** (0.806)	-0.488 (0.680)						
Доля гористой местности X Полная автократия (Polity)							0.606 (0.798)	0.919* (0.509)	0.890* (0.474)									
Доля гористой местности X Частичная автократия (Polity)							0.567 (0.813)	0.852 (0.518)	0.840* (0.481)	-0.039 (0.219)	-0.067 (0.194)	-0.050 (0.154)						
Доля гористой местности X Фракционная демократия (Polity)							0.589 (0.816)	1.099** (0.528)	1.011** (0.488)	-0.017 (0.221)	0.180 (0.199)	0.120 (0.157)						
Доля гористой местности X Частичная демократия (Polity)							0.444 (0.807)	1.368*** (0.519)	1.120** (0.482)	-0.162 (0.223)	0.449** (0.176)	0.229 (0.143)						
Доля гористой местности X Полная демократия (Polity)										-0.606 (0.798)	-0.919* (0.509)	-0.890* (0.474)						
Кол-во наблюдений	8,815	8,815	8,815	8,815	8,815	8,815	7,230	7,230	7,230	7,230	7,230	7,230						
Log Likelihood	-739.333	-974.701	-1,517.383	-739.333	-974.701	-1,517.383	-608.102	-746.886	-1,201.443	-608.102	-746.886	-1,201.443						
Akaike Inf. Crit.	1,948.666	2,419.402	3,504.765	1,948.666	2,419.402	3,504.765	1,664.205	1,941.772	2,850.885	1,664.205	1,941.772	2,850.885						

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 39 - Гористая местность режимном контексте

Количественной оценке данный фактор также практически не подвергался, что даёт возможность закрыть эту лакуну в рамках данного исследования - рисунок 39. Количественные данные получены на основе датасета Нанна и Пуга [160].

Как показывает регрессионный анализ, гористая местность дестабилизирует автократии и анократии и практически не влияет на демократии (в небольшой степени при этом их укрепляя).

Указанная зависимость демонстрирует тот факт, что в недемократических государствах подчас существуют партизанские отряды и радикальные революционные ячейки, способные устраивать базы и схроны для людей и оружия, а наличие гористой местности значительно облегчает их деятельность. В качестве примера можно привести антифранкистских партизан (маки), которые скрывались в Пиренеях, греческих коммунистов во главе с Маркосом Вафиадисом, который концентрировал свои силы в горах Граммос и Витси, моджахедов Афганистана, использовавших в качестве укрытия горные перевалы Гиндукуша и так далее. Гористая местность значительно ослабляет потенциал государственных армий и сил правопорядка так как сильнопересечённый рельеф исключает эффективное применение танков, артиллерии и десанта, ограничивает возможности для традиционных методов разведки, характеризуется отсутствием нормальной транспортной инфраструктуры и предоставляет повстанческим отрядам возможность быстро и незаметно перебрасывать свои силы, используя природную защиту в виде скал и пещер. Все эти факторы создают идеальные условия для разворачивания революционной активности на территории, покрытой горами.

Демократии же способны элиминировать угрозы радикалов, предоставляя возможность всем политическим группам бороться за власть на регулярных и открытых выборах, вследствие чего наличие географической возможности для партизанских войн никак не влияет на стабильность политической системы.

Следующим немаловажным географическим фактором является площадь плодородных земель. Данные и последующие «географические» факторы отнесены к политическим так как, согласно современным концепциям политической географии, геологические и климатические условия напрямую определяют векторы политического развитие государств. Соответственно, между «географическими» и «политическими» факторами можно поставить знак равенства. Согласно множеству исследований сельское хозяйство, степень его развития и общая доля аграрного сектора в экономике являются значимыми макроэкономическими характеристиками, оказывающими прямое влияние на политические процессы. Аграрная структура общества, с одной стороны консервирует политические процессы, а с другой в случае форсированной модернизации может стать бомбой замедленного действия, если её итогом будет упадок традиционных экономических и социальных отношений. Так, сельский пролетариат был источником множества крестьянских войн и революций [181, с. 115; 203, с. 257]. Именно поэтому этот фактор необходимо рассмотреть в рамках текущего исследования - рисунок 40. Количественные показатели доли аграрных земель получены из набора данных Нанна и Пуга [160].

Результаты статистического анализа демонстрируют, что между площадью плодородных земель и вероятностью революций в автократиях и анократиях существует значимая отрицательная зависимость, в то время как в демократиях эта зависимость носит положительный характер. Подобная асимметрия детерминирована основными проблемными областями, которые дестабилизируют разные политические режимы.

Так, широкое распространение плодородных земель амортизирует проблему голода, которая является частой проблемой тоталитарных режимов так как у индивидов появляется возможность возделывать личные приусадебные участки. В анократиях же широкий доступ к плодородной почве снижает цены на продукты питания, что снижает недовольство население.

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная - революция											
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-10.487 (7.934)	-8.015 (7.587)	0.998 (5.906)	-9.993 (7.801)	-2.302 (7.459)	4.710 (5.777)	-29.319*** (9.342)	-12.254 (9.349)	-8.632 (7.236)	-26.908*** (9.151)	-5.533 (9.215)	-3.489 (7.046)
Площадь плодородных земель, %	-0.058 (0.050)	0.075 (0.069)	0.009 (0.041)	-0.010 (0.035)	0.028 (0.063)	-0.008 (0.033)	0.030 (0.060)	0.085 (0.078)	0.049 (0.056)	-0.008 (0.049)	0.008 (0.069)	-0.020 (0.046)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.058*** (0.009)	-0.042*** (0.010)	-0.059*** (0.007)	-0.058*** (0.009)	-0.042*** (0.010)	-0.059*** (0.007)	-0.062*** (0.011)	-0.055*** (0.012)	-0.064*** (0.009)	-0.062*** (0.011)	-0.055*** (0.012)	-0.064*** (0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.426** (0.208)	0.002 (0.214)	-0.103 (0.160)	-0.426** (0.208)	0.002 (0.214)	-0.103 (0.160)	-0.496** (0.249)	-0.588** (0.271)	-0.397** (0.195)	-0.496** (0.249)	-0.588** (0.271)	-0.397** (0.195)
Уровень коррупции	-1.277** (0.520)	-1.602*** (0.480)	-1.678*** (0.380)	-1.277** (0.520)	-1.602*** (0.480)	-1.678*** (0.380)	-0.497 (0.577)	-0.713 (0.562)	-0.645 (0.431)	-0.497 (0.577)	-0.713 (0.562)	-0.645 (0.431)
ln(Население)	0.562 (0.463)	-0.169 (0.407)	-0.397 (0.336)	0.562 (0.463)	-0.169 (0.407)	-0.397 (0.336)	1.693*** (0.535)	-0.027 (0.503)	0.136 (0.400)	1.693*** (0.535)	-0.027 (0.503)	0.136 (0.400)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	0.494 (1.772)	5.713*** (1.451)	3.713*** (1.244)									
Электоральная автократия (V-dem)	0.756 (1.769)	5.699*** (1.452)	3.827*** (1.245)	0.262 (0.305)	-0.014 (0.341)	0.115 (0.248)						
Электоральная демократия (V-dem)	0.757 (1.719)	3.516** (1.395)	2.538** (1.216)	0.263 (0.550)	-2.197*** (0.512)	-1.175*** (0.409)						
Либеральная демократия (V-dem)				-0.494 (1.772)	-5.713*** (1.451)	-3.713*** (1.244)						
Площадь плод. земель X Закрытая автократия (V-dem)	0.047 (0.037)	-0.047* (0.027)	-0.017 (0.024)									
Площадь плод. земель X Электоральная автократия (V-dem)	0.048 (0.037)	-0.055** (0.028)	-0.021 (0.024)	0.001 (0.008)	-0.008 (0.008)	-0.004 (0.006)						
Площадь плод. земель X Электоральная демократия (V-dem)	0.031 (0.035)	-0.033 (0.027)	-0.015 (0.024)	-0.017 (0.011)	0.014 (0.010)	0.002 (0.008)						
Площадь плод. земель X Либеральная демократия (V-dem)				-0.047 (0.037)	0.047* (0.027)	0.017 (0.024)						
Полная автократия (Polity)							2.412 (1.955)	6.721*** (2.058)	5.144*** (1.786)			
Частичная автократия (Polity)							2.478 (2.004)	7.058*** (2.089)	5.328*** (1.812)	0.066 (0.537)	0.336 (0.465)	0.185 (0.375)
Фракциональная демократия (Polity)							2.456 (1.973)	6.401*** (2.090)	5.014*** (1.803)	0.044 (0.451)	-0.320 (0.514)	-0.130 (0.370)
Частичная демократия (Polity)							3.266* (1.955)	5.222** (2.068)	4.765*** (1.797)	0.855* (0.502)	-1.499*** (0.545)	-0.378 (0.397)
Полная демократия (Polity)										-2.412 (1.955)	-6.721*** (2.058)	-5.144*** (1.786)
Площадь плод. земель X Полная автократия (Polity)							-0.039 (0.034)	-0.077** (0.036)	-0.069** (0.032)			
Площадь плод. земель X Частичная автократия (Polity)							-0.051 (0.037)	-0.076** (0.038)	-0.070** (0.033)	-0.013 (0.014)	0.0002 (0.011)	-0.001 (0.009)
Площадь плод. земель X Фракциональная демократия (Polity)							-0.037 (0.035)	-0.086** (0.038)	-0.071** (0.032)	0.002 (0.010)	-0.009 (0.012)	-0.002 (0.009)
Площадь плод. земель X Частичная демократия (Polity)							-0.061* (0.035)	-0.071* (0.037)	-0.075** (0.032)	-0.022** (0.011)	0.006 (0.011)	-0.006 (0.008)
Площадь плод. земель X Полная демократия (Polity)										0.039 (0.034)	0.077** (0.036)	0.069** (0.032)
Кол-во наблюдений	8,815	8,815	8,815	8,815	8,815	8,815	7,230	7,230	7,230	7,230	7,230	7,230
Log Likelihood	-744.946	-973.563	-1,518.396	-744.946	-973.563	-1,518.396	-604.797	-751.409	-1,202.629	-604.797	-751.409	-1,202.629
Akaike Inf. Crit.	1,959.893	2,417.126	3,506.791	1,959.893	2,417.126	3,506.791	1,657.593	1,950.818	2,853.257	1,657.593	1,950.818	2,853.257

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 40 - Площадь плодородных земель в режимном контексте

В совокупности эти факторы снижают риски революционной дестабилизации в недемократических режимах.

В демократиях же с развитием промышленности и урбанизации фермерские хозяйства приходят в запустение и скупаются большими агрохолдингами, которые, превращаясь в монополии начинают оказывать влияние на процессы принятия политических решений, «приватизируя» политическую систему, что снижает её чувствительность к запросам и ожиданиям общества. В результате её эффективность падает, что увеличивает риски революционной дестабилизации. Помимо этого, концентрация экономики на сельском хозяйстве размывает городской средний класс, который, как говорилось выше является стеновым хребтом демократии и одним из главных гарантов её выживания.

Одновременно с этим существенным политико-географическим фактором революционной дестабилизации является доля пустынных земель. Чем большая часть территории государства занята пустынями, тем острее борьба за ресурсы, такие как доступ к чистой воде и продовольствию. В результате ожесточается политическое противостояние и возрастает неравенство, что облегчает совершение революционных акций. Помимо этого, в пустынях возрастает роль племён и других «трайбалистских» институтов, что приводит к ослаблению государственной власти и её уязвимости перед внешним давлением, как, например, это было в Ливии [111, с. 727].

Данный фактор также крайне мало представлен в статистических работах, вследствие чего необходимо дополнить количественные знания о нём в текущем исследовании - рисунок 41.

Данные о степени распространения пустынь в государстве также предоставлены в датасете Нанна и Пуга [160]. Как мы можем заметить, более всего пустыни разрушают анократии.

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная - революция								
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-10.467 (7.094)	-3.931 (6.149)	2.696 (5.070)	-7.387 (7.116)	-0.673 (6.234)	5.626 (5.143)	-23.283*** (8.086)	-8.164 (7.819)	-4.446 (6.136)
Доля пустынных земель (%)	0.248 (0.245)	-0.168 (0.405)	0.063 (0.231)	0.075 (0.215)	-0.148 (0.390)	0.067 (0.205)	0.203 (0.324)	-0.033 (0.445)	0.150 (0.306)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.058*** (0.009)	-0.041*** (0.010)	-0.059*** (0.007)	-0.058*** (0.009)	-0.041*** (0.010)	-0.059*** (0.007)	-0.061*** (0.011)	-0.053*** (0.012)	-0.064*** (0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.423** (0.210)	-0.037 (0.212)	-0.115 (0.160)	-0.423** (0.210)	-0.037 (0.212)	-0.115 (0.160)	-0.579** (0.248)	-0.611** (0.270)	-0.424** (0.194)
Уровень коррупции	-1.417*** (0.522)	-1.443*** (0.472)	-1.692*** (0.379)	-1.417*** (0.522)	-1.443*** (0.472)	-1.692*** (0.379)	-0.410 (0.574)	-0.699 (0.558)	-0.683 (0.430)
ln(Население)	0.365 (0.463)	-0.182 (0.399)	-0.485 (0.333)	0.365 (0.463)	-0.182 (0.399)	-0.485 (0.333)	1.388*** (0.526)	0.027 (0.505)	1.388*** (0.402)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	3.080*** (0.812)	3.257*** (0.488)	2.930*** (0.433)						
Электоральная автократия (V-dem)	3.264*** (0.802)	2.902*** (0.460)	2.802*** (0.417)	0.184 (0.200)	-0.355* (0.207)	-0.128 (0.156)			
Электоральная демократия (V-dem)	2.174*** (0.771)	1.766*** (0.415)	1.712*** (0.386)	-0.906*** (0.308)	-1.491*** (0.259)	-1.218*** (0.212)			
Либеральная демократия (V-dem)				-3.080*** (0.812)	-3.257*** (0.488)	-2.930*** (0.433)			
Доля пустынных земель X Закрытая автократия (V-dem)	-0.173 (0.117)	0.020 (0.106)	0.005 (0.103)						
Доля пустынных земель X Электоральная автократия (V-dem)	-0.152 (0.117)	0.035 (0.106)	0.028 (0.103)	0.021 (0.021)	0.015 (0.016)	0.024 (0.014)			
Доля пустынных земель X Электоральная демократия (V-dem)	-0.099 (0.116)	0.017 (0.106)	0.048 (0.103)	0.074*** (0.023)	-0.004 (0.026)	0.043** (0.018)			
Доля пустынных земель X Либеральная демократия (V-dem)				0.173 (0.117)	-0.020 (0.106)	-0.005 (0.103)			
Полная автократия (Polity)							0.515 (0.579)	2.637*** (0.534)	1.505*** (0.433)
Частичная автократия (Polity)							0.106 (0.633)	3.051*** (0.553)	1.671*** (0.456)
Фракциональная демократия (Polity)							0.729 (0.585)	1.994*** (0.523)	1.336*** (0.431)
Частичная демократия (Polity)							0.346 (0.570)	1.560*** (0.502)	0.876** (0.418)
Полная демократия (Polity)									
Доля пустынных земель X Полная автократия (Polity)							-0.087 (0.114)	-0.030 (0.114)	-0.002 (0.110)
Доля пустынных земель X Частичная автократия (Polity)							-0.066 (0.115)	-0.034 (0.114)	0.0002 (0.110)
Доля пустынных земель X Фракциональная демократия (Polity)							-0.113 (0.120)	-0.030 (0.121)	-0.019 (0.114)
Доля пустынных земель X Частичная демократия (Polity)							-0.040 (0.114)	-0.109 (0.121)	0.009 (0.110)
Доля пустынных земель X Полная демократия (Polity)									
Кол-во наблюдений	8,815	8,815	8,815	8,815	8,815	8,815	7,230	7,230	7,230
Log Likelihood	-741.097	-975.697	-1,515.491	-741.097	-975.697	-1,515.491	-606.345	-751.527	-1,204.825
Akaike Inf. Crit.	1,952.194	2,421.395	3,500.982	1,952.194	2,421.395	3,500.982	1,660.690	1,951.054	2,857.649

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 41 - Площадь пустынь в режимном контексте

Данную зависимость можно объяснить тем фактом, что авторитарные режимы путём жесткого подавления оппозиции могут и манипулирования распределением ресурсов не допускать распространения недовольства, вызванной нехваткой воды или продовольствия из-за высокой площади пустынь. Демократии же за счёт концентрации человеческого капитала и развитой рыночной экономики порой способны достигать высоких результатов даже в условиях пустынной местности. В качестве примера можно привести Лас-Вегас, расположенной посреди пустыни Мохаве, где за счёт значительной либерализации игорного законодательства удалось привлечь туристов и превратиться в развитый экономический центр. Анократии же, в свою очередь, не отличаются ни развитым аппаратом принуждения и подавления, ни способностью предоставлять возможностей для творчества индивидов. Не будучи способной обеспечивать благосостояние и стабильность ни при помощи эффективного распределения ресурсов, ни посредством создания возможности для самоорганизации общества, анократия подвергается дополнительным революционным угрозам в условиях высокой площади пустынных земель.

Важным «политическим» предиктором революционной дестабилизации является индекс счастья население. Теоретическая литература, посвящённая причинам революции, сформировала множество концепций, объясняющих как фрустрация, депрессия, недовольство своей жизнью и прочие «личные» проблемы индивидов трансформируются в политические запросы и их радикализацию. Чем «несчастнее» является общество, тем легче его увлечь идеями коренных и радикальных преобразований, перенаправив ярость и обиду за свои неудачи на политическую систему [180, с. 79]. Как постулировал Тед Гурр в случае нереализации личных социальных и экономических ожиданий индивидов политическая система становится главной целью их политических действий [117].

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная - революция								
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-32.582 (29.082)	-1.399 (22.903)	-8.490 (21.060)	-33.535 (28.569)	15.103 (22.462)	6.591 (20.491)	-10.826 (34.401)	32.534 (29.585)	28.999 (26.976)
Уровень счастья	-1.009 (3.687)	6.856** (2.989)	6.400** (2.938)	-0.289 (2.500)	-0.103 (1.421)	0.142 (1.382)	3.135 (4.068)	7.011** (3.533)	5.889* (3.335)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.028 (0.018)	-0.020 (0.022)	-0.037** (0.018)	-0.028 (0.018)	-0.020 (0.022)	-0.037** (0.018)	-0.085** (0.038)	-0.072* (0.037)	-0.095*** (0.032)
ln(ВВП на душу населения)	-1.048 (0.867)	-0.160 (0.627)	-0.398 (0.595)	-1.048 (0.867)	-0.160 (0.627)	-0.398 (0.595)	1.671 (1.405)	0.880 (1.084)	1.202 (1.037)
Уровень коррупции	-4.088** (1.706)	-0.431 (1.238)	-1.592 (1.159)	-4.088** (1.706)	-0.431 (1.238)	-1.592 (1.159)	1.776 (1.754)	-0.020 (1.636)	0.730 (1.493)
ln(Население)	2.527 (1.947)	-1.173 (1.526)	-0.494 (1.391)	2.527 (1.947)	-1.173 (1.526)	-0.494 (1.391)	-0.125 (2.274)	-3.415* (1.957)	-3.085* (1.775)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	-0.954 (8.966)	16.503** (6.979)	15.080** (6.893)						
Электоральная автократия (V-dem)	1.839 (7.884)	15.600** (6.528)	15.623** (6.438)	2.793 (4.756)	-0.902 (2.873)	0.543 (2.770)			
Электоральная демократия (V-dem)	-3.280 (8.098)	20.500*** (6.843)	19.551*** (6.696)	-2.327 (5.876)	3.998 (3.868)	4.471 (3.624)			
Либеральная демократия (V-dem)				0.954 (8.966)	-16.503** (6.979)	-15.080** (6.893)			
Уровень счастья X Закрытая автократия (V-dem)	0.720 (4.210)	-6.960** (3.250)	-6.258* (3.204)						
Уровень счастья X Электоральная автократия (V-dem)	-0.054 (3.708)	-6.660** (3.037)	-6.448** (2.984)	-0.774 (3.037)	0.300 (2.275)	-0.190 (1.399)			
Уровень счастья X Электоральная демократия (V-dem)	1.251 (3.831)	-9.710*** (3.264)	-9.261*** (3.178)	0.531 (2.768)	-2.750 (1.926)	-3.003* (1.800)			
Уровень счастья X Либеральная демократия (V-dem)				-0.720 (4.210)	6.960** (3.250)	6.258* (3.204)			
Полная автократия (Polity)							0.912 (8.776)	15.280** (7.473)	11.653 (7.129)
Частичная автократия (Polity)							3.069 (8.882)	16.245** (7.649)	12.978* (7.309)
Фракционная демократия (Polity)							-0.444 (8.324)	15.237** (7.436)	11.120 (6.871)
Частичная демократия (Polity)							-0.288 (8.324)	17.693** (7.413)	11.394* (6.904)
Полная демократия (Polity)								-0.912 (8.776)	-15.280** (7.473)
Уровень счастья X Полная автократия (Polity)							-0.482 (4.401)	-6.908* (3.739)	-5.360 (3.550)
Уровень счастья X Частичная автократия (Polity)							-1.373 (4.456)	-7.066* (3.798)	-5.702 (3.612)
Уровень счастья X Фракционная демократия (Polity)							1.294 (4.310)	-7.375* (3.807)	-4.973 (3.482)
Уровень счастья X Частичная демократия (Polity)							0.507 (4.289)	-8.436** (3.777)	-5.218 (3.495)
Уровень счастья X Полная демократия (Polity)								0.482 (4.401)	6.908* (3.739)
Кол-во наблюдений	1,379	1,379	1,379	1,379	1,379	1,379	1,165	1,165	1,165
Log Likelihood	-116.265	-237.959	-286.689	-116.265	-237.959	-286.689	-92.305	-171.045	-203.073
Akaike Inf. Crit.	508.530	751.918	849.378	508.530	751.918	849.378	454.610	612.089	676.147

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 42 - Уровень счастья в режимном контексте

Именно поэтому уровень счастья является одним из самых надёжных предикторов политической нестабильности и хотя его измерение сложно поддаётся оценке, вследствие чего он слабо представлен в статистических оценках – его исследование в рамках текущей работы является вполне обоснованным - рисунок 42. Индикаторы счастья населения получены Всемирным опросом ценностей – World Values Survey [205].

Полученные данные говорят нам о росте рисков революционной дестабилизации при увеличении «счастья» населения в демократиях и их редуцировании в автократиях и анократиях. Хотя данные итоги могут показаться контринтуитивными – они вполне объяснимы, если рассматривать их в контексте системы мотиваций индивидов, действующих в разных политических режимах.

Если эффективным недемократическим системам удалось создать процветающее общество (как например в Сингапуре или Монархиях Залива), то жителям этих автократий невыгодно рисковать высоким уровнем жизни ради политических предпочтений, которые могут обернуться дальнейшей деконсолидацией, хаосом и потерей всех благ.

Тем самым, обеспеченные граждане автократий и анократий готовы мириться с некими ограничениями, в случае если удовлетворяются их основные потребности. Рассуждая в логике теории игр для большинства населения ценность вероятной политической свободы, которая может быть добыта в результате революций, не стоит риска потерять сиюминутные экономические и социальные блага.

В демократиях же, наоборот, в случае если общество достигло значительных высот у индивидов начинается «головокружение от успехов», что выражается в росте запросов, ожиданий и амбиций, в том числе и политического характера. Как говорилось выше, данный феномен в политической науке называется «перепроизводство элит» и является частой «болезнью» демократий и значимым предиктором их деконсолидации [136].

На сегодняшний день существует множество количественных исследований, обосновывающих взаимосвязь между коррупцией и революций, как в развитых, так и в развивающихся странах [163, с. 1-4]. Коррупция же многими исследователями социальных процессов рассматривается как значимый предиктор революции, так как наиболее вопиющие проявления коррупции обостряют фрустрацию и чувство социальной несправедливости, подталкивая индивидов к участию в политических протестах и выступлениях, которые, при определённых условиях, могут вылиться в ту или иную форму революционного события, как правило, приобретающего форму городского гражданского протеста [26; 30; 57].

Несмотря на значительную роль, отводимую коррупции при разворачивании революционных процессов, сам по себе этот индикатор редко добавлялся в качестве независимой переменной, вследствие чего возникает необходимость его рассмотрения в режимном контексте - рисунок 43 [15]. Как говорилось выше, уровень коррупции (*Regime Corruption*) рассчитывается по V-dem [77].

Анализируя результаты количественного анализа, мы находим положительно значимую зависимость между коррупцией и революцией в демократиях и отрицательно-значимую в автократиях и анократиях. Подобные результаты обусловлены спецификой поддержания робастности у разных политических режимов. Выживание недемократических режимов в большей степени зависит от позиции правящего класса и, как и в случае с неравенством, повышенная коррупция даёт преференции элитам, награждает их за лояльность, тем самым, обеспечивая их целостность, что элиминирует революционную угрозу. Попустительствуя коррупционным поползновениям элит и административного аппарата, автократ обеспечивает их лояльность за счёт личной заинтересованности в выживании политического режима, который становится гарантом сохранения добытых коррупционным путём экономических благ.

Rare Event Logistic Regression Model

Зависимая переменная - революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-13.499* (7.409)	-2.193 (6.613)	2.624 (5.337)	-10.480 (7.473)	2.496 (6.779)	6.480 (5.453)	-25.188*** (8.523)	-2.773 (8.253)	-2.073 (6.425)	-24.855*** (8.621)	0.938 (8.423)	0.090 (6.540)
Уровень коррупции	2.310 (3.163)	3.295* (1.831)	2.444 (1.736)	-1.691*** (0.650)	-2.323*** (0.660)	-2.266*** (0.500)	-2.943 (2.614)	2.307 (1.878)	0.429 (1.628)	-1.206* (0.697)	-1.127 (0.722)	-1.190** (0.543)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.052*** (0.008)	-0.042*** (0.009)	-0.056*** (0.007)	-0.052*** (0.008)	-0.042*** (0.009)	-0.056*** (0.007)	-0.054*** (0.011)	-0.054*** (0.012)	-0.061*** (0.009)	-0.054*** (0.011)	-0.054*** (0.012)	-0.061*** (0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.448** (0.208)	-0.044 (0.215)	-0.102 (0.160)	-0.448** (0.208)	-0.044 (0.215)	-0.102 (0.160)	-0.530** (0.248)	-0.608** (0.272)	-0.411** (0.195)	-0.530** (0.248)	-0.608** (0.272)	-0.411** (0.195)
ln(Население)	0.591 (0.465)	-0.398 (0.409)	-0.501 (0.336)	0.591 (0.465)	-0.398 (0.409)	-0.501 (0.336)	1.586*** (0.534)	-0.395 (0.503)	-0.097 (0.400)	1.586*** (0.534)	-0.395 (0.503)	-0.097 (0.400)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	3.020*** (0.991)	4.689*** (0.702)	3.856*** (0.592)									
Электоральная автократия (V-dem)	2.831*** (1.003)	2.908*** (0.715)	2.857*** (0.602)	-0.189 (0.510)	-1.781*** (0.576)	-0.999** (0.417)						
Электоральная демократия (V-dem)	2.178** (0.926)	3.142*** (0.577)	2.756*** (0.519)	-0.842 (0.563)	-1.547*** (0.535)	-1.100*** (0.425)						
Либеральная демократия (V-dem)				-3.020*** (0.991)	-4.689*** (0.702)	-3.856*** (0.592)						
Уровень коррупции X Закрытая автократия (V-dem)	-4.001 (3.181)	-5.619*** (1.900)	-4.710*** (1.771)									
Уровень коррупции X Электоральная автократия (V-dem)	-3.270 (3.188)	-3.407* (1.904)	-3.235* (1.779)	0.732 (0.734)	2.212*** (0.818)	1.475** (0.595)						
Уровень коррупции X Электоральная демократия (V-dem)	-3.411 (3.149)	-5.711*** (1.817)	-4.756*** (1.724)	0.590 (0.960)	-0.092 (0.877)	-0.046 (0.699)						
Уровень коррупции X Либеральная демократия (V-dem)				4.001 (3.181)	5.619*** (1.900)	4.710*** (1.771)						
Полная автократия (Polity)							0.333 (0.858)	3.711*** (0.784)	2.162*** (0.619)			
Частичная автократия (Polity)							-0.751 (1.134)	4.427*** (0.927)	2.365*** (0.702)	-1.084 (0.880)	0.716 (0.713)	0.203 (0.587)
Фракционная демократия (Polity)							-0.525 (0.919)	2.988*** (0.808)	1.509** (0.634)	-0.858 (0.686)	-0.723 (0.709)	-0.653 (0.535)
Частичная демократия (Polity)							-0.929 (0.861)	1.650** (0.732)	0.687 (0.596)	-1.262** (0.643)	-2.061*** (0.635)	-1.475*** (0.487)
Полная демократия (Polity)										-0.333 (0.858)	-3.711*** (0.784)	-2.162*** (0.619)
Уровень коррупции X Полная автократия (Polity)							1.737 (2.636)	-3.433* (1.969)	-1.618 (1.673)			
Уровень коррупции X Частичная автократия (Polity)							2.884 (2.829)	-3.881* (2.085)	-1.623 (1.783)	1.146 (1.226)	-0.448 (1.018)	-0.004 (0.835)
Уровень коррупции X Фракционная демократия (Polity)							3.284 (2.667)	-3.402* (1.950)	-0.955 (1.654)	1.547 (0.982)	0.032 (1.003)	0.663 (0.759)
Уровень коррупции X Частичная демократия (Polity)							3.713 (2.668)	-2.016 (1.944)	-0.215 (1.666)	1.976** (0.947)	1.418 (0.917)	1.403** (0.709)
Уровень коррупции X Полная демократия (Polity)										-1.737 (2.636)	3.433* (1.969)	1.618 (1.673)
Кол-во наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-756.684	-990.416	-1,540.480	-756.684	-990.416	-1,540.480	-609.932	-760.739	-1,215.056	-609.932	-760.739	-1,215.056
Akaike Inf. Crit.	1,991.368	2,458.833	3,558.960	1,991.368	2,458.833	3,558.960	1,675.863	1,977.477	2,886.112	1,675.863	1,977.477	2,886.112

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 43 - Уровень коррупции в режимном контексте

Помимо этого, в автократиях распространена цензура, что осложняет доступ индивидов к информации о повседневной жизни правящего класса. В демократиях, наоборот, вследствие свободы слова и развитии альтернативных СМИ, коррупция быстро становится общественным достоянием, что раздражает общество и повышает его склонность к участию в массовых протестах, которые могут вылиться в революции. Одновременно с этим повышение коррупции (и осведомлённости о ней в демократиях) расшатывает как эффективность политической системы, так и легитимность правящего класса, что побуждает общество искать альтернативных политических лидеров и/или движения или партии, готовый нарушить демократический «status quo», что также создаёт хорошую почву для разворачивания революционных процессов и общем ослаблении устойчивости демократической системы [15].

Связанным с коррупцией политическим индикатором является уровень эффективности государственных органов. Согласно концепции Дэвида Истона, основным назначением политической системы является способность вовремя детектировать общественных запросы и сформировать на их основе политические решения, которые должны урегулировать основные общественные проблемы. Эта восприимчивость к ожиданиям индивидов и способность государства своевременно внедрять соответствующие корректировки в свою стратегию в политической науке называется эффективностью политической системы [84]. Эффективность государственных органов является одним из наиболее часто рассматриваемых политических факторов революции в теоретических исследованиях. Упадок способности государства решать острые социальные, экономические и политические проблемы является одной из главных предпосылок революции [57, с. 10-11; 110, с. 173; 111, с. 53-55; 117]. Некоторые исследователи напрямую выводили революции из неспособности правящего класса эффективно управлять государством и удерживать власть [166, с. 162].

Сюда можно отнести концепцию «эффективного лидерства», основоположником которой стал Н. Макиавелли [25]. Согласно данной теории, способность захватить и удержать власть является главным критерием «пригодности» политического лидера к управлению государством и основным показателем «эффективности» его управленческой деятельности. Соответственно, неспособность к эффективному управлению ведёт к потере власти и воцарению нового лидера в результате революции.

В то же время в количественных работах данный фактор присутствует достаточно скудно, что обосновывает необходимость проверки его влияния как самого по себе, так и в режимном контексте - рисунок 44. Количественные показатели эффективности (*Government effectiveness*) выведены на основе V-Dem [77].

Как следует из результатов регрессионного анализа, эффективность государственных органов не оказывает значимого влияния на автократии и демократии и дестабилизирует анократии (при в форме конкретно вооружённых революций). Данный феномен заключается в том, что неэффективность тоталитарных режимов купируется широким инструментом политических репрессий и может быть сведена на происки «врагов» и «вредителей». Неэффективное демократическое правительство отправляется в отставку в результате выборов, а не революций.

Анократии же, в случае проведения эффективной политики способствуют повышению благосостояния населения и возвращают городской средний класс, который, удовлетворив основные экономические потребности, переходит к выдвижению политических требований подчас в форме революционных акций. Тем самым, анократия при достижении значимого социального и экономического прогресса встаёт перед развилкой – двигаться дальше и расширять политическое представительство или столкнуться и революционной угрозой, вызванной несоответствием новых экономических ресурсов и устаревшей политической системой.

Rare Event Logistic Regression Model

Зависимая переменная - революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-8.622 (16.076)	15.755 (14.575)	22.136* (12.636)	-9.295 (15.971)	18.053 (14.487)	23.904* (12.549)	-18.496 (20.063)	26.576 (18.504)	13.516 (15.943)	-18.519 (20.055)	28.519 (18.618)	14.414 (16.027)
Эффективность правительства	-0.666 (1.024)	-0.394 (0.847)	-0.395 (0.829)	-0.354 (0.565)	0.015 (0.471)	-0.238 (0.387)	1.482 (1.416)	-0.886 (1.276)	-0.235 (1.200)	0.087 (0.656)	-0.998 (0.646)	-0.751 (0.542)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.034** (0.014)	-0.047*** (0.015)	-0.046*** (0.012)	-0.034** (0.014)	-0.047*** (0.015)	-0.046*** (0.012)	-0.014 (0.023)	-0.089*** (0.022)	-0.062*** (0.019)	-0.014 (0.023)	-0.089*** (0.022)	-0.062*** (0.019)
ln(ВВП на душу населения)	0.204 (0.534)	-0.179 (0.438)	-0.006 (0.391)	0.204 (0.534)	-0.179 (0.438)	-0.006 (0.391)	0.924 (0.877)	-0.624 (0.764)	-0.140 (0.677)	0.924 (0.877)	-0.624 (0.764)	-0.140 (0.677)
Уровень коррупции	-0.639 (1.227)	0.072 (0.887)	-0.132 (0.816)	-0.639 (1.227)	0.072 (0.887)	-0.132 (0.816)	1.814 (1.545)	1.800 (1.208)	2.175** (1.100)	1.814 (1.545)	1.800 (1.208)	2.175** (1.100)
ln(Население)	0.497 (0.948)	-1.409 (0.857)	-1.579** (0.747)	0.497 (0.948)	-1.409 (0.857)	-1.579** (0.747)	1.105 (1.188)	-2.017* (1.095)	-1.028 (0.947)	1.105 (1.188)	-2.017* (1.095)	-1.028 (0.947)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	-0.673 (1.316)	2.297** (0.983)	1.768* (0.943)									
Электоральная автократия (V-dem)	0.636 (1.140)	1.660* (0.868)	1.865** (0.855)	1.309* (0.721)	-0.638 (0.510)	0.097 (0.445)						
Электоральная демократия (V-dem)	-0.205 (1.031)	1.133 (0.777)	1.160 (0.775)	0.468 (0.770)	-1.164** (0.559)	-0.608 (0.493)						
Либеральная демократия (V-dem)				0.673 (1.316)	-2.297** (0.983)	-1.768* (0.943)						
Эффективность правительства X Закрытая автократия (V-dem)	0.312 (1.144)	0.409 (0.952)	0.157 (0.900)									
Эффективность правительства X Электоральная автократия (V-dem)	1.563 (1.086)	-0.518 (0.913)	0.121 (0.872)	1.251** (0.561)	-0.927* (0.479)	-0.037 (0.384)						
Эффективность правительства X Электоральная демократия (V-dem)	1.544 (1.050)	0.377 (0.866)	0.577 (0.847)	1.232* (0.730)	-0.032 (0.601)	0.420 (0.512)						
Эффективность правительства X Либеральная демократия (V-dem)				-0.312 (1.144)	-0.409 (0.952)	-0.157 (0.900)						
Полная автократия (Polity)							-0.023 (2.229)	1.943 (1.909)	0.897 (1.845)			
Частичная автократия (Polity)							0.056 (2.289)	3.007 (1.939)	1.836 (1.877)	0.079 (0.835)	1.065 (0.678)	0.938 (0.614)
Фракциональная демократия (Polity)							0.713 (2.119)	1.105 (1.823)	0.863 (1.766)	0.736 (0.715)	-0.838 (0.668)	-0.034 (0.581)
Частичная демократия (Polity)							0.329 (2.086)	1.534 (1.775)	0.830 (1.741)	0.352 (0.696)	-0.409 (0.624)	-0.067 (0.547)
Полная демократия (Polity)										0.023 (2.229)	-1.943 (1.909)	-0.897 (1.845)
Эффективность правительства X Полная автократия (Polity)							-1.395 (1.517)	-0.112 (1.389)	-0.516 (1.284)			
Эффективность правительства X Частичная автократия (Polity)							0.320 (1.588)	1.354 (1.423)	1.141 (1.315)	1.715* (0.948)	1.466* (0.808)	1.658** (0.717)
Эффективность правительства X Фракциональная демократия (Polity)							0.878 (1.456)	-0.266 (1.261)	0.316 (1.203)	2.272*** (0.815)	-0.153 (0.739)	0.832 (0.639)
Эффективность правительства X Частичная демократия (Polity)							-1.213 (1.558)	0.909 (1.378)	0.334 (1.289)	0.182 (0.793)	1.022 (0.707)	0.850 (0.617)
Эффективность правительства X Полная демократия (Polity)										1.395 (1.517)	0.112 (1.389)	0.516 (1.284)
Кол-во наблюдений	3,862	3,862	3,862	3,862	3,862	3,862	2,962	2,962	2,962	2,962	2,962	2,962
Log Likelihood	-282.179	-571.969	-732.039	-282.179	-571.969	-732.039	-208.896	-414.001	-524.526	-208.896	-414.001	-524.526
Akaike Inf. Crit.	964.358	1,543.939	1,864.078	964.358	1,543.939	1,864.078	797.792	1,208.001	1,429.052	797.792	1,208.001	1,429.052

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 44 - Эффективность в режимном контексте

Важным политическим фактором революций является уровень поляризации общества. В случае если политический процесс подвержен влиянию крайних идеологических течений, происходит увеличение амплитуды смены политического курса, ожесточается политическое противостояние, стороны начинают рассматривать политику как «игру с нулевой суммой», создаётся атмосфера ненависти и общей радикализации индивидов, на политическую сцену выходят популисты и тому подобные акторы. Все эти характерные черты роста поляризации в совокупности могут вылиться в революцию [111, с. 288; 117; 145, с. 243-244; 167; 210, с. 43].

Поляризация сложно поддаётся количественной оценке, вследствие чего она мало представлена в количественных исследованиях [15]. Заполнение данной «лакуны» представлено в данной работе - рисунок 45. Операционализация поляризации проводилась через показатель политической поляризации (*Political polarization*) V-Dem [77].

Из результатов количественной модели мы можем заключить, поляризация снижает риски революции в автократиях и переходных режимах и увеличивает в демократиях. Как говорилось выше, автократии и анократии во многом черпают свою легитимность из образа «врага», вокруг борьбы с которым происходит консолидация и объединение общества, элит и политического режима. Соответственно, в случае если такое общество поляризовано и настроено против какой-либо группы или внешней силы, его резистентность революциям повышается.

Разумеется, такая маргинализированная группа и/или политическая сила отделена от возможности политически себя защитить. В данном случае применима максима, выработанная английским публицистом и писателем Джорджем Оруэллом: *«И чем сильнее будет становиться Партия, тем меньше у нее будет терпимости»* [162].

Rare Event Logistic Regression Model

Зависимая переменная - революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-12.269 (7.594)	-1.060 (6.698)	4.766 (5.471)	-10.195 (7.560)	1.548 (6.744)	6.712 (5.509)	-20.731** (8.627)	-2.763 (8.625)	-0.558 (6.637)	-21.948** (8.666)	-0.390 (8.740)	0.142 (6.692)
Политическая поляризация	-0.004 (0.428)	1.138*** (0.273)	1.133*** (0.257)	0.470*** (0.117)	0.227** (0.106)	0.330*** (0.084)	1.040*** (0.368)	1.207*** (0.318)	1.243*** (0.292)	0.587*** (0.133)	0.140 (0.123)	0.308*** (0.095)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.045*** (0.008)	-0.033*** (0.009)	-0.047*** (0.007)	-0.045*** (0.008)	-0.033*** (0.009)	-0.047*** (0.007)	-0.047*** (0.011)	-0.048*** (0.012)	-0.054*** (0.009)	-0.047*** (0.011)	-0.048*** (0.012)	-0.054*** (0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.351* (0.211)	-0.074 (0.214)	-0.092 (0.162)	-0.351* (0.211)	-0.074 (0.214)	-0.092 (0.162)	-0.438* (0.249)	-0.636** (0.276)	-0.364* (0.197)	-0.438* (0.249)	-0.636** (0.276)	-0.364* (0.197)
Уровень коррупции	-1.631*** (0.521)	-1.422*** (0.477)	-1.769*** (0.382)	-1.631*** (0.521)	-1.422*** (0.477)	-1.769*** (0.382)	-0.787 (0.582)	-0.836 (0.570)	-1.034** (0.435)	-0.787 (0.582)	-0.836 (0.570)	-1.034** (0.435)
ln(Население)	0.579 (0.473)	-0.359 (0.409)	-0.525 (0.341)	0.579 (0.473)	-0.359 (0.409)	-0.525 (0.341)	1.417*** (0.538)	-0.320 (0.526)	-0.090 (0.411)	1.417*** (0.538)	-0.320 (0.526)	-0.090 (0.411)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.074** (0.863)	2.608*** (0.502)	1.946*** (0.453)									
Электоральная автократия (V-dem)	2.451*** (0.850)	2.342*** (0.476)	1.997*** (0.436)	0.377* (0.213)	-0.267 (0.207)	0.051 (0.161)						
Электоральная демократия (V-dem)	1.935** (0.820)	1.412*** (0.436)	1.261*** (0.409)	-0.140 (0.296)	-1.197*** (0.259)	-0.685*** (0.211)						
Либеральная демократия (V-dem)				-2.074** (0.863)	-2.608*** (0.502)	-1.946*** (0.453)						
Политическая поляризация X Закрытая автократия (V-dem)	0.474 (0.442)	-0.911*** (0.290)	-0.802*** (0.269)									
Политическая поляризация X Электоральная автократия (V-dem)	0.517 (0.440)	-0.775*** (0.286)	-0.703*** (0.267)	0.043 (0.138)	0.136 (0.127)	0.099 (0.101)						
Политическая поляризация X Электоральная демократия (V-dem)	0.302 (0.449)	-0.740*** (0.283)	-0.724*** (0.269)	-0.172 (0.211)	0.171 (0.161)	0.079 (0.138)						
Политическая поляризация X Либеральная демократия (V-dem)				-0.474 (0.442)	0.911*** (0.290)	0.802*** (0.269)						
Полная автократия (Polity)							-1.216* (0.662)	2.373*** (0.574)	0.699 (0.474)			
Частичная автократия (Polity)							-1.671** (0.728)	2.706*** (0.594)	0.852* (0.499)	-0.455 (0.366)	0.333 (0.274)	0.153 (0.229)
Фракционная демократия (Polity)							-0.923 (0.668)	1.739*** (0.571)	0.553 (0.476)	0.294 (0.275)	-0.633** (0.282)	-0.146 (0.214)
Частичная демократия (Polity)							-0.855 (0.648)	1.263** (0.546)	0.311 (0.462)	-1.110*** (0.289)	-0.389* (0.290)	-0.220 (0.220)
Полная демократия (Polity)										1.216* (0.662)	-2.373*** (0.574)	-0.699 (0.474)
Политическая поляризация X Полная автократия (Polity)							-0.453 (0.383)	-1.067*** (0.338)	-0.934*** (0.304)			
Политическая поляризация X Частичная автократия (Polity)							-0.413 (0.434)	-0.923** (0.359)	-0.871*** (0.326)	0.040 (0.249)	0.144 (0.185)	0.063 (0.156)
Политическая поляризация X Фракционная демократия (Polity)							-0.472 (0.406)	-0.951*** (0.357)	-0.858*** (0.319)	-0.019 (0.196)	0.116 (0.189)	0.077 (0.147)
Политическая поляризация X Частичная демократия (Polity)							-0.583 (0.403)	-0.384 (0.353)	-0.586* (0.318)	-0.130 (0.224)	0.683*** (0.197)	0.348** (0.159)
Политическая поляризация X Полная демократия (Polity)										0.453 (0.383)	1.067*** (0.338)	0.934*** (0.304)
Кол-во наблюдений	8,846	8,846	8,846	8,846	8,846	8,846	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-744.882	-982.777	-1,519.179	-744.882	-982.777	-1,519.179	-599.519	-746.396	-1,193.201	-599.519	-746.396	-1,193.201
Akaike Inf. Crit.	1,969.764	2,445.554	3,518.359	1,969.764	2,445.554	3,518.359	1,657.038	1,950.792	2,844.402	1,657.038	1,950.792	2,844.402

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.

Рисунок 45 - Политическая поляризация в режимном контексте

В демократиях же, политическая борьба происходит в условиях равных возможностей для всех акторов к возможности занять административные должности и/или получить политическое представительство, вследствие чего при высокой поляризации политическая система ослабевает, погрязнув в бесконечных политических баталиях неспособных прийти к консенсусу группировок, что делает её уязвимой для революции, что видно на примере современных Соединённых Штатов Америки [13; 134; 136].

Следующим фактором, который подчас, напрямую связывают с революциями является политическое насилие. Эскалация насилия во многих исследованиях практически тождественная революции так как она часто является производной более глубоких причин – гнева, фрустрации, депривации, бедности, неравенства, недовольства уровнем жизни и обострением социальных или экономических проблем. Тем самым, в случае повышения толерантности к политическому насилию и его «нормализации» в глазах общества государство рискует столкнуться с разворачиванием революционных процессов.

Политическое насилие как таковое также сложно привести к количественным показателям, из-за чего в современной политической науке мало представлены работы, рассматривающие его как фактор революции, что обуславливает необходимость данного рассмотрения в текущем исследовании - рисунок 46. Операционализация политического насилия основывается на базе индекса политического насилия (*Political violence*) V Dem [77]. Политическое насилие в данном случае понимается как использование физической силы для достижения политических целей негосударственными субъектами. Сюда не входят насилие, связанное с преступностью и получением прибыли.

Rare Event Logistic Regression Model

Зависимая переменная - революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-11.979 (7.777)	-1.270 (6.563)	6.429 (5.442)	-9.662 (7.743)	1.607 (6.625)	8.711 (5.488)	-15.222* (8.948)	3.214 (8.609)	7.838 (6.769)	-15.083* (8.973)	6.749 (8.750)	9.488 (6.836)
Политическое насилие	-0.107 (0.362)	0.376 (0.231)	0.446** (0.212)	0.740*** (0.109)	0.351*** (0.104)	0.520*** (0.081)	0.406 (0.267)	-0.306 (0.282)	0.256 (0.207)	1.101*** (0.150)	0.353*** (0.129)	0.675*** (0.104)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.035*** (0.008)	-0.033*** (0.009)	-0.044*** (0.007)	-0.035*** (0.008)	-0.033*** (0.009)	-0.044*** (0.007)	-0.037*** (0.011)	-0.046*** (0.012)	-0.049*** (0.009)	-0.037*** (0.011)	-0.046*** (0.012)	-0.049*** (0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.091 (0.220)	0.004 (0.215)	0.035 (0.165)	-0.091 (0.220)	0.004 (0.215)	0.035 (0.165)	-0.446* (0.261)	-0.605** (0.276)	-0.338* (0.200)	-0.446* (0.261)	-0.605** (0.276)	-0.338* (0.200)
Уровень коррупции	-1.663*** (0.543)	-1.416*** (0.476)	-1.732*** (0.385)	-1.663*** (0.543)	-1.416*** (0.476)	-1.732*** (0.385)	-1.372** (0.618)	-0.992* (0.569)	-1.282*** (0.447)	-1.372** (0.618)	-0.992* (0.569)	-1.282*** (0.447)
ln(Население)	0.472 (0.485)	-0.402 (0.402)	-0.709** (0.340)	0.472 (0.485)	-0.402 (0.402)	-0.709** (0.340)	0.880 (0.558)	-0.821 (0.526)	-0.745* (0.421)	0.880 (0.558)	-0.821 (0.526)	-0.745* (0.421)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.318** (0.925)	2.877*** (0.540)	2.282*** (0.472)									
Электоральная автократия (V-dem)	2.315** (0.920)	2.561*** (0.521)	2.197*** (0.461)	-0.002 (0.234)	-0.315 (0.208)	-0.085 (0.168)						
Электоральная демократия (V-dem)	2.020** (0.889)	1.547*** (0.489)	1.459*** (0.436)	-0.297 (0.303)	-1.330*** (0.249)	-0.823*** (0.205)						
Либеральная демократия (V-dem)				-2.318** (0.925)	-2.877*** (0.540)	-2.282*** (0.472)						
Политическое насилие X Закрытая автократия (V-dem)	0.847** (0.377)	-0.025 (0.247)	0.073 (0.223)									
Политическое насилие X Электоральная автократия (V-dem)	0.996*** (0.378)	-0.091 (0.242)	0.056 (0.221)	0.149 (0.131)	-0.066 (0.122)	-0.017 (0.096)						
Политическое насилие X Электоральная демократия (V-dem)	0.757** (0.382)	0.006 (0.248)	0.049 (0.225)	-0.090 (0.169)	0.031 (0.144)	-0.025 (0.118)						
Политическое насилие X Либеральная демократия (V-dem)				-0.847** (0.377)	0.025 (0.247)	-0.073 (0.223)						
Полная автократия (Polity)							0.139 (0.621)	3.535*** (0.655)	1.650*** (0.471)			
Частичная автократия (Polity)							-0.160 (0.685)	3.891*** (0.672)	1.945*** (0.496)	-0.299 (0.348)	0.356 (0.266)	0.295 (0.221)
Фракционная демократия (Polity)							0.512 (0.635)	2.819*** (0.639)	1.530*** (0.470)	0.372 (0.311)	-0.716** (0.278)	-0.120 (0.220)
Частичная демократия (Polity)							0.177 (0.613)	2.390*** (0.621)	1.159** (0.456)	0.038 (0.333)	-1.145*** (0.279)	-0.491** (0.224)
Полная демократия (Polity)										-0.139 (0.621)	-3.535*** (0.655)	-1.650*** (0.471)
Политическое насилие X Полная автократия (Polity)							0.695** (0.301)	0.660** (0.295)	0.419* (0.224)			
Политическое насилие X Частичная автократия (Polity)							0.459 (0.343)	0.657** (0.310)	0.179 (0.241)	-0.236 (0.225)	-0.003 (0.176)	-0.240 (0.149)
Политическое насилие X Фракционная демократия (Polity)							0.304 (0.305)	0.631** (0.304)	0.191 (0.228)	-0.391** (0.189)	-0.028 (0.160)	-0.228* (0.130)
Политическое насилие X Частичная демократия (Polity)							0.697** (0.303)	0.854*** (0.304)	0.491** (0.225)	0.002 (0.205)	0.194 (0.166)	0.072 (0.137)
Политическое насилие X Полная демократия (Polity)										-0.695** (0.301)	-0.660** (0.295)	-0.419* (0.224)
Кол-во наблюдений	8,866	8,866	8,866	8,866	8,866	8,866	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-717.953	-988.904	-1,508.789	-717.953	-988.904	-1,508.789	-570.162	-752.362	-1,178.465	-570.162	-752.362	-1,178.465
Akaike Inf. Crit.	1,915.906	2,457.809	3,497.577	1,915.906	2,457.809	3,497.577	1,598.324	1,962.724	2,814.930	1,598.324	1,962.724	2,814.930

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 46 - Политическое насилие в режимном контексте

Результаты количественного анализа показывают увеличение революционных рисков в автократиях и анократиях и их снижение в демократиях. Если в недемократическом государстве индивиды смогли преодолеть первые «барьеры» политического участия в виде страха перед репрессиями и готовы взяться за оружие, то это означает, что ценностный, политический, идеологический и физический контроль авторитарного государства над обществом практически потерян, что обеспечивает дальнейшее расширение революционных тенденций. Помимо этого, в анократиях лояльность правоохранительных органов политическому режиму носит более эфемерный характер, чем в идеологизированных автократиях, тем самым, в случае эскалации насилия, силовые органы предпочтут занять нейтралитет и часто оставляют политического лидера один на один с протестующими.

Наиболее ярко этот факт проявил себя во время Жасминовой революции в Тунисе 2011 г., когда генерал Рашид Аммар, начальник штаба армейского корпуса, в ответ на приказ тогдашнего президента Зин эль-Абидина Бен Али, нейтрализовать протестующих при помощи армии, ответил: *«Уходи из этой страны! Ты - вода под мостом»* [111, с. 633].

В демократиях же эскалация насилия, как правило, вызывает отторжение у большей части населения, сочувствие полиции и рассмотрение государства как оплота «закона и порядка», что снижает популярность революционных сил и усложняет для их дальнейшее привлечение больших масс населения на свою сторону. Для успешной революции в демократиях революционные силы должны или не использовать насилие, представляя себя в виде «жертв» несправедливой системы, либо пользоваться им крайне точно, всячески показывая, что они действуют «в ответ» на действия правительства. Открытая приверженность радикальным идеям в демократиях отпугивает общество и отталкивает их от свершающих революцию политических лидеров. Вследствие этого маятник может качнуться в

обратную сторону и только укрепить политический режим, как это было в Западной Германии по результату акций RAF.

Глобальное распространение выборов, предвыборных кампаний, референдумов, плебисцитов и других избирательных практик по всему земному шару делает из важным объектом изучения для сравнительной политологии [9]. В современных политологических исследованиях, изучающих влияние выборов на риски возникновения революционных событий, различаются несколько факторов, посредством которых проведение выборов способствует разворачиванию массовых протестов и увеличивает риск революционной дестабилизации [132].

В первую очередь, даже самые «фиктивные» выборы побуждают правящие элиты допускать возможность минимального уровня организации масс «снизу» для формирования предвыборных штабов, агитационных кампаний, сети сторонников и так далее. Помимо этого, выборы подразумевает некую долю политического плюрализма, что позволяет реформаторам, встроенным в политическую систему или даже являющимся частью истеблишмента, выйти из тени и заявить о своих программах или амбициях [105, с. 309-310]. Тем самым, возникают межэлитные разногласия, являющиеся одним из центральных факторов успешного протеста и предоставляющие одну из наиболее важных возможностей для ненасильственной мобилизации так как, согласно концепции Адама Пшеворского для успешного демократического протеста необходима консоциация (союз) между умеренными лидерами оппозиции и реформаторски настроенной частью элит. В результате, на фоне цивилизованной предвыборной кампании, лидеры оппозиции, видя готовность элит к сотрудничеству, воздерживаются от крайних методов борьбы, а элиты, отмечая ненасильственный характер оппозиционной деятельности отказывают в поддержке сторонникам «твёрдой линии», предлагающим инструмент политических репрессий в качестве разрешения возникшего противоречия [169, с. 121].

Иными словами, выборы могут способствовать развитию расколов среди правящих элит, появлению у оппозиции влиятельных союзников, вовлечению в политические процессы новых акторов и широких слоёв населения, что способствует развитию протестных кампаний [57, с. 93-94]. В то же время можно было бы ожидать, что в более свободных обществах выборы не будут иметь такого же мобилизующего эффекта на население, как в авторитарных режимах, где выборы представляют собой важное центральное событие, вокруг которого можно мобилизовать сторонников для революционной борьбы [70, с. 310].

Другим немаловажным аспектом выборов является вовлечение в политические процессы слоёв населения, которые, в особенности в авторитарных странах, зачастую подвержены политическому абсентеизму. Одной из центральных компонентов любого авторитарного режима является фальсификация предпочтений, под влиянием которой индивиды, даже будучи достаточно недовольны, чтобы присоединиться к протестным действиям, уклоняются от публичной манифестации своей позиции, считая, что находятся в меньшинстве, хотя в реальности социально-политическая конфигурация может быть совсем иной [142].

Выборы же, в свою очередь, приковывают внимание населения к ранее не интересовавшим его политическим вопросам. Международные наблюдатели, освещение в СМИ, правозащитные организации, предоставляя информацию о нарушениях избирательных прав граждан, заостряют внимание индивидов на изъянах режима и несправедливых институциональных правилах, чем побуждают тех к более явной артикуляции своих политических претензий в форме уличного протеста. Тем самым, в рамках авторитарных выборов, политические акторы борются не только за власть, но и за правила игры. Тем самым, даже проиграв выборы, оппозиционные партии нередко обращаются к инструменту массовых протестов, чтобы попытаться добиться изменений в институциональной структуре и уравнивать шансы на следующих выборах [59, с. 461-462]. Имели место случаи, когда оппозиция, на фоне

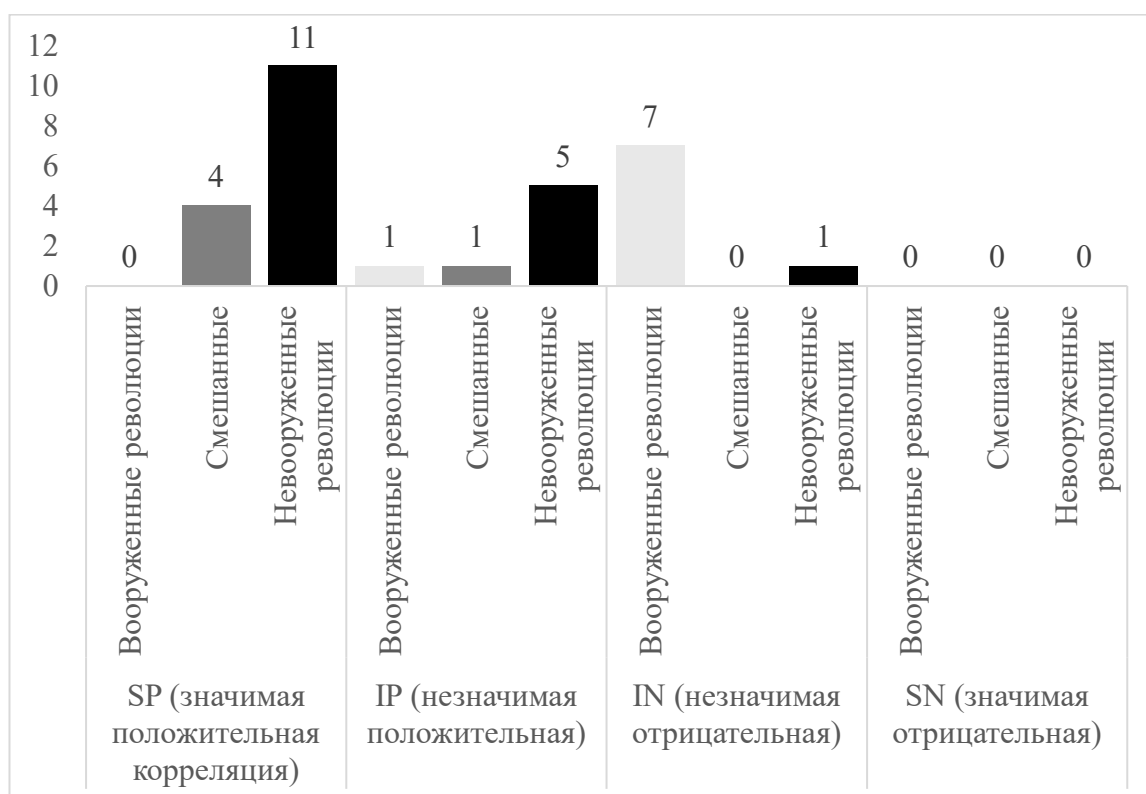
зафиксированных процессуальных нарушений или незначительного перевеса у инкумбента, организовывала широкие массы населения к участию в протестах для оспаривания выборов, которые на самом деле были ею проиграны [73, с. 148].

Иными словами, выборы, сигнализируя всё большему числу людей, об уязвимостях и слабости правительства, а также демонстрируя потенциальную нерешительность правящих элит, могут спровоцировать каскадообразное обрушение фальсификации предпочтений, когда всё большее число противников режима перейдут от апатии к активным действиям, присоединившись к борьбе против автократа и консолидируя протестные силы [119, с. 15-18]. Вероятность каскадообразных массовых акций протеста повышается из-за того, что, во-первых, выборы снижают издержки для индивида от участия в политической борьбе, во-вторых, вовлечение оппозиционных сил в политическую борьбу против инкумбента размывает основу его поддержки и способствует укреплению уверенности оппозиции в возможности одержать победу [148, с. 1149]. Тем самым несмотря на то, что автократы на выборах сигнализируют о своей непобедимости, они всё же могут столкнуться с угрозой объединения всех недовольных в гражданский протест, как во время, так и после окончания выборов [54, с. 721; 178, с. 1271].

Таким образом, в год выборов значительно повышается вероятность разворачивания широкомасштабных протестов по причине того, что в выборный период обостряются множество проблем и институциональных изъянов авторитарного режима, что значительно ослабевает его политическую резистентность кампаниям общественного давления [64, с. 80]. Выборы тем самым, аккумулируют не только максимальное число недовольных общественных групп, но и способствуют информированию индивидов о наиболее уязвимых точках авторитарного режима – коррупции, несправедливости, фальсификациях, наличии фальсификации предпочтений, замалчивании большинства проблем, скрытом недовольстве [89; 141, с. 397-400]. Иными словами, выборы в разрезе влияния на

вероятность роста риска революционной дестабилизации и разворачивания массовых протестов обладают кумулятивным эффектом, в результате чего одни факторы и обстоятельства (а также долгосрочные и краткосрочные движущие силы революций) накладываются друг на друга [49, с. 815; 154, с. 220; 206, с. 4].

Выборы как предиктор революционной дестабилизации рассматривались в четырех количественных исследованиях [9; 30; 68; 70]. Результаты этих исследований отражены на рисунке 47.

Источник: составлено автором.

Рисунок 47 - Количество моделей с рассмотрением фактора выборов зависимости от типа зависимой переменной

Как можно видеть, несмотря на некий крен, отчасти объясняющийся типом революционного события, имеет место быть асимметрия данного фактора, что обосновывает его проверку в режимном контексте – рисунок 48. Наличие выборов по годам и странам получено на базе V-Dem [77]. В результате, выборы снижают риски возникновения революционных восстаний во всех режимах, кроме демократий.

Rare Event Logistic Regression Model

Зависимая переменная - революция											
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая
Intercept	-13.880*	-4.731	0.909	-11.372	-1.364	3.796	-25.089***	-5.291	-3.708	-24.916***	-2.548
	(7.339)	(6.426)	(5.231)	(7.354)	(6.493)	(5.288)	(8.431)	(8.214)	(6.395)	(8.453)	(6.468)
Год общенациональных выборов	-0.835	0.397	0.217	-0.051	0.421	0.166	-1.212*	0.180	-0.314	0.182	0.397
	(0.677)	(0.368)	(0.364)	(0.349)	(0.306)	(0.254)	(0.692)	(0.446)	(0.445)	(0.271)	(0.268)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.053***	-0.040***	-0.055***	-0.053***	-0.040***	-0.055***	-0.055***	-0.054***	-0.061***	-0.055***	-0.054***
	(0.008)	(0.009)	(0.007)	(0.008)	(0.009)	(0.007)	(0.011)	(0.012)	(0.009)	(0.011)	(0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.434**	-0.050	-0.111	-0.434**	-0.050	-0.111	-0.552**	-0.622**	-0.428**	-0.552**	-0.622**
	(0.208)	(0.211)	(0.159)	(0.208)	(0.211)	(0.159)	(0.245)	(0.270)	(0.194)	(0.245)	(0.194)
Уровень коррупции	-1.285**	-1.345***	-1.587***	-1.285**	-1.345***	-1.587***	-0.390	-0.641	-0.656	-0.390	-0.641
	(0.516)	(0.470)	(0.376)	(0.516)	(0.470)	(0.376)	(0.567)	(0.558)	(0.427)	(0.567)	(0.558)
ln(Население)	0.632	-0.188	-0.356	0.632	-0.188	-0.356	1.550***	-0.214	0.022	1.550***	-0.214
	(0.460)	(0.393)	(0.327)	(0.460)	(0.393)	(0.327)	(0.525)	(0.500)	(0.397)	(0.525)	(0.500)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.507***	3.367***	2.887***								
	(0.783)	(0.499)	(0.441)								
Электоральная автократия (V-dem)	2.770***	3.104***	2.853***	0.263	-0.263	-0.034					
	(0.777)	(0.479)	(0.430)	(0.202)	(0.214)	(0.160)					
Электоральная демократия (V-dem)	2.176***	2.003***	1.966***	-0.332	-1.364***	-0.921***					
	(0.749)	(0.440)	(0.404)	(0.292)	(0.262)	(0.210)					
Либеральная демократия (V-dem)				-2.507***	-3.367***	-2.887***					
				(0.783)	(0.499)	(0.441)					
Год выборов X Закрытая автократия (V-dem)	0.784	0.024	-0.051								
	(0.761)	(0.478)	(0.444)								
Год выборов X Электоральная автократия (V-dem)	0.872	-0.263	-0.116	0.088	-0.287	-0.065					
	(0.705)	(0.409)	(0.392)	(0.401)	(0.353)	(0.292)					
Год выборов X Электоральная демократия (V-dem)	-0.059	-0.528	-0.591	-0.843	-0.552	-0.539					
	(0.787)	(0.443)	(0.429)	(0.533)	(0.392)	(0.341)					
Год выборов X Либеральная демократия (V-dem)				-0.784	-0.024	0.051					
				(0.761)	(0.478)	(0.444)					
Полная автократия (Polity)							0.174	2.743***	1.405***		
							(0.580)	(0.553)	(0.438)		
Частичная автократия (Polity)							-0.017	3.163***	1.621***	-0.191	0.419
							(0.630)	(0.578)	(0.465)	(0.314)	(0.282)
Фракционная демократия (Polity)							0.334	2.286***	1.314***	0.161	-0.458
							(0.592)	(0.548)	(0.439)	(0.278)	(0.282)
Частичная демократия (Polity)							0.287	1.473***	0.777*	0.113	-1.271***
							(0.573)	(0.531)	(0.429)	(0.291)	(0.297)
Полная демократия (Polity)										-0.174	-2.743***
										(0.580)	(0.553)
Год выборов X Полная автократия (Polity)							1.394*	0.217	0.517		
							(0.743)	(0.520)	(0.494)		
Год выборов X Частичная автократия (Polity)							0.779	0.064	0.325	-0.614	-0.153
							(0.846)	(0.556)	(0.536)	(0.555)	(0.426)
Год выборов X Фракционная демократия (Polity)							1.496*	-0.684	0.127	0.102	-0.901**
							(0.765)	(0.559)	(0.513)	(0.422)	(0.432)
Год выборов X Частичная демократия (Polity)							0.964	0.286	0.531	-0.429	0.069
							(0.762)	(0.508)	(0.492)	(0.418)	(0.363)
Год выборов X Полная демократия (Polity)										-1.394*	-0.517
										(0.743)	(0.520)
Кол-во наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-754.209	-996.537	-1,545.003	-754.209	-996.537	-1,545.003	-610.452	-759.685	-1,216.111	-610.452	-759.685
Akaike Inf. Crit.	1,988.419	2,473.074	3,570.006	1,988.419	2,473.074	3,570.006	1,678.903	1,977.369	2,890.222	1,678.903	1,977.369

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 48 - Выборы в режимном контексте

Тем самым, демократии, где выборы являются каналом коммуникации между обществом и элитами, политическим амортизатором и механизмом ротации политических элит, позволяющим выразить недовольство в цивилизованных формах, укрепляются в период выборов, а недемократические режимы разрушаются по причинам, описанным выше.

Существенным общественно-политическим фактором, оказывающим непосредственное влияние на все сферы общества, включая общегосударственную стабильность являются военные действия. Так, включаясь в военный конфликт государство подвергается своеобразному стресс-тесту, многие ресурсы перераспределяются в пользу армии, появляются новые вызовы, на которые элитам и политической системе приходится своевременно реагировать, обостряется множество социально-экономических проблем, снижается толерантность индивидов к насилию. В результате многие исследователи включают военные действия в качестве фактора революционной дестабилизации, в особенности делая акцент на долгосрочных последствиях на стабильность политической системы, которая столкнулась с проигрышем в военном конфликте [57, с. 93; 111, с. 259; 117; 166, с. 139-140; 181, с. 184; 203, с. 89].

Не стоит забывать, что в период военных действий государство сталкивается также с диверсиями и атаками не только изнутри, но и извне. В этих условиях революции могут стать производной не только эндогенных, но и экзогенных факторов. Помимо этого, военные конфликты между двумя государствами могут привести к революционному свержению власти в третьей стране, когда одной из сторон конфликта необходимо обеспечить «дружественное» правительство. Самым ярким примером является череда революций и переворотов в Африке и Латинской Америке во время Холодной Войны. Также необходимо учитывать, что в условиях глобализации военные конфликты могут оказывать дестабилизирующий эффект не только государства, принимающие в нём непосредственное участие, но и на целые регионы или даже Мир-Систему в целом.

Данный фактор, практически не представлен в количественных исследованиях так как его изучение носило преимущественно качественный характер, на базе кейс-стади то есть изучения конкретных примеров, например, когда война и сопутствующие ей трудности дважды поспособствовали революциям в Российской Империи. Именно поэтому обосновано рассмотрение данного фактора в режимном контексте. Необходимо также принимать во внимание, что даже закончившаяся война характеризуется долгосрочным воздействием на общество и государство: проблемы с адаптацией вернувшихся с фронта солдат, общее повышение толерантности к насилию, социальные, экономические, политические и ценностные кризисы и так далее. В качестве наиболее яркого примера можно привести положение дел в США 1970-х, где окончание войны во Вьетнаме привело к ситуации «идеального шторма» - то есть наложению нескольких дестабилизирующих факторов: перегретая от военных заказов экономика, энергетический кризис, последующая рецессия, стагфляция, переосмысление роли США на мировой арене и «американской мечты» в целом, рост социальной напряжённости и политической неопределённости. Многие эти факторы были производной от затянувшейся вьетнамской войны.

Вследствие этого в модель добавлены такие переменные как наличие военных действий в предыдущие 5 и 10 лет, а также уровень потерь в войне за год - рисунки 49, 50, 51, 52. Данные о военных конфликтах между государствами и размерах потерь получены благодаря Uppsala Conflict Data Program [81; 102].

Как мы можем убедиться, подводя итоги регрессионного анализа, непосредственно военные действия не оказывают значимого воздействия на риски революционной дестабилизации в контексте политических режимов.

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная - революция								
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-13.534* (7.621)	-5.472 (6.465)	1.097 (5.271)	-11.638 (7.661)	-2.276 (6.541)	3.489 (5.338)	-23.020*** (8.761)	-4.181 (8.242)	-2.487 (6.420)
Война	1.504* (0.835)	0.140 (0.668)	0.789 (0.587)	1.751*** (0.268)	0.213 (0.293)	0.995*** (0.212)	0.946 (0.875)	0.296 (0.847)	0.797 (0.669)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.039*** (0.008)	-0.040*** (0.010)	-0.049*** (0.007)	-0.039*** (0.008)	-0.040*** (0.010)	-0.049*** (0.007)	-0.039*** (0.011)	-0.052*** (0.012)	-0.054*** (0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.190 (0.216)	-0.007 (0.212)	0.004 (0.161)	-0.190 (0.216)	-0.007 (0.212)	0.004 (0.161)	-0.409 (0.257)	-0.612** (0.269)	-0.337* (0.194)
Уровень коррупции	-1.332** (0.535)	-1.365*** (0.471)	-1.580*** (0.379)	-1.332** (0.535)	-1.365*** (0.471)	-1.580*** (0.379)	-0.592 (0.596)	-0.598 (0.556)	-0.714* (0.431)
ln(Население)	0.621 (0.478)	-0.128 (0.395)	-0.357 (0.330)	0.621 (0.478)	-0.128 (0.395)	-0.357 (0.330)	1.413*** (0.546)	-0.288 (0.502)	-0.056 (0.399)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	1.896** (0.815)	3.196*** (0.484)	2.392*** (0.430)						
Электоральная автократия (V-dem)	2.098*** (0.809)	3.019*** (0.452)	2.507*** (0.410)	0.202 (0.271)	-0.177 (0.228)	0.116 (0.186)			
Электоральная демократия (V-dem)	1.663** (0.769)	1.788*** (0.407)	1.633*** (0.380)	-0.233 (0.352)	-1.408*** (0.278)	-0.759*** (0.232)			
Либеральная демократия (V-dem)				-1.896** (0.815)	-3.196*** (0.484)	-2.392*** (0.430)			
Война X Закрытая автократия (V-dem)	0.247 (0.874)	0.073 (0.725)	0.206 (0.620)						
Война X Электоральная автократия (V-dem)	0.319 (0.870)	-0.206 (0.696)	-0.094 (0.607)	0.072 (0.325)	-0.279 (0.329)	-0.299 (0.243)			
Война X Электоральная демократия (V-dem)	0.008 (0.912)	-0.090 (0.726)	-0.272 (0.631)	-0.239 (0.440)	-0.163 (0.403)	-0.478 (0.312)			
Война X Либеральная демократия (V-dem)				-0.247 (0.874)	-0.073 (0.725)	-0.206 (0.620)			
Полная автократия (Polity)							-0.040 (0.605)	2.731*** (0.541)	1.210*** (0.436)
Частичная автократия (Polity)							-0.408 (0.722)	3.082*** (0.567)	1.582*** (0.463)
Фракциональная демократия (Polity)							0.021 (0.651)	2.218*** (0.535)	1.239*** (0.445)
Частичная демократия (Polity)							0.325 (0.595)	1.597*** (0.505)	0.893** (0.419)
Полная демократия (Polity)								0.365 (0.605)	-1.134*** (0.541)
Война X Полная автократия (Polity)							0.853 (0.910)	-0.209 (0.891)	0.231 (0.696)
Война X Частичная автократия (Polity)							0.807 (1.011)	-0.004 (0.919)	-0.186 (0.731)
Война X Фракциональная демократия (Polity)							1.107 (0.956)	-0.562 (0.901)	-0.196 (0.711)
Война X Частичная демократия (Polity)							0.458 (0.935)	-0.225 (0.906)	-0.395 (0.712)
Война X Полная демократия (Polity)								-0.853 (0.910)	0.209 (0.891)
Кол-во наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-717.055	-997.540	-1,529.913	-717.055	-997.540	-1,529.913	-577.404	-762.709	-1,202.955
Akaike Inf. Crit.	1,914.111	2,475.080	3,539.827	1,914.111	2,475.080	3,539.827	1,612.809	1,983.418	2,863.909

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 49 - Военные действия в режимном контексте

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная - революция											
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-16.096** (7.438)	-3.531 (6.529)	1.109 (5.328)	-13.415* (7.466)	0.040 (6.605)	4.054 (5.397)	-24.419*** (8.519)	-3.785 (8.396)	-2.471 (6.529)	-23.896*** (8.547)	-0.760 (8.530)	-0.786 (6.614)
Война в предыдущие 5 лет	0.467 (0.755)	-0.217 (0.642)	0.286 (0.554)	0.310 (0.261)	-0.429 (0.284)	-0.00004 (0.208)	0.107 (0.751)	0.523 (0.681)	0.373 (0.596)	0.022 (0.263)	-0.349 (0.279)	-0.112 (0.210)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.052*** (0.008)	-0.041*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.052*** (0.008)	-0.041*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.056*** (0.011)	-0.054*** (0.012)	-0.061*** (0.009)	-0.056*** (0.011)	-0.054*** (0.012)	-0.061*** (0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.409* (0.211)	-0.021 (0.213)	-0.096 (0.161)	-0.409* (0.211)	-0.021 (0.213)	-0.096 (0.161)	-0.570** (0.249)	-0.703*** (0.272)	-0.465** (0.195)	-0.570** (0.249)	-0.703*** (0.272)	-0.465** (0.195)
Уровень коррупции	-1.278** (0.518)	-1.311*** (0.475)	-1.566*** (0.378)	-1.278** (0.518)	-1.311*** (0.475)	-1.566*** (0.378)	-0.330 (0.568)	-0.538 (0.559)	-0.607 (0.427)	-0.330 (0.568)	-0.538 (0.559)	-0.607 (0.427)
ln(Население)	0.751 (0.467)	-0.256 (0.400)	-0.370 (0.334)	0.751 (0.467)	-0.256 (0.400)	-0.370 (0.334)	1.490*** (0.532)	-0.290 (0.514)	-0.049 (0.407)	1.490*** (0.532)	-0.290 (0.514)	-0.049 (0.407)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.682*** (0.826)	3.571*** (0.492)	2.945*** (0.438)									
Электоральная автократия (V-dem)	3.336*** (0.816)	3.250*** (0.464)	3.082*** (0.421)	0.655** (0.255)	-0.322 (0.238)	0.137 (0.189)						
Электоральная демократия (V-dem)	2.067*** (0.784)	1.631*** (0.417)	1.634*** (0.393)	-0.615* (0.366)	-1.940*** (0.302)	-1.311*** (0.252)						
Либеральная демократия (V-dem)				-2.682*** (0.826)	-3.571*** (0.492)	-2.945*** (0.438)						
Война в предыдущие 5 лет X Закрытая автократия (V-dem)	-0.157 (0.796)	-0.212 (0.697)	-0.286 (0.588)									
Война в предыдущие 5 лет X Электоральная автократия (V-dem)	-0.763 (0.786)	-0.048 (0.669)	-0.553 (0.575)	-0.607* (0.315)	0.164 (0.326)	-0.267 (0.245)						
Война в предыдущие 5 лет X Электоральная демократия (V-dem)	-0.007 (0.838)	0.763 (0.697)	0.210 (0.601)	0.150 (0.442)	0.975** (0.383)	0.496 (0.307)						
Война в предыдущие 5 лет X Либеральная демократия (V-dem)				0.157 (0.796)	0.212 (0.697)	0.286 (0.588)						
Полная автократия (Polity)							0.523 (0.582)	3.025*** (0.565)	1.685*** (0.448)			
Частичная автократия (Polity)							0.402 (0.667)	3.725*** (0.592)	2.266*** (0.479)	-0.121 (0.403)	0.701** (0.299)	0.582** (0.253)
Фракциональная демократия (Polity)							1.078* (0.610)	1.806*** (0.593)	1.457*** (0.470)	0.555* (0.327)	-1.218*** (0.367)	-0.227 (0.265)
Частичная демократия (Polity)							0.030 (0.594)	1.517*** (0.528)	0.826* (0.436)	-0.493 (0.373)	-1.508*** (0.329)	-0.858*** (0.262)
Полная демократия (Polity)										-0.523 (0.582)	-3.025*** (0.565)	-1.685*** (0.448)
Война в предыдущие 5 лет X Полная автократия (Polity)							-0.085 (0.789)	-0.872 (0.732)	-0.484 (0.627)			
Война в предыдущие 5 лет X Частичная автократия (Polity)							-0.416 (0.879)	-1.544** (0.767)	-1.260* (0.666)	-0.331 (0.507)	-0.671 (0.434)	-0.776** (0.351)
Война в предыдущие 5 лет X Фракциональная демократия (Polity)							-0.618 (0.821)	-0.035 (0.755)	-0.428 (0.647)	-0.533 (0.411)	0.837* (0.427)	0.057 (0.322)
Война в предыдущие 5 лет X Частичная демократия (Polity)							0.643 (0.824)	-0.348 (0.737)	-0.035 (0.640)	0.728* (0.428)	0.524 (0.400)	0.449 (0.316)
Война в предыдущие 5 лет X Полная демократия (Polity)										0.085 (0.789)	0.872 (0.732)	0.484 (0.627)
Кол-во наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-754.453	-994.099	-1,543.084	-754.453	-994.099	-1,543.084	-609.485	-757.781	-1,212.144	-609.485	-757.781	-1,212.144
Akaike Inf. Crit.	1,988.905	2,468.197	3,566.167	1,988.905	2,468.197	3,566.167	1,676.969	1,973.563	2,882.288	1,676.969	1,973.563	2,882.288

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.

Рисунок 50 - Военные действия в предыдущие 5 лет в режимном контексте

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная - революция								
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-16.150** (7.416)	-6.423 (6.547)	-0.711 (5.318)	-13.688* (7.450)	-2.850 (6.613)	2.268 (5.381)	-24.461*** (8.478)	-5.378 (8.395)	-4.122 (6.531)
Война в предыдущие 10 лет	-0.186 (0.762)	1.158** (0.585)	0.908* (0.529)	0.226 (0.278)	-0.091 (0.280)	0.128 (0.216)	-0.349 (0.720)	0.454 (0.615)	0.150 (0.555)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.052*** (0.008)	-0.040*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.052*** (0.008)	-0.040*** (0.009)	-0.055*** (0.007)	-0.056*** (0.011)	-0.052*** (0.012)	-0.060*** (0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.417** (0.212)	-0.035 (0.215)	-0.093 (0.163)	-0.417** (0.212)	-0.035 (0.215)	-0.093 (0.163)	-0.583** (0.249)	-0.453** (0.274)	-0.583** (0.249)
Уровень коррупции	-1.258** (0.518)	-1.421*** (0.474)	-1.605*** (0.378)	-1.258** (0.518)	-1.421*** (0.474)	-1.605*** (0.378)	-0.321 (0.573)	-0.640 (0.560)	-0.682 (0.429)
ln(Население)	0.768* (0.466)	-0.082 (0.400)	-0.262 (0.333)	0.768* (0.466)	-0.082 (0.400)	-0.262 (0.333)	1.490*** (0.529)	0.050 (0.514)	0.050 (0.407)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.461*** (0.829)	3.573*** (0.511)	2.970*** (0.460)						
Электоральная автократия (V-dem)	3.077*** (0.816)	3.396*** (0.487)	3.156*** (0.444)	0.615** (0.283)	-0.178 (0.257)	0.177 (0.208)			
Электоральная демократия (V-dem)	2.102*** (0.789)	2.028*** (0.441)	2.009*** (0.416)	-0.359 (0.383)	-1.545*** (0.312)	-0.970*** (0.262)			
Либеральная демократия (V-dem)				-2.461*** (0.829)	-3.573*** (0.511)	-2.979*** (0.460)			
Война в предыдущие 10 лет X Закрытая автократия (V-dem)	0.413 (0.809)	-1.248* (0.644)	-0.780 (0.567)						
Война в предыдущие 10 лет X Электоральная автократия (V-dem)	-0.081 (0.796)	-1.429** (0.625)	-1.114** (0.557)	-0.493 (0.333)	-0.180 (0.326)	-0.334 (0.255)			
Война в предыдущие 10 лет X Электоральная демократия (V-dem)	0.168 (0.835)	-1.152* (0.639)	-0.931 (0.572)	-0.244 (0.448)	0.097 (0.378)	-0.151 (0.311)			
Война в предыдущие 10 лет X Либеральная демократия (V-dem)				-0.413 (0.809)	1.248* (0.644)	0.780 (0.567)			
Полная автократия (Polity)							0.446 (0.593)	2.828*** (0.578)	1.540*** (0.460)
Частичная автократия (Polity)							0.307 (0.715)	3.805*** (0.625)	2.216*** (0.507)
Фракциональная демократия (Polity)							1.346** (0.627)	1.999*** (0.633)	1.675*** (0.494)
Частичная демократия (Polity)							0.140 (0.605)	1.720*** (0.539)	0.977** (0.446)
Полная демократия (Polity)								-0.446 (0.593)	-2.828*** (0.578)
Война в предыдущие 10 лет X Полная автократия (Polity)							0.330 (0.763)	-0.323 (0.670)	-0.039 (0.588)
Война в предыдущие 10 лет X Частичная автократия (Polity)							0.061 (0.884)	-1.345* (0.717)	-0.853 (0.639)
Война в предыдущие 10 лет X Фракциональная демократия (Polity)							-0.609 (0.811)	-0.247 (0.725)	-0.538 (0.626)
Война в предыдущие 10 лет X Частичная демократия (Polity)							0.716 (0.798)	-0.560 (0.675)	-0.169 (0.601)
Война в предыдущие 10 лет X Полная демократия (Polity)								-0.330 (0.763)	0.323 (0.670)
Кол-во наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-755.860	-996.244	-1,544.928	-755.860	-996.244	-1,544.928	-609.335	-760.360	-1,214.135
Akaike Inf. Crit.	1,991.720	2,472.487	3,569.855	1,991.720	2,472.487	3,569.855	1,676.670	1,978.721	2,886.270

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.

Рисунок 51 - Военные действия в предыдущие 10 лет в режимном контексте

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная - революция								
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-15.872** (7.556)	-4.960 (6.559)	-0.977 (5.286)	-13.714* (7.582)	-1.466 (6.637)	1.617 (5.351)	-26.972*** (8.677)	-6.931 (8.395)	-4.399 (6.439)
ln(Потери на войне)	0.259 (0.215)	-0.186 (0.249)	-0.127 (0.224)	0.235*** (0.037)	-0.154** (0.066)	0.108*** (0.033)	0.243 (0.333)	0.407 (0.289)	0.220*** (0.266)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.038*** (0.009)	-0.048*** (0.010)	-0.051*** (0.007)	-0.038*** (0.009)	-0.048*** (0.010)	-0.051*** (0.007)	-0.043*** (0.011)	-0.060*** (0.012)	-0.056*** (0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.260 (0.217)	-0.088 (0.214)	-0.019 (0.162)	-0.260 (0.217)	-0.088 (0.214)	-0.019 (0.162)	-0.495* (0.255)	-0.383** (0.275)	-0.495* (0.255)
Уровень коррупции	-1.520*** (0.535)	-1.391*** (0.474)	-1.627*** (0.378)	-1.520*** (0.535)	-1.391*** (0.474)	-1.627*** (0.378)	-0.674 (0.588)	-0.496 (0.562)	-0.706 (0.431)
ln(Население)	0.702 (0.474)	-0.121 (0.402)	-0.245 (0.331)	0.702 (0.474)	-0.121 (0.402)	-0.245 (0.331)	1.592*** (0.541)	-0.132 (0.512)	1.592*** (0.400)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	2.158*** (0.793)	3.494*** (0.478)	2.594*** (0.414)						
Электоральная автократия (V-dem)	2.504*** (0.787)	3.229*** (0.451)	2.692*** (0.398)	0.346 (0.236)	-0.265 (0.210)	0.097 (0.168)			
Электоральная демократия (V-dem)	2.080*** (0.755)	1.835*** (0.405)	1.736*** (0.368)	-0.078 (0.310)	-1.659*** (0.265)	-0.858*** (0.214)			
Либеральная демократия (V-dem)				-2.158*** (0.793)	-3.494*** (0.478)	-2.594*** (0.414)			
ln(Потери на войне) X Закрытая автократия (V-dem)	-0.023 (0.218)	0.031 (0.257)	0.235 (0.226)						
ln(Потери на войне) X Электоральная автократия (V-dem)	-0.014 (0.218)	0.049 (0.252)	0.181 (0.225)	0.009 (0.047)	0.018 (0.070)	-0.054 (0.039)			
ln(Потери на войне) X Электоральная демократия (V-dem)	-0.162 (0.221)	0.165 (0.258)	0.135 (0.228)	-0.139** (0.070)	0.134 (0.091)	-0.100* (0.057)			
ln(Потери на войне) X Либеральная демократия (V-dem)				0.023 (0.218)	-0.031 (0.257)	-0.235 (0.226)			
Полная автократия (Polity)							0.292 (0.591)	2.955*** (0.541)	1.415*** (0.425)
Частичная автократия (Polity)							0.164 (0.656)	3.144*** (0.563)	1.693*** (0.451)
Фракционная демократия (Polity)							0.615 (0.611)	2.199*** (0.532)	1.403*** (0.428)
Частичная демократия (Polity)							0.490 (0.579)	1.595*** (0.508)	0.942** (0.409)
Полная демократия (Polity)									-0.292 (0.591)
ln(Потери на войне) X Полная автократия (Polity)							-0.023 (0.335)	-0.610** (0.297)	-0.124 (0.268)
ln(Потери на войне) X Частичная автократия (Polity)							-0.060 (0.342)	-0.409 (0.299)	-0.165 (0.273)
ln(Потери на войне) X Фракционная демократия (Polity)							-0.036 (0.336)	-0.563* (0.296)	-0.204 (0.269)
ln(Потери на войне) X Частичная демократия (Polity)							-0.056 (0.337)	-0.501* (0.298)	-0.176 (0.270)
ln(Потери на войне) X Полная демократия (Polity)									0.023 (0.335)
Кол-во наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-725.458	-990.377	-1,540.430	-725.458	-990.377	-1,540.430	-590.428	-756.324	-1,212.944
Akaike Inf. Crit.	1,930.915	2,460.754	3,560.860	1,930.915	2,460.754	3,560.860	1,638.855	1,970.649	2,883.887

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$
Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 52 - Военные потери в режимном контексте

Несмотря на тот факт, что война является катализатором многих революционных факторов, одновременно с этим во время военных действий происходит патриотический подъём, общая консолидация общества и уход на фронт молодых мужчин, которые являются главной угрозой для стабильности политического режима, что амортизирует риски революционной дестабилизации.

Одновременно с этим по своим долгосрочным последствиям война оказывает дестабилизирующее воздействие на демократии (и тяготеющие к ним анократии) и укрепляет автократии и частичные автократии. Данная переменчивость объясняется тем фактом, что недемократические режимы скрывают правдивую информацию о прошедших военных действиях и ретушируют её при помощи идеализированных исторических концепций, что не позволяет обществу, узнав истинное положение дел, подвергнуться влиянию революционных настроений.

В демократиях же, в условиях свободы слова, неприглядная информация о прошедшей войне просачивается в дискурс, что подогревает недовольство и может вылиться в революционное противостояние с властями. Так гражданские протесты в США, такие как «Occupy Wall Street» проводились индивидами, во многом фрустрированными неприглядными итогами войны в Ираке.

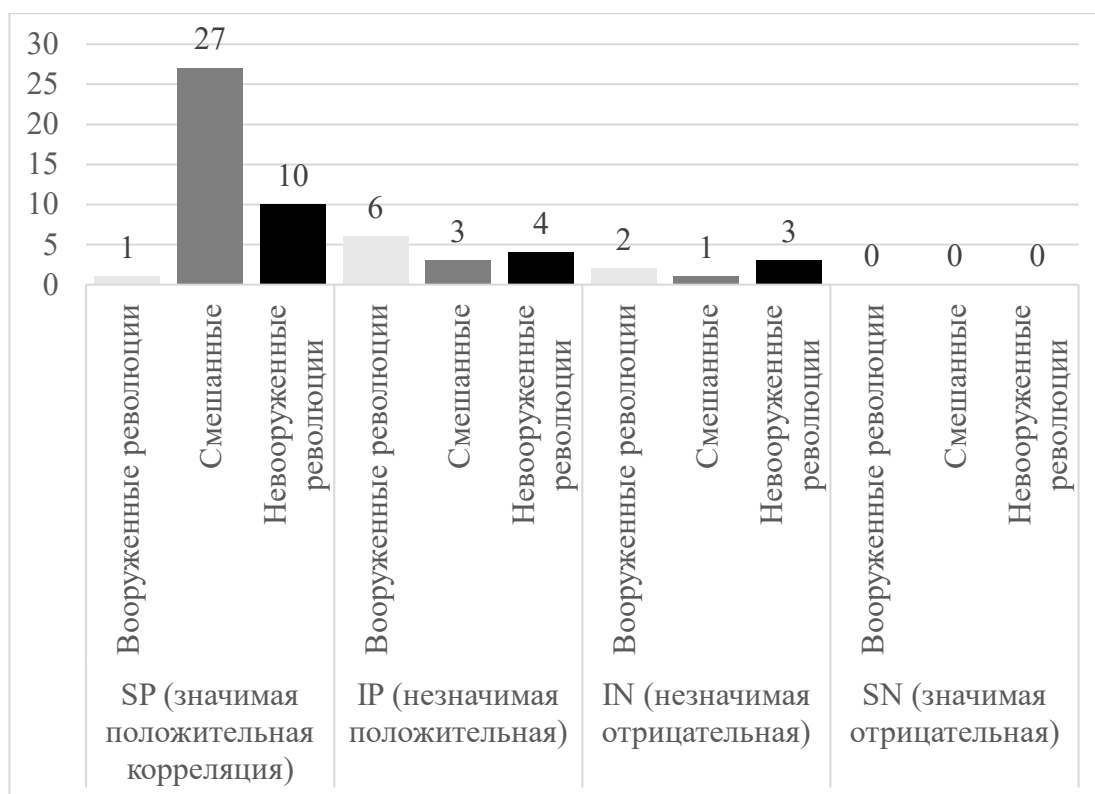
То же самое касается военных потерь – их возрастание укрепляет автократии и анократии (в анократиях в отдельных случаях рост военных потерь может привести к невооружённым революциям – рисунок 52) так как уменьшается страта молодых мужчин, которые являются наиболее революционной социальной стратой. В демократиях же информация о росте военных потерь может вызвать резкий всплеск недовольства и гнева, которые, в свою очередь, аккумулируются революционными движениями.

Помимо внутренних факторов возникновения революций, современная политическая наука признает также важность факторов транснациональных, самым значимым из которых является так называемая революционная

диффузия (эффект революционных волн). Согласно теории революционных волн, революционные процессы могут выходить за национальные границы, повышая риск революционной дестабилизации в соседних странах. Распространение революционной волны связано, в частности, с рядом побочных эффектов революций, таких как снижение контроля над потоком оружия, экономический спад (который, возникнув в одном государстве, в условиях глобализации может затронуть целый регион или даже весь мир), экспансия новых революционных идеологий и так далее. Кроме того, успешные революции обеспечивают диссидентские группы (или политических радикалов в случае вооруженных акций) информацией о технологиях вовлечения людей в революционную борьбу, уязвимых местах тех или иных политических режимов и эффективной стратегии развертывания революционных действий. Наконец, революции в соседних странах воодушевляют недовольных и внушают им веру в собственные силы, что тоже повышает вероятность массовых выступлений [1113, с. 1128-1129; 118, с. 3; 191; 192].

Примерами революционных волн являются «Весна народов» в Европе в 1848-1849 гг., череда коммунистических революций после 1917 г., падение социалистического лагеря в 1989 г. (в англоязычной политологии данная революционная волна именуется «Осень народов»), Арабская весна и тому подобное.

Фактор революционной диффузии рассматривался в восьми количественных исследованиях [30; 36; 45; 70; 97; 104; 128; 129]. Итоги этих исследований отражены на рис. 53. Статистический анализ фактора диффузии в целом подтверждает теорию революционных волн. Большинство эмпирических тестов показывает значимое положительное влияние, однако некоторая асимметрия так или иначе присутствует, вследствие чего необходимо рассмотрение данного фактора в режимном контексте.

Источник: составлено автором.

Рисунок 53 - Количество моделей с рассмотрением фактора диффузии зависимости от типа зависимой переменной

Под революционной диффузией понималось наличие революции в этот год в том же самом макрорегионе - Европа, Азия, Латинская Америка, Северная Америка, Африка, Океания – рисунок 54.

Как следует из результатов количественного анализа, наличие революций в том же регионе запускает процессы «цепной реакции» в автократиях и переходных режимах, демократии же остаются резистентны к опыту и практикам «соседей». Объяснение этого феномена заключается в характеристиках информационной среды, которая создаётся в недемократических системах. Находясь в условиях «информационного вакуума», индивиды преисполняются уверенности в нерушимости государства и его институтов. Когда же в соседних государствах разворачиваются события, прямо опровергающие данный постулат, это возникает диссонанс и приводит к легитимизации всех остальных идеологических конструкций, что создаёт ценностный кризис, на базе которого может развиваться революционное движение.

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная - революция																	
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-15.340** (7.524)	-7.608 (6.575)	-0.466 (5.317)	-12.342* (7.482)	-5.948 (6.668)	1.357 (5.379)	-24.055*** (8.631)	-4.403 (8.382)	-2.369 (6.522)	-23.827*** (8.621)	-2.469 (8.483)	-1.344 (6.569)						
Революция в других странах региона	0.381 (0.673)	-0.886* (0.455)	-0.678 (0.441)	0.087 (0.416)	1.094** (0.513)	0.645* (0.357)	-0.811 (0.545)	-0.526 (0.522)	-0.694 (0.450)	-0.297 (0.397)	0.748 (0.494)	0.178 (0.345)						
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.053*** (0.008)	-0.039*** (0.010)	-0.055*** (0.007)	-0.053*** (0.008)	-0.039*** (0.010)	-0.055*** (0.007)	-0.055*** (0.011)	-0.053*** (0.012)	-0.060*** (0.009)	-0.055*** (0.011)	-0.053*** (0.012)	-0.060*** (0.009)						
ln(ВВП на душу населения)	-0.434** (0.208)	0.001 (0.212)	-0.083 (0.160)	-0.434** (0.208)	0.001 (0.212)	-0.083 (0.160)	-0.554** (0.245)	-0.617** (0.270)	-0.435** (0.194)	-0.554** (0.245)	-0.617** (0.270)	-0.435** (0.194)						
Уровень коррупции	-1.271** (0.516)	-1.501*** (0.472)	-1.655*** (0.377)	-1.271** (0.516)	-1.501*** (0.472)	-1.655*** (0.377)	-0.353 (0.566)	-0.731 (0.559)	-0.679 (0.428)	-0.353 (0.566)	-0.731 (0.559)	-0.679 (0.428)						
ln(Население)	0.687 (0.466)	0.041 (0.399)	-0.240 (0.330)	0.687 (0.466)	0.041 (0.399)	-0.240 (0.330)	1.498*** (0.535)	-0.250 (0.508)	-0.047 (0.402)	1.498*** (0.535)	-0.250 (0.508)	-0.047 (0.402)						
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да						
Закрытая автократия (V-dem)	2.998*** (0.987)	1.659** (0.719)	1.823*** (0.596)															
Электоральная автократия (V-dem)	3.369*** (0.970)	1.860*** (0.612)	2.057*** (0.551)	0.371 (0.472)	0.201 (0.568)	0.235 (0.400)												
Электоральная демократия (V-dem)	2.268** (0.955)	0.620 (0.592)	0.873 (0.540)	-0.730 (0.567)	-1.039* (0.608)	-0.950** (0.454)												
Либеральная демократия (V-dem)				-2.998*** (0.987)	-1.659** (0.719)	-1.823*** (0.596)												
Революция в других странах региона X Закрытая автократия (V-dem)	-0.295 (0.786)	1.980*** (0.677)	1.323** (0.563)															
Революция в других странах региона X Электоральная автократия (V-dem)	-0.382 (0.755)	1.438*** (0.557)	1.033** (0.490)	-0.088 (0.490)	-0.542 (0.585)	-0.290 (0.415)												
Революция в других странах региона X Электоральная демократия (V-dem)	-0.011 (0.798)	1.474*** (0.565)	1.205** (0.526)	0.284 (0.590)	-0.506 (0.616)	-0.118 (0.465)												
Революция в других странах региона X Либеральная демократия (V-dem)				0.295 (0.786)	-1.980*** (0.677)	-1.323** (0.563)												
Полная автократия (Polity)							0.228 (0.719)	1.933*** (0.741)	1.025* (0.569)									
Частичная автократия (Polity)							-0.470 (0.941)	2.712*** (0.782)	1.050 (0.668)	-0.698 (0.783)	0.779 (0.690)	0.025 (0.569)						
Фракциональная демократия (Polity)							0.325 (0.788)	1.277* (0.717)	0.763 (0.591)	0.097 (0.620)	-0.656 (0.688)	-0.261 (0.502)						
Частичная демократия (Polity)							-0.667 (0.801)	1.272* (0.665)	0.309 (0.561)	-0.894 (0.660)	-0.662 (0.607)	-0.715 (0.467)						
Полная демократия (Polity)										-0.228 (0.719)	-1.933*** (0.741)	-1.025* (0.569)						
Революция в других странах региона X Полная автократия (Polity)							0.514 (0.673)	1.274* (0.714)	0.873 (0.565)									
Революция в других странах региона X Частичная автократия (Polity)							0.940 (0.933)	0.856 (0.773)	1.036 (0.686)	0.426 (0.824)	-0.418 (0.721)	0.164 (0.596)						
Революция в других странах региона X Фракциональная демократия (Polity)							0.656 (0.755)	1.254* (0.710)	0.946 (0.593)	0.142 (0.635)	-0.020 (0.699)	0.074 (0.514)						
Революция в других странах региона X Частичная демократия (Polity)							1.523* (0.777)	0.657 (0.631)	0.989* (0.557)	1.009 (0.668)	-0.617 (0.605)	0.117 (0.472)						
Революция в других странах региона X Полная демократия (Polity)										-0.514 (0.673)	-1.274* (0.714)	-0.873 (0.565)						
Кол-во наблюдений	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	8,889	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271						
Log Likelihood	-756.450	-992.598	-1,542.641	-756.450	-992.598	-1,542.641	-611.444	-760.977	-1,216.004	-611.444	-760.977	-1,216.004						
Akaike Inf. Crit.	1,992.900	2,465.195	3,565.282	1,992.900	2,465.195	3,565.282	1,680.889	1,979.954	2,890.008	1,680.889	1,979.954	2,890.008						

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 54 - Диффузия в режимном контексте

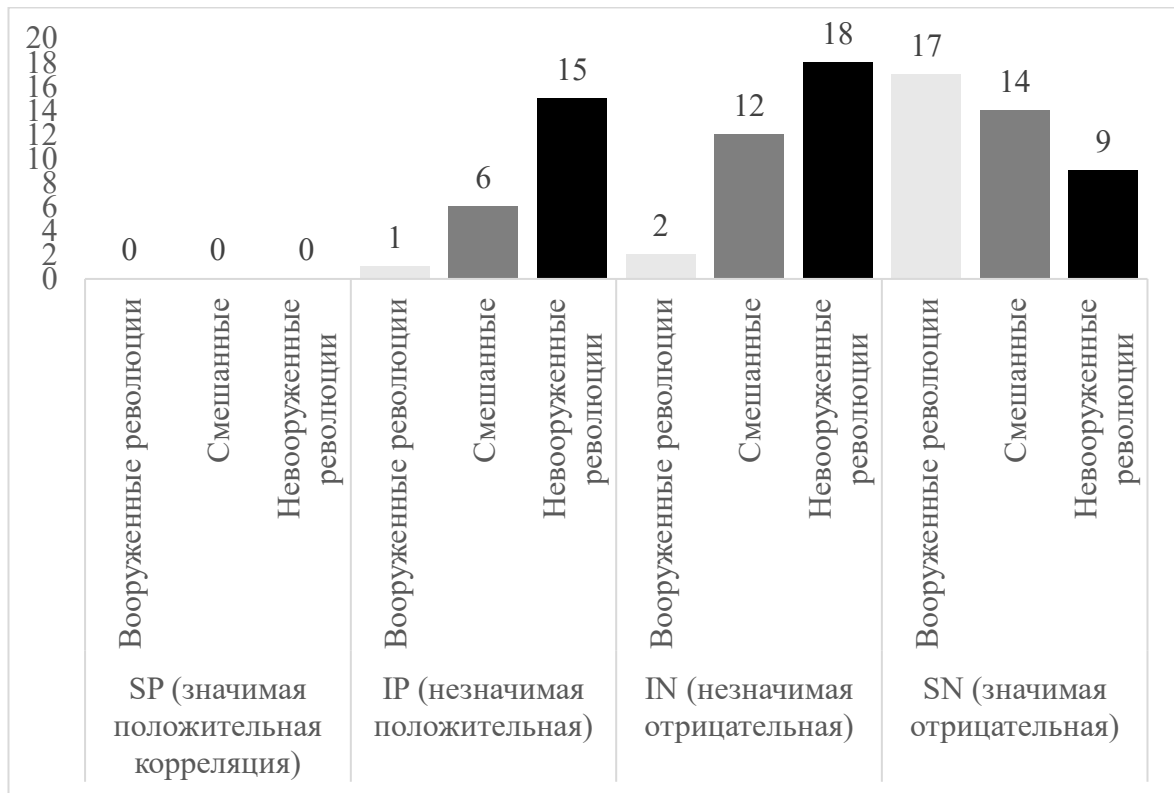
Помимо этого, революции в соседних государствах дают примеры успешных практик и технологий свержения правительства, которые, уже будучи апробированы, могут поступить на вооружение самых разных революционных группировок.

Индивиды в демократиях, наблюдая за революциями в соседних государствах, концентрируют своё мнение не столько на «заманчивости» примера, вызывающего желание повторить подобное в своём государстве, сколько на потенциальном ущербе и разрушениях, которые могут принести революции в их жизнь. Соответственно, вместо всплеска мотивации и обострения чувства несправедливости, в демократиях на первый план выходит оценка потенциального ущерба от революционных действий, который в глазах общества при условии демократических свобод и приносимых ими экономических благ оказывается далеко не так оправдан, как в автократиях и анократиях.

В чем-то похожим на диффузию фактором революционной дестабилизации является революционная инерция. Согласно соответствующим концепциям, в стране, где в недавнем прошлом уже была революция, вероятность возникновения аналогичных событий повышается. Опыт революций помогает обществу преодолевать «фальсификацию предпочтений», страх перед репрессиями и прочие психологические барьеры, удерживающие индивидов от участия в массовых акциях протеста [45, с. 11-15].

«Хрестоматийными» примерами революционной инерции является эскалация революционных практик во время Великой Французской революции (от жирондистов к якобинскому террору, термидорианскому перевороту и «перевороту 18 брюмера»), последующая череда революций во Франции в XIX в. и революции в Российской Империи: от революции 1905 года к февральской и октябрьской революциям.

Фактор революционной инерции рассматривался в восьми количественных исследованиях [26; 30; 45; 68; 74; 104; 128; 129]. Агрегация этих исследований отражена на рисунке 55.

Источник: составлено автором.

Рисунок 55 - Количество моделей с рассмотрением фактора диффузии зависимости от типа зависимой переменной

Эмпирические тесты подтверждают: чем дольше политический режим не подвергался революционным изменениям (то есть чем выше его стабильность - переменная «стабильность» включает в себя как отсутствие революционных акций в прошлом, так и время, в течение которого политический режим оставался неизменным), тем менее вероятно возникновение революционных ситуаций. Соответственно, подтверждается и эффект инерции - наличие революции в прошлом повышает вероятность ее возникновения в будущем.

В то же время значительная доля моделей показывает незначимые результаты, что обосновывает рассмотрение данного фактора в режимном контексте - рисунок 56. Операционализация инерции производилась при помощи индекса длительности режима (*Regime duration*) V-Dem [77].

Rare Event Logistic Regression Model

Зависимая переменная - революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-10.194 (7.754)	-1.564 (7.294)	4.604 (5.734)	-9.578 (7.537)	1.444 (6.751)	6.197 (5.471)	-19.883** (8.763)	-0.989 (8.537)	1.256 (6.666)	-21.823** (8.638)	1.155 (8.368)	0.709 (6.571)
ln(Длительность режима)	-0.389*** (0.144)	-0.121 (0.220)	-0.242* (0.136)	-0.135*** (0.036)	-0.140*** (0.038)	-0.147*** (0.029)	-0.397*** (0.119)	-0.164 (0.170)	-0.334*** (0.101)	-0.095** (0.040)	-0.106** (0.042)	-0.099*** (0.032)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.044*** (0.009)	-0.035*** (0.010)	-0.048*** (0.007)	-0.044*** (0.009)	-0.035*** (0.010)	-0.048*** (0.007)	-0.051*** (0.011)	-0.049*** (0.012)	-0.055*** (0.009)	-0.051*** (0.011)	-0.049*** (0.012)	-0.055*** (0.009)
ln(ВВП на душу населения)	-0.366* (0.210)	-0.036 (0.215)	-0.065 (0.162)	-0.366* (0.210)	-0.036 (0.215)	-0.065 (0.162)	-0.548** (0.247)	-0.511* (0.272)	-0.385** (0.195)	-0.548** (0.247)	-0.511* (0.272)	-0.385** (0.195)
Уровень коррупции	-0.918* (0.523)	-0.998** (0.475)	-1.247*** (0.382)	-0.918* (0.523)	-0.998** (0.475)	-1.247*** (0.382)	-0.189 (0.568)	-0.508 (0.553)	-0.523 (0.428)	-0.189 (0.568)	-0.508 (0.553)	-0.523 (0.428)
ln(Население)	0.545 (0.472)	-0.334 (0.411)	-0.476 (0.340)	0.545 (0.472)	-0.334 (0.411)	-0.476 (0.340)	1.406*** (0.537)	-0.392 (0.504)	-0.120 (0.404)	1.406*** (0.537)	-0.392 (0.504)	-0.120 (0.404)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	0.617 (1.354)	3.008 (1.971)	1.594 (1.219)									
Электоральная автократия (V-dem)	0.696 (1.347)	2.556 (1.962)	1.365 (1.211)	0.079 (0.317)	-0.453 (0.329)	-0.229 (0.253)						
Электоральная демократия (V-dem)	-0.077 (1.412)	1.609 (1.991)	0.347 (1.248)	-0.693 (0.591)	-1.399*** (0.520)	-1.247*** (0.440)						
Либеральная демократия (V-dem)				-0.617 (1.354)	-3.008 (1.971)	-1.594 (1.219)						
ln(Длительность режима) X Закрытая автократия (V-dem)	0.254* (0.148)	-0.019 (0.224)	0.095 (0.140)									
ln(Длительность режима) X Электоральная автократия (V-dem)	0.293** (0.147)	0.013 (0.222)	0.134 (0.138)	0.039 (0.046)	0.032 (0.047)	0.039 (0.037)						
ln(Длительность режима) X Электоральная демократия (V-dem)	0.311** (0.157)	0.001 (0.224)	0.153 (0.142)	0.057 (0.078)	0.020 (0.067)	0.059 (0.057)						
ln(Длительность режима) X Либеральная демократия (V-dem)				-0.254* (0.148)	0.019 (0.224)	-0.095 (0.140)						
Полная автократия (Polity)							-1.940* (1.079)	2.144 (1.554)	-0.547 (0.922)			
Частичная автократия (Polity)							-1.811 (1.135)	2.725* (1.578)	0.031 (0.954)	0.129 (0.533)	0.581 (0.507)	0.578 (0.404)
Фракциональная демократия (Polity)							-1.937* (1.114)	0.746 (1.592)	-1.233 (0.951)	0.003 (0.479)	-1.398** (0.548)	-0.685* (0.394)
Частичная демократия (Polity)							-2.487** (1.145)	1.638 (1.560)	-0.977 (0.943)	-0.547 (0.577)	-0.506 (0.482)	-0.430 (0.404)
Полная демократия (Polity)										1.940* (1.079)	-2.144 (1.554)	0.547 (0.922)
ln(Длительность режима) X Полная автократия (Polity)							0.301** (0.126)	0.058 (0.176)	0.235** (0.106)			
ln(Длительность режима) X Частичная автократия (Polity)							0.220 (0.135)	0.033 (0.179)	0.171 (0.111)	-0.081 (0.074)	-0.026 (0.067)	-0.064 (0.054)
ln(Длительность режима) X Фракциональная демократия (Polity)							0.332** (0.130)	0.164 (0.178)	0.309*** (0.108)	0.031 (0.068)	0.105 (0.074)	0.073 (0.055)
ln(Длительность режима) X Частичная демократия (Polity)							0.381*** (0.134)	-0.031 (0.175)	0.215** (0.108)	0.079 (0.076)	-0.090 (0.064)	-0.020 (0.054)
ln(Длительность режима) X Полная демократия (Polity)										-0.301** (0.126)	-0.058 (0.176)	-0.235** (0.106)
Кол-во наблюдений	8,879	8,879	8,879	8,879	8,879	8,879	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271	7,271
Log Likelihood	-744.931	-982.911	-1,520.703	-744.931	-982.911	-1,520.703	-603.310	-752.884	-1,200.998	-603.310	-752.884	-1,200.998
Akaike Inf. Crit.	1,969.861	2,445.823	3,521.406	1,969.861	2,445.823	3,521.406	1,664.619	1,963.769	2,859.997	1,664.619	1,963.769	2,859.997

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 56 - Инерция в режимном контексте

Как наблюдается из итогов количественной модели, чем дольше существуют недемократические режимы (автократии и анократии), тем они более подвержены революциям, демократии с течением времени укрепляются. Данные выводы полностью укладываются в концепцию исторического фактора в этих режимах – поддержание недемократических институтов требует постоянной кооперации и усилий элит по поддержанию порядка, амортизации инакомыслия и поддержанию лояльного отношения со стороны общества. В то время как демократии хотя и могут быть нестабильными на начальных этапах своего становления – с течением времени укрепляются так как у граждан происходит накопление политического опыта, повышается политическая культура, демократическая осведомлённость, появляется привычка к компромиссу и умеренности. Именно поэтому «старые» или «консолидированные» демократии являются одними из наиболее стабильных среди всех государств мира, где даже в условиях суровых исторических испытаний или социально-экономических кризисов редко происходят революционные события. Главным примером такой стабильной политики является Великобритания, где традиции демократического участия и парламентаризма настолько укоренены, что последней полноценной революцией там была Славная Революция 1668 года.

Таким образом, политические факторы революционной дестабилизации, точно также как экономические и социальные демонстрируют существенную переменчивость, в зависимости от типа политического режима.

Демократические режимы стабилизируются на больших территориях (даже при наличии гор или пустынь), если они не слишком расположены к ведению исключительного сельского хозяйства, которое тормозит демократическое развитие (в отличие от промышленности, сосредоточенной в городах), когда население не слишком «счастливо» и не преисполнено вследствие этого чрезмерных амбиций, выражающихся в перепроизводстве элит, при низкой коррупции, регулярных открытых выборах, отсутствии войн и вызванных ими военных потерь. Со временем демократии укрепляются.

Также демократии ригидны к проявлениям политического насилия и революциям в соседних государствах

Переходные режимные типы разрушаются на больших территориях, особенно если они покрыты гористой местностью или пустынями, при нехватке плодородных земель, высоких уровнях счастья населения, отсутствии привилегий у элит, высоком качестве оказания государственных услуг, которые помогают сформироваться среднему классу, выдвигающему политические требования, отсутствии образа «врага», эскалации политического насилия, в год выборов, наличии революций в соседних государствах. Со временем анократии склонны разрушаться и ригидны к войнам и военным потерям.

Автократии практически идентично разрушаются на больших территориях, особенно если они покрыты гористой местностью с нехваткой плодородных земель, при низких уровнях счастья населения, отсутствии привилегий у элит, отсутствии образа «врага», эскалации политического насилия, в год выборов, наличии революций в соседних государствах, со временем склонны разрушаются и ригидны к войнам и военным потерям.

Суммируя, полученные результаты, демократии являются более робастными в том, что касается географических факторов, регулярных политически процедур (таких как выборы) и революционных волн. Однако уязвимы к экстремальным проявлениям политического процесса – войнам, поляризации и требуют постоянных усилий по своему сохранению. Недемократические режимы больше зависимы от географии, мир-системных процессов, степени эскалации при проведении электоральных процедур, и природных ресурсов, однако укрепляются, если обеспечивают базовые потребности общества, помимо этого способны выдерживать военное давление и даже оборачивать его себе на пользу, создавая по итогу прошедших войн консолидирующие общество политические мифы, в то время как демократии по итогам войн и военных конфликтах склонны к развитию ценностных кризисов.

2.4 Цифровые факторы революционной дестабилизации

Среди цифровых предикторов революционной дестабилизации одним из наиболее важных является уровень развития коммуникационных технологий. Новые средства массовой коммуникации, в первую очередь, интернет оказали значительное влияние как на политические процессы в целом, так и на революции в частности. Так, развитие интернета позволило выйти на политическую сцену новым лидерам и даже поспособствовало зарождению новых политических движений и объединений, развивающихся и наращивающих аудиторию независимо от «традиционных» средств коммуникации таких как телевидение, газеты и радио. Одновременно с этим информационные технологии повысили информированность широких масс населения о происходящих политических процессах и/или злоупотреблениях, что расширяет перечень сочувствующих революционным движениям.

IT-технологии ускорили передачу сообщений и облегчили политическую агитацию для всех политических акторов, включая революционные объединения. Также информационные технологии позволяют создавать и поддерживать в автономном виде разветвлённые и практически неподконтрольные сетевые структуры, что облегчает не только агитацию и кооптацию в революционные ячейки, но и координацию их действий. Тем самым интернет увеличил плотность информационных потоков, проходящих через общество, и облегчил для революционных лидеров возможности коммуницировать со своими сторонниками, доносить до общества свою точку зрения и координировать действия своих последователей [151, с. 144]. Неспроста некоторые политологи связывали развитие социальных сетей и «цунами революций», развернувшихся в XXI [111, с. 97].

Одновременно с этим необходимо упомянуть, что государства также включаются в эту гонку и стараются как перехватывать контроль за интернет-коммуникациями, так и использовать их в своих целях, в первую очередь, для слежки за оппонентами [56, с. 428]. Данный фактор, в силу своей новизны

слабо представлен в количественных работах, что обосновывает необходимость проверки его влияния в рамках текущего исследования, представленной на рисунке 57.

Количественные данные предоставлены Международным союзом электросвязи (*International Telecommunication Union - ITU*) в виде доли домохозяйств с подключённым интернетом [125]. Результаты количественной оценки фактора распространения новых информационных технологий могут показаться контринтуитивными – демократии (и близкие к ним анократии) под их влиянием разрушаются, а автократии (и тяготеющие к ним переходные режимы), наоборот, стабилизируются. Однако более подробный взгляд на характер интернет-коммуникаций в разных режимных типах объясняет это противоречие. В автократиях интернет жёстко цензурируется, а его пользователи находятся под бдительным присмотром правоохранительных органов. Соответственно, любые попытки построения параллельных политических структур в интернете жёстко пресекаются, а их участники выявляются и нейтрализуются, так как анонимность интернет-пользователи авторитарных государств также минимальна. Помимо этого, пользование интернетом в тоталитарных государствах может представляться в виде «поощрения» для избранных, что также способствует укреплению режима.

В анократиях, в свою очередь, государственный контроль за интернетом значительно ослабевает, что позволяет недовольным при помощи новых технологий аккумулировать информационный ресурсы, привлекать сторонников, расширять агитацию и производить прочие мероприятия по построению широкой протестной коалиции, которая, в критический момент способна совершить революцию.

Логистическая регрессия для редких событий

Зависимая переменная — революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-42.257 (26.530)	-2.712 (19.430)	-17.461 (18.388)	-42.395 (26.192)	0.371 (19.220)	-14.589 (18.178)	-49.029 (34.559)	-35.567 (28.357)	-54.435** (27.584)	-49.331 (34.101)	-27.413 (27.778)	-47.532* (26.979)
Доступ к интернету в домохозяйствах	-0.015 (0.015)	0.028** (0.013)	0.026* (0.013)	-0.020 (0.016)	0.0004 (0.010)	-0.010 (0.010)	-0.019 (0.019)	0.020 (0.017)	0.023 (0.017)	-0.019 (0.015)	-0.020 (0.012)	-0.023** (0.012)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.060*** (0.020)	-0.039** (0.018)	-0.057*** (0.017)	-0.060*** (0.020)	-0.039** (0.018)	-0.057*** (0.017)	-0.038 (0.032)	-0.098*** (0.027)	-0.101*** (0.026)	-0.038 (0.032)	-0.098*** (0.027)	-0.101*** (0.026)
Логарифм ВВП на душу населения	1.762*** (0.668)	-0.385 (0.501)	0.215 (0.475)	1.762*** (0.668)	-0.385 (0.501)	0.215 (0.475)	1.921 (1.249)	0.889 (0.987)	1.466 (0.966)	1.921 (1.249)	0.889 (0.987)	1.466 (0.966)
Уровень коррупции	-2.137 (1.560)	-0.395 (0.979)	-0.735 (0.949)	-2.137 (1.560)	-0.395 (0.979)	-0.735 (0.949)	3.666* (2.067)	2.262* (1.317)	2.593** (1.277)	3.666* (2.067)	2.262* (1.317)	2.593** (1.277)
Логарифм населения	2.384 (1.552)	-0.112 (1.134)	0.818 (1.074)	2.384 (1.552)	-0.112 (1.134)	0.818 (1.074)	2.678 (2.014)	1.402 (1.630)	2.632* (1.587)	2.678 (2.014)	1.402 (1.630)	2.632* (1.587)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	-0.137 (1.404)	3.083*** (1.018)	2.872*** (1.014)									
Электоральная автократия (V-dem)	1.653 (1.104)	3.081*** (0.937)	3.344*** (0.936)	1.790* (0.941)	-0.002 (0.485)	0.473 (0.469)						
Электоральная демократия (V-dem)	0.714 (1.050)	1.297 (0.906)	1.672* (0.909)	0.851 (0.968)	-1.786*** (0.569)	-1.200** (0.525)						
Либеральная демократия (V-dem)				0.137 (1.404)	-3.083*** (1.018)	-2.872*** (1.014)						
Доступ к интернету × Закрытая автократия (V-dem)	-0.005 (0.020)	-0.028* (0.015)	-0.035** (0.015)									
Доступ к интернету × Электоральная автократия (V-dem)	-0.006 (0.014)	-0.030** (0.012)	-0.035*** (0.012)	-0.001 (0.017)	-0.003 (0.011)	0.001 (0.010)						
Доступ к интернету × Электоральная демократия (V-dem)	-0.004 (0.014)	-0.005 (0.012)	-0.009 (0.012)	0.001 (0.018)	0.022** (0.011)	0.026** (0.011)						
Доступ к интернету × Либеральная демократия (V-dem)				0.005 (0.020)	0.028* (0.015)	0.035** (0.015)						
Полная автократия (Polity)							-0.302 (1.706)	8.154*** (2.240)	6.904*** (2.052)			
Частичная автократия (Polity)							-1.532 (1.644)	7.740*** (2.187)	6.373*** (1.995)	-1.230 (0.994)	-0.414 (0.651)	-0.531 (0.632)
Фракционная демократия (Polity)							0.155 (1.562)	7.603*** (2.216)	6.658*** (2.008)	0.456 (0.918)	-0.552 (0.676)	-0.245 (0.645)
Частичная демократия (Polity)							0.499 (1.476)	7.081*** (2.169)	6.399*** (1.974)	0.800 (0.910)	-1.074 (0.681)	-0.504 (0.642)
Полная демократия (Polity)										0.302 (1.706)	-8.154*** (2.240)	-6.904*** (2.052)
Доступ к интернету × Полная автократия (Polity)							0.0001 (0.021)	-0.040** (0.018)	-0.046** (0.018)			
Доступ к интернету × Частичная автократия (Polity)							-0.001 (0.029)	-0.025 (0.024)	-0.033 (0.024)	-0.002 (0.026)	0.015 (0.020)	0.013 (0.021)
Доступ к интернету × Фракционная демократия (Polity)							0.007 (0.020)	-0.075*** (0.022)	-0.064*** (0.019)	0.006 (0.019)	-0.035* (0.020)	-0.018 (0.016)
Доступ к интернету × Частичная демократия (Polity)							-0.009 (0.019)	-0.001 (0.016)	-0.009 (0.016)	-0.009 (0.019)	0.039*** (0.014)	0.037*** (0.014)
Доступ к интернету × Полная демократия (Polity)										-0.0001 (0.021)	0.040** (0.018)	0.046** (0.018)
Количество наблюдений	3,149	3,149	3,149	3,149	3,149	3,149	2,399	2,399	2,399	2,399	2,399	2,399
Log Likelihood	-201.406	-478.036	-562.560	-201.406	-478.036	-562.560	-161.107	-347.697	-409.906	-161.107	-347.697	-409.906
Akaike Inf. Crit.	800.813	1,354.073	1,523.120	800.813	1,354.073	1,523.120	696.213	1,069.394	1,193.812	696.213	1,069.394	1,193.812

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 57 - Пользование интернетом в режимном контексте

Демократические системы предоставляют интернет-пользователям полную свободу, что может негативно сказаться на их стабильности, так как в результате этого формируются так называемые «эхо-камеры» или «информационные пузыри» - группы пользователей, потребляющих одинаковую информацию из одних и тех же идеологизированных и предвзятых источников, что способствует росту политической поляризации и редуцированию политического диалога. Данным тенденциями начинают следовать политические лидеры, которые для снискания популярности ожесточают свою риторику и отказывают своим оппонентам в легитимности их политических запросов и ожиданий. В совокупности эти процессы также превращают политику в демократических государствах в «игру с нулевой суммой», что негативно влияет на их стабильность и подвергает риску революционной дестабилизации [210].

Следующим немаловажным цифровым фактором революций является степень доверия интернету в обществе. Практически повсеместное распространение интернета позволяет каждому пользователю транслировать свою позицию и расширять круг последователей. Подобного рода сетевые «инфлюенсеры» могут проявлять себя в самых разных аспектах – как конструктивных, так и дестабилизирующих общество. Соответственно, в государствах, где фиксируется высокая степень доверия интернету вероятность революции повышается так как указанное доверие может быть использовано для канализации недовольства и форсирования центробежных процессов.

Уровень доверия интернету операционализировался посредством прокси-метрики World Values Survey (*Q206 - Informational source: internet* - в случае если индивид использует интернет, как основной источник информации, соответственно, можно говорить о высокой степени доверия полученным там сведениям) [205]. Ввиду новизны данного фактора он не рассматривался в количественных исследованиях в прошлом. Результаты статистического анализа представлены на рисунке 58.

Rare Event Logistic Regression Model

Зависимая переменная — революция												
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-55.419 (88.874)	24.432 (70.425)	29.630 (67.585)	-48.281 (87.869)	37.185 (69.862)	44.869 (67.047)	42.959 (131.871)	11.832 (137.129)	59.144 (130.862)	46.404 (130.098)	20.276 (135.976)	67.701 (129.629)
Доверие к интернету	0.535 (1.339)	4.166** (2.001)	4.974** (2.074)	-2.271 (1.572)	0.339 (0.827)	0.213 (0.813)	0.442 (1.677)	1.767 (1.720)	1.542 (1.736)	0.082 (0.921)	0.394 (0.930)	0.384 (0.923)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.016 (0.021)	0.015 (0.023)	-0.014 (0.020)	-0.016 (0.021)	0.015 (0.023)	-0.014 (0.020)	-0.086 (0.069)	0.045 (0.070)	-0.040 (0.062)	-0.086 (0.069)	0.045 (0.070)	-0.040 (0.062)
ln(ВВП на душу населения)	-0.846 (1.121)	-0.613 (0.818)	-0.756 (0.805)	-0.846 (1.121)	-0.613 (0.818)	-0.756 (0.805)	2.542 (4.636)	7.351 (4.877)	7.314 (4.685)	2.542 (4.636)	7.351 (4.877)	7.314 (4.685)
Уровень коррупции	-7.540** (3.571)	-0.370 (2.242)	-1.300 (2.177)	-7.540** (3.571)	-0.370 (2.242)	-1.300 (2.177)	-2.845 (4.417)	-2.545 (3.826)	-3.256 (3.819)	-2.845 (4.417)	-2.545 (3.826)	-3.256 (3.819)
ln(Население)	3.275 (5.105)	-2.141 (4.026)	-2.524 (3.868)	3.275 (5.105)	-2.141 (4.026)	-2.524 (3.868)	-3.225 (7.338)	-2.502 (7.609)	-5.213 (7.270)	-3.225 (7.338)	-2.502 (7.609)	-5.213 (7.270)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрытая автократия (V-dem)	7.138* (4.264)	12.753** (5.704)	15.239*** (5.846)									
Электоральная автократия (V-dem)	5.771 (3.658)	10.787** (5.437)	13.721** (5.636)	-1.367 (2.284)	-1.966 (1.821)	-1.518 (1.668)						
Электоральная демократия (V-dem)	1.442 (3.411)	7.799 (5.388)	9.838* (5.615)	-5.696* (3.127)	-4.954* (2.562)	-5.401** (2.399)						
Либеральная демократия (V-dem)				-7.138* (4.264)	-12.753** (5.704)	-15.239*** (5.846)						
Доверие к интернету × Закрытая автократия (V-dem)	-2.806 (1.791)	-3.827* (1.978)	-4.761** (2.031)									
Доверие к интернету × Электоральная автократия (V-dem)	-1.701 (1.358)	-3.039 (1.874)	-4.003** (1.940)	1.105 (1.375)	0.788 (0.794)	0.758 (0.766)						
Доверие к интернету × Электоральная демократия (V-dem)	-0.381 (1.221)	-2.076 (1.853)	-2.759 (1.925)	2.425 (1.606)	1.751 (1.068)	2.002* (1.047)						
Доверие к интернету × Либеральная демократия (V-dem)				2.806 (1.791)	3.827* (1.978)	4.761** (2.031)						
Полная автократия (Polity)							3.444 (6.575)	8.444 (6.137)	8.557 (6.304)			
Частичная автократия (Polity)							2.008 (7.502)	7.646 (6.766)	7.159 (6.997)	-1.436 (3.650)	-0.798 (2.864)	-1.398 (2.958)
Фракционная демократия (Polity)							5.273 (6.572)	6.961 (6.162)	8.372 (6.449)	1.829 (2.573)	-1.483 (2.427)	-0.186 (2.430)
Частичная демократия (Polity)							3.585 (6.209)	6.628 (5.957)	6.861 (6.037)	0.141 (3.554)	-1.815 (3.276)	-1.696 (3.229)
Полная демократия (Polity)										-3.444 (6.575)	-8.444 (6.137)	-8.557 (6.304)
Доверие к интернету × Полная автократия (Polity)							-0.360 (1.758)	-1.373 (1.775)	-1.159 (1.798)			
Доверие к интернету × Частичная автократия (Polity)							1.838 (3.765)	1.081 (3.636)	1.897 (3.700)	2.198 (3.325)	2.454 (3.119)	3.055 (3.174)
Доверие к интернету × Фракционная демократия (Polity)							-1.236 (1.885)	-1.400 (1.851)	-1.753 (1.944)	-0.876 (1.336)	-0.027 (1.239)	-0.594 (1.324)
Доверие к интернету × Частичная демократия (Polity)							-0.383 (1.790)	-0.776 (1.846)	-0.562 (1.858)	-0.024 (1.203)	0.597 (1.219)	0.596 (1.200)
Доверие к интернету × Полная демократия (Polity)										0.360 (1.758)	1.373 (1.775)	1.159 (1.798)
Кол-во наблюдений	553	553	553	553	553	553	367	367	367	367	367	367
Log Likelihood	-56.021	-126.071	-141.794	-56.021	-126.071	-141.794	-45.098	-73.112	-78.303	-45.098	-73.112	-78.303
Akaike Inf. Crit.	298.042	438.142	469.588	298.042	438.142	469.588	272.195	328.223	338.606	272.195	328.223	338.606

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 58 - Доверие интернету в режимном контексте

Как мы видим высокая степень доверия интернету увеличивает риски революционной дестабилизации в либеральных/электоральных демократиях и уменьшает их в закрытых/электоральных автократиях. Данная зависимость объясняется тем фактом, что в демократиях и переходных режимах, где интернет слабо зарегулирован, он может быть использован для антиправительственной агитации и расширения базы сторонников революционного преобразования политической системы. Помимо этого, интернет даёт возможность высказаться представителям всего спектра политических идеология и движений, в том числе и радикальным. Соответственно, если индивиды в демократиях склонны доверять информации, полученной из интернета, они могут радикализированы политическими акторами, ставящими своей целью свершение революции.

В автократиях же интернет подвергается большему регулированию и надзору, что сужает возможности для революционного воздействия на индивидов. Помимо этого, в подобных режимах существуют суровые санкции за нарушение общественного порядка даже в социальных сетях и на интернет-площадках, что частично элиминирует революционную угрозу. Также в данных политических системах политические элиты и их дискурсы в большей степени чем в демократиях представлены в информационной среде, в том числе и в интернете. Соответственно доверие интернету конвертируется в доверие проправительственным сообщениям, распространяемым официальными источниками или ссылающимися на них СМИ, что, тем самым, нивелирует риски революционной дестабилизации.

Одним из важнейших последствий цифровизации является глобализация экономики, политики, культуры, обмена информацией и всех видов социальных взаимодействий. Глобализация создаёт общие поведенческие паттерны и задаёт тренды и фреймы, в том числе касающиеся базовых потребностей индивидов. Иными словами, утверждается глобальный «эталон» должного уровня жизни, как правило, базирующийся на уровне жизни стран Евроатлантического региона.

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная — революция								
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-0.641 (10.964)	-18.241* (9.383)	-2.098 (7.711)	-3.662 (9.850)	-11.000 (8.366)	2.651 (6.903)	-6.013* (3.537)	-15.372*** (4.612)	-15.843*** (4.597)
Индекс глобализации	-0.107** (0.047)	0.082** (0.042)	0.026 (0.034)	-0.014 (0.024)	0.030 (0.021)	0.005 (0.018)	-0.072 (0.063)	0.103* (0.057)	0.103* (0.057)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.058*** (0.009)	-0.041*** (0.010)	-0.057*** (0.008)	-0.058*** (0.009)	-0.041*** (0.010)	-0.057*** (0.008)	-0.068*** (0.016)	-0.056*** (0.015)	-0.074*** (0.013)
ln(ВВП на душу населения)	-0.084 (0.258)	-0.249 (0.247)	-0.122 (0.195)	-0.084 (0.258)	-0.249 (0.247)	-0.122 (0.195)	-0.431* (0.229)	-0.472*** (0.181)	-0.509*** (0.147)
Уровень коррупции режима	-1.586*** (0.608)	-1.331*** (0.515)	-1.580*** (0.427)	-1.586*** (0.608)	-1.331*** (0.515)	-1.580*** (0.427)	0.370 (0.642)	0.542 (0.490)	0.340 (0.398)
ln(Население)	0.191 (0.607)	0.368 (0.503)	-0.281 (0.421)	0.191 (0.607)	0.368 (0.503)	-0.281 (0.421)	0.317*** (0.070)	0.260*** (0.056)	0.299*** (0.046)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	нет	нет	нет
Закрытая автократия (V-dem)	-3.022 (2.656)	7.240*** (2.667)	4.749** (2.115)						
Электоральная автократия (V-dem)	-3.532 (2.600)	7.972*** (2.637)	4.820** (2.089)	-0.510 (0.679)	0.732 (0.643)	0.071 (0.490)			
Электоральная демократия (V-dem)	-1.045 (2.637)	5.706** (2.646)	4.202** (2.104)	1.977* (1.025)	-1.534* (0.882)	-0.547 (0.691)			
Либеральная демократия (V-dem)				3.022 (2.656)	-7.240*** (2.667)	-4.749** (2.115)			
Индекс глобализации × Закрытая автократия (V-dem)	0.093** (0.043)	-0.052 (0.037)	-0.021 (0.030)						
Индекс глобализации × Электоральная автократия (V-dem)	0.115*** (0.041)	-0.071** (0.036)	-0.022 (0.029)	0.022 (0.017)	-0.020 (0.015)	-0.001 (0.012)			
Индекс глобализации × Электоральная демократия (V-dem)	0.043 (0.042)	-0.050 (0.036)	-0.031 (0.029)	-0.050** (0.023)	0.001 (0.018)	-0.010 (0.014)			
Индекс глобализации × Либеральная демократия (V-dem)				-0.093** (0.043)	0.052 (0.037)	0.021 (0.030)			
Полная автократия (Polity)							-1.766 (3.492)	5.097 (4.583)	7.299 (4.562)
Частичная автократия (Polity)							0.727 (3.732)	7.232 (4.609)	8.761* (4.603)
Фракциональная демократия (Polity)							0.397 (3.625)	7.549* (4.576)	9.111** (4.576)
Частичная демократия (Polity)							-1.317 (3.641)	5.905 (4.623)	7.369 (4.601)
Полная демократия (Polity)								1.766 (3.492)	-5.097 (4.583)
Индекс глобализации × Полная автократия (Polity)							0.055 (0.064)	-0.035 (0.059)	-0.069 (0.059)
Индекс глобализации × Частичная автократия (Polity)							0.001 (0.073)	-0.064 (0.060)	-0.088 (0.060)
Индекс глобализации × Фракциональная демократия (Polity)							0.011 (0.068)	-0.075 (0.059)	-0.097* (0.059)
Индекс глобализации × Частичная демократия (Polity)							0.044 (0.066)	-0.054 (0.059)	-0.074 (0.059)
Индекс глобализации × Полная демократия (Polity)								-0.031 (0.064)	-0.022 (0.059)
Код-во наблюдений	7.657	7.657	7.657	7.657	7.657	7.657	3.680	3.680	3.680
Log Likelihood	-601.447	-932.231	-1,348.628	-601.447	-932.231	-1,348.628	-267.185	-450.794	-618.133
Akaike Inf. Crit.	1,656.894	2,318.461	3,151.256	1,656.894	2,318.461	3,151.256	562.371	929.587	1,264.265

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 59 - Глобализация в режимном контексте

Если же в каких-либо обществах этот «эталон» не достигается – это приводит к масштабным социально-политическим последствиям – от роста иммиграционных потоков до возникновений революций.

Фактор глобализации также является своего рода «прокси» революционной диффузии, так как если какое-либо общество встроено в глобальную цепочку экономического и культурного обмена, то любая революционная активность в одной стране автоматически распространяется на всех остальных участников глобального обмена, либо в форме расширяющегося экономического кризиса, либо как «пример для подражания» [57, с. 56-57; 117]. Помимо этого, глобализация может спровоцировать революционные процессы через образование и воспитание интеллектуалов и политических лидеров, которые, будучи подвержены модернизационным идеям, могут попытаться воплотить их на практике в форме революционного преобразования развивающихся стран [108, с. 320-321].

Операционализация степени подверженности государств глобализации производится при помощи индекса глобализации (*Globalisation Index*) Швейцарского экономического института [118]. Результаты статистической обработки данного фактора в режимном контексте – на рисунке 59.

Как мы можем убедиться, глобализация деконсолидирует автократии и частичные автократии и укрепляет демократии. Подобную зависимость объясняется тем фактом, что культурная и экономическая открытость недемократического режима подрывает устои этого режима, так как официальная идеология может не выдержать конкуренции с альтернативными социальными и политическими проектами, а доступ широких общественных кругов к альтернативным мнениям и позициям неизбежно приведёт к конфликту между индивидами и политическим классом, который может принять форму революционного противостояния.

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная — революция								
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-5.771 (9.857)	-10.946 (8.148)	-2.989 (6.855)	-8.719 (9.086)	-5.637 (7.646)	2.059 (6.367)	-16.967 (10.827)	-15.837 (10.755)	-5.855 (8.721)
Индекс информационной глобализации	-0.133*** (0.046)	0.038 (0.031)	0.021 (0.028)	-0.033 (0.022)	0.011 (0.018)	-0.007 (0.015)	-0.085** (0.039)	0.126*** (0.048)	0.058* (0.034)
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.055*** (0.009)	-0.040*** (0.010)	-0.057*** (0.008)	-0.055*** (0.009)	-0.040*** (0.010)	-0.057*** (0.008)	-0.056*** (0.012)	-0.054*** (0.012)	-0.062*** (0.010)
ln(ВВП на душу населения)	-0.056 (0.272)	-0.278 (0.261)	-0.098 (0.208)	-0.056 (0.272)	-0.278 (0.261)	-0.098 (0.208)	-0.167 (0.317)	-0.699** (0.336)	-0.456* (0.257)
Уровень коррупции режима	-1.465** (0.596)	-1.245** (0.511)	-1.540*** (0.423)	-1.465** (0.596)	-1.245** (0.511)	-1.540*** (0.423)	-0.463 (0.630)	-0.551 (0.588)	-0.600 (0.469)
ln(Население)	0.530 (0.562)	0.055 (0.461)	-0.230 (0.390)	0.530 (0.562)	0.055 (0.461)	-0.230 (0.390)	1.229* (0.638)	0.034 (0.589)	-0.097 (0.490)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да
Закрывая автократия (V-dem)	-2.948 (2.433)	5.309*** (1.843)	5.048*** (1.676)						
Электоральная автократия (V-dem)	-3.337 (2.396)	5.622*** (1.822)	4.994*** (1.657)	-0.389 (0.534)	0.314 (0.499)	-0.054 (0.382)			
Электоральная демократия (V-dem)	-2.845 (2.405)	3.995** (1.855)	4.067** (1.681)	0.103 (0.776)	-1.313* (0.673)	-0.981* (0.534)			
Либеральная демократия (V-dem)				2.948 (2.433)	-5.309*** (1.843)	-5.048*** (1.676)			
Индекс информационной глобализации × Закрывая автократия (V-dem)	0.101** (0.044)	-0.027 (0.026)	-0.028 (0.024)						
Индекс информационной глобализации × Электоральная автократия (V-dem)	0.119*** (0.042)	-0.037 (0.025)	-0.025 (0.023)	0.018 (0.014)	-0.010 (0.011)	0.002 (0.009)			
Индекс информационной глобализации × Электоральная демократия (V-dem)	0.089** (0.042)	-0.028 (0.025)	-0.028 (0.023)	-0.012 (0.018)	-0.001 (0.013)	-0.0002 (0.011)			
Индекс информационной глобализации × Либеральная демократия (V-dem)				-0.101** (0.044)	0.027 (0.026)	0.028 (0.024)			
Полная автократия (Polity)							-2.963 (1.903)	10.797*** (3.059)	5.412*** (1.965)
Частичная автократия (Polity)							-3.114 (2.086)	10.712*** (3.110)	5.090** (2.039)
Фракционная демократия (Polity)							-2.746 (1.924)	11.070*** (3.077)	5.860*** (1.986)
Частичная демократия (Polity)							-1.519 (1.911)	9.541*** (3.056)	5.392*** (1.969)
Полная демократия (Polity)								2.963 (1.903)	-10.797*** (3.059)
Индекс информационной глобализации × Полная автократия (Polity)							0.080** (0.035)	-0.115*** (0.043)	-0.049* (0.029)
Индекс информационной глобализации × Частичная автократия (Polity)							0.071* (0.040)	-0.106** (0.045)	-0.008 (0.023)
Индекс информационной глобализации × Фракционная демократия (Polity)							0.081** (0.034)	-0.134*** (0.043)	0.009 (0.023)
Индекс информационной глобализации × Частичная демократия (Polity)							0.050 (0.035)	-0.115*** (0.042)	-0.064** (0.028)
Индекс информационной глобализации × Полная демократия (Polity)								-0.080** (0.035)	0.115*** (0.043)
Кол-во наблюдений	7,708	7,708	7,708	7,708	7,708	7,708	6,471	6,471	6,471
Log Likelihood	-623.459	-934.460	-1,367.376	-623.459	-934.460	-1,367.376	-500.520	-728.199	-1,080.124
Akaike Inf. Crit.	1,700.917	2,322.921	3,188.752	1,700.917	2,322.921	3,188.752	1,437.041	1,892.397	2,596.248

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 60 - Информационная глобализация в режимном контексте

Демократии же в целом подразумевают открытость и возможность дискуссии по широкому ряду вопросов и мнений, соответственно, дополнительный импульс, придаваемый глобализацией, не только не нарушает демократический порядок, но и, наоборот, способствует его укреплению.

Существенным проявлением глобализации является так называемые «информационная» глобализация, то есть создание всемирной «ноосферы», агрегирующий информационные потоки на базе объединённой и общедоступной интернет-площадки. Информационной глобализация, как основное последствие цифровой эпохи XXI века, создаёт так называемые «культурные зоны» (по Хантингтону и Хендерсону), где индивиды потребляют одинаковую информацию и следуют единым поведенческим моделям, что облегчает донесение самых разнообразных дискурсов и сообщений, в том числе революционного характера [128, с. 24-27].

Проверка влияния включённости государства в единую информационную среду на вероятность возникновения революции также производилась на базе данных Швейцарского экономического института и разработанного им индекса информационной глобализации - *Informational Globalisation Index* [118]. Результаты количественного анализа указанного предиктора революций в режимном контексте представлены на рисунке 60.

Как мы можем убедиться, информационная глобализация увеличивает вероятность вооружённых и смешанных революций во всех политических режимах (при этом вероятность невооружённых революций снижается, а влияние в полных демократиях остаётся неоднозначным). Тем самым, можно предположить, что информационная глобализация обостряет неравенство и несправедливость политического устройства, представляя эти проблемы более зримыми для индивидов, что приводит к их радикализации и пополнению рядов революционных объединений.

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная — революция														
	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции	Вооружённая	Невооружённая	Все революции
Intercept	-19.544 (46.692)	-37.891 (43.595)	-51.558 (44.204)	-16.162 (42.634)	-30.325 (40.090)	-43.359 (40.731)	32.735 (72.706)	93.139 (73.583)	110.084 (72.198)	30.722 (69.001)	80.000 (69.096)	97.180 (67.962)			
ln(Пользователи YouTube)	-0.126 (0.201)	-0.710*** (0.241)	-0.774*** (0.250)	-0.304 (0.423)	-1.013** (0.428)	-1.131*** (0.436)	0.472 (0.997)	0.207 (0.969)	0.155 (0.970)	0.496 (1.030)	1.074 (1.066)	0.968 (1.048)			
Рост ВВП на душу населения (%)	-0.032 (0.052)	-0.003 (0.047)	-0.017 (0.046)	-0.032 (0.052)	-0.003 (0.047)	-0.017 (0.046)	-0.078 (0.076)	0.030 (0.078)	-0.043 (0.074)	-0.078 (0.076)	0.030 (0.078)	-0.043 (0.078)			
ln(ВВП на душу населения)	1.051 (0.870)	-0.078 (0.745)	0.166 (0.752)	1.051 (0.870)	-0.078 (0.745)	0.166 (0.752)	-0.707 (2.926)	-0.109 (2.947)	-0.757 (2.909)	-0.707 (2.926)	-0.109 (2.947)	-0.757 (2.909)			
Уровень коррупции режима	-1.039 (2.608)	-2.189 (2.085)	-2.340 (2.059)	-1.039 (2.608)	-2.189 (2.085)	-2.340 (2.059)	-0.776 (4.105)	-0.316 (3.493)	-0.239 (3.470)	-0.776 (4.105)	-0.316 (3.493)	-0.239 (3.470)			
ln(Население)	0.909 (2.710)	2.644 (2.531)	3.432 (2.569)	0.909 (2.710)	2.644 (2.531)	3.432 (2.569)	-2.107 (4.100)	-5.541 (4.168)	-6.340 (4.082)	-2.107 (4.100)	-5.541 (4.168)	-6.340 (4.082)			
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да	да			
Закрытая автократия (V-dem)	3.382 (7.247)	7.566 (6.466)	8.198 (6.520)												
Электоральная автократия (V-dem)	0.893 (4.466)	-0.867 (3.572)	-0.720 (3.597)	-2.489 (6.686)	-8.433 (5.945)	-8.918 (5.979)									
Электоральная демократия (V-dem)	0.590 (3.665)	-4.300 (3.259)	-4.662 (3.349)	-2.792 (7.001)	-11.866* (6.418)	-12.860** (6.528)									
Либеральная демократия (V-dem)				-3.382 (7.247)	-7.566 (6.466)	-8.198 (6.520)									
ln(Пользователи YouTube) × Закрытая автократия (V-dem)	-0.177 (0.404)	-0.302 (0.366)	-0.357 (0.370)												
ln(Пользователи YouTube) × Электоральная автократия (V-dem)	0.014 (0.281)	0.129 (0.227)	0.140 (0.229)	0.192 (0.380)	0.432 (0.340)	0.497 (0.343)									
ln(Пользователи YouTube) × Электоральная демократия (V-dem)	-0.013 (0.241)	0.328 (0.215)	0.357 (0.220)	0.164 (0.393)	0.630* (0.367)	0.714* (0.374)									
ln(Пользователи YouTube) × Либеральная демократия (V-dem)				0.177 (0.404)	0.302 (0.366)	0.357 (0.370)									
Полная автократия (Polity)							-2.013 (7.148)	-13.139 (8.218)	-12.904* (7.753)						
Частичная автократия (Polity)							-0.799 (8.008)	-4.505 (7.660)	-5.038 (7.668)	1.215 (8.532)	8.634 (9.292)	7.866 (8.918)			
Фракционная демократия (Polity)							-1.226 (5.541)	-1.511 (5.203)	-2.525 (5.166)	0.787 (7.171)	11.628 (7.990)	10.379 (7.465)			
Частичная демократия (Polity)							-1.302 (5.029)	-4.502 (4.800)	-5.230 (4.852)	0.711 (6.717)	8.636 (7.775)	7.674 (7.247)			
Полная демократия (Polity)										2.013 (7.148)	13.139 (8.218)	12.904* (7.753)			
ln(Пользователи YouTube) × Полная автократия (Polity)							0.024 (0.449)	0.867 (0.529)	0.812 (0.498)						
ln(Пользователи YouTube) × Частичная автократия (Polity)							-0.032 (0.533)	0.277 (0.518)	0.274 (0.517)	-0.057 (0.567)	-0.590 (0.611)	-0.538 (0.590)			
ln(Пользователи YouTube) × Фракционная демократия (Polity)							0.025 (0.345)	0.096 (0.309)	0.167 (0.308)	0.001 (0.464)	-0.771 (0.528)	-0.646 (0.495)			
ln(Пользователи YouTube) × Частичная демократия (Polity)							0.032 (0.292)	0.296 (0.263)	0.357 (0.270)	0.007 (0.429)	-0.571 (0.511)	-0.455 (0.476)			
ln(Пользователи YouTube) × Полная демократия (Polity)										-0.024 (0.449)	-0.867 (0.529)	-0.812 (0.498)			
Кол-во наблюдений	739	739	739	739	739	739	406	406	406	406	406	406			
Log Likelihood	-51.008	-114.281	-116.260	-51.008	-114.281	-116.260	-45.204	-62.512	-63.742	-45.204	-62.512	-63.742			
Akaike Inf. Crit.	304.015	430.561	434.520	304.015	430.561	434.520	288.408	323.023	325.483	288.408	323.023	325.483			

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$

Стандартные ошибки в скобках

Источник: составлено автором.
Рисунок 61 Пользование социальными сетями в режимном контексте

Немаловажным «цифровым» фактором революционной дестабилизации является охват общества социальными сетями. Социальные сети, помимо таких очевидных революционных катализаторов как агитация и самоорганизация, предоставляют возможности для широкого использования новых революционных технологий таких как децентрализованное коллективное лидерство, использование вирусных кампаний, краудсорсинг и коллективный интеллект, что упрощает цифровой активизм, который может перерасти в полноценную революцию.

Примером подобных «цифровых» революций, ставших возможными благодаря координации протестующих в социальных сетях, являются так называемые «революции зумеров», прокатившиеся в две тысячи двадцать пятом году в Бангладеш, Непале, Мадагаскаре и других странах [209].

В качестве индикатора операционализации степени распространённости пользователей социальных сетей было выбрано количество активных пользователей видеоплатформы «YouTube». Результаты применения логистической регрессии для редких событий представлены на рисунке 61.

Как следует из статистической модели, число пользователей социальных сетей никак не влияет на вероятность революций в автократиях и демократиях, но при этом повышает риски их возникновения в переходных режимах. Тем самым, можно заключить, что цифровым революциям в большей степени подвержены анократии, как наиболее уязвимый тип политического режима, так как демократии и автократии способны успешно элиминировать угрозы со стороны социальных сетей – одни при помощи ограничений, а другие посредством широкой общественной дискуссии, дисквалифицирующей радикалов за счёт политической культуры и общей «центростремительности» большинства индивидов.

Таким образом, мы можем заключить, что цифровые технологии привели с одной стороны к интенсификации ожиданий общества от политической системы, а с другой вывели на политическую сцену принципиально новые общественные запросы. В совокупности это является

существенным дестабилизирующим фактором для всех типов политических режимов. Однако среди цифровых революционных факторов также наблюдается асимметрия. Так, распространение интернета и рост доверия к нему дестабилизирует демократии и укрепляет автократии. Глобализация в целом же, наоборот разрушает автократии и укрепляет демократические системы. Информационная глобализация, в свою очередь, подвергает революционному риску все типы политических режимов, а распространение социальных сетей исключительно автократии.

Глава 3

Модели устойчивости политических режимов

3.1 Суммаризация факторов революционной дестабилизации в разрезе политических режимов

Проанализировав переменчивость факторов революционной дестабилизации, мы можем суммаризировать имеющиеся результаты и составить описательную модель устойчивости каждого политического режима путём перечисления доказавших свою статистическую значимость факторов, которые способствуют стабилизации демократий, анократий и авторитарных режимов – таблица 2.

Резюмируя получившиеся данные, мы можем заключить, что демократии сами по себе являются гораздо более устойчивыми политическими режимами так как для выживания им требуется значительно меньше условий и социально-экономических показателей. Все они практически сводятся к нескольким индикаторам: высокий уровень развития и диверсификации экономики, социальный прогресс, политическая ответственность основных акторов и отсутствие экстремальных конфликтов, сопровождающихся высокими людскими и экономическими потерями. С течением времени демократии всё более укрепляются. В то же время демократии, в отличие от других типов режимов, сохраняют стабильность в условиях колебаний ставки ЦБ, экономических кризисах, отсутствии внешних заёмщиков, приросте населения и повышении его образованности, интенсификации политической борьбы во время выборов и наличии революционных акций в соседних государствах.

Таблица 2 - Факторы устойчивости политических режимов

Демократии	Анокрации	Автократии
1	2	3
Экономические факторы		
высокое благосостояние высокие темпы экономического роста умеренная зависимость от экспорта нефти и других полезных ископаемых отсутствие внешних долгов развитый частный сектор умеренная доля государства в экономике	умеренное благосостояние умеренные темпы экономического роста высокий экспорт нефти и других полезных ископаемых низкая продуктовая инфляция готовность внешних акторов выдавать государству кредиты низкая закредитованность населения умеренная ключевая ставка ЦБ отсутствие экономических кризисов наличие внешних инвесторов умеренная доля частного сектора высокая доля государства в экономике	умеренное благосостояние умеренные темпы экономического роста высокий экспорт нефти и других полезных ископаемых низкая продуктовая инфляция наличие внешних заёмщиков отсутствие экономических кризисов умеренная доля частного сектора высокая доля государства в экономике

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Социальные факторы		
высокая урбанизация развитый средний класс отсутствие дискриминации какихлибо социальных групп высокий уровень образования отсутствие фракционализации умеренная плотность населения	низкая численность населения умеренная урбанизация привилегии для элит наличие образа «врага» умеренный уровень образования отсутствие «молодёжного бугра» умеренная безработица отсутствие фракционализации высокая плотность населения умеренные темпы прироста населения	низкая численность населения умеренная урбанизация привилегии для элит наличие образа «врага» умеренный уровень образования отсутствие «молодёжного бугра» отсутствие фракционализации высокая плотность населения умеренные темпы прироста населения

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Политические факторы		
умеренная доля сельского хозяйства и низкая доля сельского населения умеренный уровень счастья и амбициозности индивидов низкая коррупция низкая поляризация общества отсутствие военных потерь отсутствие военных конфликтов в прошлом высокая продолжительность существования режима	умеренные размеры территории отсутствие гористой местности высокая доля плодородных земель низкая доля пустынных земель высокий уровень счастья коррупция как форма «награды» элит умеренная эффективность государственных органов низкий уровень политического насилия умеренность политической эскалации во время выборов отсутствие революций в соседних государствах отсутствие революций в прошлом умеренная продолжительность существования режима	умеренные размеры территории отсутствие гористой местности высокая доля плодородных земель высокий уровень счастья коррупция как форма «награды» элит низкий уровень политического насилия умеренность политической эскалации во время выборов отсутствие революций в соседних государствах отсутствие революций в прошлом умеренная продолжительность существования режима

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Цифровые факторы		
умеренное проникновение интернета в политику скепсис индивидов в отношении информации, полученной в интернете форсирование глобализации в целом ограничение «цифровой» глобализации	контроль за интернетом доверие регулируемой информации в интернете ограничение глобализации ограничение «цифровой» глобализации ограничение пользования социальными сетями	контроль за интернетом доверие регулируемой информации в интернете ограничение глобализации ограничение «цифровой» глобализации

Источник: составлено автором.

В то же время недемократическим режимам требуется гораздо больше волевых действий и соответствующих параметров для недопущения центробежных процессов – это и поиск инвестиций и внешних заёмщиков, и недопущение экономических «шоков», и проведение политики по огосударствлению экономики, но при этом таким образом, чтобы не допустить социально-экономической депрессии.

Немаловажным для таких режимов является конструирование смыслов по поиску и созданию образа «врага», и создание системы формальных и неформальных поощрений для элит, и контроль за интернетом, и недопущение эскалации политического насилия, и проведение интервенций (военных или в формате помощи «дружественным» режимам) по недопущению революций в соседних государствах, стабилизация темпов социального развития, касающегося повышению образованности населения и так далее. При том что модель устойчивости автократий и анократий практически полностью совпадает, анократиям требуется гораздо больше благоприятных условий для выживания, что доказывает, что данный тип режима является наиболее нестабильным.

Таким образом, факторы революционной дестабилизации в разных политических режимах существенно отличаются не только по своему перечню, но и характеру воздействия – один и тот же фактор, например образование, экономический рост, продолжительность режима развитый частный сектор, период выборов, революции в соседних государствах, может оказывать стабилизирующее воздействие на демократии и дестабилизировать автократии и анократии. И наоборот, наблюдается перечень факторов, которые стабилизируют недемократические режимы и деконсолидируют демократии: экспорт нефти, коррупционные привилегии для элит, плотность населения, уровень счастья населения, высокая поляризация.

Различия в системах институционального устройства, точках уязвимости, форм взаимоотношения с обществом и элитами, детерминируют как совершенно разные стратегии выживания этих политических режимов, так

и отличающиеся магистральные пути их деконсолидации. Данные различия обуславливаются асимметрию факторов революционной дестабилизации, наблюдаемую в исследованиях четвёртого поколения революционных теорий. Тем самым, указанную переменчивость революционных факторов, как мы можем убедиться, можно разрешить при помощи их рассмотрения через призму режимного контекста.

3.2 Модель устойчивости демократического политического режима

Для определения устойчивой модели стабильности политических режимов необходимо не только перечислить факторы их дестабилизирующие и укрепляющие, но и сравнить влияние наиболее устойчивых факторов для каждого политического режима. Иными словами, отобрать для каждого политического режима только те революционные факторы, которые широко представлены в теоретических исследованиях и показали значимое воздействие на риски революционной дестабилизации в рамках текущей работы и сравнить силу их воздействия на вероятность революции.

Для этого производится расчёт отношений шансов (*odds-ratio*) для стандартизированных коэффициентов логистической регрессии для редких событий - рисунок 62 (статистические расчёты здесь и далее проводились на базе типов режимов по Polity, где зависимая переменная все типы революций). Так, наибольшую вероятность революции в демократиях обеспечивает рост поляризации – с увеличением индекса политической поляризации на одно стандартное отклонение вероятность того, что в этом году произойдёт революция увеличатся на 264% то есть в 3,64 раза. Помимо этого, наибольшее влияние по сравнению с другими факторами на вероятность разворачивания революционных процессов в либеральных демократиях оказывает коррупция, сельскохозяйственный характер экономики, дискриминация и неравенство.

Источник: составлено автором.

Рисунок 62 - Стандартизированные Odds-Ratio и 95% Доверительный Интервал революционных факторов в демократиях

В то же время, больше всего демократии стабилизируют устойчивый экономический рост, защита частной собственности, образованность населения и длительность их существования. Тем самым, мы можем не только определить значимость и направление влияния тех или иных факторов революционной дестабилизации в разных политических режимах, но и

сравнить степень воздействия на стабильность политической системы каждого фактора в конкретном политическом режиме.

Влияние военных действий, большой площади территории государства и плотности населения, развитого государственного сектора в экономике и её ориентации на экспорт нефти характеризуются менее выраженным влиянием, соответственно, демократии способны элиминировать данные угрозы в случае наличия развитого среднего класса, устойчивого экономического роста, умеренности и политической ответственности основных политических акторов.

Что касается цифровизации общества - на демократии она оказывает деструктивное воздействие. Информационная глобализация и доверие интернету среди индивидов повышают риски революционной дестабилизации.

Таким образом, центральным фактором модели политической устойчивости демократий является городской средний класс и производные от него – образование, экономический рост, дисквалификация политических радикалов. В случае сохранения среднего класса демократии амортизируют все остальные революционные факторы и способны выдерживать периоды политической турбулентности даже если они сопряжены с развитием прочих дестабилизирующих демократии тенденций.

3.3 Модель устойчивости переходных режимных типов

Анализируя идентичные расчёты для переходных типов политических режимов – частичных автократий, частичных демократий и фракциональных демократий, мы можем наблюдать качественно другую конфигурацию степени воздействия тех же самых факторов на риски революционной дестабилизации - рисунок 63. Как мы можем судить из результатов расчётов отношения шансов (*odds-ratio*) – анократии в большей степени подвергаются революционной дестабилизации при диффузии революции извне,

распространении политического насилия и социальных сетей, значительной численности населения, развитием частном секторе, экономическом росте, образованности населения и в условиях возникновения макроэкономических кризисов. Стабилизируют же их внешние инвестиции, снижающие риски революционной дестабилизации на 17% и низкая ключевая ставка Центрального Банка, редуцирующая эти риски на 16%.

Источник: составлено автором.

Рисунок 63 - Стандартизированные Odds-Ratio и 95% Доверительный Интервал революционных факторов в анократиях

Таким образом, анократии, как пример наименее стабильного политического режима более всего зависят от внешнего воздействия – положительного, такие как приход иностранного капитала и негативного – как например «просачивание» революционных идей из соседних государств, где революция уже была совершена. Так, революционная диффузия увеличивает вероятность революции более чем в 2,5 раза – на 158%, эскалация насилия почти в 2 раза – на 92%, рост числа пользователей социальных сетей – на 82%, численность населения на 66%, развитие частной собственности на 48%, площадь территории – на 42%, ВВП на душу населения – на 31%, рост образования и экономические кризисы примерно на 20%. В то время как остальные социально-экономические индикаторы вносят лишь незначительный вклад в устойчивость подобных политических режимов.

Среди всех цифровых факторов в наибольшей степени на вероятность революционной дестабилизации в анократиях влияет распространение социальных сетей – так как именно они в подобных режимах являются точкой кристаллизации протестного электората.

Как мы можем заключить модель устойчивости переходных режимов является наименее робастной так как полагается на независящие от неё внешние факторы такие как политика иностранных государств, а число дестабилизирующих факторов значительно превышает аналогичные цифры у демократий. Пространство для волевых действий элит и политических лидеров по стабилизации политического режима остаётся крайне суженным, что делает поддержание устойчивости анократий крайне затруднительным. Данный факт и объясняет частоту революций в этих типах режима, упомянутую выше.

3.4 Модель устойчивости автократий

Авторитарные режимы, схожи с анократиями как по набору факторов, оказывающих значимое воздействие на их политическую стабильность, так и

по степени воздействия этих факторов на стабильность автократий. Точно так же как и анократии, более всего автократии восприимчивы к революционной дестабилизации, вызванной экспортом революций из соседних государств (рост вероятности революции на 148%) и радикализации собственного населения (рост вероятности на 137%) - рисунок 64. В то же время существенный вклад в дестабилизацию автократий вносят рост населения (на 66%), безработица (на 47%), площадь территории (на 45%), продуктовая инфляция (на 29%), развитие частной собственности (на 26%), период выборов (на 21%).

Источник: составлено автором.

Рисунок 64 - Стандартизированные Odds-Ratio и 95% Доверительный Интервал революционных факторов в автократиях

Постоянный и стабильный приток средств из-за рубежа в виде внешних инвестиций и экспорт нефти, в свою очередь, способствуют редуцированию рисков революционной дестабилизации в автократиях – на 12 и 15% соответственно. Во многом, этим объясняется столь высокие показатели политической стабильности «монархий залива».

Таким образом модель устойчивости авторитарных режимов основана на комбинации внешних факторов и взвешенной внутренней политики, которая должна быть направлена на устойчивое развитие экономики в строгих рамках таким образом, чтобы не допустить построение параллельных социально-экономических структур и формирование городского среднего класса, а с другой обеспечить закрытие базовых потребности населения, в том числе в сфере продовольственной безопасности.

Цифровые факторы в автократиях отличаются сравнительно скромным вкладом в развитие центробежных процессов, по сравнению с экономическими и социально-демографическими драйверами революционной борьбы.

Наибольшую роль в стабилизации авторитарных режимов играет развитый экспорт сырья, в первую очередь, нефти, которая позволяет, с одной стороны, наполнять государственный бюджет, а с другой сдерживать развитие частного сектора экономики и следующего за ним городского среднего класса с политическими запросами и ожиданиями.

Нефтяные доходы, не требующие масштабных инвестиций в человеческий капитал, создания и поддержания открытой и честной конкурентной среды, инклюзивных институтов, гарантий прав собственных и прочих составляющих устойчивого экономического развития, помогают автократиям наполнять государственный бюджет, невзирая ни на международную изоляцию, ни на состояние местной промышленности, ни на запросы и ожидания широких слоёв населения. Нефтяная инфраструктура способна приносить доход при поддержании самых базовых составляющих, которые легко могут быть обеспечены любым правительством.

Соответственно, можно заключить, что наличие запасов нефти может стать своеобразным «спасением» авторитарных режимов от революций.

Заключение

Революции являются одними из самых значимых исторических событий, как по масштабу перемен, которые они вносят в повседневную жизнь индивидов, так и по продолжительности своих последствий на судьбы народов, государств, регионов и всего мира. Изучение революций, их факторов и моделей устойчивости к ним занимало умы мыслителей и учёных на протяжении всего существования социальных наук. Значительный вклад в понимание предикторов революционной дестабилизации внесли исследователи четвёртого поколения революционных теорий.

Совершив значительный прорыв в сфере расширения номенклатуры факторов революционной дестабилизации, политический учёные четвёртого поколения столкнулись с множеством вызовов, главным из которых является переменчивость результатов количественных моделей. Данная тенденция связана с накоплением эмпирического материала и всё большей распространённостью в социальных науках статистических методов, которые, при отсутствии единообразия методологии исследований, выборки и источников данных о революциях и их факторах внесли противоречивость в четвёртое поколение революционных теорий, выраженную в асимметрии факторов революционной дестабилизации. Добавляя всё новые и новые индикаторы и выстраивая всё больше статистических моделей исследователи четвёртого поколения, с одной стороны, поспособствовали комплексному рассмотрению революций с точки зрения социальных, экономических, культурных, исторических, международных, политических и иных процессов и созданию широкого перечня факторов революционной дестабилизации, а с другой столкнулись с проблемой «многомерного конъюнктурализма».

В результате в современной политической науке наблюдается тенденция, когда одни и те же факторы революционной дестабилизации в разных статистических исследованиях демонстрируют противоположное влияние на вероятность возникновения революций. Агрегация результатов

количественных исследований, проведённая в рамках данной работы, демонстрирует данную ярко выраженную переменчивость выводов относительно направления и силы воздействия одного и того же фактора на вероятность возникновения революции.

Одним из путей разрешения указанной противоречивости и построения робастных моделей устойчивости политических режимов к революционным угрозам является рассмотрение факторов революционной дестабилизации в режимном контексте. Политические режимы обладают специфическими институциональными конфигурациями, составными частями, способами поддержания своей легитимности, стратегиями выживания, взаимоотношениями с обществом, сильными и слабыми сторонами и уникальными целями, что обеспечивает не только значимость типа режима как предиктора революции самого по себе, но и определяет направление и силу воздействия многих других социальных, экономических и политических факторов на вероятность разворачивания процессов революционной дестабилизации. В результате режимный контекст характеризуется не только прямым влиянием на вероятность возникновения революции, но и опосредованно оказывает воздействие на стабильность политической системы через определение направления и значимости того или иного революционного фактора.

Именно поэтому каждый тип режима обладает специфическим набором стабилизирующих индикаторов, которые создают условия для его выживания и дальнейшего развития путём минимизации угрозы коллапса в рамках революции. Данные показатели могут варьироваться в зависимости от режимного контекста и даже оказывать противоположное воздействие на вероятность возникновения революции в разных политических режимах, что обуславливает уникальность модели устойчивости каждого режимного типа.

Тем самым, режимный контекст является определяющим аспектом при изучении факторов революционной дестабилизации. Данный факт позволяет не только выстроить характерный для каждого политического режима

магистральный путь деконсолидации и, тем самым, сформировать робастные модели устойчивости политических режимов, но и посредством режимной специфики объяснить волатильность факторов революционной дестабилизации, ставшую для политической науки серьёзной концептуальной и практической проблемой, затрудняющей как объяснение характера влияния того или иного фактора на вероятность революций, так и прогнозирование революционных рисков. В результате, при изучении факторов революционной дестабилизации тип режима важен не сколько сам по себе, сколько как ключевой фактор обуславливающий и объясняющий переменчивость всех других факторов, что позволяет разрешить проблему их асимметрии, возникшей в рамках четвёртого поколения теорий революции.

Итоги статистических расчётов, проведённых в рамках данного исследования, на количественных данных продемонстрировали значительную асимметрию практически всех факторов революционной дестабилизации. Типы политического режима детерминировали как направление, так и значимость практически всех известных современной политической науке экономических, социальных и политических предикторов революций. Данный факт позволил не только создать устойчивую классификацию революционных факторов и, тем самым, повысить устойчивость выводов и концепций современных теорий, объясняющий причины возникновения революций, но и выстроить специфические модели устойчивости каждого типа политического режима – демократий, анократий и автократий, что может быть использовано для предупреждения и своевременного предотвращения центробежных процессов.

Центральным и наиболее важным фактором модели политической устойчивости демократий является развитый средний класс и производные от него – образованность населения, экономический рост, дисквалификация политических радикалов, терпимость к альтернативным позициям и точкам зрения и так далее. В случае сохранения среднего класса демократии амортизируют все остальные революционные факторы даже если они

сопряжены с развитием прочих дестабилизирующих демократии тенденций, а также способны выдерживать периоды политической турбулентности, экономические шоки, всплески инфляции отток инвестиций и тому подобное.

Наибольшую угрозу демократиям несёт поляризация в форме превращения политики в «игру с нулевой суммой», коррупция элит, дискриминация каких-либо социальных групп, ориентация экономики на такие сектора как сельское хозяйство и добыча полезных ископаемых.

Тем самым, комбинация политических и экономических факторов, где первые отвечают за политическую ответственность политических элит и общества (в выраженные в умеренных показателях коррупции и политической поляризации), а вторые создают условия для укрепления и расширения среднего класса, как стового хребта демократии, создают модель демократического политического режима, способного к амортизации революционных тенденций.

Недемократические режимы, в свою очередь, амортизируют революции прямо противоположными способами. Экономический рост, развитый средний класс и частный сектор, наоборот, являются для них дестабилизирующими факторами, а единство элит, поддерживаемое соответствующими привилегиями, нефтяная рента и наличие внешних инвестиций являются центральными стабилизирующими факторами. К революционным факторам в наибольшей степени, дестабилизирующим автократии и анократии относятся: революционная диффузия, эскалация политического насилия, прирост населения, как чрезмерный рост экономики, так и её масштабный спад, безработица, инфляция и предвыборный период.

При этом, хотя перечень дестабилизирующих недемократические режимы факторов во многом пересекается, анократии являются более нестабильными так как поддержание их целостности требует большего числа благоприятных условий, подчас независимых от действий элит. В первую очередь их стабильность обеспечивается взвешенной политикой

Центрального Банка и притоком внешних инвестиций, что следует из результатов статистических моделей.

Модель устойчивости авторитарных политических режимов, в свою очередь, можно в дополнение вышесказанному охарактеризовать как систему, сдерживающую бурное социальное развитие и сопутствующие ему политические шоки. Статистическая обработка данных о факторах революций в автократиях свидетельствует, что главная революционная угроза исходит со стороны форсированной модернизации и экономической перестройки общества, которое, удовлетворив основные «материальные» потребности, переходит к артикуляции политических требований. Механизмом амортизации революции в авторитарных режимах является государственное регулирование экономики и контроль за добычей полезных ископаемых для недопущения революции ожиданий, вызванной сформированной экономической динамикой.

Данная асимметрия революционных факторов в зависимости от политического режима объясняется особенностями механизма взаимоотношений между политическими элитами и обществом, системой наград и поощрений для основных акторов и спецификой уязвимостей разных режимных структур. Демократии, в большей степени полагаются на поддержку общества, а также его умеренность и политическую культуру, которые развиваются у представителей среднего класса, формирующегося в благоприятных экономических условиях и воспроизводящих центростремительные паттерны поведения с приращением экономических благ. Автократии и анократии, наоборот, опираются на элиты и государственный аппарат, вследствие чего им необходимо поощрять основные элитные группы и не допускать формирование параллельных социально-экономических структур, которые, обеспечив основные материальные потребности, начинают выдвигать требования идеологического характера, в первую очередь касающиеся политического участия.

В XXI веке мы можем наблюдать формирование нового типа факторов революционной дестабилизации, связанных с развитием информационного общества – в первую очередь это уровень распространённости интернета, проникновение социальных сетей в повседневную жизнь индивидов, степень доверия информации, полученной из интернета в обществе, и общий уровень цифровой глобализации. Появление платформенных факторов привело к значительной трансформации моделей устойчивости политических режимов, сформировав новые очаги напряжённости внутри всех типов политических режимов. Цифровые технологии, в свою очередь, привели, с одной стороны, к интенсификации ожиданий общества от политической системы, а с другой вывели на политическую сцену принципиально новые общественные запросы. В совокупности это является существенным дестабилизирующим фактором для всех типов политических режимов. Однако среди цифровых революционных факторов также наблюдается асимметрия.

Так, широкое распространение интернета в обществе и рост доверия к получаемой из интернета информации приводит к развитию революционных тенденций в демократиях, а цифровая глобализация и развитие социальных сетей увеличивает риски революционной дестабилизации автократий и анократий.

Что касается конкретных рекомендаций, которые следуют из результатов представленного исследования – в теоретическом отношении мы можем заключить, что четвёртое поколение революционных теорий значительно устарело под влиянием новых трендов и тенденций. Данные факт снижает как предсказательные возможности теоретиков четвёртого поколения, так и их способность объяснять возникновение новых революционных волн. Вследствие чего для формирования робастной революционной теории целесообразно сформировать новое – пятое поколение революционных теорий, где с одной стороны будет учитываться специфика механизмов адаптации к революционным вызовам каждого режимного типа, а с другой учтены новые революционные факторы, появившиеся в XXI веке.

Как следует из результатов произведённого статического анализа, для всестороннего изучения революционных угроз необходимо выстраивать уникальные модели амортизации революционных факторов, учитывающие особенности, сильные и слабые стороны каждого режимного типа, как для таргетного прогнозирования революционных рисков, так и для исключения «многомерного конъюнктурализма». В то же время новая информационная эпоха модифицирует политические режимы, структуру поступающих от общества ожиданий, механизмы реагирования и адаптации к новым вызовам и запросам. Данный факт обосновывает необходимость построения новой теории революции пятого поколения с учётом анализа цифровых трендов и тенденций, которые, как демонстрируют результаты статистических моделей, могут выступать фактором эскалации революционных процессов.

Таким образом, для дальнейшего изучения режимных трансформаций, революционных волн и новых типов революций, необходимо выстраивать концептуальные предпосылки на базе нового поколения теорий революции, которое будет учитывать специфику политических режимов в обществах цифровых платформ.

Практические рекомендации для амортизации революционных факторов вытекают из результатов построения моделей устойчивости политических режимов. В-первых, необходим постоянный мониторинг основных экономических, социальных и политических индексов, которые показали статистически значимое влияние на вероятность революционной дестабилизации. Колебания выделенных автором индикаторов являются сигналом о повышении рисков социально-политической нестабильности. Соответственно, своевременное реагирование на их прирост и купирование основных точек уязвимости может помочь политическому и административному аппарату в России избежать масштабных потрясений и заранее предупредить возникновение революционных событий.

Во-вторых, учитывая, что революционные волны XXI века начинают захватывать все типы политических режимов – отслеживание тенденций с

учёт специфики режимных типов как союзных государств, так и соперников на международной арене, позволит прогнозировать будущие состояния интересующих государств и, на базе доказательной политологии, выстраивать международные отношения, с учётом соответствующих рисков. Так, свержение Башара Асада в 2024 г. и стало неожиданностью для экспертного сообщества и многих государственных органов Российской Федерации. Однако построение моделей устойчивости политических режимов позволяет выстраивать долговременные стратегические планы и проекты, с учётом всех возможных рисков и механизмов их амортизации для недопущения нежелательных революционных тенденций, которые могли бы нарушить систему международных отношений, выстраиваемую органами государственной власти Российской Федерации.

В-третьих, как следует из результатов статических моделей, появление новых платформенных факторов значительно увеличивает риски революционной дестабилизации. Соответственно, для обеспечения социально-политической стабильности необходим ответственный подход к цифровым технологиям всех участвующих в их развитии акторов и соответствующее регулирование со стороны государства. Интернет, социальные сети, искусственный интеллект могут быть использованы для инспирации центробежных тенденций, соответственно, их дальнейшее развитие должно быть поставлено под разумный государственный и общественный контроль без ущерба для цифрового прогресса общества.

В-четвёртых, информационная глобализация и общая цифровизация общества, также может выступать предиктором развития революционных процессов, в первую очередь, путём размывания духовно-нравственных ценностей. Области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и так далее под влиянием недружественных стран может быть подвержена деструктивному влиянию. Соответственно, для амортизации революционных тенденций необходимо учитывать данную

угрозу в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В данном случае целесообразно формирование государственной политики в области развития вектора, заданного в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Соответственно, изучение революций, причин их возникновения и факторов, их вызывающих, необходимо не только с точки зрения развития и уточнения политологических концепций, но также представляет и практический интерес. Составление надёжного перечня факторов революционной дестабилизации и построение на его основе моделей устойчивости государств поможет вовремя детектировать основные риски и угрозы и, на базе робастных и научно обоснованных предсказаний, помогать корректировать государственную политику с целью амортизации революционной угрозы.

Таким образом, результаты данного исследования, выраженные в формировании релевантной теории факторов революционной дестабилизации на основе их рассмотрения в режимном контексте с одной стороны, дополняют и уточняют выводы предыдущих революционных концепций и задают направление для развития пятого поколения революционных теорий, а с другой обладают практическим эффектом в виде построения надёжных моделей устойчивости политических режимов.

Данное приращение знаний в политической науке способствует увеличению предсказательной силы статистических инструментов, прогнозирующих риски социально-политической дестабилизации, повышает уровень экспертизы при исследовании революционных процессов, и расширяет возможности современной политологии по предупреждению центробежных процессов. Тем самым, результаты данного исследования могут быть применимы, как в академических разработках по прогнозированию революций, так и в составлении экспертных заключений к

стратегии государственной политики по предупреждению и элиминированию социально-политической дестабилизации, что увеличит качество государственного управления и позволит обеспечить стабильность и процветание для российского общества.

Список литературы

1. Алмонд, Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба. – Москва : Мысль, 2014. – 500 с. – ISBN 978-5-244-01171-5.
2. Аристотель. Политика / Аристотель. – Москва : РИПОЛ классик, 2016. – 528 с. – ISBN 978-5-386-09429-4.
3. Асадуллаев, И.К. Исторический характер субъективного фактора социальной революции : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Асадуллаев Искандар Курбанович ; Таджикский государственный университет им. В.И. Ленина. – Душанбе, 1985. – 181 с. – Библиогр.: с. 160-181.
4. Бердяев, Н. Русская религиозная мысль и революция / Н. Бердяев // Версты. – 1928. – № 3. – С. 40–62. – ISBN отсутствует.
5. Бочанов, М.А. Цветные революции как фактор трансформации внешнеполитических стратегий государств на постсоветском пространстве : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Бочанов Максим Александрович ; Орловская региональная академия государственной службы. – Орёл, 2011. – 167 с. – Библиогр.: с. 145-167.
6. Булдаков, В.П. Октябрьская революция: Социокультурное измерение : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Булдаков Владимир Прохорович ; Московский педагогический университет. – Москва, 1998. – 320 с. – Библиогр.: с. 299-320.
7. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва : РИПОЛ классик, 2018. – 624 с. – ISBN 978-5-386-10611-9.

8. Жданов, А.И. Политика в фокусе медиа и глобальных вызовов (Глава 5 «Античные модели демократии: уроки для современных политий») : монография / А.И. Жданов ; под редакцией Р.Т. Мухаева. – Москва : Издательские решения, 2020. – С. 56-73. – 500 экз. – 220 с. - ISBN 978-5-4498-5764-4.

9. Жданов, А.И. Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа / А.И. Жданов, А.В. Коротаев // Научный и общественно-политический журнал «Социология власти». – 2022. – № 3-4. Том. 34. - С. 102-127. – ISSN 2074-0492.

10. Жданов, А.И. Факторы возникновения и развития движения BLM в США на примере протестов 2020 г. / А. И. Жданов // История и современность. – 2022. – № 4. Том. 46. – С. 22–35. – ISSN 1811-7484.

11. Жданов, А.И. Многоликая политика (Глава 4 «Эрозия республиканских институтов Древнего Рима: причины и последствия») : монография / А. И. Жданов ; под редакцией Р.Т. Мухаева. – Москва : Издательские решения, 2019. – С. 174–190. – 500 экз. – 174 с. - ISBN 978-5-4496-8255-0.

12. Жданов, А.И. Моделирование демократического транзита: агентно-ориентированный подход к изучению траекторий режимных трансформаций / А.И. Жданов // PolitBook (ПолитБук). – 2022. – № 1. Том 33. – С. 90–116. – ISSN 2227-1538.

13. Жданов, А.И. Угрозы деконсолидации либеральной демократии: определение магистрального пути эрозии демократического режима на примере Соединенных Штатов Америки / А.И. Жданов // История и современность. – 2020. – № 4. Том 38. – С. 62–77. – ISSN 1811-7484.

14. Жданов, А.И. К использованию методов машинного обучения для определения факторов генезиса демократии, кросс-национальный анализ / А.И. Жданов // Апрельские тезисы : сборник научных статей по итогам междисциплинарной научно-исследовательской конференции ; под общей

редакцией Д.А. Ренева. – Пермь : ПГНИУ, 2021. – С. 80-99. – ISBN 978-5-7944-3759-1.

15. Жданов, А.И. Количественный анализ политических факторов революционной дестабилизации (Опыт систематического обзора) / А.И. Жданов, А.В. Коротаев // Политика. Журнал политической философии и социологии политики. – 2023. – № 3. Том. 110. – С. 149–171. – ISSN 2078-5089.

16. Жданов, А.И. Поляризация американских элит на основе анализа программных заявлений кандидатов во время президентских выборов 2020 г. / А.И. Жданов, К.В. Косолапов // Политика. Журнал политической философии и социологии политики. – 2023. – № 1. Том. 108. – С. 161–181. – ISSN 2078-5089.

17. Жданов, А.И. Количественный анализ экономических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы / А.И. Жданов, А.В. Коротаев // Научный и общественно-политический журнал «Социология власти». – 2023. – № 1. Том. 35. – С. 118–159. – ISSN 2074-0492.

18. Жданов, А.И. Инфляционное давление и революционная дестабилизация: оценка воздействия и сравнительный анализ / А.И. Жданов, А.В. Коротаев // Научный и общественно-политический журнал «Социология власти». – 2024. – № 2. Том. 36. – С. 113–141. – ISSN 2074-0492.

19. Исаева, П. Монархии Аравийского полуострова. Эволюция формы государства / П. Исаева. – Москва : Юнити-Дана, 2015. – 191 с. – ISBN 978-5-238-02177-5.

20. Коротаев, А.В. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. / А.В. Коротаев, Л. Исаев, А. Васильев // Социологические исследования. – 2015. – № 8. Том. 8 – С. 119–127. – ISSN 0132-1625.

21. Коротаев, А.В. Количественный анализ социально-демографических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы / А.В. Коротаев, Д. Мусиева, А.И. Жданов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2024. – № 3. Том. 27. – С. 106–145. – ISSN 1029-8053.

22. Козн, С. Бухарин. Политическая биография / С. Козн. – Москва : Прогресс, 1988. – 574 с. – ISBN 5-01-001900-0.

23. Кудинова, Н.Т. Отечественная историография революции 1917 г. в России, 1917–1995 гг. : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Кудинова Наталья Тимофеевна ; МГУ. – Москва, 1998. – 359 с. – Библиогр.: с. 284-295.

24. Ленин, В.И. Крах II интернационала / В.И. Ленин. – Москва : Издательство политической литературы, 1915. – 40 с. – ISBN отсутствует.

25. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – Москва : АСТ, 2017. – 448 с. – ISBN 978-5-17-094113-1.

26. Медведев, И. Структурные факторы мирной и вооруженной революционной смены власти: опыт анализа методами машинного обучения / И. Медведев, А.В. Коротаев // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2021. – № 1. Том. 12. – С. 145–189. – ISBN 978-5-7057-6066-4.

27. Мухаев, Р.Т. Демократический транзит: траектория и модели политической трансформации : монография / Р.Т. Мухаев, А.И. Жданов. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 142 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-16-019437-0.

28. Никифоров, А.А. Концепции революционных изменений: международные и внутривнутриполитические факторы в эпоху глобализации : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Никифоров Александр Андреевич ; СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2009. – 213 с. – Библиогр.: с. 185-213.

29. Платон. Государство / Платон. – Москва : АСТ, 2017. – 445 с. – ISBN 978-5-17-098343-8.

30. Устюжанин, В. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков (Глава 6 «Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и

вооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности») : монография / В. Устюжанин, А.И. Жданов, А.В. Коротаев [и др.] ; под ред. А.В. Коротаева. – Волгоград : Издательство «Учитель», 2022. – С. 131–210. – 500 экз. – 712 с. – ISBN 978-5-7057-6184-5.

31. Устюжанин, В. Революционные события XXI века: предварительный количественный анализ / В. Устюжанин, И.А. Медведев, А.В. Коротаев [и др.] // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 2. Том. 90 – С. 54–71. – ISBN 1026-9487.

32. Руссо, Ж.Ж. Об Общественном договоре / Ж.Ж. Руссо. – Москва : Канон-пресс, 1998. – 416 с. – ISBN 5-87533-113-5.

33. Слав, М. К регрессионному анализу рисков революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности в XXI веке / М. Слав, А.В. Коротаев // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2021. – № 1. Том. 12. – С. 219–241. – ISBN 978-5-7057-6066-4.

34. Смирнов, Д.Н. Манипулятивные технологии и их применение в условиях смены политического режима: опыт оранжевой революции на Украине : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Смирнов Дмитрий Николаевич ; ННГУ. – Нижний Новгород, 2009. – 352 с. – Библиогр.: с. 301-352.

35. Соколов, В.Ю. Проблема предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции в дискуссиях советских историков 1920 – начала 1930-х гг. : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Соколов Виктор Юрьевич ; Национальный исследовательский Томский государственный университет. – Томск, 1984. – 215 с. – Библиогр.: с. 197-215.

36. Устюжанин, В.В. Регрессионное моделирование вооруженной и невооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроне

нестабильности / В.В. Устюжанин, А.В. Коротаев // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2022. – № 1. Том. 13. – С. 211–244. – ISBN 978-5-7057-6184-5.

37. Устюжанин, В.В. Революционные события XXI века в афразийской макроне нестабильности и некоторых других мир-системных зонах: предварительный количественный анализ / В.В. Устюжанин, А.В. Коротаев, Л. Гринин // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2021. – № 1. Том. 12. – С. 106–144. – ISBN 978-5-7057-6066-4.

38. Чадайкин, Г.Н. Взаимодействие объективного и субъективного в осуществлении социалистической революции : специальность 09.00.02 «Теория научного социализма и коммунизма» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Чадайкин Геннадий Николаевич ; МГУ. – Москва, 1983. – 180 с. – Библиогр.: с. 164-180.

39. Шмитт, К. Понятие Политического / К. Шмитт. – Москва : Наука, 2016. – 567 с. – ISBN 978-5-02-038400-2.

40. Шульц, Э. Теория революции: к истории изучения, систематизации и современному состоянию / Э. Шульц // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. – 2015. – № 1. Том 198. – С. 167–172. – ISSN 1990-5327.

41. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер. – Москва : Экономика, 1995. – 540 с. – ISBN 5-282-01415-7.

Источники на иностранном языке

42. Acemoglu, D. A Theory of Political Transitions / D. Acemoglu, J.A. Robinson // American Economic Review. – 2001. – № 4. Volume 91. – P. 938–963. – ISSN 0002-8282.

43. Acemoglu, D. Why nations fail: the origins of power, prosperity and poverty / D. Acemoglu, J.A. Robinson. – New York : Profile Books, 2012. – 544 p. – ISBN 978-1-84668-429-6.
44. Akaev, A. Technological development and protest waves: Arab spring as a trigger of the global phase transition? / A. Akaev // Technological Forecasting and Social Change. – 2017. – Volume 116. – P. 316–321. – ISSN 0040-1625.
45. Albrecht, H. Revolutionary mass uprisings in authoritarian regimes / H. Albrecht, K. Koehler // International Area Studies Review. – 2020. – № 2. Volume 23. – P. 135–159. – ISSN 2233-8659.
46. Al-Shammari, N. Determinants of political instability across Arab Spring countries / N. Al-Shammari, J. Willoughby // Mediterranean Politics. – 2019. – № 2. Volume 24. – P. 196–217. – ISSN 1362-9395.
47. Arendt, H. On revolution / H. Arendt. – London : Faber & Faber, 2016. – 343 p. – ISBN 978-0-571-32741-6.
48. Aya, R. Rethinking revolutions and collective violence: studies on concept, theory, and method / R. Aya. – Amsterdam : Het Spinhuis, 1990. – 195 p. – ISBN 907-3-052-084.
49. Bacallao-Pino, L.M. Redes sociales, acción colectiva y elecciones: los usos de Facebook por el movimiento estudiantil chileno durante la campaña electoral de 2013 / L.M. Bacallao-Pino // Palabra Clave - Revista de Comunicación. – 2016. – № 3. Volume 19. – P. 810–837. – ISSN 1692-2795.
50. Badar, A.I. Global food inflation: emerging trends / A.I. Badar // Continental Journal of Food Science and Technology. – 2011. – № 1. Volume 5. – P. 31–36. – ISSN 2141-2086.
51. Badie, B. International encyclopedia of political science / B. Badie, D. Berg-Schlosser, L. Morlino. – New York : SAGE Publications, 2011. – 4032 p. – ISBN 978-1-412-95963-6.
52. Bagus, P. Causes and Consequences of Inflation / P. Bagus, D. Howden, A. Gabriel // Business and Society Review. – 2014. – № 4. Volume 119. – P. 497–517. – ISSN 0045-3609.

53. Bailey, T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions / T. Bailey. – London : J. Hatchard and Son, 1830. – 48 p. – ISBN отсутствует.
54. Baldwin, K. Elections and Collective Action: Evidence from Changes in Traditional Institutions in Liberia / K. Baldwin, E. Mvukiyehe // World Politics. – 2015. – № 4. Volume 67. – p. 690–725. – ISSN 0043-8871.
55. Barro, R.J. Education Matters: Global Schooling Gains from the 19th to the 21st Century / R.J. Barro, J.W. Lee. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 304 p. – ISBN 978-0199379231.
56. Beissinger, M.R. The Evolving Study of Revolution / M.R. Beissinger // World Politics. – 2024. – № 1. Volume 76. — P. 175–208. – ISSN 0043-8871.
57. Beissinger, M.R. The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion / M.R. Beissinger. – Princeton : Princeton University Press, 2022. – 480 p. – ISBN 978-0-691-22476-3.
58. Bezanson, A. Prices and Inflation During the American Revolution, Pennsylvania, 1770-1790 / A. Bezanson. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1951. – 380 p. – ISBN 978-1512810288.
59. Bell, S.R. Human Rights Violations and Post-election Protest / S.R. Bell, S. Chernykh // Political Research Quarterly. – 2019. – № 2. Volume 72. – P. 460–472. – ISSN 1065-9129.
60. Besançon, M.L. Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides / M.L. Besançon // Journal of Peace Research. – 2005. – № 4. Volume 42. – P. 393–415. – ISSN 0022-3433.
61. BIS Data Portal. Credit to the non-financial sector. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.bis.org/statistics/totcredit.htm> (дата обращения: 10.02.2025).
62. Black, D. On the Rationale of Group Decision-making / D. Black // Journal of Political Economy. – 1948. – № 1. Volume 56. – P. 23–34. – ISSN 0022-3808.
63. Blau, P.M. Exchange and power in social life / P.M. Blau. – New York : Wiley, 1964. – 352 p. – ISBN 047-1080306.

64. Brancati, D. Democracy Protests: Origins, Features, and Significance / D. Brancati. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 290 p. – ISBN 978-1-107-13773-8.

65. Brinton, C. The anatomy of revolution / C. Brinton. – New York : Vintage books, 1965. – 324 p. – ISBN 978-0394708738.

66. Buchheim, L. A Quantitative Theory of Political Transitions / L. Buchheim, R. Ulbricht // The Review of Economic Studies. – 2020. – № 4. Volume 87. – P. 1726–1756. – ISSN 0034-6527.

67. Bullock, A. The Fontana dictionary of modern thought / A. Bullock, O. Stallybrass. – London : Collins, 1977. – 684 p. – ISBN 978-0006351415.

68. Butcher, C. Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns / C. Butcher, I. Halliday // The Journal of Conflict Resolution. – 2016. – № 2. Volume 60. – P. 311–339. – ISBN 0022-0027.

69. Castañeda, J.G. Utopia unarmed: the Latin American left after the Cold War / J.G. Castañeda. – New York : Knopf, 1993. – 498 p. – ISBN 978-0679751410.

70. Chenoweth, E. Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? / E. Chenoweth, J. Ulfelder // Journal of Conflict Resolution. – 2017. – № 2. Volume 61. – P. 298–324. – ISSN 0034-6527.

71. Chenoweth, E. List of Campaigns in NAVCO 1.3 / E. Chenoweth, C. W. Shay. – Harvard Dataverse, 2020. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/0UZO TX> (дата обращения: 10.02.2025).

72. Chenoweth E. NAVCO 2.1 Dataset / E. Chenoweth, C. W. Shay. – Harvard Dataverse, 2019. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/P8JHF N> (дата обращения: 10.02.2025).

73. Chernykh, S. Third-Party Actors and the Success of Democracy: How Electoral Commissions, Courts, and Observers Shape Incentives for Electoral

Manipulation and Post-Election Protests / S. Chernykh, M.W. Svolik // The Journal of Politics. – 2015. – № 2. Volume 77. – P. 407–420. – ISSN 0022-3816.

74. Cincotta, R. Global Political Demography: The Politics of Population Change (Chapter 4 «Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts»): monograph / R. Cincotta, H. Weber ; edited by A. Goerres, P. Vanhuysse. – Cham : Palgrave Macmillan, 2021. – P. 57–92. – 500 ex. – 459 p. – ISBN 978-3-030-73065-9.

75. Clark, J. The History and Theory of Revolutions / J. Clark. – Philadelphia : Lippincott & Co, 1862. – 36 p. – ISBN 978-1104493684

76. Clio Infra. Total Gross Central Government Debt as a Percentage of GDP. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. - URL: <https://clio-infra.eu/Indicators/TotalGrossCentralGovernmentDebtasaPercentageofGDP.html> (дата обращения: 10.02.2025).

77. Coppedge, M. V-Dem Dataset 2021 – Varieties of Democracy (V-Dem) Project, 2021 / M. Coppedge. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. - URL: <https://www.v-dem.net/data/dataset-archive/> (дата обращения: 10.02.2025).

78. CJing, Z. Correlations between social media addiction and anxiety, depression, FoMO, loneliness and self-esteem among students: A systematic review and meta-analysis / Z. Jing // PLOS One. – 2025. – № 9. Volume 20. – P. 1-22. – ISSN 1932-6203.

79. Crook, J.A. The last age of the Roman Republic, 146-43 B.C. / J.A. Crook, A.W. Lintott, E. Rawson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 945 p. – ISBN 9780521256032.

80. Davies, J. C. Toward a Theory of Revolution / J. C. Davies // American Sociological Review. – 1962. – № 1. Volume 27. – P. 5–19. – ISSN 0003-1224.

81. Davies, S. Organized violence 1989–2021 and drone warfare / S. Davies, T. Pettersson, M. Öberg // Journal of Peace Research. – 2022. – № 4. Volume 59. – P. 593–610. – ISSN 0022-3433.

82. Haerpfer, C.W. Democratization / C.W. Haerpfer. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 421 p. – ISBN 978-0-19-923302-1.
83. Dion, L. Political Ideology as a Tool of Functional Analysis in Socio-Political Dynamics: An Hypothesis / L. Dion // Canadian Journal of Economics and Political Science. – 1959. – № 1. Volume 25. – P. 47–59. – ISSN 0315-4890.
84. Easton, D. The political system, an inquiry into the state of political science / D. Easton. – New York : Knopf, 1953. – 320 p. – ISBN 978-0226180014.
85. Sumernikov, E.A. Economic Origins of Revolutions: the Link between GDP and the Risk of Revolutionary Events / E.A. Sumernikov, V. Ustyuzhanin, V. Mikheeva, A. Korotaev // The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia. – 2023. – № 1. Volume 108. – P. 64–87. – ISSN 2078-4294.
86. Gallyamova A. Education and Revolutionary Destabilization Risks: A Quantitative Analysis / A. Gallyamova, Y. Stepanishcheva, V. Ustyuzhanin, A. Korotaev // Russian Sociological Review. – 2023. – № 1. Volume 22. – P. 98–128. – ISSN 1728-1938.
87. Eisenstadt, S.N. Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations / S.N. Eisenstadt. – New York : Free Press, 1978. – 348 p. – ISBN 9780029093900.
88. Engels, F. Revolution and counter-revolution in Germany / F. Engels. – Moscow : Progress Publishers, 1972. – 201 p. – ISBN отсутствует.
89. Estes-Pérez, A. Illiberalism, revolution and the 2016 Macedonian elections: The effects of social movements on electoral accountability / A. Estes-Pérez // Intersections. – 2021. – № 4. Volume 7. – P. 32–51. – ISSN 2416-089X.
90. Sened, I. Explaining social institutions / I. Sened, J. Knight. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1995. – 238 p. – ISBN 0-472-10588-4.
91. Fearon, J.D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War / J.D. Fearon, D.D. Laitin // American Political Science Review. – 2003. – № 1. Volume 97. – P. 75–90. – ISSN 0003-0554.

92. Feierabend, I.K. Anger, Violence, and Politics: Theories and Research / I.K. Feierabend, R.L. Feierabend, T.R. Gurr. – Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1972. – 423 p. – ISBN 0-13-036830-X.
93. Ferreira, M.C. Social media and political polarization as threats to democracy / M.C. Ferreira, T.T.D. Santos // Research, Society and Development. – 2024. – № 7. Volume 13. – P. 1-10. – ISSN 2525-3409.
94. Firth, D. Bias reduction of maximum likelihood estimates / D. Firth // Biometrika. – 1993. – № 1. Volume 80. – P. 27–38. – ISSN 0006-3444.
95. Foran, J. Taking power: on the origins of third world revolutions / J. Foran. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 395 p. – ISBN 0-521-62984-5.
96. Foran, J. The future of revolutions: rethinking radical change in the age of globalization / J. Foran. – London : Zed Books, 2003. – 346 p. – ISBN 9781842772125.
97. Fox, J. The Rise of Religious Nationalism and Conflict: Ethnic Conflict and Revolutionary Wars, 1945-2001 / J. Fox // Journal of Peace Research. – 2004. – № 6. Volume 41. – P. 715–731. – ISSN 0022-3433.
98. Freud, S. Introductory lectures on psychoanalysis / S. Freud. – New York : Norton, 1989. – 621 p. – ISBN 9780393005797.
99. Gallego, A. Automation, Digitalization, and Artificial Intelligence in the Workplace: Implications for Political Behavior / A. Gallego, T. Kurer // Annual Review of Political Science. – 2022. – № 1. Volume 25. – P. 463–484. – ISSN 1094-2939.
100. Gaur, A. Social media addiction as a correlates of anxiety and frustration / A. Gaur // International Journal of Social Science and Education Research. – 2024. – № 2. Volume 6. – P. 22–24. – ISSN 2149-5939.
101. Giddens, A. The Constitution of Society: outline of the theory of structuration / A. Giddens. – Berkeley : University of California Press, 1986. – 402 p. – ISBN 9780520057288.

102. Gleditsch, N.P. Armed Conflict 1946–2001: A New Dataset / N.P. Gleditsch // *Journal of Peace Research*. – 2002. – № 5. Volume 39. – P. 615–637. – ISSN 0022-3433.

103. Gleditsch, K.S. Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics / K.S. Gleditsch // *The Economics of Peace and Security Journal*. – 2021. – № 1. Volume 16. – P. 1–49. – ISBN 1749-8507.

104. Gleditsch, K.S. The Diffusion of Nonviolent Campaigns / K.S. Gleditsch, M. Rivera // *Journal of Conflict Resolution*. – 2017. – № 5. Volume 61. – P. 1120–1145. – ISSN 0022-0027.

105. Goldstone, J.A. A Global Model for Forecasting Political Instability / J.A. Goldstone // *American Journal of Political Science*. – 2010. – № 1. Volume 54. – P. 190–208. – ISSN 0092-5853.

106. Goldstone, J.A. Revolution and rebellion in the early modern world / J.A. Goldstone. – Berkeley : University of California Press, 1991. – 600 p. – ISBN 0-520-08267-2.

107. Goldstone, J.A. Revolutions: a very short introduction / J.A. Goldstone. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 148 p. – ISBN 9780199858514.

108. Goldstone, J.A. Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change (Chapter 3 «The Phenomenon and Theories of Revolutions»): monograph / J.A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev ; edited by J.A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. – Cham : Springer, 2022. – P. 37–68. – 500 ex. – 1082 p. – ISBN 978-3-030-86468-2.

109. Goldstone, J.A. Theories of Revolution: The Third Generation / J.A. Goldstone // *World Politics*. – 1980. – № 3. Volume 32. – P. 425–453. – ISSN 0043-8871.

110. Goldstone, J.A. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory / J.A. Goldstone // *Annual Review of Political Science*. – 2001. – № 1. Volume 4. – P. 139–187. – ISSN 1094-2939.

111. Goldstone, J.A. Handbook of revolutions in the 21st century: the new waves of revolutions, and the causes and effects of disruptive political change / J.A. Goldstone, L. Grinin, A.V. Korotayev. – Cham : Springer, 2022. – 889 p. – ISBN 978-3-030-86467-5.

112. Goodwin, J. No other way out: states and revolutionary movements, 1945-1991 / J. Goodwin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 407 p. – ISBN 978-0521620697.

113. Goodwin, J. Rethinking social movements: structure, meaning, and emotion / J. Goodwin, J.M. Jasper. – Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2004. – 307 p. – ISBN 978-0742525962.

114. Grinin, L. Is the Fifth Generation of Revolution Studies Still Coming? / L. Grinin, A. Korotayev // *Critical Sociology*. – 2024. – № 6. Volume 50. – P. 1039–1067. – ISSN 0896-9205.

115. Grinin, L. Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change (Chapter 12 «The European Revolutions and Revolutionary Waves of the 19th Century: Their Causes and Consequences»: monograph / L. Grinin ; edited by J.A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. – Cham : Springer, 2022. – P. 281–313. – 500 ex. – 1082 p. – ISBN 978-3-030-86467-5.

116. Grinin, L.E. Revolutions and Historical Process / L.E. Grinin // *Social Evolution & History*. – 2019. – № 2. Volume 18. – P. 122–157. – ISBN 1681-4363

117. Gurr, T.R. Why men rebel / T.R. Gurr. – Princeton: Princeton University Press, 1970. – 421 p. – ISBN 978-0-691-02167-8.

118. Gygli, S. The KOF Globalisation Index – revisited / S. Gygli // *The Review of International Organizations*. – 2019. – № 3. Volume 14. – P. 543–574. – ISSN 1559-7431.

119. Hafner-Burton, E.M. Surviving Elections: Election Violence, Incumbent Victory and Post-Election Repercussions / E.M. Hafner-Burton, S.D. Hyde, R.S. Jablonski // *British Journal of Political Science*. – 2018. – № 3. Volume 48. – P. 459–488. – ISSN 0007-1234.
120. Halliday, F. Revolution and world politics: the rise and fall of the sixth great power / F. Halliday. – Durham : Duke University Press, 1999. – 402 p. – ISBN 978-0-8223-2464-5.
121. Hatami, Z. Well-being and relative deprivation in a digital era / Z. Hatami, S. Yi, M. Hall // *Heliyon*. – 2022. – № 8. Volume 10. – ISSN 2405-8440.
122. Hayek, F.A. Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy / F.A. Hayek. – London : Routledge, 2013. – 1172 p. – ISBN 978-0415035323.
123. Huntington, S.P. Political order in changing societies / S.P. Huntington. – New Haven : Yale University Press, 1968. – 516 p. – ISBN 978-0300011715.
124. International Monetary Fund : официальный сайт. – Washington. – Обновляется в течение суток. - URL: <https://www.imf.org/en/Datasets#t=co> (дата обращения: 10.02.2025). – Текст : электронный.
125. International Telecommunication Union : официальный сайт. – Geneva. – Обновляется в течение суток. - URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D> (дата обращения: 10.02.2025). – Текст : электронный.
126. Interian, R. Network polarization, filter bubbles, and echo chambers: an annotated review of measures and reduction methods / R. Interian // *International Transactions in Operational Research*. – 2023. – № 6. Volume 30. – P. 3122–3158. – ISSN 0969-6016.
127. Johnson, C.A. Revolutionary change / C.A. Johnson. – 2nd ed. – Stanford : Stanford University Press, 1982. – 217 p. – ISBN 978-0804711456.
128. Keller, F. (Why) Do Revolutions Spread? / F. Keller // *Journal of Conflict Resolution*. – 2015. – № 1. Volume 59. – P. 1–45. – ISSN 0022-0027.
129. Knutsen, C.H. Income Growth and Revolutions / C.H. Knutsen // *Social Science Quarterly*. – 2014. – № 4. Volume 95. – P. 920–937. – ISSN 0038-4941.

130. Koren, O. U.S. Federal Reserve Policies can cause Political instability by raising bread prices / O. Koren, W.K. Winecoff // Food Security. – 2022. – № 6. Volume 14. – P. 1431–1434. – ISSN 1876-4517.

131. Korotayev, A. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: A Cross-National Analysis / A. Korotayev, L. Issaev, J. Zinkina // Cross-Cultural Research. – 2015. – № 5. Volume 49. – P. 461–488. – ISSN 1069-3971.

132. Korotayev, A. Elections, Type of Regime and Risks of Revolutionary Destabilization: A Quantitative Analysis = Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации / A. Korotayev, A. Zhdanov, G. Krivenko // Comparative Sociology. – 2024. – № 1. Volume 23. – P. 98–126. – ISSN 1569-1330.

133. Korotayev, A. Unemployment as a Predictor of Socio-Political Destabilization in Western and Eastern Europe / A. Korotayev, A. Khokhlova, S. Tsirel // Journal of Economic Sociology. – 2018. – № 2. Volume 19. – P. 118–166. – ISSN 1726-3247.

134. Korotayev, A.V. Factors of Deconsolidation of the Liberal Democracy Regime. The Case of the United States of America = Факторы деконсолидации либерально-демократического режима. Пример Соединенных Штатов Америки / A.V. Korotayev, A. Zhdanov // Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution. – 2022. – № 1. Volume 13. – P. 1–34. – ISSN 2373-7530. – Текст : электронный. – DOI 10.21237/C7clio13054207. – URL: <https://escholarship.org/uc/item/49k6n01t> (дата обращения: 10.06.2025)

135. Korotayev, A.V. Socio-Economic Development and Protests: A Quantitative Reanalysis / A.V. Korotayev, P.S. Sawyer, D.M. Romanov // Comparative Sociology. – 2021. – № 2. Volume 20. – P. 195–222. – ISSN 1569-1330.

136. Korotayev, A.V. Revolution and Democracy in the Twenty-First Century = Революция и демократия в XXI веке / A.V. Korotayev, A.I. Zhdanov, L. Grinin [et al.] // Cross-Cultural Research. – 2025. – № 2. Volume 59. – P. 180–215. – ISSN 1069-3971.

137. Korotayev, A.V. The Effectiveness of Global Systems for Monitoring Sociopolitical Instability: A Systematic Analysis / A.V. Korotayev // *Sotsiologicheskoe Obozrenie / Russian Sociological Review*. – 2020. – № 2. Volume 19. – P. 143–197. – ISSN 1728-192X.
138. Korotayev, A.V. The Fifth Generation of Revolution Studies. Part I: When, Why, and How Did It Emerge / A.V. Korotayev // *Critical Sociology*. – 2025. – № 2. Volume 51. – P. 257–282. – ISSN 0896-9205.
139. Ko, C.H. The Association between Internet Addiction and Belief of Frustration Intolerance: The Gender Difference / C.H. Ko // *CyberPsychology & Behavior*. – 2008. – № 3. Volume 11. – P. 273–278. – ISSN 2152-2715.
140. Kosmidis, I. Jeffreys-prior penalty, finiteness and shrinkage in binomial-response generalized linear models / I. Kosmidis, D. Firth // *Biometrika*. – 2021. – № 1. Volume 108. – P. 71–82. – ISSN 0006-3444.
141. Kselman, D. Protest voting in plurality elections: a theory of voter signaling / D. Kselman, E. Niou // *Public Choice*. – 2011. – № 3-4. Volume 148. – P. 395–418. – ISSN 0048-5829.
142. Kuran, T. Private truths, public lies: the social consequences of preference falsification / T. Kuran. – Cambridge : Harvard University Press, 1997. – 456 p. – ISBN 978-0-674-70758-0.
143. Kurian, T. The encyclopedia of political science / T. Kurian. – Washington, D.C: CQ Press, 2011. – 1801 p. – ISBN 978-1506319130.
144. Kautsky, K. The Road to Power / K. Kautsky. – Chicago : Bloch, 1909. – 120 p. – ISBN отсутствует.
145. Lawson, G. Anatomies of Revolution / G. Lawson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 288 p. – ISBN 978-1108710855.
146. Lawson, G. Within and Beyond the Fourth Generation of Revolutionary Theory / G. Lawson // *Sociological Theory*. – 2016. – № 2. Volume 34. – P. 106–127. – ISSN 0735-2751.

147. Lijphart, A. Democracy in plural societies: a comparative exploration / A. Lijphart. – New Haven : Yale University Press, 1980. – 248 p. – ISBN 978-0300024944.
148. Little, A.T. Elections, Protest, and Alternation of Power / A.T. Little, J.A. Tucker, T. LaGatta // The Journal of Politics. – 2015. – № 4. Volume 77. – P. 1142–1156. – ISSN 0022-3816.
149. Makowsky, M.D. An Agent-Based Model of Centralized Institutions, Social Network Technology, and Revolution / M.D. Makowsky, J. Rubin // PLoS ONE. – 2013. – № 11. Volume 8. – ISSN 1932-6203.
150. Mandeya, S.M. Inflation, Inflation Uncertainty and the Economic Growth Nexus: A Review of the Literature / S.M. Mandeya, S.Y. Ho // Folia Oeconomica Stetinensia. – 2022. – № 1. Volume 22. – P. 172–190. – ISSN 1730-4237.
151. Marshall, M.G. Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2018. Dataset Users' Manual – Center for Systemic Peace, 2020. / M.G. Marshall. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.systemicpeace.org/inscr/p5manualv2018.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
152. Marx, K. The communist manifesto / K. Marx, F. Engels. – London : Penguin, 1985. – 123 p. – ISBN 978-0140444629.
153. McGowan, T. Enjoying what we don't have: the political project of psychoanalysis / T. McGowan. – Lincoln : University of Nebraska Press, 2013. – 364 p. – ISBN 978-0803245112.
154. Molina, V. The Presidential and Parliamentary Elections of the Bolivarian Revolution in Venezuela: Change and Continuity (1998–2000) / V. Molina // Bulletin of Latin American Research. – 2002. – № 2. Volume 21. – P. 219–247. – ISSN 0261-3050.
155. Moore, B. Injustice: the social bases of obedience and revolt / B. Moore. – London : Macmillan Press, 1978. – 540 p. – ISBN 978-0333247839.

156. Moore, B. Social origins of dictatorship and democracy: lord and peasant in the making of the modern world / B. Moore. – Boston : Beacon Press, 1970. – 559 p. – ISBN 978-0807050750.
157. Mosca, G. The Ruling Class / G. Mosca. – New York : McGraw-Hill, 1939. – 570 p. – ISBN 978-0070434813.
158. Munro, D. Demographics: The Ratio of Revolution / D. Munro, C. Zeisberger. - SSRN Electronic Journal, 2011. – Обновляется в течение суток.
– Текст : электронный. – URL:
https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1926257 (дата обращения: 10.02.2025).
159. Nodia, G. The End of Revolution? / G. Nodia // Journal of Democracy. – 2000. – № 1. Volume 11. – P. 164–171. – ISSN 1045-5736.
160. Nunn, N. Ruggedness: The Blessing of Bad Geography in Africa / N. Nunn, D. Puga // Review of Economics and Statistics. – 2012. – № 1. Volume 94. – P. 20–36. – ISSN 0034-6535.
161. Odegard, P.H. The Process of Revolution. By George Sawyer Pettee / P.H. Odegard // American Political Science Review. – 1939. – № 4. Volume 33. – P. 692–694. – ISSN 0003-0554.
162. Orwell, G. Nineteen eighty-four / G. Orwell. – London : Penguin Books, 2003. – 355 p. – ISBN 978-0-14-103614-4.
163. Özşahin, Ş. The Consequences of Corruption on Inflation in Developing Countries: Evidence from Panel Cointegration and Causality Tests / Ş. Özşahin, G. Üçler // Economics. – 2017. – № 4. Volume 5. – P. 49. – ISSN 2227-7099.
164. Paige, J.M. Agrarian revolution: social movements and export agriculture in the underdeveloped world / J.M. Paige. – New York : Free Press, 1975. – 435 p. – ISBN 9780029235805.
165. Parsa, M. States, ideologies, and social revolutions: a comparative analysis of Iran, Nicaragua, and the Philippines / M. Parsa. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 326 p. – ISBN 978-0521774966.

166. Pettie, G. *The Process of Revolution* / G. Pettie. – New York : Harper and Brothers, 1938. – 167 p. – ISBN отсутствует.

167. Slav, M. *Political Regime Types and Revolutionary Destabilization Risks in the Twenty-First Century* / M. Slav, A. Korotayev, L. Grinin, I. Medvedev // *Russian Sociological Review*. – 2022. – № 2. Volume 21. – P. 9–65. – ISSN 1728-1938.

168. Polity5: Regime Authority Characteristics and Transitions Datasets. – Center for Systemic Peace, 2022. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (дата обращения: 10.02.2025).

169. Przeworski, A. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990* / A. Przeworski. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 320 p. – ISBN 978-0521793797.

170. Rawls, J. *A theory of justice* / J. Rawls. – Cambridge : Belknap Press, 2005. – 607 p. – ISBN 978-0674017724.

171. Robellarz, J.K. *Reaching the bubble may not be enough: news media role in online political polarization* / J.K. Robellarz // *EPJ Data Science*. – 2022. – № 1. Volume 11. – P. 47. – ISSN 2193-1127.

172. Reinhart, C. *Browse Data by Topic and Country* / C. Reinhart. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.carmenreinhardt.com/data/> (дата обращения: 10.02.2025).

173. Ritter, D.P. *The iron cage of liberalism: international politics and unarmed revolutions in the Middle East and North Africa* / D.P. Ritter. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 273 p. – ISBN 978-0199658329.

174. Ross, M.L. *Does Oil Hinder Democracy?* / M.L. Ross // *World Politics*. – 2001. – № 3. Volume 53. – P. 325–361. – ISSN 0043-8871.

175. Rozov, N.S. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change (Chapter 10 «Typology and Principles of Dynamics of Revolutionary Waves in World History»): monograph* / N.S. Rozov ; edited by J.A. Goldstone, L. Grinin,

A.V. Korotayev. – Cham : Springer, 2022. – P. 241-264. – 500 ex. – 1082 p. – ISBN 978-3-030-86468-2.

176. Saud, M. Indonesia's rise in digital democracy and youth's political participation / M. Saud, H. Margono // *Journal of Information Technology & Politics*. – 2021. – № 4. Volume 18. – P. 443–454. – ISSN 1933-1681.

177. Sawyer, P.S. Formal Education and Contentious Politics: The Case of Violent and Non-Violent Protest / P.S. Sawyer, A.V. Korotayev // *Political Studies Review*. – 2022. – № 3. Volume 20. – P. 366–389. – ISSN 1478-9299.

178. Seeberg, M.B. State capacity and the paradox of authoritarian elections / M.B. Seeberg // *Democratization*. – 2014. – № 7. Volume 21. – No. 7. – P. 1265–1285. – ISSN 1351-0347.

179. Selbin, E. Revolution, rebellion, resistance: the power of story / E. Selbin. – London : Zed Books, 2010. – 257 p. – ISBN 978-1-84813-017-3.

180. Shaheen, S. Soziale Aufstände. Konzeptualisierung, Bemessung, Ursachen und Folgerungen / S. Shaheen. – Wiesbaden : Springer VS, 2015. – 139 p. – ISBN 978-3-658-07216-5.

181. Skocpol, T. States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia, and China / T. Skocpol. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – 407 p. – ISBN 978-0521224390.

182. Smelser, N. Theory of collective behavior / N. Smelser. – New York : Free Press, 1963. – 456 p. – ISBN 978-1610270854.

183. Smith, B. Oil Wealth and Regime Survival in the Developing World, 1960–1999 / B. Smith // *American Journal of Political Science*. – 2004. – № 2. Volume 48. — P. 232–246. – ISSN 0092-5853.

184. Snyder, R.S. The End of Revolution? / R.S. Snyder // *The Review of Politics*. – 1999. – № 1. Volume 61. – P. 5–28. – ISSN 0034-6705.

185. Shishkina, A. Socio-economic Development and Anti-government Protests in Light of a New Quantitative Analysis of Global Databases / A. Shishkina, P. Sawyer, L. Grinin [et al.] // *Sociological Journal*. – 2020. – № 4. Volume 26. – P. 61–78. – ISSN 1684-1581.

186. Sorokin, P. The Sociology of Revolution / P. Sorokin. – Philadelphia : Lippincott, 1925. – 448 p. – ISBN отсутствует.
187. Streeck, W. Buying time: the delayed crisis of democratic capitalism / W. Streeck. – Brooklyn : Verso, 2014. – 220 p. – ISBN 978-1781682525.
188. Tocqueville, A. The Old Régime and the French Revolution / A. Tocqueville. – Garden City : Doubleday, 1955. – 330 p. – ISBN 978-0385092609.
189. Trimberger, E.K. Revolution from above: military bureaucrats and development in Japan, Turkey, Egypt, and Peru / E.K. Trimberger. – New Brunswick : Transaction Books, 1978. – 196 p. – ISBN 978-0878551361.
190. Trotsky, L. The permanent revolution / L. Trotsky. – New York : Pioneer Publishers, 1931. – 92 p. – ISBN отсутствует.
191. Turchin, P. Dynamics of political instability in the United States, 1780–2010 / P. Turchin // Journal of Peace Research. – 2012. – № 4. Volume 49. – P. 577–591. – ISSN 0022-3433.
192. Turchin, P. Modeling Social Pressures Toward Political Instability / P. Turchin // Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution. – 2013. – № 2. Volume 4. – P. 241–280. – ISSN 2373-7530.
193. Turchin, P. The 2010 structural-demographic forecast for the 2010–2020 decade: A retrospective assessment / P. Turchin, A. Korotayev // PLOS ONE. – 2020. – № 8. Volume 15. – P. 1–14. – ISSN 1932-6203. – Текст : электронный. – DOI 10.1371/journal.pone.0237458. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0237458> (дата обращения: 10.06.2025)
194. United Nations. Revision of World Population Prospects. – United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2023. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 10.02.2025).

195. United Nations. Department of Economic and Social Affairs, Population Division. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. - URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/> (дата обращения: 10.02.2025).
196. U.S. Census Bureau. International Database (IDB). – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. - URL: <https://www.census.gov/data-tools/demo/idb/> (дата обращения: 10.02.2025).
197. Ustyuzhanin, V. Codebook for Revolutions Dataset, V1.1 - – Moscow: HSE University, 2024 / V. Ustyuzhanin, A. Korotayev, D. Semichev. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. - URL: <https://www.hse.ru/en/org/persons/208836121> (дата обращения: 10.02.2025).
198. V-Dem Dataset. – Varieties of Democracy (V-Dem) Project, 2024. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. - URL: <https://www.v-dem.net/data/the-v-dem-dataset/> (дата обращения: 10.02.2025).
199. Walter, B.F. How civil wars start / B.F. Walter. – New York : Crown, 2022. – 320 p. – ISBN 978-0-593-13778-9.
200. White, E.N. The French Revolution and the Politics of Government Finance, 1770–1815 / E.N. White // The Journal of Economic History. – 1995. – № 2. Volume 55. – P. 227–255. – ISSN 0022-0507.
201. Wijermars, M. Is Telegram a “harbinger of freedom”? The performance, practices, and perception of platforms as political actors in authoritarian states / M. Wijermars, T. Lokot // Post-Soviet Affairs. – 2022. – № 1. Volume 38. – P. 125–145. – ISSN 1938-2855.
202. Wimmer, A. Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set / A. Wimmer, L.E. Cederman, B. Min // American Sociological Review. – 2009. – № 2. Volume 74 – P. 316–337. – ISSN 0003-1224.
203. Wolf, E.R. Peasant wars of the twentieth century / E.R. Wolf. – London : Faber and Faber, 1973. – 328 p. – ISBN 978-0-571-09611-5.

204. World Development Indicators Online. – The World Bank, 2025. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://databank.worldbank.org/source/worlddevelopmentindicators> (дата обращения: 10.02.2025).

205. World Values Survey (WVS). Online Data Analysis. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 10.02.2025).

206. Yana, G. Russian Regional Elections / G. Yana, D. Matti Jan // Russian Politics. – 2019. – № 3. Volume 4. – P. 405–416. – ISSN 2451-8913.

207. Yeaman, G. Revolutions a lecture / G. Yeaman. – Louisville : J. P. Morton & Co., 1861. – 24 p. – ISBN отсутствует.

208. Yu, Y. Understanding the Digital Revolution and Its Influences / Y. Yu, Y. Jiang. – Singapore : Springer, 2024. – 210 p. – ISBN 978-981-97-4938-6.

209. Zahan, M. Gen Z's Leadership Strategy in the Student Movement: A Factor Analysis on July Revolution in Bangladesh / M. Zahan, A.R. Khan, G. Mathbor. – SSRN, 2024. – Обновляется в течение суток. – Текст : электронный. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4682150 (дата обращения: 10.02.2025).

210. Zhdanov, A. Exploring the Polarization of American Elites Based on the Analyses of Candidates' Statements During the 2020 Presidential Election = Исследование поляризации американских элит на основе анализа заявлений кандидатов / A. Zhdanov, K. Kosolapov // Democracy and Security. – 2025. - № 2. Volume 21. – P. 93-112. – eISSN 1555-5860. – Текст : электронный. – DOI 10.1080/17419166.2024.2389449. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17419166.2024.2389449> (дата обращения: 10.10.2025)

211. Zhdanov, A.I. Analysis of revolutionary destabilization factors asymmetry in political regime context = Анализ асимметрии факторов революционной дестабилизации в контексте политического режима /

A.I. Zhdanov // XXXVI International Plekhanov Readings: a collection of articles by postgraduate students and young scientists in foreign languages ; edited by E.L. Agibalova. – Moscow : PRUE, 2023. – P. 197-202. – ISBN 978-5-7307-2000-8.

212. Zhdanov, A.I. Why Do Revolutions Tend to Become Less Violent?: Some Explanations of the Global Trend = Почему революции, как правило, становятся менее насильственными: Некоторые объяснения глобальной тенденции / A.I. Zhdanov, A.V. Korotaev, V.V. Ustyuzhanin [et al.] // Comparative Sociology. – 2025. - № 6. Volume 24. – P. 801–842. – eISSN 1569-1330. – Текст : электронный. – DOI 10.1163/15691330-bja10154. – URL: https://brill.com/view/journals/coso/24/6/article-p801_2.xml (дата обращения: 10.06.2025)

213. Zinkina, J. Russian Regional Elections / J. Zinkina, D. Meshcherina // Russian Politics. – 2019. – № 3. Volume 4.– P. 417–428. – ISSN 1569-1322.

Приложение А
(информационное)

Список революционных эпизодов с 1950 г., используемых в качестве независимой переменной

Таблица А.1 – Перечень революционных эпизодов, составленный М. Бессенджером

Название революции	Государство	Год	Тип (вооружённая / невооружённая)
1	2	3	4
Moluccan Independence Movement	Indonesian-controlled Molucca Islands	1950	Вооружённая
First Naga Rebellion	Indian-controlled Nagaland	1951	Вооружённая
Tunisian independence movement	French-controlled Tunisia	1952	Вооружённая
Egyptian Revolution of 1952	Egypt	1952	Вооружённая
Bolivian MNR Revolution	Bolivia	1952	Вооружённая
Rosewater Revolution	Lebanon	1952	Невооружённая
Mau-Mau Revolt	British-controlled Kenya	1952	Вооружённая
East German Uprising	East Germany	1953	Невооружённая
Algerian National Revolution	French-controlled Algeria	1954	Вооружённая
Cameroon War of Independence	French-controlled Cameroon	1955	Вооружённая
First Sudanese Civil War	Sudanese-controlled South Sudan	1955	Вооружённая
Tibetan Uprising	Chinese-controlled Tibet	1956	Вооружённая
Peronist revolt	Argentina	1956	Вооружённая
Hungarian Revolution of 1956	Hungary	1956	Вооружённая
Cuban revolution	Cuba	1956	Вооружённая
Colombian 1957 Revolution	Colombia	1957	Невооружённая
1958 Venezuelan Uprising	Venezuela	1958	Вооружённая
Paraguayan Uprisings	Paraguay	1958	Вооружённая
First Lebanese civil war	Lebanon	1958	Вооружённая
Shan State Rebellion	Shan State	1958	Вооружённая
Mon Uprising	Myanmar-controlled Mon State	1958	Вооружённая

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
April Revolution	South Korea	1960	Невооружённая
Anti-apartheid movement	South Africa	1960	Вооружённая
Congo Crisis	Zaire	1960	Вооружённая
Guatemalan civil war	Guatemala	1960	Вооружённая
Angolan war of independence	Portuguese-controlled Angola	1961	Вооружённая
Eritrean war of independence	Ethiopian-controlled Eritrea	1961	Вооружённая
First Tuareg Rebellion in Mali	Tuareg-inhabited regions of Mali	1962	Вооружённая
First Kachin Rebellion	Myanmar-controlled Kachin	1962	Вооружённая
Venezuelan Insurgency	Venezuela	1962	Вооружённая
Dhofar Rebellion	British-controlled Oman	1962	Вооружённая
Brunei Rebellion	British protectorate of Brunei	1962	Вооружённая
Guinea-Bissau revolution	Portuguese-controlled Guinea and Cape Verde Islands	1963	Вооружённая
15 Khordad Uprising	Iran	1963	Невооружённая
Ar-Rashid Revolt	Iraq	1963	Вооружённая
Trois Glorieuses	Congo-Brazzaville	1963	Вооружённая
Aden Emergency	British-controlled Aden	1963	Вооружённая
Manipur Insurgency	Indian-controlled Manipur	1964	Вооружённая
Simba Rebellion	Zaire	1964	Вооружённая
Rhodesian Bush War	Rhodesia	1964	Вооружённая
Mozambique war of independence	Portuguese-controlled Mozambique	1964	Вооружённая
October Revolution in Sudan	Sudan	1964	Невооружённая
March Intifada	British-controlled Bahrain	1965	Невооружённая
Dominican civil war	Dominican Republic	1965	Вооружённая
Thai communist insurgency	Thailand	1965	Вооружённая
First Chadian civil war	Chad	1965	Вооружённая
Mizo Uprising	Indian-controlled Mizoram	1966	Вооружённая
1966 Ecuador Unrest	Ecuador	1966	Невооружённая
Namibian War of Independence	South African-controlled Namibia	1966	Вооружённая
Cambodian Civil War	Cambodia	1967	Вооружённая
First Naxalite Uprising	India	1967	Вооружённая
Nigerian Civil War	Iboland	1967	Вооружённая

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
Tupamaros	Uruguay	1967	Вооружённая
Bangladesh Secession	Pakistan-controlled East Pakistan	1968	Вооружённая
May 1968 in France	France	1968	Невооружённая
Basque Separatist Movement	Spanish-controlled Basque Lands	1968	Вооружённая
Second Malayan Emergency	Malaysia	1968	Вооружённая
NPA Communist Revolution	Philippines	1969	Вооружённая
ERP/Montoneros Rebellion	Argentina	1969	Вооружённая
Black Power Revolution in Trinidad	Trinidad and Tobago	1970	Невооружённая
Black September in Jordan	Jordan	1970	Вооружённая
Monima Revolt	Madagascar	1971	Вооружённая
1971 JVP Insurrection	Sri Lanka	1971	Вооружённая
1972 Rotaka Revolution	Madagascar	1972	Невооружённая
First Burundi civil war	Burundi	1972	Вооружённая
Moro Rebellion	Philippines-controlled Mindinao	1972	Вооружённая
Baloch Insurgency	Pakistan-controlled Baluchistan	1973	Вооружённая
1973 Thai Democracy Movement	Thailand	1973	Невооружённая
Greek Polytechnic Uprising	Greece	1973	Невооружённая
Carnation Revolution	Portugal	1974	Вооружённая
Ethiopian Civil War	Ethiopia	1974	Вооружённая
Second Lebanese civil war	Lebanon	1975	Вооружённая
Angolan civil war	Angola	1975	Вооружённая
Laotian guerilla war	Laos	1975	Вооружённая
Colombian civil war	Colombia	1976	Вооружённая
Aceh Insurgency	Indonesian-controlled Aceh	1976	Вооружённая
Mozambican civil war	Mozambique	1977	Вооружённая
Iranian Revolution	Iran	1978	Вооружённая
Sandinista Revolution	Nicaragua	1978	Вооружённая
Saur (April) Revolution	Afghanistan	1978	Вооружённая
Ugandan civil war	Uganda	1978	Вооружённая
Afghan civil war	Afghanistan	1979	Вооружённая
El Salvador Civil War	El Salvador	1979	Вооружённая
Islamist Uprising in Syria	Syria	1979	Вооружённая
Second Naga Insurgency	Nagaland	1980	Вооружённая

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
Second Chadian civil war	Chad	1980	Вооружённая
Sendero Luminoso	Peru	1980	Вооружённая
Kwangju Uprising	South Korea	1980	Вооружённая
Solidarity Uprising	Poland	1980	Невооружённая
Uganda Bush War	Uganda	1981	Вооружённая
Mujahideen Rebellion	Iran	1981	Вооружённая
Sikh Separatist Insurgency	Indian-controlled Punjab	1981	Вооружённая
Contra wars	Nicaragua	1982	Вооружённая
Bolivian Anti-Military Protests	Bolivia	1982	Невооружённая
Second Sudanese Civil War	Sudanese-controlled South Sudan	1983	Вооружённая
Sri Lankan Civil War	Tamil-inhabited northern and eastern Sri Lanka	1983	Вооружённая
PKK Kurdish Rebellion in Turkey	Turkish-controlled Kurdistan	1984	Вооружённая
New Caledonian Uprising	French-controlled New Caledonia	1984	Невооружённая
Sudanese 1985 Revolution	Sudan	1985	Невооружённая
Haitian Uprising	Haiti	1985	Невооружённая
People Power Revolution	Philippines	1986	Невооружённая
Somali Revolution	Somalia	1986	Вооружённая
Ugandan Holy Spirit Movement	Uganda	1986	Вооружённая
South Korean June Uprising	South Korea	1987	Невооружённая
1987 JVP Insurrection	Sri Lanka	1987	Вооружённая
Panamanian Civic Crusade	Panama	1987	Невооружённая
1987 Tibetan Uprising	Chinese-controlled Tibet	1987	Невооружённая
First Intifada	Israeli-occupied West Bank and Gaza	1987	Невооружённая
Bodo Insurgency	Indian-controlled Bodoland	1988	Вооружённая
8888 Uprising	Myanmar	1988	Невооружённая
Lord's Resistance Army Insurgency	Uganda	1988	Вооружённая
Estonian Singing Revolution	Soviet-controlled Estonia	1988	Невооружённая
Lithuanian National Revolution	Soviet-controlled Lithuania	1988	Невооружённая
Latvian Singing Revolution	Soviet-controlled Latvia	1988	Невооружённая

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
Papua New Guinean Civil War	Papua New Guinea-controlled Bougainville	1988	Вооружённая
Georgian National Revolution	Soviet-controlled Georgia	1988	Невооружённая
Tiananmen Protests	China	1989	Невооружённая
East German Revolution	East Germany	1989	Невооружённая
Bulgarian Revolution of 1989	Bulgaria	1989	Невооружённая
Velvet revolution	Czechoslovakia	1989	Невооружённая
Beninese revolution	Benin	1989	Невооружённая
1990 Mongolian Revolution	Mongolia	1989	Невооружённая
Romanian Revolution	Romania	1989	Вооружённая
First Liberian Civil War	Liberia	1989	Вооружённая
Second Naxalite Rebellion	India	1990	Вооружённая
Black January in Baku	Soviet-controlled Azerbaijan	1990	Вооружённая
Nepalese People's Movement	Nepal	1990	Невооружённая
Baren Uprising	Chinese-controlled Xinjiang	1990	Вооружённая
Assam Rebellion	Indian-controlled Assam	1990	Вооружённая
Second Tuareg Rebellion in Mali	Tuareg-inhabited regions of Mali	1990	Вооружённая
Nigerien Civil War	Tuareg-inhabited regions of Niger	1990	Вооружённая
Kosovo War for Independence	Serbian-controlled Kosovo	1990	Вооружённая
Rwandan civil war	Rwanda	1990	Вооружённая
1990 Revolution in Bangladesh	Bangladesh	1990	Невооружённая
Third Chadian civil war	Chad	1990	Вооружённая
Togo 1991 Revolution	Togo	1991	Вооружённая
1991 Uprisings in Iraq	Iraq	1991	Вооружённая
March 1991 Revolution in Mali	Mali	1991	Невооружённая
Sierra Leonean Civil War	Sierra Leone	1991	Вооружённая
Albanian Anti-Communist Protests	Albania	1991	Невооружённая
1991 Madagascar Revolution	Madagascar	1991	Невооружённая
Russian revolution of 1991	Soviet Union	1991	Невооружённая
Georgian Civil War 1991-93	Georgia	1991	Вооружённая

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
Algerian Civil War	Algeria	1992	Вооружённая
Oromo Rebellion	Ethiopia	1992	Вооружённая
Tajikistan Civil War	Tajikistan	1992	Вооружённая
Black May in Thailand	Thailand	1992	Невооружённая
Russian constitutional crisis of 1993	Russian Federation	1993	Вооружённая
Second Burundi Civil War	Burundi	1993	Вооружённая
Taliban Revolution	Afghanistan	1994	Вооружённая
Chiapas Rebellion	Mexico	1994	Вооружённая
1994 Bahrain Uprising	Bahrain	1994	Вооружённая
1995 Yining/Ghulja Disturbances	Chinese-controlled Xinjiang	1995	Вооружённая
Nepalese civil war	Nepal	1996	Вооружённая
Congo Civil War	Zaire	1996	Вооружённая
Albanian pyramid scheme revolt	Albania	1997	Вооружённая
Republic of Congo Civil War	Republic of Congo	1997	Вооружённая
Indonesian Revolution	Indonesia	1998	Невооружённая
1999 Shia Uprising in Iraq	Iraq	1999	Вооружённая
Second Liberian Civil War	Liberia	1999	Вооружённая
Bulldozer Revolution	Serbia	2000	Невооружённая
Second Intifada	Israeli-occupied West Bank and Gaza	2000	Невооружённая
EDSA 2 Revolution	Philippines	2001	Невооружённая
EDSA 3	Philippines	2001	Невооружённая
December 2001 Uprising in Argentina	Argentina	2001	Невооружённая
Madagascar electoral revolution	Madagascar	2002	Невооружённая
2002 Anti-Chavez Revolt	Venezuela	2002	Невооружённая
First Ivoirian Civil War	Ivory Coast	2002	Вооружённая
Rose Revolution	Georgia	2003	Невооружённая
Patani Revolt	Thailand-controlled Patani	2004	Вооружённая
Second PKK Kurdish-Turkish Rebellion	Turkish-controlled Kurdistan	2004	Вооружённая
Black Friday in Maldives	Maldives	2004	Невооружённая
Orange Revolution	Ukraine	2004	Невооружённая
Tulip Revolution	Kyrgyzstan	2005	Невооружённая
Azerbaijan color revolution attempt	Azerbaijan	2005	Невооружённая
Fourth Chadian Civil War	Chad	2005	Вооружённая

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
Belarus Jeans Revolution	Belarus	2006	Невооружённая
April Revolution in Nepal	Nepal	2006	Невооружённая
2006 Hungarian Protests	Hungary	2006	Невооружённая
2007 Guinean General Strike	Guinea	2007	Невооружённая
2007 Tuareg Rebellion in Niger	Tuareg-inhabited regions of Niger	2007	Вооружённая
Civil war in Ingushetia	Russian-controlled Ingushetia	2007	Вооружённая
Saffron Revolution	Myanmar	2007	Невооружённая
Armenian colored revolution attempt	Armenia	2008	Невооружённая
2008 Tibetan Unrest	Chinese-controlled Tibet	2008	Невооружённая
PAD revolution	Thailand	2008	Вооружённая
2009 Malagasy Political Crisis	Madagascar	2009	Невооружённая
Pro-Thaksin Revolution	Thailand	2009	Вооружённая
Moldovan Twitter Revolution	Moldova	2009	Невооружённая
Niger Constitutional Crisis	Niger	2009	Невооружённая
Iranian Election Protests	Iran	2009	Невооружённая
Boko Haram Rebellion	Nigeria	2009	Вооружённая
Red Shirts Protests 2010	Thailand	2010	Вооружённая
Kyrgyz 2010 revolution	Kyrgyzstan	2010	Вооружённая
Tunisian Revolution	Tunisia	2010	Невооружённая
Egyptian Revolution 2011	Egypt	2011	Невооружённая
Yemeni Uprising 2011	Yemen	2011	Вооружённая
Djiboutian Uprising 2011	Djibouti	2011	Невооружённая
Pearl Revolution	Bahrain	2011	Невооружённая
2011 Green Movement Protests in Iran	Iran	2011	Невооружённая
Libyan Revolution 2011	Libya	2011	Вооружённая
Syrian Civil War	Syria	2011	Вооружённая
Second Kachin Rebellion	Myanmar-controlled Kachin	2011	Вооружённая
Sunni Insurgency in Iraq (ISIL)	Iraq	2011	Вооружённая
2011-2012 Protests in Maldives	Maldives	2011	Вооружённая
2012 Tuareg Rebellion	Tuareg-inhabited regions of Mali	2012	Вооружённая
M23 Rebellion	Democratic Republic of Congo	2012	Вооружённая

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4
Central African Conflict	Central African Republic	2012	Вооружённая
Anti-Balaka Revolt	Central African Republic	2013	Вооружённая
Gezi Park Protests	Turkey	2013	Невооружённая
2013 Egyptian Counter-Revolution	Egypt	2013	Невооружённая
Euromaidan Uprising	Ukraine	2013	Невооружённая
South Sudanese Civil War	South Sudan	2013	Вооружённая
2014 Venezuelan Protests	Venezuela	2014	Невооружённая
2014 Bosnian Spring	Bosnia-Herzegovina	2014	Невооружённая
Libyan Civil War	Libya	2014	Вооружённая
September 21 Revolution in Yemen	Yemen	2014	Вооружённая
Burkinabè Uprising (2014)	Burkina Faso	2014	Невооружённая

Источник: составлено автором.

Таблица А.2 - Перечень революционных эпизодов NAVCO

Название революции	Государство	Год	Тип (вооружённая / невооружённая)
1	2	3	4
Moluccans	Indonesia	1950	Вооружённая
First Pathet Lao	Laos	1950	Вооружённая
White Revolution	Lebanon	1951	Невооружённая
leftists	Bolivia	1952	Вооружённая
Mau Mau Rebellion	Kenya	1952	Вооружённая
First Defiance Campaign	South Africa	1952	Невооружённая
Tunisian independence movement	Tunisia	1952	Вооружённая
East German uprising	East Germany	1953	Невооружённая
Darul Islam	Indonesia	1953	Вооружённая
Moroccan Independence War	Morocco	1953	Вооружённая
Algerian Revolt/National Liberation Front	Algeria	1954	Вооружённая
Ethniki Organosis Kyprios Agoniston	Cyprus	1954	Вооружённая
Conservative movement	Guatemala	1954	Вооружённая
Revolucion Libertadora	Argentina	1955	Вооружённая
anti-colonialist movement	Cameroon	1955	Вооружённая
Convention People's Party movement	Ghana	1955	Невооружённая
Yemeni insurgency	Yemen	1955	Вооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
Hundred Flowers Movement	China	1956	Невооружённая
Tibetan resistance	China	1956	Вооружённая
anti-Maglore movement	Haiti	1956	Невооружённая
Hungarian anti-communist	Hungary	1956	Невооружённая
Hungarian anti-Soviet	Hungary	1956	Вооружённая
Naga Rebellion	India	1956	Вооружённая
leftists	Indonesia	1956	Вооружённая
Naga Insurgency	Myanmar	1956	Вооружённая
Poznan protests	Poland	1956	Невооружённая
Rwandan independence	Rwanda	1956	Вооружённая
Georgian anti-Khrushchev protests	USSR	1956	Невооружённая
anti-Rojas	Colombia	1957	Невооружённая
Ifni war	Morocco	1957	Вооружённая
Cuban Revolution	Cuba	1958	Вооружённая
leftists (anti-Shamun)	Lebanon	1958	Вооружённая
Nyasaland African Congress	Malawi	1958	Невооружённая
anti-Jimenez campaign	Venezuela	1958	Невооружённая
Congolese Independence Movement	Democratic Republic of Congo	1959	Невооружённая
Shammar Tribe and pro-Western officers	Iraq	1959	Вооружённая
Second Pathet Lao	Laos	1959	Вооружённая
Cameroon anti-Ahidjo government movement	Cameroon	1960	Вооружённая
Anti-Lemus campaign	El Salvador	1960	Невооружённая
French Nationalists/SAO	France	1960	Вооружённая
Anti-Kishi Campaign	Japan	1960	Невооружённая
Student Revolution	South Korea	1960	Невооружённая
Students Lead Protest for Regime Change	Turkey	1960	Невооружённая
North Vietnam (National Liberation Front)	Vietnam	1960	Вооружённая
Katanga-led leftists	Zaire/DRC	1960	Вооружённая
Popular Movement for the Liberation of Angola	Angola	1961	Вооружённая
anti-Balaguer strikes	Dominican Republic	1961	Невооружённая
Kurdish rebellion	Iraq	1961	Вооружённая
North Vietnam (National Liberation Front) anti-occupation	Vietnam	1961	Вооружённая
Zambian independence movement	Zambia	1961	Невооружённая
former rebel leaders	Algeria	1962	Вооружённая
Brunei Revolt	Brunei	1962	Вооружённая
Anti-Ydigoras	Guatemala	1962	Невооружённая
Front for the Liberation of Mozambique (PFLOAG)	Mozambique	1962	Вооружённая
Second Balochistan Separatist Movement	Pakistan	1962	Вооружённая
Armed Forces for National Liberation (FALN)	Venezuela	1962	Вооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
Royalists	Yemen Arab Republic	1962	Вооружённая
Benin anti-government protests	Benin	1963	Невооружённая
PAIGC	Guinea-Bissau	1963	Вооружённая
Watusi	Rwanda	1963	Вооружённая
1963 Buddhist Protests	South Vietnam	1963	Невооружённая
Anyu Nya	Sudan	1963	Вооружённая
Tupamaros	Uruguay	1963	Вооружённая
FLOSY, NLF in Aden	Yemen	1963	Вооружённая
Bolivian anti-government protests	Bolivia	1964	Невооружённая
Revolutionary Armed Forces of Colombia, National Liberation Army, M-19	Colombia	1964	Вооружённая
CNL	DRC	1964	Вооружённая
NFDLM secessionists	Kenya	1964	Вооружённая
1964 Anti-Khanh Protests	South Vietnam	1964	Невооружённая
Anti-Huong	South Vietnam	1964	Невооружённая
October Revolution	Sudan	1964	Невооружённая
leftists	Dominican Republic	1965	Вооружённая
1965 Anti-Junta Campaign	Ecuador	1965	Невооружённая
Greece premier protest	Greece	1965	Невооружённая
communist rebels	Thailand	1965	Вооружённая
West Papua rebels	West Papua	1965	Вооружённая
Frolinat	Chad	1966	Вооружённая
Marxist rebels (URNG)	Guatemala	1966	Вооружённая
Mizo Revolt	India	1966	Вооружённая
1966-67 Anti-Ky Protests	South Vietnam	1966	Невооружённая
Anti-Military Govt	South Vietnam	1966	Невооружённая
Buganda Tribe	Uganda	1966	Вооружённая
Cultural Revolution Red Guards	China	1967	Вооружённая
Naxalite insurgency	India	1967	Вооружённая
Biafrans	Nigeria	1967	Вооружённая
Czech uprising	Czechoslovakia	1968	Невооружённая
IRA/Irish nationalists	Northern Ireland	1968	Вооружённая
anti-Khan campaign	Pakistan	1968	Невооружённая
Moro National Liberation Front	Philippines	1968	Вооружённая
Poland Anti-Communist I	Poland	1968	Невооружённая
ETA	Spain	1968	Вооружённая
student protests	Yugoslavia	1968	Невооружённая
Khmer Rouge	Cambodia	1970	Вооружённая
Naxalite rebellion	India	1970	Вооружённая
Palestinian activists	Jordan	1970	Вооружённая
Poland Anti-Communist II	Poland	1970	Невооружённая
Anti-government protests	Turkey	1970	Невооружённая
Croatian nationalists	Yugoslavia	1970	Невооружённая
Bengalis	Pakistan	1971	Вооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
JVP	Sri Lanka	1971	Вооружённая
Hutu rebellion	Burundi	1972	Вооружённая
Anti-Tsiranana	Madagascar	1972	Невооружённая
New People's Army	Philippines	1972	Вооружённая
Zimbabwe African People's Union	Zimbabwe	1972	Вооружённая
ERP/Montenaros	Argentina	1973	Вооружённая
Pinochet-led rebels	Chile	1973	Вооружённая
Oromiya Self Determination	Ethiopia	1973	Вооружённая
Greek anti-military	Greece	1973	Невооружённая
Third Balochistan Separatist Movement	Pakistan	1973	Вооружённая
Palestinian Liberation	Palestinian Territories	1973	Вооружённая
Carnation Revolution	Portugal	1973	Невооружённая
student protests	Thailand	1973	Невооружённая
Eritrean-led rebels	Ethiopia	1974	Вооружённая
1974-75 Anti-Thieu Protests	South Vietnam	1974	Невооружённая
UNITA	Angola	1975	Вооружённая
Fretilin	East Timor	1975	Вооружённая
Anti-Indira Campaign (Phase 1)	India	1975	Невооружённая
GAM	Indonesia	1975	Вооружённая
leftists	Lebanon	1975	Вооружённая
Western Sahara Freedom Movement (POLISARIO)	Western Sahara	1975	Вооружённая
Shanti Bahini	Bangladesh	1976	Вооружённая
Democracy Movement	China	1976	Невооружённая
Somali rebels (Ogaden)	Ethiopia	1976	Вооружённая
SWAPO	Namibia	1976	Вооружённая
Warsaw Worker's Uprising	Poland	1976	Невооружённая
pro-democracy movement	Argentina	1977	Невооружённая
Pro-Independence Campaign	Aruba	1977	Невооружённая
Bolivian anti-juntas	Bolivia	1977	Невооружённая
El Salvador anti-junta	El Salvador	1977	Невооружённая
Anti-Indira Campaign (Phase 3)	India	1977	Невооружённая
Iranian Revolution	Iran	1977	Невооружённая
Anti-Bhutto	Pakistan	1977	Невооружённая
FLNC	Zaire/DRC	1977	Вооружённая
Afghans	Afghanistan	1978	Вооружённая
Kampuchean United Front for National Salvation	Cambodia	1978	Вооружённая
Hundred Day War	Lebanon	1978	Вооружённая
FSLN	Nicaragua	1978	Вооружённая
Anti-Somoza Strike	Nicaragua	1978	Невооружённая
Kurdish rebellion	Turkey	1978	Вооружённая
Second Khmer Rouge	Cambodia	1979	Вооружённая
Farabundo Marti National Liberation Front (FMLN)	El Salvador	1979	Вооружённая
Manipur	India	1979	Вооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
KDPI	Iran	1979	Вооружённая
Renamo	Mozambique	1979	Вооружённая
South Korean anti-junta	South Korea	1979	Невооружённая
Taiwan pro-democracy	Taiwan	1979	Невооружённая
West Papua self-determination struggle	West Papua	1979	Невооружённая
NDF	Yemen	1979	Вооружённая
Anti-Soviet Movement (3 Hut Uprising)	Afghanistan	1980	Невооружённая
Afghan resistance	Afghanistan	1980	Вооружённая
Muslim fundamentalists	Nigeria	1980	Вооружённая
Senderista Insurgency (Sendero Luminoso) The Shinning Path	Peru	1980	Вооружённая
Solidarity	Poland	1980	Невооружённая
Muslim Brotherhood	Syria	1980	Вооружённая
National Resistance Army	Uganda	1980	Вооружённая
Mujahideen	Iran	1981	Вооружённая
Druze resistance	Israel	1981	Невооружённая
Contras	Nicaragua	1981	Вооружённая
Kosovo Albanian nationalist movement	Yugoslavia	1981	Невооружённая
Tigrean Liberation Front	Ethiopia	1982	Вооружённая
Hizballah	Lebanon	1982	Вооружённая
MFDC secessionist campaign	Senegal	1982	Невооружённая
Casamance Conflict	Senegal	1982	Вооружённая
clan factions; SNM	Somalia	1982	Вооружённая
Student's Anti-Chun Protest	South Korea	1982	Невооружённая
anti-Pinochet campaign	Chile	1983	Невооружённая
pro-dem movement	Pakistan	1983	Невооружённая
People Power	Philippines	1983	Невооружённая
LTTE	Sri Lanka	1983	Вооружённая
SPLA-Garang faction	Sudan	1983	Вооружённая
Anti-Bouterse	Suriname	1983	Невооружённая
PF-ZAPU guerillas	Zimbabwe	1983	Вооружённая
diretas ja	Brazil	1984	Невооружённая
Ogaden Self Determination	Ethiopia	1984	Вооружённая
Sikh insurgency	India	1984	Вооружённая
South African Second Defiance Campaign	South Africa	1984	Невооружённая
Uruguay anti-military campaign	Uruguay	1984	Невооружённая
Anti-Siles Zuazo	Bolivia	1985	Невооружённая
anti-Duvalier campaign	Haiti	1985	Невооружённая
Assam independence	India	1985	Вооружённая
Kurdish secession against Saddam	Iraq	1985	Вооружённая
anti-Jaafar	Sudan	1985	Невооружённая
Gurkha Independence Campaign	India	1986	Невооружённая
1986-7 Khalistan Campaign	India	1986	Невооружённая
Bodoland Independence Campaign (secesion)	India	1986	Вооружённая
Anti-Zia al-Haq	Pakistan	1986	Невооружённая
South Korean anti-military	South Korea	1986	Невооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
LRA	Uganda	1986	Вооружённая
leftists	Yemen People's Republic	1986	Вооружённая
Argentina anti-coup	Argentina	1987	Невооружённая
anti-Ershad campaign	Bangladesh	1987	Невооружённая
Singing Revolution	Estonia	1987	Невооружённая
Indo-Fijian Anti-Coup Campaign	Fiji	1987	Невооружённая
Anti-Coalition Government Campaign	Fiji	1987	Вооружённая
Anti-National Governing Council (CNG)	Haiti	1987	Невооружённая
anti-PRI campaign	Mexico	1987	Невооружённая
First Intifada	Palestine	1987	Невооружённая
anti-Noriega campaign	Panama	1987	Невооружённая
anti-Ceausescu movement	Romania	1987	Невооружённая
JVP II	Sri Lanka	1987	Вооружённая
Tibetan independence movement	Tibet	1987	Невооружённая
UPA	Uganda	1987	Вооружённая
Belarus anti-communist	Belarus	1988	Невооружённая
Pro-Democracy movement in Burma	Burma	1988	Вооружённая
pro-democracy movement/Sajudis	Lithuania	1988	Невооружённая
Bougainville Revolt	Papua New Guinea	1988	Вооружённая
Anti-Roh Tae Woo	South Korea	1988	Невооружённая
Kosovo Albanian	Yugoslavia	1988	Невооружённая
Benin anti-communist	Benin	1989	Невооружённая
Bulgarian anti-communist	Bulgaria	1989	Невооружённая
Tiananmen Square	China	1989	Невооружённая
Velvet Revolution	Czechoslovakia	1989	Невооружённая
pro-dem movement	East Germany	1989	Невооружённая
Timorese resistance	East Timor	1989	Невооружённая
pro-dem movement	Hungary	1989	Невооружённая
Tripura	India	1989	Вооружённая
SCIRI	Iraq	1989	Вооружённая
Ivorian pro-democracy movement	Ivory Coast	1989	Невооружённая
pro-dem movement	Latvia	1989	Невооружённая
anti-Doe rebels	Liberia	1989	Вооружённая
Tauregs	Mali	1989	Вооружённая
Mongolian anti-communist	Mongolia	1989	Невооружённая
anti-Ceausescu rebels	Romania	1989	Вооружённая
Public Against Violence	Slovakia	1989	Невооружённая
Slovenia anti-communist	Slovenia	1989	Невооружённая
Donetsk Miner's Strike	Ukraine	1989	Невооружённая
Georgian anti-Soviet movement	USSR	1989	Невооружённая
Albanian anti-communist	Albania	1990	Невооружённая
CCCN and Union pro-democracy movement	CAR	1990	Невооружённая
anti-Burnham/Hoyte campaign	Guyana	1990	Невооружённая
1990 Kashmir Plebiscite Protests	India	1990	Невооружённая
Kashmiri Muslim separatists	India	1990	Вооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
anti-Arap Moi	Kenya	1990	Невооружённая
Kyrgyzstan Democratic Movement	Kyrgyzstan	1990	Невооружённая
Mali anti-military	Mali	1990	Невооружённая
The Stir	Nepal	1990	Невооружённая
Niger anti-military	Niger	1990	Невооружённая
Ogoni movement	Nigeria	1990	Невооружённая
1990 Anti-Government Protests	Romania	1990	Невооружённая
The Golaniad	Romania	1990	Невооружённая
pro-dem movement	Russia	1990	Невооружённая
Tutsi rebels	Rwanda	1990	Вооружённая
Slovenian independence	Slovenia	1990	Невооружённая
Students Union Protests	Ukraine	1990	Невооружённая
Zambia anti-single party rule	Zambia	1990	Невооружённая
Cabinda Conflict	Angola	1991	Вооружённая
Armenians in Nagorno-Karabakh	Azerbaijan	1991	Вооружённая
Burundian Civil War	Burundi	1991	Вооружённая
Tutsi supremacists	Burundi	1991	Вооружённая
NCCOP pro-democracy movement	Cameroon	1991	Невооружённая
Serbian Republic of Krajina (secession campaign)	Croatia	1991	Вооружённая
Afar insurgency	Djibouti	1991	Вооружённая
Southern Ossetian Separatist Campaign	Georgia	1991	Вооружённая
Iraqis Protest Saddam Hussein Following Iraqi Withdrawal from Kuwait	Iraq	1991	Невооружённая
Shiite rebellion	Iraq	1991	Вооружённая
Active Voices	Madagascar	1991	Невооружённая
RUF	Sierra Leone	1991	Вооружённая
Somali Civil War	Somalia	1991	Вооружённая
1991 Opposition Protests	Tajikistan	1991	Невооружённая
Anti-Eyadema	Togo	1991	Невооружённая
Croats	Yugoslavia	1991	Вооружённая
Sacred Union	Zaire/DRC	1991	Вооружённая
Taliban/anti-government forces	Afghanistan	1992	Вооружённая
Islamic Salvation Front	Algeria	1992	Вооружённая
Serb militias	Bosnia-Herzegovina	1992	Вооружённая
Anti-Collor Protests	Brazil	1992	Невооружённая
Egyptian Insurgency-Jamaat Al Islamiyya	Egypt	1992	Вооружённая
Georgia-Abkhazia War	Georgia	1992	Вооружённая
NPFL & ULIMO	Liberia	1992	Вооружённая
anti-Banda campaign	Malawi	1992	Невооружённая
Dniestr	Moldova	1992	Вооружённая
Popular Democratic Army (UTO)	Tajikistan	1992	Вооружённая
Tanzania pro-democracy	Tanzania	1992	Невооружённая
pro-dem movement	Thailand	1992	Невооружённая
Anti-Perez	Venezuela	1992	Невооружённая
Military Forces of Hugo Chavez	Venezuela	1992	Вооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
Republic of Western Bosnia (secession)	Bosnia-Herzegovina	1993	Вооружённая
Anti-Serrano	Guatemala	1993	Невооружённая
Nigeria anti-military	Nigeria	1993	Невооружённая
Anti-Lissouba Campaign (Cocoyes, Ninjas, Cobras)	Republic of the Congo	1993	Вооружённая
Anti-Yeltsin	Russia	1993	Вооружённая
Somalia militia insurgencies	Somalia	1993	Вооружённая
1994-1996 Awami League Campaign	Bangladesh	1994	Невооружённая
multiple factions	Central African Republic	1994	Вооружённая
rebels	Chad	1994	Вооружённая
Mohajir	Pakistan	1994	Вооружённая
Democratic Republic of Yemen Secessionist Movement	Republic of Yemen	1994	Вооружённая
Chechen separatists	Russia	1994	Вооружённая
Patriotic Front	Rwanda	1994	Вооружённая
Student's Anti-Kim Protest	South Korea	1995	Невооружённая
Kabila-ADFL	Democratic Republic of Congo	1996	Вооружённая
Kurdish civil conflict	Iraq	1996	Вооружённая
national patriotic forces	Liberia	1996	Вооружённая
Hutu Nationalist Insurgency	Rwanda	1996	Вооружённая
anti-Milosevic	Serbia	1996	Невооружённая
ADF Insurgency	Uganda	1996	Вооружённая
Anjouan Separatist Movement	Comoros	1997	Вооружённая
Denis Sassou Nguesso campaign	ROC	1997	Вооружённая
Anti-Sassou-Nguessou Campaign (Cocoyes, Ninjas, Ntsiloulous)	ROC	1997	Вооружённая
1997 Anti-Bucaram Campaign	Ecuador	1997	Невооружённая
anti-Suharto campaign	Indonesia	1997	Невооружённая
Fair Election Campaign	Lesotho	1997	Невооружённая
Anti-Hun Sen	Cambodia	1998	Невооружённая
MDJT	Chad	1998	Вооружённая
Second Congo War	DRC	1998	Вооружённая
Military Junta for the Consolidation of Democracy, Peace and Justice	Guinea-Bissau	1998	Вооружённая
Reformasi	Malaysia	1998	Невооружённая
KLA	Serbia	1998	Вооружённая
Croatian pro-democracy	Croatia	1999	Невооружённая
Student Protests (Anti-Habibie)	Indonesia	1999	Невооружённая
Tir 18 Riot for democracy	Iran	1999	Невооружённая
LURD	Liberia	1999	Вооружённая
Western Sahara Independence Movement	Morocco	1999	Невооружённая
Anti-Cubas Protests	Paraguay	1999	Невооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
Anti-Wijdenbosch	Suriname	1999	Невооружённая
2000 Anti-Mahuad Protests	Ecuador	2000	Невооружённая
Kefaya	Egypt	2000	Невооружённая
Anti-Chaudhry Campaign	Fiji	2000	Невооружённая
anti-Rawlings campaign	Ghana	2000	Невооружённая
RDFG	Guinea	2000	Вооружённая
anit-Guei Protests	Ivory Coast	2000	Невооружённая
anti-Fujimori campaign	Peru	2000	Невооружённая
anti-Diouf campaign	Senegal	2000	Невооружённая
Orange Revolution	Ukraine	2000	Невооружённая
Taliban	Afghanistan	2001	Вооружённая
NLA Insurgency	Macedonia	2001	Вооружённая
CPN-M/UPF	Nepal	2001	Вооружённая
Second People Power Movement	Philippines	2001	Невооружённая
People Power III	Philippines	2001	Невооружённая
Anti-Kumaratunga	Sri Lanka	2001	Невооружённая
Economic Crisis Sparks Calls for Resignation	Turkey	2001	Невооружённая
anti-Chiluba campaign	Zambia	2001	Невооружённая
PMIC	Ivory Coast	2002	Вооружённая
pro-democracy movement	Madagascar	2002	Невооружённая
Nepalese anti-government	Nepal	2002	Невооружённая
2002 Anti-Chavez Campaign	Venezuela	2002	Невооружённая
anti-coup	Venezuela	2002	Невооружённая
Anti-Sanchez de Lozada Campaign	Bolivia	2003	Невооружённая
Seleka rebellion	CAR	2003	Вооружённая
Rose Revolution	Georgia	2003	Невооружённая
Anti-Aristide Campaign 2004	Haiti	2003	Невооружённая
Anti-Gayoom Campaign	Maldives	2003	Невооружённая
JEM/SLA	Sudan	2003	Вооружённая
Oust The Government Campaign	Bangladesh	2004	Невооружённая
Anti-Mesa Campaign Phase 1	Bolivia	2004	Невооружённая
2004 Anti-Gutierrez Protests	Ecuador	2004	Невооружённая
Iraqi insurgency (Sunni/AQI/ISIL)	Iraq	2004	Вооружённая
Fourth Balochistan Separatist Movement	Pakistan	2004	Вооружённая
2004 Southern Thai Insurrection	Thailand	2004	Вооружённая
Al-Houthi Rebellion	Yemen	2004	Вооружённая
Anti-Mesa Campaign Phase 2	Bolivia	2005	Невооружённая
Chadian Civil War I	Chad	2005	Вооружённая
Anti-Deby Rebellion	Chad	2005	Вооружённая
Rebellion of the Forajidos	Ecuador	2005	Невооружённая
Pro-Aristide Campaign	Haiti	2005	Невооружённая
PJAK	Iran	2005	Вооружённая
Tulip Revolution	Kyrgyzstan	2005	Невооружённая
Cedar Revolution	Lebanon	2005	Невооружённая
anti-Thaksin campaign	Thailand	2005	Невооружённая
Togo anti-Gnassingbe/Coup Crisis	Togo	2005	Невооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
Pro-Democracy Protests	Tonga	2005	Невооружённая
Awami League Protests	Bangladesh	2006	Невооружённая
Denim revolution	Belarus	2006	Невооружённая
Chadian Civil War II	Chad	2006	Вооружённая
CNDP	Democratic Republic of Congo	2006	Вооружённая
Anti-Alkatiri	East Timor	2006	Невооружённая
Lebanon Political Crisis	Lebanon	2006	Невооружённая
2006 Lebanon War	Lebanon	2006	Вооружённая
anti-Calderon campaign	Mexico	2006	Невооружённая
Islamist insurgency	Somalia	2006	Вооружённая
Armenian Opposition Protest	Armenia	2007	Невооружённая
Anti-Mubarak movement	Egypt	2007	Невооружённая
2007 Anti-Saakashvili Campaign	Georgia	2007	Невооружённая
pro-democracy movement	Guinea	2007	Невооружённая
Saffron Revolution	Myanmar	2007	Невооружённая
Mahadeshi Autonomy Campaign	Nepal	2007	Невооружённая
Anti-Musharraf Campaign (Lawyer's Movement)	Pakistan	2007	Невооружённая
Islamist insurgency	Pakistan	2007	Вооружённая
Dissenter's March	Russia	2007	Невооружённая
Caucasus Emirate	Russia	2007	Вооружённая
Anti-Military Government Campaign	Thailand	2007	Невооружённая
South Yemen Secessionist Movement	Yemen	2007	Невооружённая
Palipehutu-FNL	Burundi	2008	Вооружённая
Third South Ossetian Campaign	Georgia	2008	Вооружённая
Anti-MINUSTAH Campaign	Haiti	2008	Невооружённая
Cutlery Revolution (Kitchenware/Kitchen Implement Revolution)	Iceland	2008	Невооружённая
Sadar's Anti-US Occupation campaign	Iraq	2008	Невооружённая
People's Alliance for Democracy Campaign	Thailand	2008	Невооружённая
Red Shirt Campaign	Thailand	2008	Невооружённая
Anti-Socialist Demonstrations	Bulgaria	2009	Невооружённая
2009 Anti-Saakashvili Campaign	Georgia	2009	Невооружённая
Frente Nacional de Resistencia Popular (FNRP)	Honduras	2009	Невооружённая
Green Revolution and Day of Rage	Iran	2009	Невооружённая
anti-Rajoelina movement	Madagascar	2009	Невооружённая
anti-Ravalomanana movement	Madagascar	2009	Невооружённая
Moldovan "Grapevine" Revolution	Moldova	2009	Невооружённая
Anti-Zardari Campaign	Pakistan	2009	Невооружённая
Al Qaeda in the Arabian Peninsula	Yemen	2009	Вооружённая
Anti-Abdelaziz Bouteflika Campaign	Algeria	2010	Невооружённая
Pro-Ouattara Campaign	Ivory Coast	2010	Невооружённая
Second Revolution	Kyrgyzstan	2010	Невооружённая
Anti-Interim Government	Kyrgyzstan	2010	Невооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
Maoist Anti-Govt Protests	Nepal	2010	Невооружённая
Snow Revolution	Russia	2010	Невооружённая
Anti-Ben Ali Campaign (Jasmin Revolution)	Tunisia	2010	Невооружённая
Renewed Western Sahara Independence Protests	Western Sahara	2010	Невооружённая
Anti-King Hamad Campaign	Bahrain	2011	Невооружённая
Djibouti Arab Spring	Djibouti	2011	Невооружённая
Day of Rage Protests	Iraq	2011	Невооружённая
Protest for Constitutional Reform	Jordan	2011	Невооружённая
Libyan Civil War	Libya	2011	Вооружённая
Anti-Mutharika	Malawi	2011	Невооружённая
Anti-Aziz Protests	Mauritania	2011	Невооружённая
Boko Haram	Nigeria	2011	Вооружённая
SPLM/A	South Sudan	2011	Вооружённая
Anti-al-Bashir Government	Sudan	2011	Невооружённая
South Kordofan and Blue Nile Conflict	Sudan	2011	Вооружённая
Swaziland Anti-Monarchy Protests	Swaziland	2011	Невооружённая
Syrian Civil War	Syria	2011	Вооружённая
Syrian Uprising	Syria	2011	Невооружённая
Anti-Museveni	Uganda	2011	Невооружённая
Anti Ali Adduallah Saleh Campaign	Yemen	2011	Невооружённая
Kirti Monastery Protests	China	2012	Невооружённая
M23	Democratic Republic of Congo	2012	Вооружённая
Anti-Shiite Government Protests	Iraq	2012	Невооружённая
Anti-Nasheed Campaign	Maldives	2012	Невооружённая
Nasheed Supporters	Maldives	2012	Невооружённая
Northern Mali conflict	Mali	2012	Вооружённая
Anti-Maoist Campaign	Nepal	2012	Невооружённая
2012 Anti-Government Protests	Romania	2012	Невооружённая
Anti-Wade June 23 Movement	Senegal	2012	Невооружённая
Let's Save Togo (Anti-Gnassingbe)	Togo	2012	Невооружённая
Dance with me Campaign	Bulgaria	2013	Невооружённая
2013 Cambodian election protests	Cambodia	2013	Невооружённая
Jama'atu Ahlis Sunna Lidda'awati wal-Jihad (Boko Haram Affiliate)	Cameroon	2013	Вооружённая
anti-Balaka	CAR	2013	Вооружённая
Anti-Morsi Protests	Egypt	2013	Невооружённая
Pro-Morsi Protests	Egypt	2013	Невооружённая
Sinai Insurgency	Egypt	2013	Вооружённая
Islamic State	Syria	2013	Вооружённая
Civil Movement for Democracy	Thailand	2013	Невооружённая
Protests Against the Crisis Talks	Tunisia	2013	Невооружённая
Anti-Islamist Government Protests	Tunisia	2013	Невооружённая
Anti-Erdogan	Turkey	2013	Невооружённая
Euromaidan	Ukraine	2013	Невооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
UDAR	Bosnia-Herzegovina	2014	Невооружённая
Anti-Compaore Campaign	Burkina Faso	2014	Невооружённая
Hong Kong pro-democracy (Umbrella Movement)	China	2014	Невооружённая
Anti-Martelly campaign	Haiti	2014	Невооружённая
Islamist militia factions (Second Libyan Civil War)	Libya	2014	Вооружённая
2014 Mexican anti-Corruption Campaign	Mexico	2014	Невооружённая
2014 Anti-Sharif Campaign	Pakistan	2014	Невооружённая
New Democracy Movement	Thailand	2014	Невооружённая
Ultras "United Ukraine" Campaign	Ukraine	2014	Невооружённая
Rebels in East Ukraine (Ukrainian Civil War)	Ukraine	2014	Вооружённая
anti-Maduro	Venezuela	2014	Невооружённая
ISIS-Afghanistan	Afghanistan	2015	Вооружённая
Anti-Rousseff	Brazil	2015	Невооружённая
Anti-Nkurunziza Campaign	Burundi	2015	Невооружённая
Out Correa Campaign	Ecuador	2015	Невооружённая
Guatemala Uprising	Guatemala	2015	Невооружённая
Honduran indignados	Honduras	2015	Невооружённая
Western Southeast Asia Front	India	2015	Вооружённая
Kenyan Al-Shabaab Insurgency	Kenya	2015	Вооружённая
Kosovo Anti-Government Protests	Kosovo	2015	Невооружённая
Colorful Revolution	Macedonia	2015	Невооружённая
Anti-Yameen	Maldives	2015	Невооружённая
Moldovan Anti-Government Protest	Moldova	2015	Невооружённая
Montenegrin Opposition Protest	Montenegro	2015	Невооружённая
Western Southeast Asia Front	Myanmar	2015	Вооружённая
Colectiv Revolution	Romania	2015	Невооружённая
Anti-Park protests	South Korea	2015	Невооружённая
Renewed Kurdistan Worker's Party (PKK)	Turkey	2015	Вооружённая
Anti-Houthi Movement	Yemen	2015	Невооружённая
Panama Papers Anti-Government Protest	Iceland	2016	Невооружённая
Kashmir anti-India protests	India	2016	Невооружённая
Anti-prime minister protest	Papua New Guinea	2016	Невооружённая
Anti-right wing government	Poland	2016	Невооружённая
Catalan separatist protest	Spain	2016	Невооружённая
Anti-Mugabe	Zimbabwe	2016	Невооружённая
Ambazonia Independence	Cameroon	2017	Невооружённая
Anglophone Crisis/Ambazonia Independence	Cameroon	2017	Вооружённая
anti-Kabila campaign	DRC	2017	Невооружённая
Anti-Morales Protests	Guatemala	2017	Невооружённая
Anti-Hernandez	Honduras	2017	Невооружённая
Anti-Orban	Hungary	2017	Невооружённая
2017 Iran Anti-Government Protests	Iran	2017	Невооружённая
Romania anti-government protest	Romania	2017	Невооружённая

Продолжение таблицы А.2

1	2	3	4
Anti-Vucic	Serbia	2017	Невооружённая
Anti-Zuma	South Africa	2017	Невооружённая
2017 Anti-Gnassingbe	Togo	2017	Невооружённая
Anti-Erdogan II	Turkey	2017	Невооружённая
anti-Trump resistance	United States	2017	Невооружённая
2018 Anti-government protests	Armenia	2018	Невооружённая
Yellow Vests	France	2018	Невооружённая
Anti-Jovenel Moise Protests	Haiti	2018	Невооружённая
Anti-Ortega Protests	Nicaragua	2018	Невооружённая
Sudan Uprising	Sudan	2018	Невооружённая
Albanian anti-corruption	Albania	2019	Невооружённая
Smile Revolution	Algeria	2019	Невооружённая
anti-Morales protests	Bolivia	2019	Невооружённая
anti-Áñez protests	Bolivia	2019	Невооружённая
anti-Pinera	Chile	2019	Невооружённая
anti-Sisi protests	Egypt	2019	Невооружённая
2019 Georgian Protests	Georgia	2019	Невооружённая
Hernández Must Go campaign	Honduras	2019	Невооружённая
2019 Iranian protests	Iran	2019	Невооружённая
anti-Mahdi movement	Iraq	2019	Невооружённая
October Revolution	Lebanon	2019	Невооружённая
97000 Resist campaign	Montenegro	2019	Невооружённая

Источник: составлено автором.

Таблица А.3 - Перечень революционных эпизодов НИУ ВШЭ

Государство	Год	Тип (вооружённая / невооружённая)
1	2	3
Cote d'Ivoire	2000	Невооружённая
Ecuador	2000	Невооружённая
Fiji	2000	Вооружённая
Guinea	2000	Вооружённая
Palestine, State of	2000	Невооружённая
Peru	2000	Невооружённая
Senegal	2000	Невооружённая
Serbia	2000	Невооружённая
Afghanistan	2001	Вооружённая
Macedonia, the former Yugoslav Republic of	2001	Вооружённая
Philippines	2001	Невооружённая
Turkey	2001	Невооружённая

Продолжение таблицы А.3

1	2	3
Argentina	2001	Невооружённая
Zambia	2001	Невооружённая
Madagascar	2001	Невооружённая
Cote d'Ivoire	2002	Вооружённая
Nepal	2002	Невооружённая
Venezuela, Bolivarian Republic of	2002	Невооружённая
Bolivia, Plurinational State of	2003	Невооружённая
Central African Republic	2003	Вооружённая
Georgia	2003	Невооружённая
Sudan	2003	Вооружённая
Maldives	2003	Невооружённая
Haiti	2004	Невооружённая
Bangladesh	2004	Невооружённая
Bolivia, Plurinational State of	2004	Невооружённая
Ecuador	2004	Невооружённая
Turkey	2004	Вооружённая
Iraq	2004	Вооружённая
Pakistan	2004	Вооружённая
Thailand	2004	Вооружённая
Ukraine	2004	Невооружённая
Yemen	2004	Вооружённая
Azerbaijan	2005	Невооружённая
Chad	2005	Вооружённая
Iran, Islamic Republic of	2005	Вооружённая
Kyrgyzstan	2005	Невооружённая
Lebanon	2005	Невооружённая
Thailand	2005	Невооружённая
Togo	2005	Невооружённая
Bangladesh	2006	Невооружённая
Belarus	2006	Невооружённая
Lebanon	2006	Невооружённая
Nepal	2006	Невооружённая
Hungary	2006	Невооружённая
Somalia	2006	Вооружённая
Tonga	2006	Невооружённая
Fiji	2006	Вооружённая
Mali	2006	Вооружённая
Comoros	2007	Невооружённая
Georgia	2007	Невооружённая
Guinea	2007	Невооружённая
Myanmar	2007	Невооружённая
Nepal	2007	Невооружённая
Pakistan	2007	Вооружённая
Palestine, State of	2007	Вооружённая

Продолжение таблицы А.3

1	2	3
Yemen	2007	Невооружённая
Niger	2007	Вооружённая
Russia	2007	Вооружённая
Burundi	2008	Вооружённая
Haiti	2008	Невооружённая
Iceland	2008	Невооружённая
Armenia	2008	Невооружённая
China	2008	Невооружённая
Iraq	2008	Невооружённая
Thailand	2008	Невооружённая
Maldives	2008	Невооружённая
Georgia	2009	Невооружённая
Honduras	2009	Невооружённая
Iran, Islamic Republic of	2009	Невооружённая
Thailand	2009	Невооружённая
Latvia	2009	Невооружённая
Madagascar	2009	Невооружённая
Moldova, Republic of	2009	Невооружённая
Pakistan	2009	Невооружённая
Yemen	2009	Вооружённая
Niger	2009	Невооружённая
Honduras	2009	Невооружённая
Cote d'Ivoire	2010	Невооружённая
Thailand	2010	Вооружённая
Greece	2010	Невооружённая
Kyrgyzstan	2010	Невооружённая
Tunisia	2010	Невооружённая
Western Sahara	2010	Вооружённая
Nigeria	2011	Вооружённая
Bahrain	2011	Невооружённая
Djibouti	2011	Невооружённая
Egypt	2011	Невооружённая
Jordan	2011	Невооружённая
Kuwait	2011	Невооружённая
Libya	2011	Вооружённая
Myanmar	2011	Вооружённая
Malawi	2011	Невооружённая
Mauritius	2011	Невооружённая
Morocco	2011	Невооружённая
Iran, Islamic Republic of	2011	Невооружённая
Spain	2011	Невооружённая
Sudan	2011	Невооружённая
United States	2011	Невооружённая
Yemen	2011	Вооружённая

Продолжение таблицы А.3

1	2	3
Burkina Faso	2011	Невооружённая
Sudan	2011	Вооружённая
Syrian Arab Republic	2011	Невооружённая
Maldives	2012	Невооружённая
Syrian Arab Republic	2012	Вооружённая
Mali	2012	Вооружённая
Mali	2012	Вооружённая
Senegal	2012	Невооружённая
Central African Republic	2012	Вооружённая
Congo, the Democratic Republic of the	2012	Вооружённая
Syrian Arab Republic	2012	Вооружённая
Togo	2012	Невооружённая
Cameroon	2013	Вооружённая
Brazil	2013	Невооружённая
South Sudan	2013	Вооружённая
Bulgaria	2013	Невооружённая
Cambodia	2013	Невооружённая
Egypt	2013	Вооружённая
Central African Republic	2013	Вооружённая
Syrian Arab Republic	2013	Вооружённая
Egypt	2013	Невооружённая
Iraq	2013	Вооружённая
Thailand	2013	Невооружённая
Tunisia	2013	Невооружённая
Turkey	2013	Невооружённая
Ukraine	2013	Невооружённая
Bangladesh	2013	Невооружённая
Abkhazia	2014	Невооружённая
Bosnia and Herzegovina	2014	Невооружённая
Burkina Faso	2014	Невооружённая
Haiti	2014	Невооружённая
Libya	2014	Вооружённая
Thailand	2014	Невооружённая
Ukraine	2014	Вооружённая
Venezuela, Bolivarian Republic of	2014	Невооружённая
Yemen	2014	Вооружённая
Libya	2014	Вооружённая
Hong-Hong	2014	Невооружённая
Burundi	2015	Невооружённая
Ecuador	2015	Невооружённая
Guatemala	2015	Невооружённая
Honduras	2015	Невооружённая
India	2015	Вооружённая
Niger	2015	Вооружённая

Продолжение таблицы А.3

1	2	3
Macedonia, the former Yugoslav Republic of	2015	Невооружённая
Moldova, Republic of	2015	Невооружённая
Myanmar	2015	Вооружённая
Turkey	2015	Вооружённая
Afghanistan	2015	Вооружённая
Kenya	2015	Вооружённая
Mali	2015	Вооружённая
Kosovo	2015	Невооружённая
Montenegro	2015	Невооружённая
Romania	2015	Невооружённая
Iceland	2016	Невооружённая
Korea, Republic of	2016	Невооружённая
Poland	2016	Невооружённая
Spain	2016	Невооружённая
Turkey	2016	Вооружённая
Zimbabwe	2016	Невооружённая
Burkina Faso	2016	Вооружённая
India	2016	Невооружённая
Chad	2016	Вооружённая
Cameroon	2017	Вооружённая
Congo, the Democratic Republic of the	2017	Невооружённая
Honduras	2017	Невооружённая
Togo	2017	Невооружённая
Mozambique	2017	Вооружённая
Niger	2017	Вооружённая
Romania	2017	Невооружённая
Serbia	2017	Невооружённая
Armenia	2018	Невооружённая
France	2018	Невооружённая
Haiti	2018	Невооружённая
Nicaragua	2018	Невооружённая
Sudan	2018	Невооружённая
Burkina Faso	2018	Вооружённая
Maldives	2018	Невооружённая
Algeria	2019	Невооружённая
Bolivia, Plurinational State of	2019	Невооружённая
Chile	2019	Невооружённая
Gambia	2019	Невооружённая
Iran, Islamic Republic of	2019	Невооружённая
Iraq	2019	Невооружённая
Albania	2019	Невооружённая
Lebanon	2019	Невооружённая
Hong-Hong	2019	Невооружённая

Продолжение таблицы А.3

1	2	3
Montenegro	2019	Невооружённая
Armenia	2020	Невооружённая
Belarus	2020	Невооружённая
Ethiopia	2020	Вооружённая
Kyrgyzstan	2020	Невооружённая
Mali	2020	Невооружённая
Nepal	2020	Невооружённая
Poland	2020	Невооружённая
Somalia	2020	Вооружённая
United States	2020	Невооружённая
Bolivia, Plurinational State of	2020	Невооружённая
Haiti	2021	Невооружённая
Colombia	2021	Невооружённая
Cuba	2021	Невооружённая
Myanmar	2021	Невооружённая
Palestine, State of	2021	Вооружённая
United States	2021	Невооружённая
Chad	2021	Невооружённая
Myanmar	2021	Вооружённая
Tunisia	2021	Невооружённая
Kazakhstan	2022	Вооружённая
Sri Lanka	2022	Невооружённая
Armenia	2022	Невооружённая
Ecuador	2022	Невооружённая
Uzbekistan	2022	Невооружённая
Panama	2022	Невооружённая
Kosovo	2022	Невооружённая
Moldova, Republic of	2022	Невооружённая
Iran, Islamic Republic of	2022	Невооружённая
Columbia	2022	Невооружённая
Pakistan	2022	Невооружённая
Brazil	2022	Невооружённая
China	2022	Невооружённая
Mongolia	2022	Невооружённая

Источник: составлено автором.

Приложение Б
(информационное)

Факторы революционной дестабилизации и отражение их влияния на революции в количественных исследованиях

Для систематизации результатов количественных исследований подсчитано совокупное число статистических моделей (в первую очередь это различные типы регрессионного анализа), где рассматриваемый показатель (независимая переменная) принимает одно из четырех значений: положительно значимый (SP - significantly positive, если коэффициент независимой переменной больше нуля, а p-value меньше 0,05), положительно незначимый (IP - insignificantly positive, если коэффициент показателя больше нуля, а p-value больше 0,05), отрицательно незначимый (IN - insignificantly negative, если коэффициент показателя меньше нуля, а p-value больше 0,05), отрицательно значимый (SN - significantly negative, если коэффициент показателя меньше нуля, а p-value меньше 0,05)

Таблица Б.1 - Экономические факторы революционной дестабилизации

ФАКТОР	Источник и название независимой переменной	SP	IP	IN	SN
1	2	3	4	5	6
ВВП на душу населения / GDP per capita / wealth	Albrecht and Koehler 2020 (лаг ВВП на основе Всемирного банка)	8	2	1	1
ВВП на душу населения / GDP per capita / wealth	Besaçon, 2005 (Натуральный логарифм реального ВВП на душу населения / Natural log of real GDP per capita)	-	-	-	4
ВВП на душу населения / GDP per capita / wealth	Cincotta and Weber, 2021 (ВВП на душу населения)	-	-	-	1

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6
ВНП на душу населения / Per-capita GNP	Fox, 2004	-	1	1	-
ВВП / GDP	Gleditsch, Rivera, 2017 (Натуральный логарифм валового внутреннего продукта на основе данных Гледича / Natural log of gross domestic product based on data from Gleditsch)	-	-	10	2
ВВП на душу населения / GDP per capita	Keller, 2012 (Натуральный логарифм ВВП на душу населения на основе данных Гледича / log GDP per capita, Gleditsch)	4	11	-	-
ВВП / GDP	Wimmer, Andreas et al., 2009 (ВВП из Мировой Таблицы Пенна, Всемирный банк / from Penn World Table, World Bank's)	-	-	-	5
ВВП / GDP	Shaheen, 2015 (Логарифм ВВП из Мировой Таблицы Пенна, версия 7.1 / log, Source: Penn World Table Version 7.1)	-	-	3	5
ВВП на душу населения (тыс.)/GDPpercap.(thousands) , lag	Bessinger, 2022	-	2	3	-
ВВП на душу населения по ППС, в постоянных международных долларах 2017 г.	Медведев, Коротаев, 2021	Значимый фактор	-	-	-
ВВП на душу населения по ППС, в международных долларах 2017 г.	Слав, Коротаев, 2021	Значимая перевёрнутая U-образная	-	-	-

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6
ВВП на душу населения по ППС, в постоянных международных долларах 2017 г.	Медведев и др., 2022	Значимая перевёрнутая U-образная криволинейная зависимость с выраженным положительным скосом	-	-	-
ln ВВП на душу населения по ППС, в постоянных международных долларах 2017 г.	Устюжанин, Коротаев, 2022	-	1	1	-
Натуральный логарифм ВВП на душу населения в ценах 2017 г. по ППС	Устюжанин, Михеева и др., 2023	-	-	1	-
Темпы экономического роста / Economic growth	Gleditsch, Rivera, 2017 (По данным Гледича / based on data from Gleditsch)	-	-	12	-
Рост ВВП / GDP growth	Keller, 2012 (Рост ВВП / GDP growth, Heston et al., 2009)	-	10	1	-
Рост ВВП / GDP growth	Shaheen, 2015 (GDP growth, Heston et al., 2009)	-	-	8	-
Изменение в процентах реального ВВП на душу населения / Percentage change in real GDP per capita	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Всемирный банк / World Bank)	Незначимый фактор	-	-	-
Лag роста ВВП / GDP growth, lag	Bessinger, 2022	-	3	4	-
Рост ВВП с лагом / GDP Growth (lag)	Butcher, Svensson, 2016	-	-	1	-
Годовой прирост подушевого ВВП в процентах	Медведев, Коротаев, 2021	Значимая связь	-	-	-
Темпы роста инвестиций в основной капитал / Gross fixed capital formation annual growth	Слав, Коротаев, 2021 (с лагом)	-	-	2	-
Нефтяные доходы и доходы от полезных ископаемых / Oil and mineral rents	Cincotta and Weber, 2021 (Нефть + рента от минеральных ресурсов > 15 от ВВП / Oil + mineral rents > 15 of GDP)	1	-	-	-

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6
Доля экспорта нефти в ВВП страны / Percentage that oil exports make up of a country's GDP	Keller, 2012 (based on Bueno de Mesquita and Smith, 2010)	1	4	-	-
Добыча нефти на душу населения / Oil production per capita	Wimmer, Andreas et al., 2009 (based on data from Wimmer and Min)	2	2	-	-
Нефтяной экспорт / Oil exports	Shaheen, 2015	2	2	-	-
Логарифм производства нефти с лагом / Ln (oil production), lag	Bessinger, 2022	-	2	2	-
Дамми-переменная для крупного производителя алмазов / Dummy for major diamond producer	Bessinger, 2022	1	-	-	-
Доля сырьевых и с/х товаров в экспорте / Share of Primary commodities in Export (+ agricultural)	Besaçon, 2005 (Экспорт сырьевых товаров / общий экспорт / Primary commodities exports / total exports from Collier & Hoeffler, 2004)	1	1	1	-
Либерализация торговли / Trade liberalization	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Членство в ГСТТ или ВТО / GATT/WTO member)	Не значимая связь	-	-	-
Уровень развития с/х / Agriculture	Albrecht Koehler, 2020 (Сельское хозяйство в процентах от валового внутреннего продукта / Agriculture as percentage of gross domestic product)	1	3	2	-
Обрабатывающая промышленность / Manufacturing / Industry	Albrecht Koehler, 2020 (Пром. в процентах от ВВП / Industry as percentage GDP)	6	1	-	-

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6
Промышленность и услуги в процентах от ВВП / Manufacturing and services as percentage of GDP	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (imputed)	Не значимая связь	-	-	-
Доля производства в ВВП с лагом / Lag, proportion of manufacturing to GDP	Butcher, Svensson, 2016	4	-	3	-
Импорт / Imports	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (Импорт в процентах от ВВП / Imports as a percentage of GDP)	-	-	-	1
Безработица / Unemployment	Shaheen, 2015 (Доля рабочей силы, которая не имеет работы, но доступна и ищет работу. Источник: Всемирный банк / The share of the labor force that is without work but available for and seeking employment. Source: World Bank)	1	3	4	-
Бедность / Poverty	Chenoweth, Ulfelder, 2017	Значимая связь	-	-	-
Инфляция / Inflation	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Индекс потребительских цен, Всемирный банк / Consumer price index, World Bank)	Значимая связь	-	-	-
Продовольственная инфляция / Food inflation	Медведев, Коротаев, 2021 (Индекс цен на продукты питания)	Значимая связь			

Источник: составлено автором.

Таблица Б.2 - Социально-демографические показатели как предикторы революционной дестабилизации

ФАКТОР	Источник	SP	IP	IN	SN
1	2	3	4	5	6
Urbanization	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Urban population (0 –100 percent), imputed World Bank)	-	-	-	-
Urbanization	Butcher, Svensson, 2016 (proportion of the population living in urban areas)	-	1	1	-
Urbanization	Bessinger, 2022 (Level of urbanization, lag)	-	-	-	6
Urbanization	Bessinger, 2022 (Urban civic episode)	-	-	-	12
Urbanization	Устюжанин, Сумерников и др., 2022 (доля горожан в общей численности населения, %)	-	-	1	-
Urbanization	Медведев, Коротаев, 2021 (доля горожан в общей численности населения, %)	-	-	-	-
Urbanization	Медведев и др., 2022 (доля горожан в общей численности населения, %)	1	-	-	-
Urban population	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (Ln urban population)	6	-	-	-
Urban population	Gleditsch, Rivera, 2017 (Ln urban population)	-	-	12	-
urban location of episode	Beissinger, 2022	6	2	-	-
inequality	Besançon, 2005 (World Bank Gini)	-	2	-	-
Численность населения / Population	Besançon, 2005 (Natural log of the population from Easterly & Yu, 2000)	-	6	-	-
Численность населения / Population	Butcher, Svensson, 2016 (lnPopulation with LA G from the World Bank Databank)	4	-	4	3
Численность населения / Population	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (Ln population in thousands, Source: NAVCO)	1	-	5	1
Численность населения / Population	Keller, 2012 (log population: Gleditsch, 2008)	18	-	-	-
Численность населения / Population	Wimmer, Andreas et al., 2009 (Population size)	4	1	-	-

Продолжение таблицы Б.2

1	2	3	4	5	6
Численность на селения / Population	Bessinger, 2022 (Ln (population), lag)	2	-	-	9
Численность на селения / Population	Bessinger, 2022 (Population size (in population, lag))	-	-	1	-
Численность на селения / Population	Устюжанин, Жодзишская и др., 2022 – население (ln)	1	-	2	-
Численность на селения / Population	Слав, Коротаев, 2021 (логарифм населения)	1	-	-	-
Численность на селения / Population	Устюжанин, Коротаев, 2022 (ln численности населения)	2	-	-	-
Численность на селения / Population	Медведев и др., 2022 (логарифм численности населения)	1	-	-	-
Small population	Cincotta and Weber, 2021 (Dichotomous control variable: 1 = a state with a population less than 5.0 million)	-	-	-	1
Population Growth	Shaheen, 2015 (Source: World Bank)	-	4	2	1
Молодёжный бугор / Youth bulge	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (15–24-year-olds as percentage of total population)	-	-	-	-
Молодёжный бугор / Youth bulge	Beissinger, 2022 (доля молодёжи в возрасте от пятнадцати до двадцати четырёх лет в общей численности взрослого населения)	+	-	-	-
Молодёжный бугор / Youth bulge	Медведев, Коротаев, 2021 (доля городской молодёжи в возрасте от пятнадцати до двадцати девяти лет в общей численности взрослого населения)	-	-	-	-
Молодёжный бугор / Youth bulge	Медведев, Коротаев, 2021 (доля сельской молодёжи в возрасте от пятнадцати до двадцати девяти лет в общей численности взрослого населения)	-	-	-	-
Молодёжный бугор / Youth bulge	Медведев и др., 2022 (доля молодёжи в возрасте от пятнадцати до двадцати четырёх лет в общей численности взрослого населения)	-	-	-	-

Продолжение таблицы Б.2

1	2	3	4	5	6
Молодёжный бугор / Youth bulge	Устюжанин, Коротаев, 2022 (доля молодёжи в возрасте 15–24 лет в общей численности взрослого населения)	2	-	-	-
Медианный возраст / Median age	Cincotta and Weber, 2021 (Continuous domain variable: indicator is the age of the median of the country-level population, measured in years. Source: UNPD, 2017)	-	1	-	8
Медианный возраст / Median age	Слав, Коротаев, 2021	-	-	1	1
Медианный возраст / Median age	Устюжанин, Жодзишская и др., 2022	-	-	2	1
Медианный возраст / Median age	Медведев, Коротаев, 2021	-	-	-	-
proportion of children to adult population	Shaheen, 2015 (Age dependency ratio, young...)	-	2	3	1
Образование / Education	Butcher, Svensson, 2016 (average years of schooling per capita, from Barro and Lee, 2010)	1	-	1	1
Образование / Education	Beissinger, 2022 (average years of schooling)	-	-	-	-
Образование / Education	Устюжанин, Степанищева и др., 2023 (средняя продолжительность обучения, лет / mean years of schooling)	1	-	1	1
Образование / Education	Медведев, Коротаев, 2021 (средняя продолжительность обучения, лет / mean years of schooling)	-	-	-	-
Образование / Education	Медведев и др., 2022 (средняя продолжительность обучения, лет / mean years of schooling)	1	-	-	-
Образование / Education	Устюжанин, Коротаев, 2022 (средняя продолжительность обучения, лет / mean years of schooling)	2	-	-	-
Infant Mortality	Butcher, Svensson, 2016 (lag, from the WBD)	1	2	3	2
Infant Mortality	Fox, 2004	2	-	-	-
Infant Mortality	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Infant mortality rate relative to annual global median)	-	-	-	-

Продолжение таблицы Б.2

1	2	3	4	5	6
Infant Mortality	Устюжанин, Коротаев, 2022	2	-	-	-
Infant Mortality	Медведев и др., 2022	-	-	-	-
Life Dissatisfaction %	Shaheen, 2015	3	2	1	3
Life Dissatisfaction standard deviation	Shaheen, 2015	-	4	1	1
Communication technology	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Mobile phone subscriptions per 100 people, logged)	-	-	-	-

Источник: составлено автором.

Таблица Б.3 - Политические факторы и стабильность

ФАКТОР	Источник	S P	I P	I N	S N
1	2	3	4	5	6
Level of democracy	Albrecht Koehler 2020 (Polity, lag)	-	1	3	-
Level of democracy	Butcher, Svensson, 2016 (Polity IV projec)	-	1	3	3
Level of democracy	Butcher, Svensson, 2016	-	-	2	2
Level of democracy	Butcher, Svensson, 2016	-	-	2	1
Level of democracy	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (Polity III data)	-	-	-	2
Level of democracy	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021	-	-	-	1
Level of democracy	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021	-	-	-	1
Level of democracy	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021	-	-	-	1
Level of democracy	Fox, 2004 (Polity III Data)	2	-	-	-
Level of democracy	Gleditsch, Rivera, 2017 (Polity III)	-	-	2	1 0
Level of democracy	Keller, 2012	4	-	-	-
Level of democracy	Shaheen, 2015 (measured using the Polity IV dataset)	-	2	-	-
Level of democracy	Shaheen, 2015	-	1	1	-
Level of democracy	Bessinger, 2022 (Polity, lag)	-	-	-	7
Level of democracy	Bessinger, 2022	-	-	-	7
Level of democracy	Bessinger, 2022	-	-	-	1 4
Level of democracy	Bessinger, 2022	-	-	1	-
Level of democracy	Bessinger, 2022	-	1	-	-
Level of democracy	Bessinger, 2022	-	-	4	-
Democracy	Keller, 2012 (dummy: Cheibub et al, 2009)	-	-	5	1
Democracy	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Binary indicator)	-	-	-	-

Продолжение таблицы Б.3

1	2	3	4	5	6
Non-democracy	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (Jaggers and Gurr, 1995)	1	-	-	-
Non-democracy	Bessinger, 2022 (Party non-democracy, lag)	1	-	-	-
Non-democracy	Bessinger, 2022 (non-democracy, lag)	-	1	1	-
Non-democracy	Bessinger, 2022 (Military non-democracy, lag)	1	-	-	-
Non-democracy	Bessinger, 2022 (Monarchist non-democracy, lag)	-	1	-	-
Non-democracy	Bessinger, 2022 (Personalist non-democracy, lag)	1	-	-	-
Autocracy	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021	1	-	-	-
Autocracy	Bessinger, 2022 (One-party authoritarian regime)	1	-	1	-
Autocracy	Bessinger, 2022 (Competitive authoritarian regime)	1	1	-	-
Anocracy (Partly Free)	Cincotta and Weber, 2021 (Partly Free Status in Freedom House's annual)	-	3	1	-
Anocracy (Partly Free)	Cincotta and Weber, 2021	1	-	3	-
Anocracy (Partly Free)	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (typology suggested by Jaggers and Gurr)	1	-	-	-
Anocracy (Partly Free)	Wimmer, Andreas et al., 2009 (Polity IV data and the widely adopted cutoffs of +6 and -6)	3	1	-	-
Anocracy (Partly Free)	Wimmer, Andreas et al., 2009	2	7	-	-
respect for human rights	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (State is signatory to ICCPR first Optional Protocol)	-	-	-	-
respect for human rights	Bessinger, 2022 (Human rights treaty ratifications (0-4))	-	-	1	-
civil liberties	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Civil liberties index, as factor Freedom House)	-	-	-	-
New Constitution	Shaheen, 2015 (Widner, 2008)	-	-	2	4
New Constitution	Shaheen, 2015	-	1	2	-
Non-elite representation	Besançon, 2005 (The extent to which non-elites are able to access institutional structures for political expression. The most unregulated is 0, and the most competitive is 5)	-	1	2	-
Non-elite representation	Besançon, 2005	-	-	1	2
Non-elite representation	Besançon, 2005	-	-	-	3
Personalist autocracy	Albrecht Koehler 2020 (персоналистский авторитарный режим)	3	1	-	-
Personalist autocracy	Bessinger, 2022 (Personalist non-democracy, lag)	1	-	-	-
Military	Albrecht Koehler 2020 (военный авторитарный режим)	2	1	1	-
Military	Bessinger, 2022 (Military non-democracy, lag)	1	-	-	-
MilitaryPersonnel	Butcher, Svensson, 2016 (number of military personnel for a given state-year)	-	-	4	-
MilitaryPersonnel	Butcher, Svensson, 2016	-	-	3	-
MilitaryPersonnel	Butcher, Svensson, 2016	-	-	4	-
MilitaryPersonnel	Butcher, Svensson, 2016	-	-	1	2
MilitaryPersonnel	Gleditsch, Rivera, 2017 (logged military personnel as proxy, using data from the Correlates of War project)	-	-	1 2	-
Military expenditure	Albrecht Koehler 2020 (Military expenditure as percentage of GDP, lag)	-	-	1	-

Продолжение таблицы Б.3

1	2	3	4	5	6
Military expenditure	Bessinger, 2022 (Mil. expenditure per soldier (deciles))	8	2	-	-
Number of militant organizations	Fox, 2004	1	1	-	-
Support for militant organizations	Fox, 2004	2	-	-	-
Monarchy	Albrecht Koehler 2020 (монархический авторитарный режим)	-	1	3	-
Monarchy	Bessinger, 2022 (Monarchist non-democracy, lag)	-	1	-	-
Election	Butcher, Svensson, 2016 (NAVCO data)	3	1	-	-
Election	Butcher, Svensson, 2016	-	-	3	-
Election	Butcher, Svensson, 2016	3	1	-	-
Election	Butcher, Svensson, 2016	-	1	2	-
Election	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Election year)	-	-	-	-
Election	Медведев и др. 2022 (год выборов)	1	-	-	-
Election	Жданов, Коротаев 2023 (Election year)	4	1	-	-
Election	Жданов, Коротаев 2023	1	1	-	-
Election	Жданов, Коротаев 2023	-	-	2	-
State-led Discrimination	Butcher, Svensson, 2016 (A lagged dummy variable indicating whether the government politically or economically discriminated against minority groups)	-	-	4	-
State-led Discrimination	Butcher, Svensson, 2016	3	-	-	-
State-led Discrimination	Butcher, Svensson, 2016	1	3	-	-
State-led Discrimination	Butcher, Svensson, 2016	1	2	-	-
Exclusion	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (ethnic exclusion)	6	-	-	-
Exclusion	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021	1	-	-	-
Exclusion	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021	1	-	-	-
Civil war	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021	-	-	5	-
Civil war	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Any ongoing civil war PIT)	-	-	-	-
Civil war	Bessinger, 2022 (Civil war)	-	7	4	-
Civil war	Bessinger, 2022 (Civil war * Mil. expenditure per soldier)	-	2	5	-
Civil war	Bessinger, 2022 (Duration of civil war (in months))	7	-	-	-
Repression	Fox, 2004 (0 – no repression reported; 1 – tactics used against group members who are engaged in collective action; 2 – tactics used against group members in both kinds of circumstances (engaged and not engaged in collective action), or in ambiguous situations; 3 – tactics used against group members who are not engaged in collective action)	2	-	-	-
Repression	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (CIRI's physical integrity index)	-	-	-	-
US military aid	Keller, 2012 (Data from , missing values assumed to be 0 USD)	-	-	1	-

Продолжение таблицы Б.3

1	2	3	4	5	6
foreign aid shock dummy (резкое сокращение и иностранной помощи)	Keller, 2012 (taking the difference in aid level over time or a dummy for considerable decreases in foreign aid)	1	-	-	-
Democracy Dissatisfaction %	Shaheen, 2015	4	2	-	-
Democracy Dissatisfaction %	Shaheen, 2015	-	-	4	-
Democracy Dissatisfaction s.d.	Shaheen, 2015	-	-	2	6
Democracy Dissatisfaction s.d.	Shaheen, 2015	-	-	5	-
Democracy x Life Dissatisfaction	Shaheen, 2015	-	1	1	4
Democracy x Life Dissatisfaction	Shaheen, 2015	2	3	-	-
country age	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Country age in year, log)	-	-	-	-
corruption	Bessinger, 2022 (Exec. corruption, lag)	4	3	-	-
corruption	Bessinger, 2022	2	4	-	-
participation	Bessinger, 2022 (Ln (peak participation))	9	-	-	-
deaths	Bessinger, 2022 (Total deaths (declines))	5	4	-	-
tactics	Bessinger, 2022 Demonstration tactics (nonviolent tactics lead to mobilization)	9	-	-	-
tactics	Bessinger, 2022 Strike tactics (nonviolent tactics)	3	3	1	-
tactics	Bessinger, 2022 Riot tactics (nonviolent tactics)	-	-	1	-
tactics	Bessinger, 2022 Armed tactics short of civil war	1	-	-	-
Goal: liberal revolution	Bessinger, 2022	1	1	2	-
Goal: republican/	Bessinger, 2022	-	3	1	-
Goal: social revolution	Bessinger, 2022	-	-	1	-
Goal: state independence	Bessinger, 2022	-	-	1	-
Goal: constitutional	Bessinger, 2022	3	-	-	-
Coalitional leadership	Bessinger, 2022 (or no leadership)	1	1	-	-
Vanguard party leadership	Bessinger, 2022	-	-	1	-
Traditional societal leadership	Bessinger, 2022	-	-	1	1
Paramilitary/militia leadership	Bessinger, 2022	-	-	1	-
Underground leadership	Bessinger, 2022	-	-	1	-
Liberation movement leadership	Bessinger, 2022	-	1	-	-
Goal: reversal of ethnic order	Bessinger, 2022	-	1	-	-
Goal: Islamist	Bessinger, 2022	-	-	1	-
Opposition victory	Bessinger, 2022	5	-	-	-

Источник: составлено автором.

Таблица Б.4 - Факторы фракционализации

ФАКТОР	Источник	S P	I P	I N	S N
1	2	3	4	5	6
Log group size	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (excluded Ethnic group size)	1	-	-	-
Log group size	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021	1	-	-	-
Excluded population	Wimmer, Andreas et al., 2009 (share of the excluded population)	5	-	-	-
Excluded population	Wimmer, Andreas et al., 2009	8	-	4	-
State-led Discrimination	Butcher, Svensson, 2016 (A lagged dummy variable indicating whether the government politically or economically discriminated against minority groups)	-	-	4	-
State-led Discrimination	Butcher, Svensson, 2016	-	3	-	-
State-led Discrimination	Butcher, Svensson, 2016	-	1	3	-
State-led Discrimination	Butcher, Svensson, 2016	-	1	2	-
State-led Discrimination	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Any state-led discrimination PITF)	-	-	-	-
Ethnic exclusion	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (ethnic exclusion)	6	-	-	-
Ethnic exclusion	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021	1	-	-	-
Ethnic Fractionalization	Shaheen, 2015 (Ethnic and religious fractionalization is a measure of how the population is fractionalized. Source: Fearon and Laitin, 2003)	2	2	-	-
Ethnic Fractionalization	Shaheen, 2015	2	1	-	-
Less elite ethnicity	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Elite ethnicity is politically salient PITF)	-	-	-	-
Center segmentation	Wimmer, Andreas et al., 2009 (how the number of power sharing elites influences infighting)	2	3	-	-
Center segmentation	Wimmer, Andreas et al., 2009	8	4	-	-
Imperial past	Wimmer, Andreas et al., 2009 (percentage of years spent under imperial rule between 1816 and independence, Wimmer and Min, 2006)	1	3	-	-
Imperial past	Wimmer, Andreas et al., 2009	2	1	3	1

Продолжение таблицы Б.4

1	2	3	4	5	6
Imperial past	Shaheen, 2015 (No Colonial History, Colonial history is coded 1 if the country has never been colonized by a Western overseas colonial power. Source: Bernard et al, 2004)	2	1	1	-
Imperial past	Shaheen, 2015	1	2	1	-
Ongoing war	Wimmer, Andreas et al., 2009 (ongoing war years)	-	-	-	5
Ongoing war	Wimmer, Andreas et al., 2009	-	4	4	1
Linguistic fractionalization	Wimmer, Andreas et al., 2009 (as found in Fearon and Laitin's data set)	-	3	1	-
Linguistic fractionalization	Wimmer, Andreas et al., 2009	4	5	1	-
Linguistic fractionalization	Shaheen, 2015 (Ethnic and religious fractionalization is a measure of how the population is fractionalized. Source: Fearon and Laitin, 2003)	-	2	1	1
Linguistic fractionalization	Shaheen, 2015	-	1	1	1
Linguistic fractionalization	Shaheen, 2015 (Official Language, Two variables are included for the language dimension. The country's official language and language fractionalization. Source: Alesina et al, 2003)	2	2	-	-
Linguistic fractionalization	Shaheen, 2015	1	1	2	-
Religious differences	Fox, 2004 (MAR data)	-	-	2	-
Religious differences	Shaheen, 2015 (Ethnic and religious fractionalization is a measure of how the population is fractionalized. Source: Fearon and Laitin, 2003)	-	-	1	1
Religious differences	Shaheen, 2015	-	-	3	-
Ethnolinguistic heterogeneity	Cincotta and Weber, 2021 (Continuous variable: Index of ethnolinguistic fractionalization, ELF(1), indicating heterogeneity in terms of major world linguistic groups. Source: Desmet et al, 2011)	1	-	-	-
Ethnolinguistic heterogeneity	Cincotta and Weber, 2021	1	-	-	-
Religion + 1 * separatism	Fox, 2004	2	-	-	-
Goal: reversal of ethnic order	Bessinger, 2022	-	1	-	-
Goal: reversal of ethnic order	Bessinger, 2022	-	-	1	-
Goal: reversal of ethnic order	Bessinger, 2022	-	-	5	-
Goal: Islamist	Bessinger, 2022	-	1	-	-
Mountainous terrain	Wimmer, Andreas et al., 2009 (Fearon and Laitin's, 2003)	2	2	-	-
Mountainous terrain	Wimmer, Andreas et al., 2009	3	2	1	-

Продолжение таблицы Б.4

1	2	3	4	5	6
Mountainous terrain	Shaheen, 2015 (The proportion of a country's terrain that is mountainous)	2	-	1	-
Mountainous terrain	Shaheen, 2015	2	-	1	-
No Access to the Sea	Shaheen, 2015 (Access to the sea)	-	-	2	-
No Access to the Sea	Shaheen, 2015	-	-	1	2

Источник: составлено автором.

Таблица Б.5 - Эффект диффузии

ФАКТОР	Источник	S P	I P	I N	S N
Diffusion	Albrecht Koehler 2020 (number of revolutionary situations within the same world region in the last 3 years)	3	-	-	-
Diffusion	Keller, 2012 (the percentage of neighbors within a 500 km radius with revolutionary events)	1 4	1	-	-
Diffusion	Fox, 2004 (Diffusion of rebellion in 1990–95 is the highest incidence of rebellion by kindred groups living anywhere, MAR dataset)	-	2	-	-
Diffusion	Fox, 2004 (is the mean level of rebellion in the group's region during the given period, MAR dataset)	-	2	-	-
Diffusion	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (regional contagion)	-	-	-	-
Diffusion	Gleditsch, Rivera, 2017 (define states as neighbors if within 500 km of their outer boundaries, using the Cshapes historical maps (see Weidmann, Kuse, and Gleditsch 2010))	5	-	-	-
Diffusion	Gleditsch, Rivera, 2017 (campaigns in other states, irrespective of geographic location)	2	1	-	-
Diffusion	Keller, 2012 (neighbors democratic* polity)	-	-	-	1
1989 - эффект диффузии/революционной волны 1989 г.	Gleditsch, Rivera, 2017 (a dummy variable for this year)	-	1	-	-
1989 - эффект диффузии/революционной волны 1989 г.	Keller, 2012 (dummy variable for all Soviet Union clients in 1989)	1	-	-	-
Africa 1990–92	Keller, 2012 (dummy for African states in 1990–1992 - the end of the cold war)	-	1	-	-
percentage of democratic neighbors	Keller, 2012 (percentage of democratic neighbors)	1	-	-	-
neighbors democratic* polity	Keller, 2012 (neighbors democratic* polity)	-	-	-	1
Post–Cold War	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Interaction between post–Cold War and election year)	-	-	-	-

Продолжение таблицы Б.5

1	2	3	4	5	6
Post–Cold War	Bessinger, 2022 (Post–Cold War era)	3	3	1	-
Part of transnational revolutionary wave	Bessinger, 2022	1	1	-	-

Источник: составлено автором.

Таблица Б.6 - Эффект инерции

ФАКТОР	Источник	S P	I P	I N	S N
1	2	3	4	5	6
Stability Years	Butcher, Svensson, 2016 (NonViol Stability Years)	-	3	1	-
Stability Years	Butcher, Svensson, 2016	-	1	2	-
Stability Years	Gleditsch, Rivera, 2017 (Nonviolent campaign in neighbor)	-	-	1 2	-
Stability Years	Keller, 2012	-	-	6	-
Stability Years	Keller, 2012	-	6	-	-
Stability Years	Keller, 2012	-	-	6	-
Stability Years	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (Ln time at peace +1)	-	-	4	-
Stability Years	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (Ln time w/o NVC + 1)	-	-	1	1
Stability Years	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (Ln time w/o UCDP CW + 1)	-	-	-	1
Stability Years	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (Ln time w/o ethnic CW + 1)	-	-	-	1

Продолжение таблицы Б.6

1	2	3	4	5	6
Stability Years	Dahl, Gates, Gleditsch, González, 2021 (Ln time w/o non-ethnic CW + 1)	-	-	-	1
0 conflicts during the prior four-year period	Cincotta and Weber, 2021	-	-	-	4
1 or 2 conflicts during the prior four-year period	Cincotta and Weber, 2021	3	-	-	2
3 or 4 conflicts during the prior four-year period	Cincotta and Weber, 2021	5	-	-	-
Crisis	Albrecht Koehler 2020 (if in the six years prior to a revolutionary situation)	-	-	6	-
Prior campaigns	Albrecht Koehler 2020 (NAVCO 2.0 data)	2	-	-	-
Prior protests	Albrecht Koehler 2020 (NAVCO 2.0 data)	2	-	-	-
Duration of regime	Gleditsch, Rivera, 2017 (Ln time at regime)	-	1 2	-	-
Duration of regime	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Years since most recent regime change, logged)	-	-	-	-
Magnitude of change on the polity scale	Butcher, Svensson, 2016 (magnitude of change on the polity scale in the preceding three years)	4	-	-	-
Magnitude of change on the polity scale	Butcher, Svensson, 2016	3	-	-	-
Magnitude of change on the polity scale	Butcher, Svensson, 2016	4	-	-	-
Magnitude of change on the polity scale	Butcher, Svensson, 2016	3	-	-	-
Incumbent duration	Albrecht, Koehler 2020 (Incumbent duration)	4	-	-	-
Incumbent duration	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Leader's years in office, logged)	-	-	-	-

Продолжение таблицы Б.6

1	2	3	4	5	6
Incumbent duration	Beissinger, 2022 (Years incumbent leader in power)	1 0	2	-	-
Age of incumbent leader	Bessinger, 2022	1	-	-	-
Year of onset	Bessinger, 2022	-	1	-	-
No. of previous rev. events	Keller, 2012	7	7	-	-
Organizational learning	Chenoweth, Ulfelder, 2017	-	-	-	-
Organizational capacity	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (Sum of strikes, logged)	-	-	-	-
Elite instability	Chenoweth, Ulfelder, 2017 (number of successful and failed coup attempts in the previous five years)	-	-	-	-
Period of political reform	Bessinger, 2022	-	1	-	-
Electoral revolution	Bessinger, 2022	-	1	-	-
Occurred during or in wake of foreign war	Bessinger, 2022	-	1	-	-
NonViolStabilityYears2	Butcher, Svensson, 2016	-	1	3	-
NonViolStabilityYears2	Butcher, Svensson, 2016	-	2	1	-
NonviolStabilityYears3	Butcher, Svensson, 2016	-	1	3	-
NonviolStabilityYears3	Butcher, Svensson, 2016	-	1	2	-
ViolStabilityYears	Butcher, Svensson, 2016	-	1	3	-
ViolStabilityYears	Butcher, Svensson, 2016	-	1	2	-
ViolStabilityYears2	Butcher, Svensson, 2016	-	-	4	-
ViolStabilityYears2	Butcher, Svensson, 2016	-	-	3	-
ViolStabilityYears3	Butcher, Svensson, 2016	-	4	-	-
ViolStabilityYears3	Butcher, Svensson, 2016	-	1	2	-
NumberNonViolOnsets	Butcher, Svensson, 2016	4	-	-	-
NumberNonViolOnsets	Butcher, Svensson, 2016	-	1	2	-

Продолжение таблицы Б.6

1	2	3	4	5	6
NumberViolOnsets	Butcher, Svensson, 2016	-	-	4	-
NumberViolOnsets	Butcher, Svensson, 2016	3	-	4	-
SCADStabilityYears	Butcher, Svensson, 2016	-	1	1	2
SCADStabilityYears	Butcher, Svensson, 2016	-	-	2	1
SCADStabilityYears2	Butcher, Svensson, 2016	-	3	1	-
SCADStabilityYears2	Butcher, Svensson, 2016	-	1	2	-
SCADStabilityYears3	Butcher, Svensson, 2016	-	1	3	-
SCADStabilityYears3	Butcher, Svensson, 2016	-	-	2	1
UCDPStabilityYears	Butcher, Svensson, 2016	-	3	1	-
UCDPStabilityYears	Butcher, Svensson, 2016	-	-	3	-
UCDPStabilityYears2	Butcher, Svensson, 2016	-	1	3	-
UCDPStabilityYears2	Butcher, Svensson, 2016	-	-	3	-
UCDPStabilityYears3	Butcher, Svensson, 2016	-	3	1	-
UCDPStabilityYears3	Butcher, Svensson, 2016	-	-	3	-
NumberSCADOnsets	Butcher, Svensson, 2016	-	3	1	-
NumberUCDPOnsets	Butcher, Svensson, 2016	-	1	3	-
NumberUCDPOnsets	Butcher, Svensson, 2016	-	2	1	-
NumberNwOnsets	Butcher, Svensson, 2016	-	3	-	-
neighboring rev. events* democracy	Keller, 2012	-	-	1	-
neighboring rev* polity index	Keller, 2012	-	-	6	3
rev. events in neighboring autocracies (rev. events aut. * democracy)	Keller, 2012	3	-	-	1
rev. events in neighboring democracies (rev. events de m.* democracy)	Keller, 2012	-	2	-	-
Urban * Total deaths (deciles)	Bessinger, 2022	-	-	9	-
Urban * Civil war	Bessinger, 2022	-	-	1	-

Источник: составлено автором.